

ISSN 2949-124X

Российская история

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

*Представительные учреждения
в России и в Европе XVI–XVII вв.:
опыт сравнительной типологии*

*Современные исследователи
и преодоление концепции правового дуализма
в Российской империи*

Идея народного представительства в 1905 г.

*Старообрядцы в годы
Первой русской революции*

Мировые судьи в дореволюционной Сибири

Народный комиссариат имуществ Республики

Немцы-спецпоселенцы в Удмуртии

Обсуждаем книгу

В.А. Маклаков.

Власть и общественность на закате старой России:
воспоминания современника

МОСКВА

3 май
июнь
2024

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

В.Н. Захаров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.А. Аракчеев, А.Н. Артизов, Б.В. Базаров, В.П. Булдаков, Р.Г. Гагкуев, А.Е. Иванов, С.П. Карпов, В.В. Кондрашин, В.А. Кучкин, А.К. Левыкин, Д. Ливен, Е.А. Мельникова, С.В. Мироненко, К.В. Никифоров, Ю.А. Петров, Е.И. Пивовар, Р.Г. Пихоя, Д. Свак, А.В. Сиренов, А.К. Сорокин, В.А. Тишков, Е.А. Тюрина, У Эньюань, В.С. Христофоров, В.В. Шелохаев, А.В. Юрасов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

О.Г. Агеева, А.Л. Беглов, О.В. Большакова, О.В. Будницкий, П. Бушкович, П.Г. Гайдуков, А.А. Горский, В. Дёнингдаус, С.В. Журавлёв, В.В. Зверев, Е.Ю. Зубкова, А.А. Иванов, Д.Ю. Козлов, Н.В. Козлова, Б.И. Колоницкий, М. Крамер, В.Н. Круглов, Д.В. Лисейцев (зам. главного редактора), П.В. Лукин, А.В. Мамонов (зам. главного редактора), Л.В. Мельникова, А.П. Павлов, Д.Б. Павлов, Д.А. Редин, К.А. Соловьёв, П.Ю. Уваров, О.В. Хлевнюк

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

М.А. Новикова

Адрес редакции

117292, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел.: 8-499 723 69 10

Электронная почта: otech_ist@mail.ru; otech_ist1@mail.ru

На обложке: П.А. Нилус. На балу (1900)

Земские соборы на фоне представительных учреждений средневековой и раннемодерной Европы: опыт сравнительной типологии

Михаил Кром

**Zemsky sobors against the background
of the representative institutions of Medieval and Early Modern Europe:
an essay in comparative typology**

Mikhail Krom

(European University at Saint Petersburg, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24030018, EDN: GECJOB

Несколько лет назад в журнале «Российская история» была опубликована статья Д.В. Лисейцева под провокативным, по признанию самого автора, названием: «Почему Земский собор — не парламент?». Заняв ясную позицию по заявленному вопросу и приведя аргументы в пользу отсутствия какой-либо типологической близости между Земскими соборами и европейскими представительными учреждениями, исследователь пошёл ещё дальше, усомнившись в самой целесообразности сравнения этих столь разных, по его мнению, институтов: «Сравнивать соборы с парламентами — занятие в принципе неблагодарное, подобное сопоставлению велосипеда с ветряной мельницей»¹. Рассматривая выступление Лисейцева как приглашение к дискуссии, в предлагаемой статье я намерен обстоятельно обсудить проблему сопоставимости соборов и парламентов и на этом примере постараться продемонстрировать эвристические возможности сравнительно-типологического анализа².

В настоящее время мы наблюдаем новый этап дискуссии о Земских соборах, начавшейся спорами между западниками и славянофилами в середине XIX в. Наличие подробного историографического очерка в книге Л.В. Черепнина³ позволяет опустить здесь многие детали продолжающейся более полутора веков полемики и сосредоточить внимание на критериях, которыми руководствовались учёные, находя общие черты или, напротив, подчёркивая различия между Земскими соборами и европейскими учреждениями.

© 2024 г. М.М. Кром

¹ Лисейцев Д.В. Почему Земский собор — не парламент? // Российская история. 2020. № 4. С. 147.

² Некоторые наблюдения, развитые в этой статье, были ранее кратко сформулированы в работе: Кром М.М. Московские соборы и европейские парламенты: проблемы сравнительно-исторической типологии // Порядок и смута. Государство, общество, человек на востоке и западе Европы в Средние века и раннее Новое время: К 85-летию Владислава Дмитриевича Назарова. М., 2023. С. 194–206.

³ Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978. С. 5–47. Краткую сводку точек зрения на природу Земских соборов, включая сравнительно-исторический аспект этой проблемы, см.: Кристенсен С.О. История России XVII в. Обзор исследований и источников. М., 1989. С. 51–56.

Первую попытку рассмотреть соборы Русского государства в сравнительно-исторической перспективе предпринял Б.Н. Чичерин. Поставив соборы в один ряд с английским парламентом, французскими Генеральными штатами и сословными собраниями германских княжеств, учёный признал стадияльное сходство этих институтов: «Россия, как западные народы, проходит через период земских соборов, за которым следует полное владычество самодержавия»⁴. Однако сравнение оказалось не в пользу старинных московских учреждений. Классической страной представительных органов власти Чичерин считал Англию. Заслугу создания парламента он приписывал аристократии, сплочённой борющейся против королевского произвола: «Сила средневековых парламента основывалась на могуществе баронов», — полагал историк. «Война Роз» привела к упадку аристократии и проложила дорогу деспотизму Тюдоров. Во Франции же раздробленность страны и разобщённость сословий обусловили слабость Генеральных штатов, никогда не имевших такого значения, как английский парламент⁵. Таким образом, Чичерин видел истоки средневекового представительства во внутреннем антагонизме, в борьбе сословий (прежде всего аристократии) с королевской властью. Подобный взгляд вполне соответствовал историографии XIX в., когда Симона де Монфора прославляли как основателя английского парламента⁶. В России же, по мнению Чичерина, можно было заметить «менее внутренней борьбы, но более подчинения, нежели на Западе». В итоге монархия стала здесь «исходной точкой и вожатом всего исторического развития народной жизни», а сословное представительство не смогло выработаться. Вывод историка неутешителен: «Очевидно, что при русском общественном строе, при громадном развитии самодержавной власти, при крепостном состоянии населения, Земские соборы должны были иметь несравненно меньшее значение, нежели подобные собрания на Западе»⁷. Даже в сравнении с французскими Генеральными штатами они казались ему «крайне скудными и бесцветными».

Так вопрос о типологии Земских соборов оказался, по сути, подменён Чичериным другим вопросом — об их историческом значении. Это обстоятельство не укрылось от внимания В.И. Сергеевича, отметившего, что Чичерин, указав на «однородность наших Земских соборов с подобными же учреждениями Западной Европы» в начале соответствующей главы своей книги, ограничился этим указанием⁸. Стремясь восполнить упомянутый пробел, Сергеевич опубликовал очерк, посвящённый истории соборов в Московском государстве, сравнив их с французскими Генеральными штатами и английским парламентом за первое столетие его существования. Он обнаружил множество общих черт в условиях их возникновения, социальном составе, нерегулярности созыва (полностью зависевшего от воли монарха) и даже в используемой терминологии (ссылках на согласие «всей земли», всего государства). «Сходства этих учреждений так многосторонни, — резюмировал учёный, — что никак не могут

⁴ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1866. С. 355.

⁵ Там же. С. 245, 271, 272.

⁶ Koenigsberger H.G. Parliaments and Estates // The Origins of Modern Freedom in the West. Stanford, 1995. P. 150.

⁷ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 356, 363.

⁸ Сергеевич В.И. Земские соборы в Московском государстве // Сборник государственных знаний. Т. II. СПб., 1875. С. 3, примеч. 1.

быть приписываемы случаю, а должны быть объясняемы действием одинаких причин»⁹.

Разумеется, в рамках небольшого очерка Сергеевич смог только наметить линии сравнения соборов с аналогичными западноевропейскими институтами. Но изучение этой темы в сравнительном ключе с успехом продолжил в большой монографии, опубликованной в 1885 г., историк права В.Н. Латкин. Учёный существенно расширил круг сравниваемых явлений, поместив в книге обстоятельные очерки истории представительных учреждений не только России, Англии и Франции, но также Германии, Испании, Швеции, Венгрии. В итоге он пришёл к выводу о «поразительном сходстве» между сословными собраниями разных стран. Это сходство, по мнению Латкина, говорило о том, что представительные учреждения в России и на Западе «являются видами одного и того же рода учреждений и не составляют исключительной принадлежности какого-нибудь одного народа, а присущи всем европейским народам и вызваны к жизни одними и теми же причинами, так как ни о каких заимствованиях в данном случае не может быть и речи»¹⁰. В упрёк Латкину можно поставить некую идеализацию предмета его исследования — Земских соборов, а также преимущественное внимание к общим чертам в ущерб специфике изучаемых явлений. Более того, создаётся впечатление, что констатация сходства между ними была для автора самоцелью, и в итоге сравнение не стало способом прояснения спорных или загадочных сюжетов в истории соборов Московской Руси. Однако при всех недостатках, присущих работе Латкина, его книга и спустя почти 140 лет остаётся единственным крупным монографическим трудом по интересующей нас проблеме.

Заметным событием в историографии обсуждаемой темы стало появление в начале 1890-х гг. большого очерка В.О. Ключевского о составе представительства на соборах XVI в. Очерк посвящён Чичерину, чья книга неоднократно одобрительно цитировалась в статье. Ключевский разделял мнение коллеги о коренных различиях в происхождении представительных учреждений на Западе и в России. «Представительные собрания средневековой Западной Европы были вызваны к жизни политической борьбой и ею же воспитаны», а «соборное представительство выросло из политической почвы, мало похожей на ту, которая растила западные представительные собрания»¹¹, — под этими словами Ключевского вполне могли бы подписаться и другие историки государственной школы. Так, И.И. Дитятин писал в 1880 г.: «Являясь *представительными* учреждениями, наши земские соборы принадлежат к явлениям той же стадии развития государства, к какой относятся пресловутые *États généraux* Франции и начальные парламенты Англии, но этим их сходство в сущности и кончается. Там эти учреждения явились как результат борьбы отдельных классов феодального общества между собою и с королевской властью; здесь, в Московском государстве, *никакой* борьбы не существовало: власть царя московского объединяла вся и всё»¹².

⁹ Там же. С. 3, 4, 11–12, 14, 23, 25.

¹⁰ Латкин В.Н. Земские соборы древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб., 1885. С. 406.

¹¹ Ключевский В.О. Состав представительства на Земских соборах древней Руси // Ключевский В.О. Сочинения в 8 т. Т. VIII. М., 1959. С. 7, 14.

¹² Дитятин И.И. Роль челобитий и земских соборов в управлении Московского государства // Дитятин И.И. Статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 295.

Но Ключевский не ограничился констатацией упомянутого контраста; он дал понять читателю, что не считает плодотворным дальнейшее сравнительное изучение Земских соборов: сравнение с представительными учреждениями Европы, по его мнению, дало отрицательный результат, показав, «чем *не были* эти соборы», а чтобы понять, чем они *были*, следовало выяснить их связь «с вырвавшейся их почвой, с туземными учреждениями»¹³. Предпринятое Ключевским исследование состава представительства на соборах XVI в. как раз и являлось практической реализацией намеченной им научной программы. Результат исследования историк сформулировал в свойственной ему афористичной манере: «Собор 1566 г. был в точном смысле *совещанием правительства со своими собственными агентами*» (курсив Ключевского. — М.К.). Отсюда следовал не менее афористичный вывод о происхождении собора XVI в.: «Он родился не из политической борьбы, а из административной нужды»¹⁴.

Таким образом, к началу XX в. в изучении Земских соборов наметились две линии. Одна из них, ассоциируемая с именами Чичерина и Ключевского, исходила из представления о кардинальных различиях между соборным представительством на Руси и его аналогами на Западе. Устами Ключевского это направление рекомендовало историкам исследовать деятельность соборов в местном контексте, на «туземной почве», без оглядки на европейские образцы. Другую линию наметили труды Сергеевича и Латкина, подчёркивавшие общность русских и европейских представительных учреждений. В начале XX в. это направление поддержал Н.П. Павлов-Сильванский. В книге «Феодализм в древней Руси» (1907) он писал: «По своему составу и по отношениям к верховной власти, по своим правам или, вернее, бесправию земский собор безусловно представляет собой учреждение, тождественное западноевропейским представительным собраниям средних веков»¹⁵.

Новый этап в изучении Земских соборов начался в 1950-х гг., уже в рамках советской историографии. На этот раз учёным удалось достичь временного консенсуса по вопросу о соотношении соборов и европейских представительных учреждений: и те и другие считались теперь институтами сословно-представительной монархии. Историк права С.В. Юшков, наиболее отчётливо сформулировавший концепцию сословно-представительной монархии в ходе дискуссии 1949–1951 гг., считал её переходной политической формой на пути от раннефеодальной к абсолютной монархии. По его мнению, указанная форма монархии существовала в Русском государстве с середины XVI до середины XVII в. и характеризовалась созданием сословно-представительных органов в центре (Земский собор) и на местах (система земского и губного самоуправления). Юшков утверждал даже (не приводя, впрочем, убедительных аргументов), будто царская власть в тот период была ограничена Боярской думой и Земским собором¹⁶.

Как показал М.А. Бойцов, понятие «сословно-представительная монархия» было заимствовано из работ русских медиевистов начала XX в. (прежде всего

¹³ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 14, 23.

¹⁴ Там же. С. 49, 110.

¹⁵ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в древней Руси // Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 135.

¹⁶ Юшков С.В. К вопросу о политических формах Русского феодального государства до XIX века // Вопросы истории. 1950. № 1. С. 72–73, 83, 85, 87; Юшков С.В. К вопросу о сословно-представительной монархии в России // Советское государство и право. 1950. № 10. С. 46, 48.

Н.И. Кареева); оно внесло немалую путаницу в представления советских учёных о феномене средневекового представительства. Термин «сословия», использованный Кареевым для передачи средневековых категорий *ordines*, *Stände*, *états*, в условиях поздней Российской империи имел чёткие коннотации и отсылал к большим социальным группам (дворянам, духовенству, городским и сельским обывателям), на которые официально делилось население. Между тем указанные средневековые понятия, как разъясняет Бойцов, отражали совсем другие представления об устройстве общества. Латинское слово *ordo*, как и немецкое *Stand*, обозначало социальный ранг или «чин», вне зависимости от того, сколько человек являлись его носителями. В Германской империи понятие *Stand* использовалось в отношении любого индивидуального субъекта права: князя, графа, аббата, вольного города (но не горожан!). Более того, в ряде монархий (Англии, Франции, Речи Посполитой) король считался первым *ordo* королевства. Поэтому представлять средневековые «сословия» в виде больших социальных групп наподобие марксистских «классов» было большой ошибкой. Не менее ошибочно понимание «сословного представительства» как защиты представителями сословий в парламенте своих групповых интересов. На самом деле, как подчёркивает Бойцов, смысл представительства, каков бы ни был состав соответствующего выборного органа, заключался в представлении интересов *всей страны*¹⁷.

Для историков-русистов понятие сословно-представительной монархии в смысле, вложенном в этот термин Юшковым и его последователями, порождало дополнительные сложности, поскольку применительно к середине XVI в., когда, как считается, был созван первый Земский собор, трудно разглядеть какую-либо политическую активность сословий, не говоря уже о мифическом ограничении царской власти со стороны собора или Боярской думы. И тем не менее на протяжении сорока лет, до начала 1990-х гг., концепция сословно-представительной монархии оставалась незыблемой доктриной советской историографии.

Вышедшая в 1958 г. статья академика М.Н. Тихомирова — первая после долгого перерыва специальная работа, посвящённая Земским соборам, — открывалась характерной фразой: «В XVI—XVII вв. в России, как известно, действовали сословно-представительные учреждения, получившие название земских соборов» (выделено мной. — М.К.). Очевидно, вопрос о природе соборов казался академику окончательно решённым. Примечательно, что он одобритительно отозвался о книге Латкина, поставив её выше известной статьи Ключевского о составе соборного представительства¹⁸, но при этом большая часть статьи самого Тихомирова посвящена, по сути, полемике с Ключевским. Признавая правоту Латкина и считая соборы сословно-представительными учреждениями европейского типа, Тихомиров на деле продолжил «линию Ключевского», изучая соборы изолированно от их зарубежных аналогов.

Статья Тихомирова задала направление дальнейшему изучению Земских соборов в советской историографии: учёные спорили о количестве соборов, созданных в XVI в.¹⁹, публиковали документы и выясняли фактические под-

¹⁷ Бойцов М.А. Сословно-представительная монархия: ошибка в переводе? // Средние века. Т. 75. 2014. № 3–4. С. 66–78.

¹⁸ Тихомиров М.Н. Сословно-представительные учреждения (земские соборы) // Вопросы истории. 1958. № 5. С. 3, 22.

¹⁹ Павленко Н.И. К истории земских соборов XVI в. // Вопросы истории. 1968. № 5. С. 82–105.

робности заседаний некоторых соборов XVII в.²⁰. Итоги этой, несомненно полезной, работы подведены в фундаментальной монографии Л.В. Черепнина²¹. Но конкретное сравнительно-историческое изучение соборов, прерванное ещё в конце XIX в., так и не возобновилось. Между тем уже в 1970-х гг. стали появляться отклики зарубежных специалистов на выдвинутую советскими учёными концепцию Земских соборов как разновидности европейских сословно-представительных учреждений. Британский исследователь А.Р. Майерс в обзоре истории европейских парламентов и сословных собраний до 1789 г. бегло упомянул и Земские соборы в России. Сославшись на мнение «великого историка Ключевского», он охарактеризовал их заседания в XVI в. как «собрания должностных лиц», а попытку Тихомирова оспорить эту точку зрения назвал необоснованной. В годы Смуты ситуация казалась многообещающей для развития представительного правления в России, но после избрания на трон Михаила Романова роль соборов стала снижаться: по словам Майерса, в русских условиях «собор оказался растением без каких-либо прочных корней». Для понимания этой оценки Земских соборов, данной британским историком, важно учесть его убеждённость в том, что парламенты были уникальным явлением, в своей повсеместной распространённости и силе присущим только западноевропейской цивилизации. За её пределами для подобных учреждений не нашлось благоприятной почвы: «Византийская традиция богоданной власти правителя, — пишет Майерс о России, — не оставляла места для политических прав общественных классов, гарантированных законом и выраженных в избранной ассамблее с полномочиями законодательной инициативы»²². В итоге, по мнению британского учёного, Земский собор как представительное учреждение просуществовал не более полувека и, по меркам Западной Европы, выглядит не очень впечатляюще.

На это можно возразить, что далеко не все ассамблеи средневековой Европы обладали правом законодательной инициативы; не все из них имели силы противиться воле монарха и не все пережили XVII в.: некоторые представительные институты, как будет показано ниже, исчезли почти одновременно с Земскими соборами. Что же касается следа в истории, оставленного теми или иными учреждениями, то, не говоря уже о субъективности подобных оценок, они не должны заслонять ключевой вопрос всякой сравнительной истории: идёт ли речь о явлениях одного типа, или они не имеют между собой ничего общего?

С критикой советской концепции Земских соборов выступил также немецкий историк-руссист Х.-Й. Торке. Он посвятил этой проблеме главу в книге о России XVII в.²³, а позднее резюмировал свои взгляды в статье, опубликованной в 1991 г. в журнале «Вопросы истории». По мнению Торке, соборы (он предпочитает называть их «московскими собраниями») были не чем иным, как «информационными и декларативными совещаниями». При этом вывод учёного о «маловажности этого „института“, служившего только декларативным целям», вытекал из общего тезиса о несовместимости представительства

²⁰ Шумилов В.Н. Дело земского собора 1639 г. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М., 1975. С. 293–302.

²¹ Черепнин Л.В. Указ. соч.

²² Myers A.R. Parliaments and Estates in Europe to 1789. L., 1975. P. 34, 41, 46.

²³ Torke H.-J. Die staatsbedingte Gesellschaft im Moskauer Reich: Zar und Zemlja in der altrussischen Herrschaftsverfassung 1613–1689. Leiden, 1974. S. 119–215.

и самодержавия. «Сравнивая сущность “московских собраний” и западных парламентов, — полагает Торке, — не стоит идти по пути многих прежних исследователей, перечислявших внешние сходства или различия: имеются и те и другие. Вообще институционный характер соборов является слабо развитым; важно лишь соотношение сил между монархом и собранием; только это соотношение даёт ответ на вопрос о значении соборов». Замечу, что в основе подхода немецкого историка к анализу деятельности Земских соборов (как и в основе приведённого выше нелестного мнения о них Майерса) лежала уверенность в том, что отношения между монархом и представительным собранием носили антагонистический характер; сотрудничество между ними явно не вписывалось в эту схему. Неудивительно, что «покладистость» Земских соборов в России (как и Генеральных штатов во Франции) выглядела в такой перспективе как явная слабость. Торке нашёл причины этой слабости соборов в неразвитости русских сословий: посадские люди «не имели свойств западноевропейского гражданства», а служилое дворянство не обладало «настоящим сословным сознанием»; в итоге в Московской Руси не возникло сословного представительства: «это не была “сословно-представительная монархия”»²⁴.

В 1990-х гг. подобные оценки начали звучать и в самой России. В.М. Панеях солидаризировался с мнением Торке и, говоря о политическом строе Московского царства XVI в., отверг прежнюю точку зрения о сословном представительстве и сословно-представительной монархии на том основании, что сословия тогда ещё не сформировались²⁵. Ещё дальше в критике сложившейся в советские годы концепции пошёл А.П. Павлов, поставивший под сомнение тождество соборов и западноевропейских сословно-представительных учреждений. Он увидел различие в путях зарождения и развития тех и других институтов: «Становление высших сословно-представительных учреждений (парламентов) в странах Западной Европы происходило “снизу”, в процессе борьбы сословий с государством с целью завоевания политических прав и привилегий. Результатом этой борьбы было ограничение власти монарха сословиями и утверждение политического строя сословно-представительной монархии. Развитие земских соборов происходило “сверху” и было тесно связано с развитием самодержавия»²⁶.

Читая эти строки, невольно думаешь о цикличности развития отечественной историографии, ведь примерно в тех же словах писали о рождении западных парламентов в ходе борьбы сословий за свои политические права мэтры государственной школы Чичерин, Дитятин, Ключевский, и они же противопоставляли этим закалённым политической борьбой учреждениям русский Земский собор, вызванный к жизни административными потребностями самодержавного государства. Но сама идея о том, что средневековые парламенты были ареной борьбы между сословиями и монархами, отнюдь не являлась изобретением русских учёных; скорее она была общим местом либеральной историографии XIX в., и её отголоски можно обнаружить даже в трудах европейских историков второй половины XX в. (в том числе — в процитированных

²⁴ Торке Х.-Й. Так называемые земские соборы в России // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 4, 5, 7, 9.

²⁵ Панеях В.М. Русь в XV—XVII вв. Становление и эволюция власти русских царей // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 73.

²⁶ Павлов А.П. Самодержавие и земские соборы Русского государства XVI—XVII веков // Место России в Европе (Материалы международной конференции). Budapest, 1999. С. 115.

выше работах Майерса и Торке). Лишь сравнительно недавно либеральный миф о средневековом представительстве подвергся основательной ревизии.

Другим камнем преткновения для современных исследователей Земских соборов остаётся проблема сословного представительства. Характерно, что даже отказываясь видеть в соборах сословно-представительные учреждения, подобные западным, они продолжают считать таковыми европейские парламенты. Павлов пишет, ссылаясь на статью Торке, о большой роли местных сословно-представительных органов (сеймиков, ландтагов и т.д.) в развитии западноевропейского парламентаризма: «Органы сословного самоуправления на местах являлись как бы фундаментом здания сословно-представительной монархии, в то время как общегосударственные сословные собрания (парламенты) — его верхушкой»²⁷. В России, по мнению Павлова, зарождение соборов также совпадало по времени со становлением местных органов сословного самоуправления, но далее пути развития этих органов в Московском государстве и странах Западной Европы разошлись. Опричная политика Ивана Грозного привела к значительному ослаблению органов сословного самоуправления на местах; одновременно заметно усилился контроль центральной власти над уездами. Однако несмотря на упадок местного сословного самоуправления, практика созыва Земских соборов продолжилась и после опричнины. «Это обстоятельство, — полагает Павлов, — трудно объяснить, если стать на точку зрения отождествления земских соборов с сословно-представительными учреждениями (парламентами) западноевропейских стран: получается, что земские соборы как высшие сословно-представительные учреждения развивались без “корней” на местах». Здесь, конечно, уместно напомнить о том, что английский парламент, как и Земский собор в России, был единственным представительным органом в своей стране. Но этот пример явно не учтён в той воображаемой модели «европейского парламента», на которую ориентировался российский исследователь. Поэтому он сделал весьма категоричный вывод: «Факт развития земских соборов в условиях падения органов сословного самоуправления на местах ещё раз свидетельствует о принципиальном различии земских соборов и европейских парламентов. Очевидно, что земские соборы выполняли в Русском государстве иные функции, чем парламенты в странах Западной Европы»²⁸.

Сословность играет важную роль и в аргументации Д.В. Лисейцева, отрицающего, как и А.П. Павлов, типологическое сходство Земских соборов и западных представительных учреждений. По его мнению, соборы не являлись органами сословного представительства, поскольку «сословия как таковые в период деятельности Земских соборов ещё не сформировались, и посадский человек из Пскова не ощущал сословного единства с посадским из Твери или Ярославля; равным образом, дети боярские из Смоленска совсем не обязательно чувствовали сословную солидарность с казанскими детьми боярскими»²⁹. Как видим, сословия понимаются здесь именно в том специфическом смысле, о каком писал М.А. Бойцов: как большие социальные группы, которые непременно должны охватить всю страну, чтобы считаться «полностью сформировавшимися». Между тем в России XVII в., по наблюдениям Ли-

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 117–118.

²⁹ Лисейцев Д.В. Почему Земский собор — не парламент? С. 149.

сейцева, сословно-чиновные различия играли заметную роль на микроуровне, но на уровне общегосударственном важнее оказались территориальные связи. «В подобных обстоятельствах *сословное* представительство возникнуть не могло», — заключает исследователь (курсив Д.В. Лисейцева. — *М.К.*). При этом по умолчанию предполагается, что в западных ассамблеях сословные интересы были чётко представлены, и поэтому делается вывод: «Отсутствие у социальных групп российского общества XVII в. осознания собственного единства в масштабах государства обусловило, в конечном итоге, невозможность превращения Земского собора в парламент»³⁰.

Для того чтобы адекватно оценить вышеприведённые умозаключения, нужно учесть, что корректность исторического сравнения напрямую зависит от надёжности фактической основы, на которую оно опирается во всех своих частях. Но если утверждения историков-русистов о Земских соборах подкреплены рядом конкретных наблюдений, то относительно их суждений по поводу западных представительных учреждений этого сказать нельзя: большинство подобных высказываний со времён Ключевского вообще не содержат каких-либо ссылок на исследования медиевистов или специалистов по истории раннего Нового времени, а оперируют абстрактными схемами и ориентируются на некий собирательный образ европейского парламента, сконструированный на основе неясных критериев. Неудивительно поэтому, что из работы в работу повторяются устаревшие, а то и вовсе ошибочные оценки, уже не соответствующие современным научным представлениям. К числу таких сомнительных истин относится идея о якобы извечной и неизбежной оппозиционности европейских представительных органов по отношению к монархам, равно как и тезис о сословности как системообразующем принципе организации и деятельности подобных учреждений.

Между тем за почти сто лет систематического изучения феномена представительства в Европе накоплен значительный объём эмпирических наблюдений, и многие прежние взгляды подверглись ревизии. С момента создания в 1936 г. Международной комиссии по истории представительных и парламентских учреждений (ICHRPI) под эгидой этой научной ассоциации опубликовано более 100 томов — индивидуальных монографий, сборников статей и материалов конференций³¹. Помимо необозримого множества специальных работ, прослеживающих истоки парламентаризма в тех или иных странах, в распоряжении исследователей сегодня есть ряд обзорных и обобщающих трудов³².

Заслуживают внимания попытки исследователей найти обобщающий термин, способный охватить всю совокупность различных представительных органов средневековой Европы. В 1960-х гг. итальянский историк А. Маронжу предложил в качестве такого термина слово «парламент»; при этом сословные собрания он считал только разновидностью парламентских учреждений. По его наблюдениям, присутствие «сословий» — дифференцированных эле-

³⁰ Там же. С. 150.

³¹ Информация с официального сайта Международной комиссии по истории представительных и парламентских учреждений (URL: <https://ichrpi.info/studies/> (дата обращения — 6.03.2024 г.)).

³² *Marongiu A. Medieval Parliaments. A Comparative Study.* L., 1968; *Myers A.R.* Op. cit.; *Blockmans W. Representation (Since the Thirteenth Century)* // *The New Cambridge Medieval History. Vol. VII.* Cambridge, 1998. P. 29–64; *Graves M.A.R. The Parliaments of Early Modern Europe.* Harlow; L., 2001; *Zanden J.L. van, Buringh E., Bosker M. The Rise and Decline of European Parliaments* // *The Economic History Review.* Vol. 65. 2012. № 3. P. 835–861.

ментов общества, социальных организмов, развивавших коллективную идентичность и очень важные публичные функции начиная с XIV в., — не было ни изначальным, ни всеобщим, а следовательно, и обязательным для парламента. Во Франции, Испании, Сицилии, Фландрии и некоторых других странах деление на сословия внутри больших парламентских ассамблей возникло позднее, чем появились первые собрания³³.

Впоследствии бельгийский историк В. Блокманс поддержал отказ Маронжу от использования термина «сословия» (*Stände, états*) в качестве обобщающего понятия, слишком специфичного для «великого разнообразия» представительных учреждений, но и предложенный итальянским историком альтернативный термин — «парламент» — не показался Блокмансу удачным по сходным причинам, а также из-за возможной путаницы с названием французского королевского суда, тоже именовавшегося парламентом³⁴. Действительно, в позднесредневековой Западной Европе латинское слово «*parlamentum*» нередко использовалось для обозначения верховного суда: помимо Парижского парламента, упоминаемого Блокмансом, аналогичное учреждение с таким названием существовало в конце XIII — начале XV в. в Датском королевстве³⁵. Поэтому можно согласиться с бельгийским учёным в том, что выражение «представительные учреждения» лучше передаёт суть обсуждаемого явления, чем слова «сословия» или «парламенты».

Блокманс предложил также несколько вариантов типологии представительных органов средневековой Европы. Сначала он выделил пять типов представительства в зависимости от социально-экономического контекста: два из них относились преимущественно к сельскохозяйственным регионам, третий — к высоко урбанизированным областям (таким, как Фландрия, Брабант, Голландия), четвёртый — к городским лигам (вроде немецкой Ганзы), не подчинявшимся центральному правительству, и, наконец, пятый — к автономным городам, существовавшим, например, в Северной Италии³⁶. Позднее учёный существенно упростил классификацию, выделив, исходя из того, кому принадлежала инициатива созыва собраний, всего два типа представительства. Первая — монархическая модель, истоки которой обнаруживаются в расширении княжеских дворов, а легитимация основывалась на римско-канонических теориях; инициатива представительства в этой модели принадлежала монарху. Вторая — коммунальная модель, проявлявшаяся в виде спонтанных действий местных сообществ, защищавших свои коллективные интересы³⁷.

Монархическая модель была преобладающим типом представительства в средневековой и раннемодерной Европе, и именно она в первую очередь представляет для нас интерес. Говоря о взаимоотношениях королевской власти и представительных собраний, следует, прежде всего, избавиться от возникшего в XIX в. либерального мифа об извечной оппозиционности и чуть ли не революционности средневековых парламентов. Британский историк К. Рассел писал в 1982 г. о том, что недавно исследования парламентской истории стали

³³ Marongiu A. Op. cit. P. 49.

³⁴ Blockmans W. Representation... P. 32.

³⁵ Антонов В.А. Институты власти в Дании в 1000—1660 гг. // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время. М., 2011. С. 528—529.

³⁶ Blockmans W. A Typology of Representative Institutions in Late Medieval Europe // Journal of Medieval History. 1978. Vol. 4. P. 204—209.

³⁷ Blockmans W. Representation... P. 61, 63.

освобождаться от «пагубного влияния» Ш. Монтескьё с его акцентом на разделении властей; он одобрительно цитировал своего американского коллегу Р. Мейджора, специалиста по представительным учреждениям ренессансной Франции, полагавшего, что учёным «следует оставить либеральное предположение, будто короли и сословия были естественными противниками»³⁸.

Безусловно, известны случаи упорного противостояния между представительными органами и монархами, особенно характерные для урбанизированных областей вроде Брабанта, где ведóмые горожанами штаты добились в 1356 г. от герцога Венцеслава из новой Люксембургской династии утверждения хартии, вошедшей в историю под названием «Торжественное вступление» (*Joyeuse Entrée*). Этот, по сути, конституционный акт существенно ограничивал прерогативы князя, бравшего на себя обязательство заключать союзы, начинать войну, чеканить монету лишь с согласия «всей страны» (*gemeen land*)³⁹. В Вюртемберге местный ландтаг, где тон опять-таки задавали городские патриции, в 1498 г. вынудил строптивного и неумелого герцога Эберхарда Младшего покинуть страну, а после подтверждения его низложения императором Максимилианом престол передали 9-летнему племяннику прежнего герцога Ульриху, и на период его малолетства учредили регентство⁴⁰.

Однако эти яркие эпизоды не должны заслонять общей картины политической жизни Европы XIV–XV вв., характеризующейся скорее согласием между монархами и представительными органами, нежели конфликтами. Хельмут Кёнигсбергер говорит даже о «партнёрстве между королями и парламентами», в той или иной форме существовавшем по всей Европе, от Польши до Португалии и от Норвегии до Сицилии, причём в этом партнёрстве короли были сильнейшей, хотя едва ли полностью доминирующей стороной⁴¹.

Английский парламент, чьё возникновение в исторической памяти прочно ассоциируется с лидером мятежных баронов Симоном де Монфором, к концу XIII в. превратился, по словам Е.В. Гутновой, «в постоянно действующий орган центрального правительства, который созывался по инициативе самого короля». По мнению исследовательницы, «королевская власть и парламент, за исключением редких моментов, мирно сосуществовали друг с другом, проявляя полное единодушие во всех основных направлениях своей политики»⁴². Х.Г. Кёнигсбергер привёл факты тесного сотрудничества английского парламента и Короны в годы Столетней войны; описал, как французские короли добивались своих целей (прежде всего, согласия на налогообложение) в отношениях с провинциальными штатами страны, прибегая не к нажиму, а к подкупу⁴³.

XVI столетие открыло новую страницу в истории сотрудничества между представительными органами и монархами, когда английский парламент,

³⁸ Russell C.S.R. Monarchies, Wars, and Estates in England, France, and Spain, c. 1580 – c. 1640 // *Legislative Studies Quarterly*. Vol. 7. 1982. № 2. P. 206.

³⁹ Пирени А. Средневековые города Бельгии. СПб., 2001. С. 466.

⁴⁰ Carsten F.L. Princes and Parliaments in Germany from the Fifteenth to the Eighteenth Century. Oxford, 1959. P. 8–9.

⁴¹ Koenigsberger H.G. *Dominium Regale or Dominium Politicum et Regale: Monarchies and Parliaments in Early Modern Europe* // Koenigsberger H.G. *Politicians and Virtuosi: Essays in Early Modern History*. L.; Ronceverte, 1986. P. 3.

⁴² Гутнова Е.В. Возникновение английского Парламента (Из истории английского общества и государства XIII века). М., 1960. С. 562.

⁴³ Koenigsberger H.G. *Parliaments and Estates*. P. 159–160.

шведский риксдаг и ландтаги ряда германских княжеств стали послушным орудием своих государей в проведении Реформации⁴⁴. Поэтому характерное для отечественной историографии со времён государственной школы противопоставление лояльного царю Земского собора «мятежным» западным парламентам лишено серьёзных оснований.

Место представительных учреждений в монархической системе правления чётко объяснил А. Маронжу: средневековые парламенты «были не в состоянии выступать с важными инициативами и осуществлять их на практике. Чтобы делать это, они должны были бы трансформироваться в органы правительства. Но это могло бы стать возможным лишь революционным путём». Положение и почти обязанность средневековых ассамблей, продолжает Маронжу, предполагали контроль за тем, чтобы государь и его сотрудники осуществляли задачи по управлению страной с максимальной экономией. При этом «они никогда не оспаривали право государя управлять и действительно хотели дать [ему] совет и помощь»⁴⁵.

В переосмыслении нуждается и сам феномен средневекового представительства: любые аналогии с парламентаризмом Нового времени на поверку оказываются ошибочными. Выясняется, что грань между избранием и назначением депутатов, особенно на раннем этапе формирования представительных органов, была очень размытой. Известно, что в ряде случаев депутаты от духовного сословия на первые Генеральные штаты во Франции прямо назначались аббатом или приором монастыря, а условия представительства дворянства в письмах-вызовах, рассылаемых от имени короля, вообще не оговаривались; что же касается уполномоченных от городов, то значительную их часть, согласно сохранившимся документам, назначили должностные лица соответствующего города: мэр, эшевен, консул и т.д.⁴⁶ Стоит также присмотреться к составу представителей, присутствовавших на государственных ассамблеях XV–XVI вв. Как показало большое просопографическое исследование, проведённое Н. Бульстом, 84 из 269 депутатов французских Генеральных штатов 1484 г., т.е. почти одну треть, составляли королевские чиновники. Среди представителей третьего сословия эта доля оказалась ещё выше: 66 человек из 105 депутатов, т.е. 62,9%⁴⁷. Очевидно, эти добрые люди понятия не имели о принципе разделения властей (его сформулировали лишь в XVIII в.) и, вместо того чтобы самоотверженно отстаивать интересы «городского сословия» (как это представлялось советским историкам), делали карьеру на королевской службе. Та же тенденция наблюдалась и в XVI — начале XVII в.: по подсчётам Р. Мейджора, на Генеральных штатах 1576 г. королевские чиновники составляли 35,8% среди депутатов от третьего сословия, в 1588 г. их доля возросла до 43,8%, в 1593 г. — до 47,3%, а в 1614 г. достигла 49,5%⁴⁸.

Описанное явление характерно отнюдь не только для Франции: более 81% из примерно 700 рыцарей, избранных в английский парламент от графств с 1439 по 1509 г., были местными мировыми судьями; половина шерифов побывали

⁴⁴ Koenigsberger H.G., Mosse G.L., Bowler G.Q. Europe in the Sixteenth Century. Harlow, 1989. P. 289, 291; Щеглов А.Д. Реформация в Швеции: события, деятели, документы. М.; СПб., 2017.

⁴⁵ Marongiu A. Op. cit. P. 236.

⁴⁶ Хачатурян Н.А. Возникновение Генеральных штатов во Франции. М., 1976. С. 84, 88.

⁴⁷ Bulst N. Die französischen Generalstände von 1468 und 1484. Prosopographische Untersuchungen zu den Delegierten. Sigmaringen, 1992 (Beihefte der Francia, Bd. 26). S. 344.

⁴⁸ Major J.R. The Deputies to the Estates General in Renaissance France. Madison, 1960. P. 139.

членами парламента в какой-то момент своей жизни, а вообще сотни парламентариев при ближайшем рассмотрении оказались королевскими агентами по делам о выморочном имуществе, сборщиками пошлин, комендантами замков и обладателями других должностей на королевской службе⁴⁹. На этом фоне знаменитая характеристика, данная Ключевским Земскому собору 1566 г. — «совещание правительства со своими собственными агентами», — теряет налёт былой сенсационности, фиксируя отнюдь не уникальное, а вполне типичное для Европы того времени явление.

Организационная структура представительных учреждений в разных странах Европы, по-видимому, определялась представлениями о стратификации того или иного общества. Поэтому, например, кастильские кортесы, французские Генеральные штаты и ландтаги некоторых германских княжеств были трёхпалатными — по числу «главных» сословий, а арагонские кортесы состояли из четырёх палат, поскольку гранды (*ricos hombres*) заседали отдельно от дворян (*caballeros*). Четыре палаты имел и шведский риксдаг — за счёт создания отдельной курии для крестьян. В то же время средневековый шотландский парламент оставался однопалатным, и там совместно заседали прелаты, дворяне и горожане⁵⁰. В отличие от большинства континентальных ассамблей, английский парламент был организован не по сословному, а по территориальному принципу: страна мыслилась как совокупность общин, посылавших в нижнюю палату своих представителей.

Но какую бы структуру подобные собрания ни имели, все они, как отмечают многие исследователи, представляли «весь народ», всё политическое сообщество (королевство, герцогство и т.д.)⁵¹. Поэтому, когда Лисейцев пишет о Земских соборах, что «это было не сословное, а *территориальное* представительство», и что, организуя соборы, «столичные власти стремились обеспечить на них представительство не столько “чинов”, сколько “земель”»⁵², то с этими утверждениями вполне можно согласиться. Однако при этом нужно учесть, что отмеченный исследователем территориальный характер представительства вовсе не являлся уникальной особенностью Земских соборов, а был присущ многим европейским ассамблеям. Ведь, согласно удачной формулировке Бойцова, «цель монархов далёкого прошлого состояла не в том, чтобы собрать представителей трёх (или любого иного числа) “сословий”, а чтобы получить представительство *всего* королевства, княжества или *всей* “земли”»⁵³.

Осталось обсудить ещё одно «сущностное отличие» между Земскими соборами и европейскими представительными учреждениями, которое Лисейцев усматривает в большом хронологическом разрыве между временем появления одних и других⁵⁴. Но этот разрыв объясняется тем, что исследователь ограничился всего тремя примерами: английского парламента, французских Генеральных штатов и кортесов пиренейских королевств. Если же принять во внимание растянувшийся на несколько веков процесс становления представительных органов в разных частях Европы, то картина получится совсем другой. Раньше

⁴⁹ Blockmans W. Representation... P. 63.

⁵⁰ Компактный обзор композиционного устройства представительных ассамблей к концу Средневековья см.: Graves M.A.R. Op. cit. P. 25–26.

⁵¹ Marongiu A. Op. cit. P. 223, 228; Myers A.R. Op. cit. P. 26; Graves M.A.R. Op. cit. P. 160, 176.

⁵² Лисейцев Д.В. Почему Земский собор — не парламент? С. 148, 150.

⁵³ Бойцов М.А. Сословно-представительная монархия... С. 70.

⁵⁴ Лисейцев Д.В. Почему Земский собор — не парламент? С. 145.

всего ассамблеи такого рода появились на Пиренейском полуострове: датой созыва первых кортесов королевства Леон считается 1188 г., но регулярно их стали собирать в XIII в.: в начале столетия — в Кастилии, в 1220-х гг. — в Каталонии, в середине века — в Арагоне и Португалии, ещё позднее — в Валенсии⁵⁵. К концу же столетия сформировался английский парламент, а в 1302 г. впервые были созваны французские Генеральные штаты. Следующая фаза становления представительных учреждений пришлась на XIV в. и охватила Центральную Европу: в середине указанного столетия упоминаются первые ландтаги в Нижней и Верхней Баварии, в 1385 г. — в Саксонии, в 1387 г. — в Гессене⁵⁶. В 1380-х гг. появился польский сейм⁵⁷.

В XV в. наконец завершилось формирование сословных собраний в германских княжествах (первое определённое свидетельство о ландтаге в Вюртемберге относится к 1457 г.⁵⁸) и Венгрии⁵⁹, а в Скандинавии оно только началось: в Дании первый сословный съезд состоялся в 1468 г., два последующих — в 1482 и 1494 гг., но созывались такие съезды редко и даже не имели постоянного наименования (в источниках XVI в. их иногда называют государственными собраниями — ригсдагами)⁶⁰. В Швеции, хотя истоки парламентской традиции принято возводить к расширенному заседанию Государственного совета в Арбуге в январе 1435 г., куда получили приглашение представители некоторых городов⁶¹, регулярно риксдаг стал созываться только при Густаве Вазе в 1520-х гг.⁶² Нетрудно заметить, что возникновение Земских соборов в России (традиционная дата — 1549 г.) вполне вписывается в позднюю фазу указанного общеевропейского процесса.

Таким образом, там, где современные сторонники государственной школы видят «массу сущностных различий» между соборами и их европейскими аналогами⁶³, компаративист, знакомый с литературой о развитии средневекового представительства, обнаруживает вполне привычную картину. Но как убедиться в том, что многочисленные черты сходства, отмеченные ещё Сергеевичем и Латкиным, носят не случайный, а системный характер, и что типологически перед нами разные варианты одного и того же явления?

Прежде всего необходимо обратить внимание на общность происхождения сравниваемых институтов: все представительные собрания образовались из расширенного королевского совета (*curia regis*)⁶⁴. С наибольшей наглядностью это проявилось в названии одного из старейших органов такого рода — кастильских кортесов (*cortes* — букв. «дворы»), вошедшем в употребление с середины XIII в.⁶⁵ В 1150—1170-х гг. короли Леона и Кастилии регулярно приглашали на

⁵⁵ Варьяш И.И. Потестарные институты и должности в Испании в V—XV вв. // Властные институты и должности в Европе... С. 421—422; Варьяш О.И. Начала португальских кортесов // Средние века. 1995. Вып. 58. С. 39.

⁵⁶ Carsten F.L. Op. cit. P. 149, 193, 352.

⁵⁷ Historia sejmku polskiego. T.I. Do schyłku szlacheckiej Rzeczypospolitej. Warszawa, 1984. S. 14.

⁵⁸ Carsten F.L. Op. cit. P. 6.

⁵⁹ Гусарова Т.П. Потестарные институты и должности в Венгерском королевстве в XI—XVII вв. // Властные институты и должности в Европе... С. 480.

⁶⁰ Антонов В.А. Институты власти в Дании... С. 533—534.

⁶¹ История Швеции. М., 1974. С. 124.

⁶² Graves M.A.R. Op. cit. P. 103.

⁶³ Лусейцев Д.В. Почему Земский собор — не парламент? С. 145.

⁶⁴ Koenigsberger H.G. Parliaments and Estates. P. 154, 165; Graves M.A.R. Op. cit. P. 28.

⁶⁵ Blockmans W. Representation... P. 40.

расширенные заседания своей курии епископов и аббатов, графов и баронов, губернаторов провинций, а в 1188 г. на совете в Леоне впервые зафиксировано присутствие представителей городов⁶⁶. Подобным же образом постепенно происходило расширение королевского совета в Англии. Уже в ст. 14 Великой хартии вольностей (1215) предусматривался вызов королём на «общий совет королевства» архиепископов, епископов, графов и старших баронов для решения вопросов налогообложения⁶⁷; с 1254 г. на консультации по этим вопросам стали приглашаться рыцари из графств, а в 1265 г. впервые зафиксировано появление в парламенте представителей городов, но только в 1320-х гг. оно стало постоянным⁶⁸. Польский сейм вырос из Королевской рады полного состава, вокруг которой собиралась шляхта, имевшая право участия в политической жизни. Поначалу помимо шляхты на такие собрания прибывали представители городов и церковных капитулов, но их участие по ряду причин не получило продолжения⁶⁹.

Точно таким же способом, путём расширения государева совета, формировался и Земский собор, на что уже давно обратили внимание историки права: ещё М.Ф. Владимирский-Буданов писал, что «в исторической последовательности соборы Московского государства (подобно сеймам Литовско-Русского) находятся в тесном соотношении с Боярской думой в её распространённом составе»⁷⁰. Первым шагом в процессе этого расширения, по-видимому, стали совместные заседания Думы и Освященного собора, куда с какого-то момента начали приглашать служилых людей, а в 1566 г., как известно, на соборе впервые присутствовала большая группа купцов⁷¹.

Ещё одной родовой чертой средневековых ассамблей, включая и Земский собор, была их непосредственная зависимость от воли монарха, которому принадлежала исключительная прерогатива как созыва, так и роспуска подобных собраний⁷².

Наряду с общностью происхождения очень важным критерием установления типологического сходства сравниваемых институтов является полное или частичное совпадение их функций. Круг проблем, обсуждаемых представительными собраниями, был весьма широк, варьируясь от региона к региону. Среди вопросов, стоявших на повестке дня штатов Фландрии в конце XIV — начале XVI в., по подсчётам Блокманса, заметно преобладали финансы и торговля, а депутатов португальских кортесов XIV в., по наблюдениям О.И. Варьяш, более всего волновали злоупотребления королевских должностных лиц⁷³. Кортесы Леона, Кастилии и Арагона, ландтаги многих германских княжеств и представительные органы ряда других стран не раз в своей истории вовлекались в урегулирование проблем престолонаследия, включая избрание нового правителя, назначение регентства при малолетнем принце и т.д.⁷⁴ В том же ряду следует

⁶⁶ O'Callaghan J.F. The Beginnings of the Cortes of Leon-Castile // The American Historical Review. Vol. 74. 1969. № 5. P. 1504–1506, 1513–1516.

⁶⁷ Петрушевский Д.М. Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII в. М.; Челябинск, 2016. Приложение I. С. 169.

⁶⁸ Blockmans W. Representation... P. 49.

⁶⁹ Historia sejmu polskiego. T. I. S. 9.

⁷⁰ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 188.

⁷¹ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 109.

⁷² Marongiu A. Op. cit. P. 56–57.

⁷³ Blockmans W. A Typology... P. 201; Варьяш О.И. Начала португальских кортесов. С. 44.

⁷⁴ Blockmans W. Representation... P. 39–47.

упомануть и избирательные соборы 1598 и 1613 гг. в России. Оставляя в стороне дискуссионный вопрос о соблюдении в том и другом случае избирательной процедуры⁷⁵, подчеркну, что само оформление царского избрания соборными решениями находилось в русле европейской парламентской традиции.

Проблемы внешней политики становились предметом обсуждения всех без исключения европейских ассамблей: сразу вспоминаются первые Генеральные штаты, собранные французским королём Филиппом IV ради поддержки в борьбе с папой Бонифацием VIII. Аналогичную роль в России сыграл собор 1566 г., созданный Иваном IV для обсуждения вопроса о продолжении войны с Литвой. В XVII в. внешнеполитическим вопросам был посвящён целый ряд соборов: о войне с Речью Посполитой (1621), об отношениях с Крымским ханством (1639), об Азове (1642), о принятии в подданство Богдана Хмельницкого с Запорожским войском (1653) и др.⁷⁶

Очень важной функцией средневековых представительных учреждений было вотиrowание налогов⁷⁷. В России ни закон, ни традиция не требовали от царя обращаться за финансовой помощью к какому-либо выборному органу. И тем не менее в условиях разорения страны, вызванного Смутой, правительство царя Михаила Фёдоровича сочло необходимым созвать Земский собор для одобрения чрезвычайного 20-процентного налога — «пятой деньги». В литературе принято считать, что соборы в первые годы нового царствования заседали почти непрерывно и все пять запросов «пятинных денег» в 1614–1618 гг. были утверждены выборными людьми⁷⁸. Однако, как показал Лисейцев, есть документальные сведения лишь об одном таком соборе, заседавшем в феврале–марте 1616 г. и принявшем решение о взимании третьей «пятинны»; этот чрезвычайный налог принёс в казну дополнительно около 190 тыс. руб.⁷⁹ Впоследствии, когда во время Смоленской войны вновь возникла острая потребность в деньгах, правительство дважды, в 1632 и 1634 гг., прибегло к сбору «пятинны», причём соответствующие решения были оформлены как соборный приговор, однако неизвестно, присутствовали ли на этих соборах выборные люди, или дело ограничилось созывом столичных чинов⁸⁰.

Будучи расширенной версией королевского совета, ранние представительные ассамблеи унаследовали некоторые его функции и, в частности, судебную: там подавали петиции, оглашали жалобы, подтверждали привилегии и т.д. Английский парламент действовал как «Высокий суд» в первое столетие его существования; отправление правосудия было также важной функцией шотландского парламента, арагонских кортесов, польского сейма и т.д.⁸¹ Земские соборы, подобно французским Генеральным штатам или датскому сословному собранию (ригсдагу), не обладали судебными функциями. Однако с ростом самосознания разных социальных групп в первой половине XVII в. соборы стали использоваться как площадка для отстаивания коллективных интересов,

⁷⁵ *Liseytshev D. Zemsky Sobors of the Late 16th – Early 17th Century in Russia: Historiographical Stereotypes in the Reflection of Historical Sources // Studia historica: Historia moderna. 2015. Vol. 37. P. 74–77, 81–84.*

⁷⁶ *Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 106–107, 236–238, 256–260, 262–272, 327–337.*

⁷⁷ *Blockmans W. Representation... P. 48–53.*

⁷⁸ *Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 216–229.*

⁷⁹ *Liseytshev D. Zemsky Sobors of the Late 16th – Early 17th Century... P. 86–87.*

⁸⁰ *Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 245–252.*

⁸¹ *Graves M.A.R. Op. cit. P. 28.*

обличения «неправд», злоупотреблений и даже для выдвижения проектов преобразований. «Сказки» и «речи», прозвучавшие, например, на соборе 1642 г., а также челобитные, поданные властям выборными людьми в период работы «уложенного» собора 1648–1649 гг. и повлиявшие на ряд статей нового кодекса законов⁸², — всё это живо напоминает практику подачи петиций, занимавшую центральное место в работе кортесов, парламентов, ландтагов и иных представительных учреждений.

Таким образом, по происхождению, отношениям с верховной властью и функциям Земские соборы обнаруживают глубинное сходство с аналогичными институтами Европы и вполне могут считаться разновидностью монархической модели средневекового представительства. Этот вывод важен уже хотя бы потому, что он избавляет исследователей от необходимости изобретать некий особый, самобытный тип представительства, олицетворяемый Земским собором: все попытки такого рода до сих пор не увенчались успехом. Кроме того, помещая изучаемый институт в сравнительный контекст, мы получаем возможность лучше понять его природу и прояснить некоторые спорные или загадочные аспекты его истории.

К числу таких спорных проблем относится вопрос о времени зарождения Земских соборов. Принято считать, что первым из них был так называемый собор примирения 1549 г., где присутствовали бояре, церковные иерархи во главе с митрополитом, а также воеводы, дети боярские и большие дворяне⁸³. Между тем по составу участников это собрание практически ничем не отличается от описанного в летописи совещания при дворе Ивана III, состоявшегося перед походом на Новгород в 1471 г.: «И в той час князь велики розосла по братию свою, и по все епископы земли своея, и по князи, и по бояря свои, и по воеводы, и по вся воа своа. И яко же вси снидошася к нему, тогда всем възвешает мысль свою, что ити на Новьгород ратью»⁸⁴. Комментируя этот эпизод, М.А. Дьяконов ещё в 1908 г. справедливо заметил, что «совместные совещания Освященного собора и думы начинают со второй половины XV в. расширяться присоединением к ним нового составного элемента из среды служилых людей»⁸⁵. Поэтому выбор 1549 г. как начальной даты в истории Земских соборов выглядит искусственно и разрывает традицию подобных совещаний, явно восходящую к более раннему времени. Подобно представительным учреждениям других стран, соборы в России имели свою предысторию: именно так, по видимому, стоит рассматривать возникшую в XV в. практику совместных заседаний Боярской думы и Освященного собора, куда изредка приглашали воевод и некоторых столичных дворян. При этом форма (а впоследствии и название) нового совещательного органа была заимствована — на что уже обращалось внимание в литературе — из более развитой системы церковного управления⁸⁶.

Но самой большой загадкой для историков остаётся быстрый упадок Земских соборов во второй половине XVII в. Оригинальное объяснение этого явления предложил Чичерин. По его словам, «Земские соборы исчезли не

⁸² Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 260–262, 266–269, 297–302.

⁸³ Там же. С. 68–69.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. XXV. М.; Л., 1949. С. 286.

⁸⁵ Дьяконов М.А. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1908. С. 472.

⁸⁶ Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. соч. С. 189; Зимин А.А. Россия на рубеже XV–XVI столетий: (Очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 210.

вследствие сословной розни или опасений монархов, но просто вследствие внутреннего ничтожества». При этом исследователь упомянул, что деятельность соборов пресеклась одновременно с прекращением сословного представительства во многих государствах Европы: во Франции, Пруссии, Баварии, Дании, — и сделал из этого наблюдения следующий вывод: «Общность явления указывает на общность причины и на одинакий ход жизни», имея в виду, вероятно, переход от ограниченной монархии к неограниченной⁸⁷.

Причины упадка Земских соборов, лишь пунктиром намеченные в работах дореволюционных учёных, стали основными и единственными в советской историографии: указанное явление объяснялось переходом от сословно-представительной монархии к абсолютизму⁸⁸. Черепнин в своей монографии о соборах, оставаясь в рамках общепринятой парадигмы, несколько конкретизировал эту абстрактную схему, указав на то, что наступавшая новая эпоха абсолютизма требовала «более оперативных и гибких форм» решения политических вопросов по сравнению с теми, что были присущи «громоздкой» системе, связанной с соборами⁸⁹. Однако имеющиеся в литературе объяснения уже не удовлетворяют современных исследователей: Лисейцев видит основную проблему в незавершённости формирования сословий в стране, что лишало соборы необходимой социальной опоры⁹⁰.

На мой взгляд, судьба Земских соборов в России станет понятнее, если изучать её не изолированно, а в контексте эволюции того типа представительных учреждений, к которому, как я постарался показать, они принадлежали. По наблюдениям Маронжу, в середине XVI в. наметился упадок европейских представительных институтов: за исключением Англии, они уже не играли важной роли в истории своих стран, их развитие остановилось⁹¹. Кризис затронул старейшую ассамблею Европы, кастильские кортесы. После 1538 г., когда два высших сословия, гранды и духовенство, покинули собрание, там остались только представители городов. Следствием этого стала маргинализация кортесов в политической жизни королевства⁹². В XVII в. кризис представительных институтов усилился, и они стали исчезать один за другим. В 1614 г. в последний раз собрались Генеральные штаты Франции, и затем вплоть до 1789 г. о них больше не вспоминали. После 1653 г. прекратились созывы ландтага Бранденбурга, после 1664 г. — кастильских кортесов. В 1660 г. в результате абсолютистского переворота перестал существовать датский ригсдаг. В 1669 г. состоялось последнее заседание ландтага Баварии⁹³. В большинстве случаев правители официально не упраздняли представительный орган, а просто переставали его созывать. То же самое в 1680-х гг. случилось и с Земскими соборами. Будучи монархическим институтом, они активно функционировали в периоды внутренних кризисов и военных угроз, а в спокойной обстановке царская власть гораздо реже ощущала потребность в их поддержке.

⁸⁷ Чичерин Б.Н. Указ. соч. С. 380.

⁸⁸ Юшков С.В. К вопросу о сословно-представительной монархии... С. 44–45; Заозерский А.И. Земские соборы // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 366.

⁸⁹ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 370.

⁹⁰ Лисейцев Д.В. Почему Земский собор — не парламент? С. 149–150.

⁹¹ Marongiu A. Op. cit. P. 235–236.

⁹² Graves M.A.R. Op. cit. P. 73.

⁹³ Ibid. P. 116, 121, 129, 131–132.

На ту же проблему можно посмотреть не только «сверху», но и «снизу». Как справедливо заметил Блокманс, эффективность представительных органов напрямую зависела от размеров страны: чем больше была её территория, тем дольше нужно было добираться до места заседания и тем дороже обходился транспорт. Кроме того, большие расстояния препятствовали возникновению реального чувства общности на уровне королевства⁹⁴. Блокманс приводит в качестве примеров Германскую империю, Францию и Ганзейский союз, но та же проблема существовала и в России XVII в. Исходя из этого, Лисейцев не без оснований полагает, что «не пользовавшиеся популярностью в провинциях Земские соборы... легко и безболезненно отмерли, едва лишь центральная власть перестала нуждаться в них»⁹⁵.

Я рассмотрел лишь некоторые проблемы, возникающие при сравнении Земских соборов и аналогичных собраний в других странах Европы. Однако специфика Земских соборов не была должным образом раскрыта. Заслуживает внимания вопрос о том, как стало возможно формирование этого института вне сферы влияния римского и канонического права с его принципом *quod omnes tangit* («что касается всех, должно быть всеми одобрено») и вне традиции феодального права, позволявшего королю требовать от вассалов «совета и помощи» (*consilium et auxilium*). Лишь мельком затронут вопрос о влиянии на формирование Земских соборов церковной организации. Все упомянутые сюжеты нуждаются в тщательном изучении, но это уже тема другого исследования.

⁹⁴ Blockmans W. Representation... P. 36–37.

⁹⁵ Лисейцев Д. В. Почему Земский собор — не парламент? С. 150.

Концепция правового дуализма и её преодоление в современных исследованиях Российской империи

Игорь Верняев

**The concept of legal dualism and its overcoming
in contemporary studies of the Russian Empire**

Igor Vernyaev

(Saint Petersburg State University, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24030023, EDN: GDZZXK

В последние десятилетия в имперской историографии наметился и активно развивался «правовой поворот»¹, тесно связанный с влиянием юридической антропологии и междисциплинарного направления «право и общество» на исторические исследования империй². Они характеризуются особым вниманием к правовому плюрализму в рамках империй и судебным институтам как важнейшим средствам интеграции имперского пространства.

Судебно-правовое направление исследует столкновение и взаимопроникновение различных правовых пространств и юрисдикций: общегосударственных, региональных, корпоративных, конфессиональных, этнических, сословных, локальных, общинных и проч. Изучение правовой политики в разных империях усложнило представление о самом государственном праве, которое прежде рассматривалось как преимущественно унифицированное и гомогенное. «Обычное право», в свою очередь, исследуется как колониальный конструкт, «выдуманная традиция», связанная с практиками имперского управления. С макроинституционального и нормативного подхода акцент во всё большей степени смещается на изучение судебно-правовой повседневности, на то, как люди и сообщества в реальности взаимодействуют с законом, судами разного типа, используют те или иные правовые нормы на практике. Особое внимание уделяется гибридным пространствам, местам и ситуациям (прежде всего судам, судебным процессам и средам вокруг них), где происходит реальное взаимодействие сообществ и государства, а также акторам-посредникам, обеспечивающим эти процессы (низовые чиновники, разные категории назначенных и выборных судей, поверенные, ходатаи по делам, знатоки закона и судебной процедуры, формальные и неформальные адвокаты, служащие, канцеляристы, переводчики и проч.). Формируется своего рода «этнография» смешанных зон взаимопроникновения государственных институтов и их ак-

© 2024 г. И.И. Верняев

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-18-00268 «Юстиция в системе обеспечения безопасности и процессах интеграции периферийных регионов Российской империи (XVIII – начало XX в.)», <https://rscf.ru/project/23-18-00268>.

¹ «Legal turn» – термин, предложенный немецким историком С. Кирмзе (*Kirmse S.* «Law and society» in Imperial Russia // *InterDisciplines: journal of history and sociology*. Vol. 3. 2012. № 2. P. 125).

² *Benton L.* Law and colonial cultures: legal regimes in World history, 1400–1900. N.Y., 2002; *One law for all? Western models and local practices in (post)imperial contexts* / Ed. by S. Kirmse. Frankfurt a/M; N.Y., 2012; *Legal pluralism and empires, 1500–1850* / Ed. by L. Benton, R. Ross. N.Y., 2013.

торов, с одной стороны, и разнообразных сообществ империй и их представителей — с другой. Имперский закон и обеспечивающие его общие судебные институты рассматриваются и как средство установления господства, гегемонии и иерархического порядка, и как «оружие слабых», средство обеспечения равенства и освоения государственных институтов представителями недоминирующих групп и страт.

Новые подходы в историографии «правового поворота» повлияли также на изучение «правового дуализма», под которым обычно понимается резкое различие между унифицированным, рациональным и гомогенным государственным правом империи и реализующими его современными судебными институтами и, с другой стороны, миром правовых обычаев и народных институтов разрешения конфликтов. В настоящей статье проанализированы исследования концепции правового (судебно-правового) дуализма, намечаются некоторые ключевые перспективные направления изучения динамики судебно-правового поля поздней Российской империи.

В историографии имеются существенные расхождения в оценке результатов внедрения пореформенных судебных институтов, их способности унифицировать правовое пространство империи в условиях социокультурного разнообразия населения. Одна группа исследователей отстаивает модель крайнего правового дуализма, в соответствии с которым заимствованные в Европе принципы устройства суда, судебные процедуры, правовые нормы и ценности оказались несовместимы с правовыми представлениями и традиционными судебными практиками разнообразных сообществ империи. Яркий пример — работы немецкого историка Й. Баберовски³, который исходит из того, что судебная реформа 1864 г. являлась амбициозной попыткой подчинить империю единой правовой системе и ликвидировать все сословные и этноконфессиональные партикулярные юрисдикции. Но цели абсолютно не соответствовали имперскому контексту и потому, полагает Баберовски, в основном не были достигнуты. Судебная реформа, по оценке исследователя, оказалась мертворождённой, так как не отражала ни управленческих потребностей администрации, ни чувства справедливости у большинства гетерогенного населения империи, ни особенностей его культуры.

Исключительное этническое и культурно-правовое разнообразие обусловило провал унифицированной и современной по устройству судебной системы. Местные жители бойкотировали новую юстицию, свидетельством чего стала, в частности, массовая практика лжесвидетельства и даже насильственного сопротивления. Если представители местных сообществ и обращались в пореформенные российские суды, то использовали их в своих целях, не испытывая какого-либо уважения к этому институту и транслируемым им ценностям. На Северном Кавказе, в Степном крае, Туркестане и других окраинах в пореформенный период было особенно ярко выражено существование двух параллельных судебно-правовых систем. Хотя закон предусматривал юрисдикцию российских судов по тяжким преступлениям, остальные дела оставались под юрисдикцией местных народных или шариятских судов.

³ *Baberowski J.* Autocratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt a/M, 1996. S. 339–427, 781–791; *Baberowski J.* Law, the judicial system and the legal profession // *Cambridge history of Russia*. Vol. II. Imperial Russia, 1689–1917. Cambridge, 2006. P. 344–368.

Большой ошибкой, согласно Баберовски, стало устранение в новой судебной системе традиционных элит, выполнявших роль посредников между центром и этноконфессиональными сообществами регионов империи. Реформа нарушила практики прежнего дореформенного участия местных людей в государственных, в том числе судебно-правовых, институтах, тем самым усилив дуализм. Европейская идея верховенства права и судебной унификации, резюмировал Баберовски, в условиях полиэтнической империи приводила к абсурду. Она настроила местные элиты против российской администрации, не обеспечив при этом никакой культурно-правовой гомогенизации и интеграции страны. Судебная реформа была излишне модернистской и преждевременной для подавляющего большинства населения с его преимущественно традиционалистскими социальным устройством и судебно-правовыми представлениями и практиками. В результате предпринятые радикальные преобразования стали искусственным препятствием на пути естественного и постепенного внутреннего развития страны.

Применительно к пореформенной мировой юстиции модель судебно-правового дуализма развивал американский историк Т. Пирсон⁴. Исследователь пришёл к выводу о провале мировых судов 1860–1880-х гг. в сельской местности внутренних и западных губерний. В качестве источников историк опирался по большей части на сенатские ревизии начала 1880-х гг., отзывы губернаторов и земств, материалы правительственных комиссий, мемуары судей.

Проект реформаторов предполагал создание судов по примирению сторон, выносящих решения на основе устных свидетельств, неформальной процедуры, местных обычаев и судейской совести. По факту мировая юстиция стала институтом, ориентированным на писанный закон, формальную судебную процедуру, письменные свидетельства и документы. Эта трансформация произошла, полагает Пирсон, по большей части под влиянием сенатской практики кассации приговоров и обязательного к применению судами толкования законов империи. Судей-идеалистов первой волны постепенно сменяли карьеристы, которые рассматривали эту позицию как хороший старт для продвижения по служебной лестнице. При этом, признаёт исследователь, в связи с новыми задаваемыми Сенатом стандартами судопроизводства повысился образовательный уровень мировых судей.

Формализация и бюрократизация мирового института вызвала, по мнению Пирсона, отчуждение от него как локальных элит, так и сельского простонародья. Те и другие ценили традиционное единство местной административной и судебной власти. Привычные представления крестьян о справедливости и их устоявшиеся практики правосудия были чужды навязываемым пореформенной юстицией модернистским ценностям, статутному праву и формальной процедуре. Всеобщее невежество, пассивность и бедность сельского населения также внесли свой вклад в провал мирового института вне городов. Связанное с формализацией процедур обращение сельской мировой юстиции канцеляристами, частными адвокатами, несертифицированными посредниками и ходатаями дополнительно затрудняло для сельчан доступ к правосудию, делало его более дорогим. Значимым свидетельством несоответствия мировой юстиции, её про-

⁴ *Pearson Th. Russian law and rural justice: activity and problems of the Russian justices of the peace, 1865–1889 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1984. № 32. P. 52–71; Pearson Th. Russian officialdom in crisis: autocracy and local self-government, 1861–1900. Cambridge, 1989. P. 96–99.*

цедурных практик и законодательной основы выносимых решений местным контекстам и ценностям стал, по мнению Пирсона, рост в 1870–1880-х гг. числа дел, нерешённых в течение года.

На западных окраинах империи мировые судьи не выбирались, а назначались и также оказались чужды местному полиэтноконфессиональному населению. Здесь пореформенный суд выполнял миссию государственной политики русификации. При этом мировые судьи, как правило, не знали обычаев местных сообществ и в то же время поддавались влиянию местных клик. Следовательно, и здесь мировой институт, по мнению исследователя, оказался неуспешен. В итоге, полагает Пирсон, в ходе «контрреформы» 1889 г. ликвидация во внутренних губерниях мировой юстиции везде, кроме крупных городов, имела объективные низовые основания, а не стала только результатом идеологического поворота в политике центра и межминистерского соперничества.

Следует отметить относительную ограниченность источниковой базы исследования Пирсона: он не использовал материалы самих судебных дел. При этом автор признаёт, что сенаторские ревизии, показав многие недостатки судов, всё-таки сделали вывод об их общей эффективности и востребованности. Крестьяне в их неприятии пореформенной местной юстиции характеризуются исследователем излишне обобщённо, как однородная масса, приверженная неформальному устному правосудию на основе посредничества и обычая. Не учитываются существенные изменения пореформенного периода, значительные различия как на локальном, так и на региональном уровне, множественность индивидуальных стратегий сельчан. Игнорируется неоднородность крестьянской среды, рост письменной культуры, дифференциация занятий сельского простонародья, его экономическая и социальная мобильность. Решение большей части дел по официальному законодательству, на основе формальной процедуры могло быть не только следствием воздействия «сверху», но и востребовано «снизу». Рост количества нерешённых дел в мировых судах односторонне трактуется Пирсоном как свидетельство неэффективности новой юстиции. При этом отсутствует всесторонний анализ динамики обращений в мировой суд и нагрузки, что может рассматриваться как признак востребованности и популярности судебного института. Представляется односторонней исключительно негативная оценка роста сетей посредничества и стремления местных сообществ влиять на суд. Официальная русификаторская миссия пореформенного суда на окраинах скрывала по факту более разнообразные установки. Также требуют корректировки выводы Пирсона о чуждости судей местным сообществам окраин. Они игнорируют процессы контекстуализации, регионализации и «коренизации» кадровых корпусов мировой юстиции. Не учитывают региональных различий также утверждения об абсентеизме и пассивности почётных мировых судей⁵.

⁵ Подробнее о возможности других трактовок см.: *Верняев И.И.* Адаптация мировой юстиции Российской империи на Южном Кавказе // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. № 4. С. 1240–1256; *Верняев И.И.* Мировая юстиция в Бессарабской губернии: сравнительный анализ в имперском контексте // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 63. С. 5–15; *Верняев И.И.* Профессионализация, демократизация и «коренизация» корпуса мировых судей Юго-Западного края в позднеимперской России // Былые годы. 2021. № 16. С. 1835–1848.

Среди российских историков схожую версию правового дуализма развивает А.Н. Медушевский⁶. Он исходит из того, что в России, начиная с эпохи Петра I и особенно реформ 1860-х гг., возникло и сохранялось параллельное существование «с одной стороны, особой сферы неписанного крестьянского права с его архаичными аграрными представлениями о справедливости, приоритете коллективного начала над личным, отрицанием индивидуальной собственности, а с другой — вполне рациональной системы позитивных правовых норм, которые были в значительной мере заимствованы из европейских кодексов, вполне соответствовали представлениям о гражданском обществе и частной собственности... Эти два вида права находились в жёстком противоречии между собой»⁷. Крестьянство в этой трактовке рассматривается как единое целое, существующее в пространстве традиции и «обычного права». Вариативность признаётся, но находится в пределах сфер «архаичного», «иррационального», «коллективистского». Распространение на крестьян унифицированного позитивного гражданского права, в том числе путём разработки в конце XIX — начале XX в. Гражданского уложения, могло стать ключевым механизмом модернизации традиционного общества, но так и не было реализовано.

При постулировании модели правового дуализма Медушевский не обращается к реальной практике имперских судов. В своих общих оценках, например, волостной или аналогичной сословной/этносословной юстиции как пространства либо исключительно обычного права, либо произвольного усмотрения и бесправия, исследователь опирается на отдельные мнения современников. Автор не ставит также вопрос о том, в какой мере «традиционное общинное право» является результатом государственной политики и инструментом управления. Не исследуется разнообразие гражданского оборота, судебно-правовых практик и представлений среди сельского и городского простонародья, в том числе вполне «модерных», «рациональных» и основанных на официальном праве. Не ставится вопрос о вполне традиционалистских нормативных идеологиях и практиках среди элит.

Утверждение Медушевского, что крестьянское обычное право в отношении земли во многом основано на её традиционной религиозной сакрализации, противоречит выводам Д.И. Раскина, А.В. Камкина, Т. Деннисон, И.И. Верняева⁸. Камкин, в частности, отмечал: «Правосознание северных государственных крестьян второй половины XVIII века предстаёт в виде сложного комплекса правовых знаний, взглядов, оценок и требований. Важнейшей его стороной можно признать знание норм действовавшего во второй половине XVIII века

⁶ Медушевский А.Н. Российская правовая традиция — опора или преграда? Доклад и обсуждение. М., 2014; Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII — начало XXI века. М.; Берлин, 2015.

⁷ Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ... С. 702.

⁸ Раскин Д.И. Использование законодательных актов в крестьянских челобитных середины XVIII века (Материалы к изучению общественного сознания русского крестьянства) // История СССР. 1979. № 4. С. 179–192; Камкин А.В. Правосознание государственных крестьян второй половины XVIII века (по материалам Европейского Севера) // История СССР. 1987. № 2. С. 163–173; Dennison T.K., Carus A.W. The invention of the Russian rural commune: Haxthausen and the evidence // The historical journal. Vol. 4. 2003. № 3. P. 561–582; Верняев И.И. Реформа 1861 года в торгово-промышленном селе Павлово Нижегородской губернии. Часть 1-я // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2012. Вып. 3. С. 16–41; Верняев И.И. Реформа 1861 г. в торгово-промышленном селе: село Павлово Нижегородской губернии. Часть 2-я // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2012. Вып. 4. С. 3–30.

законодательства, и прежде всего относящегося к государственной деревне. Государственным крестьянам были достаточно хорошо известны их права и обязанности; путём собственной активности были познаны правовые принципы и нормы, регулирующие торговлю, промыслы, паспортную практику, отход, процессуальные тонкости»⁹.

В отношении пореформенного периода Медушевскому возразила историк права Л.Е. Лаптева: «Говоря о правовой традиции, я не стала бы противопоставлять крестьянскую и официальную правовую культуру». Отстаивая свои интересы, крестьяне активно обращались к государственному закону и суду, приобретали землю и распоряжались ею в соответствии с общими правовыми нормами: «Росту правосознания крестьян способствовала и земская реформа 1864 г. ... Для защиты своих имущественных интересов в пореформенном суде крестьяне всем миром нанимали профессиональных юристов. Пытались организовать бесплатные юридические консультации для крестьян через земства, но правительство запретило это делать... К 1917 г. крестьянская культура была готова к правовому восприятию действительности»¹⁰.

Ярким примером современных версий дуалистических подходов в рамках историко-правовых исследований служат работы Т.В. Шатковской, посвящённые обычному праву российских крестьян¹¹. Исследовательница обобщила труды дуалистической направленности, созданные с XIX в. до современности. Природа традиционного хозяйства, семейный характер производства, общинное мировоззрение определяли особенности народных правовых представлений и практик, которые по большей части противоречили официальным законам. Общинная и общесемейная собственность, «трудовой принцип» в приобретении права на вещи и ресурсы, неразличение уголовных и гражданских дел, практики примирения, баланса и компенсации при их решении радикально расходились с принципами официальной судебной-правовой сферы и элит. Пореформенные и, в частности, мировые суды в сельской местности потерпели неудачу, так как из-за «несоответствия народных правовых воззрений о правде и справедливости законодательным положениям» остались для обывателей «казённо-чуждыми». Редкое обращение к мировой юстиции автор объясняет «консервативностью представлений крестьян о судах и отрицательной реакцией на всё новое, что несли реформы», «различием в правовых представлениях мировых судей и крестьян», непривычной для сельского простонародья процедурой и непонятным языком.

В то же время Шатковская, отчасти противореча своей общей дуалистической концепции, не могла не признать факты массового обращения крестьян в мировые суды с разнообразными исками, особенно со сложными и запутанными — в связи с внутриобщинными конфликтами, с жалобами на действия должностных лиц и на приговоры волостных судов, с делами по поземельным конфликтам и проч. Она констатирует, что женщины-крестьянки предпочитали обращение в мировой, а не «свой» волостной суд. Недостаточное знакомство с законодательством и процедурой пореформенного суда решалось кре-

⁹ Камкин А.В. Правосознание государственных крестьян... С. 172.

¹⁰ Медушевский А.Н. Российская правовая традиция... С. 91–92.

¹¹ Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века. Ростов н/Д, 2009; Шатковская Т.В. Реализация правовых представлений россиян о справедливом правосудии в процессе адаптации к институту мирового суда // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 5. С. 38–42.

ствиями путём выбора из своей среды или найма извне поверенного, хорошо знакомого с судебными порядками и законами. Исследовательница привела пример Волоколамского уезда, где в 1871–1872 гг. десятью волостными судами было рассмотрено 679 дел, а тремя мировыми за тот же период — около 1 тыс.¹² Эта статистика противоречит тезису автора о наличии радикального дуализма между крестьянским «обычно-правовым миром» и сферой официального права, реализованного в пореформенных судах.

К числу сторонников разных версий дуалистической концепции можно отнести таких исследователей, как М. Левин, С. Хьюман, А. Джоунс, С. Фрэнк, О.Г. Вронский, В.А. Томсинов, О.Е. Кутафин, Г.М. Давидян, В.Б. Безгин и др.¹³ Вместе с тем в последние десятилетия появились значимые работы, в которых критикуются крайние проявления дуалистической концепции в исследовании судебно-правовой проблематики, предлагаются её коррекция и пересмотр.

В отношении дореформенного периода большое значение имеют исследования В.А. Воропанова¹⁴. Историком охвачен и проанализирован огромный объём архивного материала, его труды стали настоящей энциклопедией дореформенного суда, в особенности восточных, юго-восточных и северных регионов Российской империи. Воропанов показал различные пути и формы взаимодействия и взаимопроникновения местных сообществ и государственных судебно-административных институтов империи XVIII — первой половины XIX в. Интенсивность этих процессов зависела от демографической ситуации, этноконфессиональной и сословной гетерогенности населения, распространения частновладельческой крепостной зависимости, экономической активности и интенсивности гражданского оборота.

Особое внимание Воропанов уделил институту сословных судебных представителей в коллегиальных институтах, созданных в ходе екатерининских реформ — магистратах и ратушах для горожан, нижних и верхних расправах и нижних земских судах для сельских обывателей. Эти коллегии включали, наряду с назначаемыми коронными судьями, выборных представителей соответствующих сословий — купцов и мещан в городах, разных категорий государственных крестьян в сельской местности. В историографии институт сословных представителей в судах рассматривался скорее как формальный и фиктивный.

¹² Шатковская Т.В. Реализация правовых представлений...

¹³ Lewin M. Customary law and Russian rural society in the post-reform era // *The Russian review*. 1985. № 44. P. 1–19; Heuman S.E. Perspectives on legal culture in pre-revolutionary Russia // *Law in revolution: contributions to the development of Soviet legal theory* / Ed. by P. Beirne. Armonk; N.Y., 1990. P. 3–16; Jones A. Late Imperial Russia. An interpretation: three visions, two cultures, one peasantry. Bern, 1997; Frank S. Crime, cultural conflict and justice in rural Russia, 1856–1914. Berkeley (CA); L., 1999; Вронский О.Г. Крестьянская община на рубеже XIX–XX вв.: структура управления, поземельные отношения, правопорядок. М., 1999; Томсинов В.А. Правовая культура // *Очерки русской культуры XIX века*. Т. 2. Власть и культура. М., 2000. С. 102–167; Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. Т. 4. На рубеже веков: эпоха войн и революций. М., 2003. С. 27; Давидян Г.М. Организация правосудия в Закавказье в XIX в.: судебные реформы // *Вестник Московского университета*. Сер. 11. Право. 2015. № 2. С. 76–86; Безгин В.Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М., 2017.

¹⁴ Воропанов В.А. Практика местного правосудия: государственные суды для сельских обывателей Оренбургской губернии в последней четверти XVIII — начале XIX в. // *Ab imperio*. 2002. № 3. С. 137–160; Воропанов В.А. О деятельности судебных представителей сельских сословий в уездах Русского Севера в конце XVIII века // *Генезис: исторические исследования*. 2015. № 2. С. 104–120; Воропанов В.А. Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М., 2016.

Исследование Воропанова подтверждает такую оценку, но только в отношении центральных губерний с развитым крепостничеством, доминированием в судебных и административных институтах дворянства, относительно небольшой долей лично свободных сельских обывателей и их локальной раздробленностью.

Иное положение сложилось на северной, восточной и южной периферии. Здесь лично свободное полиэтноконфессиональное население активно участвовало в новых судебных институтах в качестве членов коллегий, обращалось к ним для разрешений конфликтов и борьбы с преступлениями, осваивало и успешно использовало формальную судебную процедуру и имперское законодательство. Через работу в судебных коллегиях в качестве сословных представителей проходили сотни людей — выходцы из местных элитных групп и уважаемые в своей среде простолюдины. В поликультурных регионах судебные коллегии магистратов и расправ формировались с учётом группового представительства. Для некоторых этноконфессиональных сообществ сохранялись обособленные судебные-административные институты.

В этих коллегиях судебные сословные и этносословные представители обретали необходимый юридический и практический опыт взаимодействия с государством и законом. Многие из них перед своим избранием уже имели репутацию ходатая по делам. Или, наоборот, они обращались к этой деятельности после срока сословно-государственной службы, используя приобретённый опыт. Тем самым из этой категории людей складывался слой посредников, обеспечивавших связь между разнообразными сообществами и имперским государством. В это пространство входили и разного рода околосудебные деятели — канцеляристы, переводчики, судебные исполнители и проч. Сами коронные судьи нередко тоже «коренизировались» — назначались из числа людей, знакомых с культурой и языком местного населения, или приобретали такой опыт в ходе службы.

Наличие достаточно развитой инфраструктуры нижних судов, расширяющегося слоя посредников, значительная востребованность публичного процесса и официального судебного решения приводили к тому, что население исследованных регионов активно обращалось к новой, созданной екатерининскими реформами юстиции. На публичное рассмотрение выносились семейно-брачные дела, имущественные споры, индивидуальные и межгрупповые земельные конфликты, иски по нарушениям контрактных отношений, защите личного достоинства и проч. Участниками процессов были представители как одной локальной, этнической или этносословной группы, так и разных.

Сословные судебные институты — магистраты и расправы — при отсутствии дворянства по факту являлись общегражданскими. Активное обращение к новой государственной судебной системе для разрешения внутри- и межгрупповых конфликтов способствовало формированию общей правовой культуры, имперской интеграции разнообразных групп и категорий населения. При этом в ходе судебных процессов могли использоваться элементы конфессионального и обычного права, получающие тем самым официальную санкцию в системе имперского правового плюрализма. Внутри- и межгрупповая неоднородность требовала формирования государственных или общественно-государственных судебных институтов, усиления роли общего закона и общезначимой стандартной судебной процедуры. Конкуренция и соперничество между группами стимулировали использование институциональных ресурсов государства, возможностей участия в его учреждениях.

В целом работы Воропанова продемонстрировали важность сравнительных межрегиональных исследований. Они позволяют отказаться от поверхностной и излишне генерализирующей концепции судебно-правового дуализма. Реальная картина, как показал исследователь, значительно сложнее, она варьировалась в региональном, групповом, временном измерениях.

Историк А. Плате в своих исследованиях нижних и верхних судебных расправ на Среднем Урале в последние десятилетия XVIII в. отчасти дополняет, отчасти критикует подход Воропанова¹⁵. Она отмечает практики обращения крестьян как к обычному, так и к государственному статутному праву и приходит к выводу, что идея, заложенная в концепции правового дуализма не особенно применима на практике. Опираясь на материалы судебных дел, Плате не соглашается со слишком генерализирующим тезисом Баберовски о том, что местная коронная бюрократия и суды были якобы «инородным телом, столкнувшимся с реальностью окружающего домодерного общества». Нормы позитивного права были хорошо известны в деревне. Учитывая это, Плате считает более уместным говорить о правовом плюрализме, сочетании нескольких действующих правовых пространств, к нормам которых люди могли относительно свободно обращаться в зависимости от конкретного дела, состава его участников, контекста. Государственный суд следует понимать как необязательное предложение законодателя. «Для людей, принадлежащих к свободному сельскому населению Пермского наместничества, судебный процесс в нижней расправе был лишь одним из многих возможных способов восстановления справедливости», — констатирует исследовательница. При этом она критикует Воропанова за то, что тот преувеличил степень огосударствления суда и права, недостаточно учёл ситуацию правового плюрализма.

Особым вызовом для историков стало преодоление крайностей концепции судебно-правового дуализма в отношении пореформенного периода (после судебной реформы 1864 г.). Для многих современников казался очевидным разрыв между современной моделью суда и обычно-правовым миром русской и «инородческой» деревни. Среди работ последних лет наибольшая критика бинарной модели и альтернативные трактовки судебных преобразований представлены в работах немецкого историка С. Кирмзе¹⁶. Общая тема его исследований — взаимодействие пореформенного государства с обществом, роль новой судебной системы в интеграции имперского пространства. В качестве методологической базы используются междисциплинарные подходы с привлечением моделей, разработанных в рамках юридической антропологии, сравнительных исследований правового плюрализма в имперском и постимперском контекстах, субалтерных исследований и такого направления, как «право и общество».

Свои общие оценки Кирмзе основывает на эмпирическом исследовании пореформенной юстиции последних десятилетий XIX в. в Таврической (главным образом в Крыму) и Казанской губерниях — в прошлом фронтирных территориях, ставших частью имперского ядра, но сохранивших существен-

¹⁵ Plate A. «To judge by the letter of the law»: cases filed to peasant crown courts in the Central Urals, 1780s–90s // *Bylye Gody*. Vol. 17. 2022. № 1. P. 93–99.

¹⁶ Kirmse S. «Law and society» in Imperial Russia. P. 103–34; Kirmse S. Law and empire in late Tsarist Russia: Muslim Tatars go to court // *Slavic review*. Vol. 72. 2013. № 4. P. 778–801; Kirmse S. New courts in late Tsarist Russia. On imperial representation and Muslim participation // *Journal of modern European history*. Vol. 11. 2013. № 2. P. 243–263; Kirmse S. The lawful empire. Legal change and cultural diversity in late Tsarist Russia. Cambridge, 2019.

ную специфику и культурно-правовое своеобразие. В центре изучения — взаимодействие татарско-мусульманского населения с имперскими окружными и, в меньшей степени, мировыми судами. Для изучения этого взаимодействия на низовом уровне, в повседневном режиме и глазами его непосредственных участников привлечён широкий круг источников, включая протоколы судебных заседаний.

Исследователь приходит к выводу, что татары в качестве обвиняемых, пострадавших, свидетелей, истцов и ответчиков, присяжных заседателей, почётных судей, полицейских, легальных и нелегальных адвокатов, ходатаев по делам, переводчиков, канцеляристов и многочисленной публики в судебном зале постоянно и массово взаимодействовали с пореформенной имперской юстицией. На крымском и средневолжском материале Кирмзе исследует деятельность новых посредников, смысловое и практическое взаимопроникновение современных судебно-правовых институтов и местных татарских сообществ.

Формируемое в среде татарского населения и его соседей пореформенными судами институциональное пространство отличалось правовым плюрализмом. Кирмзе критикует сформировавшиеся в литературе XIX в. и до сих пор влиятельные в историографии представления о русской деревне как об «отдельном мире, отличном от цивилизованной России», а о нерусской деревне — вообще как о «другой вселенной»¹⁷. На примере татар Среднего Поволжья и Крыма он показывает правовую, экономическую, социальную, гендерную, культурную, профессиональную, бытовую, религиозную неоднородность сельских и городских сообществ. Они не являлись обособленными социальными системами, жизнь которых целиком определялась унифицированным сплавом обычного и исламского права. Татарские поселения, констатирует исследователь, не были монолитными сетями солидарности, где люди во всех ситуациях заступались друг за друга и отказывались сотрудничать с агентами государства. Люди могли до известной степени выбирать разные стратегии, формальные и неформальные, разрешения конфликтов и борьбы с девиацией, обращаясь к конфессиональным или сословным судам, или к официальным имперским институтам. Кирмзе отмечает, что поразительно большое количество татар как в городах, так и в сёлах при наличии выбора предпочитали общеимперские суды.

Государственный закон, легализованные формы обычного и конфессионального права, пореформенные институты имперского правосудия играли всё большую роль в повседневной жизни людей, обеспечивали относительное равенство перед законом и тем самым постепенно трансформировали страну в направлении «империи законности» (*lawful empire*). Позднеимперская Россия, констатирует Кирмзе, была полна «юридических форумов» (легальных судебных институтов разного типа) и правовой активности. Право и институты правосудия выступали не только средством управления и контроля, но и значимым ресурсом для людей и сообществ, в том числе этноконфессиональных меньшинств. С помощью этих ресурсов они разрешали конфликты внутри и вовне своей среды, боролись с преступниками, утверждали или бросали вызов существующим иерархиям, интерпретировали, выбирали и смешивали нормативные порядки, сотрудничали, противостояли и воздействовали в своих интересах на государство и его представителей.

¹⁷ Kirmse S. The lawful empire... P. 22–23.

Автор оспаривает распространённую в историографии идею о чёткой и повсеместной границе между государственным и местным пониманием закона. Понятия законности и справедливости не навязывались бескомпромиссно «сверху» и не отвергались последовательно «снизу», но развивались во взаимодействии. Проблема пореформенной юстиции заключалась не столько в столкновении правовых культур, сколько в нехватке ресурсов и инфраструктуры. Исследователь не отрицает того факта, что во многих случаях люди не доверяли государственной юстиции, но, тем не менее, постепенно осваивали, активно использовали и частично присваивали её (*used and partly appropriated*)¹⁸.

В качестве недостатка работы Кирмзе стоит отметить то, что он, анализируя пореформенные суды, сосредотачивается на их взаимодействии с одной из этноконфессиональных общин. При этом важной функцией новой позднеимперской юстиции было как раз разрешение конфликтов, поддержание правового порядка и обеспечение гражданского оборота в гетерогенных сообществах и ареалах. Процессы смещения различных групп населения обусловили переход от партикулярной к общей судебной системе. Поэтому важно исследовать пореформенную юстицию в контексте социальной, экономической и культурной гетерогенности. Можно также отметить недостаточное использование Кирмзе количественных данных о функционировании судов. Но отчасти это объясняется плохой сохранностью в архивах протоколов и иной массовой судебной документации.

Следует отдельно остановиться на работах американского историка Дж. Бёрбэнк, исследовавшей процессы взаимодействия государства и разнообразных сельских и городских сообществ на материалах волостных судов внутренних губерний и в меньшей степени — сословных и этносословных судов окраин империи¹⁹. Основанные на большом объёме архивных материалов, работы Бёрбэнк вносят большой вклад в давнюю и ещё не завершённую дискуссию об оценке сохраняющихся и после судебной реформы этносословных юрисдикций и соответствующих судов: являлись ли они в пореформенный период фактором интеграции и сближения с общегражданской судебно-правовой системой или фактором усиления партикуляризма и правового дуализма.

Исследование Бёрбэнк судебно-правовых институтов и практик основано на общем подходе к империям как системам управления разнообразием²⁰. Политику Российской империи в отношении её населения исследовательница обозначает термином «имперский режим прав» (*imperial rights regime*). В соответствии с этой управленческой моделью отдельные категории населения, выделенные по тому или иному критерию, наделялись особым групповым статусом и соответствующими партикулярными институтами, в том числе судебными. Основные линии различения — социальное положение, служебный чин, религия, этничность и регион проживания. Коллективный правовой режим групп

¹⁸ Ibid. P. 278, 282.

¹⁹ Burbank J. Russian peasants go to court: legal culture in the countryside, 1905–1917. Bloomington, 2004; Burbank J. An imperial rights regime: law and citizenship in the Russian Empire // *Kritika: explorations in Russian and Eurasian history*. Vol. 7. 2006. № 3. P. 397–431; Burbank J. Thinking like an empire: estate, law, and rights in the early twentieth century // *Russian Empire: space, people, power, 1700–1930* / Ed. by J. Burbank, M. von Hagen. Bloomington, 2007. P. 196–217; Burbank J. Rights of the ruled: legal activism in Imperial Russia // *Wisconsin international law. Journal* 29. 2011. № 2. P. 319–342.

²⁰ Burbank J., Kuper F. Empires in world history: power and the politics of difference. Princeton, 2010.

и их институты были отчасти легализацией существующих до имперского завоевания норм и практик, отчасти результатом изменений и конструирования их имперской властью при участии самих сообществ и их элит. Повседневная жизнь подданных, объём их прав и возможностей, формы семейно-брачных отношений, приобретения и передачи собственности, заключения сделок, регламент мобильности, права и обязанности в отношении государства, институты самоуправления и суда определялись припиской к сословию, вероисповеданию, легализованной этносословной группе, административной единице и проч. Согласно Бёрбэнк, режим дифференцированных групповых прав и институтов на протяжении многих десятилетий обеспечивал относительную устойчивость империи, позволял гибко администрировать разнообразие, формировал каналы взаимодействия сообществ и государства.

Применяя модель «имперского режима прав» к анализу волостных судов внутренних губерний России конца XIX — начала XX в. и проанализировав по нескольким десяткам параметров более 3,5 тыс. архивных судебных дел, Бёрбэнк пришла к выводу, что в крестьянской среде сформировалась ярко выраженная правовая культура, которая основывалась по большей части на государственном законе и формальной процедуре и в меньшей — на обычае и контекстуальном усмотрении. Крестьяне охотно, массово и публично решали спорные дела в волостном суде. В этом отношении деревня не была ни «царством обычая», ни «пространством беззакония» и самосуда, как полагали многие современники и историки. Крестьяне тесно взаимодействовали с государством, умело и прагматично использовали официальные институты. Волостная юстиция — самый массовый сословно-государственный судебный институт в дореволюционной России — находилась ближе к пореформенной мировой и общей юстиции, чем к неформальным, «традиционным» и «обычно-правовым» судебным форумам.

На окраинах империи аналогичную функцию выполняли этносословные судебные институты (инородческие, горские, сельские, народные и другие разновидности низших судов). Как показала Бёрбэнк, в позднеимперский период все типы низовых сословных и этносословных судов имели схожие черты и сближались по ряду параметров с общей пореформенной юстицией. Они были близки сельскому простонародью, доступны для него и в пространственном, и в организационно-коммуникационном отношениях. Функционировали они, как правило, в дни, свободные от сельскохозяйственных работ. Судопроизводство осуществлялось на языке местного населения. Судьи выбирались из числа местного населения, но с обязательным утверждением имперскими властями. Состав судов был коллегиальным, включая, как правило, представителей различных поселений в составе волости или аналогичной административной единицы. Это обеспечивало относительную независимость суда и его решений от неформальных соседских, родственных и патрон-клиентских сетей. Другими гарантиями правосудия являлись регламентация деятельности судов, письменная фиксация решений, возможность апелляции в вышестоящие инстанции, государственный надзор.

Что касается материального права, то в разных типах этносословных судов применялись как государственный закон, так и легализованные и частично интегрированные в имперское законодательство элементы регионального письменного, обычного и религиозного права. В отношении легализации обычая большое значение имел судебный прецедент.

Этносословные суды окраин империи аналогично волостным судам крестьян центра обеспечивали связь сообществ нерусских народов с империей, их интеграцию. Как и в случае с русскими крестьянами, не приходится говорить о непреодолимом дуализме «обычая» и «государственного закона», традиционных и современных институтов и соответствующих ценностей и поведения. Скорее речь идёт о гибридном пространстве взаимопроникновения сообществ и государства через механизм партикулярно-групповых институционально-правовых режимов. В этом пространстве формировался и новый слой посредников — низовых имперских управленцев из числа представителей местных сообществ.

Бёрбэнк сделала важный вклад в пересмотр дуалистической модели судебно-правовой сферы империи. По её мнению, «необходимо отказаться от абсолютной дихотомии между обычаями и законом, если мы хотим выйти из мира российских элит и понять подлинный легализм волостных судов»²¹. Государство и сообщества, в том числе сельские, сближались между собой, разделяли многие общие черты правовой культуры и связанных с ней моральных ценностей, в равной мере признавали важность официально утверждённых законов и легальной публичной процедуры разрешения конфликтов и наказания за нарушения норм.

Но осуществлялось это сближение главным образом не через общие унифицированные институты и законы, но через дифференцированные для каждой официальной сословной и этносословной категории. И в этой своей оценке Бёрбэнк сближается с Баберовски. Оба исследователя скептически относятся к попыткам проевропейски настроенных российских реформаторов ликвидировать групповые судебно-правовые пространства, разработать и внедрить унифицированное право и единые для всех подданных судебные учреждения. Наиболее успешным и эффективным, по их мнению, было взаимопроникновение через имперско-партикулярные, отчасти легализованные, отчасти сконструированные империей, площадки правосудия. Новые универсалистские институты оказались мало результативны, они разрушали установившиеся общественно-государственные институционально-правовые пространства и отторгались большинством населения.

Выступая в целом против дуалистической модели и генерализирующих характеристик крестьянства, Бёрбэнк в то же время использует элементы этого дуализма и неоправданного обобщения. Исследовательница не учитывает в полной мере процессы размывания сословных границ, роста разнообразия в социокультурных, правовых, экономических характеристиках русских крестьян и «иностранцев». К концу XIX в. миллионы людей перестали жить в своих сословно-территориальных «ячейках». Ускорялось формирование отношений поверх партикулярных категорий. Города, сельские территории, предприятия, рабочие посёлки, объекты транспортной инфраструктуры, торговые места, коммерческие и гражданские организации, образовательные и медицинские учреждения, армейские коллективы, стройки, прииски становились постоянными и временными местами смешанных сообществ, объединяющихся в едином территориальном, функциональном и институциональном пространстве людей с разным сословным, культурным и правовым бэкграундом. Далеко не все отдавали предпочтение «своим», обособленным институтам, в том числе судебным. Для регулирования многих быстрорастущих сфер отношений общегражданская

²¹ *Burbank J. Russian peasants go to court... P. 8.*

юстиция была безальтернативна и весьма востребована. Недостаточно учтены Бёрнбэк и процессы адаптации пореформенной системы судебных институтов к существующему разнообразию²².

«Реформаторы» во власти и среди экспертов также характеризуются Бёрнбэк слишком обобщённо — как последовательные сторонники правового монизма и полной унификации суда, однозначно негативно оценивающие опыт партикулярной имперской юстиции. На самом деле спектр мнений и оттенков был очень широк. Так, разрабатываемый в позднеимперский период дизайн местной юстиции включал различные гибридные варианты, в которых учитывалось судебное-правовое и социокультурное разнообразие²³.

Подходы Бёрнбэк во многом поддержала и развила канадская исследовательница К. Годен. Она фокусируется на отношениях между государством и деревней в контексте модернизации рубежа XIX–XX вв. Основной полигон исследования — центральные губернии. Анализ разнообразных архивных и опубликованных материалов показал, что крестьянские общества не были замкнутыми социокультурными мирами и являлись частью более широких институциональных рамок. Крестьяне активно обращались в официальные суды, взаимодействовали с административными институтами, используя при этом ресурсы имперского законодательства и государственной риторики (в том числе патерналистской — превозносящей «общинные обычаи» и необходимость их защиты). Годен сосредоточилась на ключевых «сценах» этого повседневного взаимодействия и взаимопроникновения — институтах волостного суда, старшины и писаря, сельского общества и схода, земского начальника, уездных и губернских административных структур. Через посредство этих «сцен» крестьяне влияли на государство, а государство — на крестьян.

В исследовании Годен показано, что количество крестьянских судебных дел, рассматривавшихся волостными судами и земскими начальниками, за годы функционирования этих государственных институтов выросло в разы. Современники-публицисты как консервативного, так и либерального лагерей осуждали широко распространившееся в крестьянских массах сутяжничество, стремление судиться по любому поводу в доступной инстанции, заваливать её жалобами и исками. Однако на деле это показывало массовую потребность крестьян в официальном правосудии, их знакомство с юридической процедурой, уровень доверия к государственным институтам, освоение их ресурсов и возможностей.

По подсчётам Годен, в 1904 г. количество гражданских дел в волостном суде варьировалось от 193 на 1 тыс. домохозяйств в Вятской губ. до 522 в Херсонской губ. В одной из волостей Московской губ. в 1914 г. каждый пятый взрослый крестьянин был участником гражданского судебного процесса. При этом стороны привлекали, как правило, по несколько свидетелей. Официальный суд и закон стали частью повседневного опыта большинства крестьян. В качестве причин этих процессов исследовательница называет рост влияния в деревне городской культуры, развитие грамотности, повышение мобильности, утрату доминирования старших на уровне дворохозяйства и общины и соответственно их возможности выступать в роли медиаторов конфликтов. В конце XIX — на-

²² См., например, исследование по Закавказью: *Верняев И.И.* Адаптация мировой юстиции...

²³ *Верняев И.И.* Реформа местного суда 1912 г. в имперском измерении: как строить общие институты в многосоставном обществе // Новейшая история России. Т. 8. 2018. № 4. С. 966–982.

чале XX в. деревня во всё большей степени зависела от управления извне. Если знания о контексте и обстоятельствах разнообразных конфликтов находились внутри крестьянских сообществ, то возможности и средства их разрешения — по большей части уже вне их²⁴.

Дела, инициированные крестьянами в волостном суде, могли доходить до рассмотрения Сенатом. По оценке Годен, в последнее десятилетие империи до половины всех дворохозяйств исследованных регионов вели дела в уездном съезде как апелляционной инстанции²⁵. Широко распространившаяся практика подачи в вышестоящие инстанции апелляционных и кассационных жалоб на решения волостных судов свидетельствовала о преодолении автаркии крестьянских обществ, более глубоком проникновении государства и закона на сцену деревенской жизни.

В целом Годен пересматривает распространённый среди современников и в историографии образ изолированной, однородной, пассивно-консервативной крестьянской общины. Она критикует преувеличение дихотомии государства и общины, дуалистическое видение государства как единственного и ведущего актора модернизации, а крестьян — как исключительно сопротивляющихся переменам защитников традиций. Крестьянские общины были полны внутренних различий, противоречий, конфликтов, разнообразных стратегий экономического, социального и правового поведения. Столь же неоднородно было само государство и его политика, в которой сочетались модернизационные и патерналистски-консервативные тенденции. Существенные проблемы с реализацией реформ 1889 и 1906—1914 гг. связаны не с общинной культурой крестьян, а с непоследовательностью и противоречивостью государственной политики. Так, судебно-административный институт земских начальников призван был одновременно интегрировать крестьян в государственные институты и при этом поддерживать и укреплять «общинные обычаи».

Российский исследователь И.А. Попп в своих работах по-иному преодолевает крайности концепции судебно-правового дуализма²⁶. В отличие от Бёрбэнк и Годен он делает акцент на недостатках сословного волостного суда, препятствиях, которые он создавал на пути судебно-правовой интеграции. Попп обращает внимание на растущее стремление крестьян и горнозаводского населения переносить свои споры из волостных судов в общегражданскую мировую юстицию. Свой тезис он продемонстрировал на материалах Пермской губ.

Помимо стремления к переносу дел в мировые суды (в том числе путём различных манипуляций с содержанием исков), крестьянское и горнозаводское население стало активно пользоваться возможностями апелляции и кассации решений волостных судов в вышестоящих инстанциях. При этом сами волостные суды к концу XIX в. во всё большей степени стали основывать свои решения — в том числе вследствие запроса «снизу» — на нормах официального законодательства. В регионе действовало множество «ходатаев» — знатоков государственного права и судебных процедур, которые выступали в роли

²⁴ *Gaudin C.* Ruling peasants: village and state in late Imperial Russia. DeKalb, 2007. P. 85—131, 207.

²⁵ *Ibid.* P. 111.

²⁶ *Понн И.А.* Мировой суд в Пермской губернии. Екатеринбург, 2011; *Понн И.А.* «Безусловные похвалы, высказанные... в отношении волостных судов... сделаны людьми, смотревшими на дело с одной только теоретической стороны»: власть и местное судопроизводство в России во второй половине XIX века // Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение. М., 2021. С. 196—222.

посредников, соединительного звена между деревенским и поселковым простонародьем и государственными судебными-административными институтами. Основные проблемы мировой юстиции исследователь видит скорее в недостаточной развитости её инфраструктуры, материального и кадрового обеспечения.

Существенный вклад в пересмотр концепции судебного-правового дуализма внесла американская исследовательница Дж. Нойбергер. Она сосредотачивает своё внимание на мировой юстиции в крупнейших городах Российской империи — главным образом в Санкт-Петербурге, Москве и Одессе, используя в качестве источников материалы судебных процессов, данные статистики и отчётов, многочисленные хроники судебных дел в городской прессе и публицистике²⁷. Исследовательница доказывает, что проектируемый реформаторами образ мирового судьи как своего рода «местного Соломона» — избранного уважаемого человека, хорошо знающего локальный социальный и культурный контекст, — не нашёл воплощения в практике городского правосудия. Но это не означало неуспех здесь мировой юстиции. Напротив, мировой суд был крайне востребован и популярен среди разных слоёв горожан, в том числе рабочих, строителей, ремесленников и их учеников, извозчиков, служащих разного ранга, прислуги, подёнщиков, сезонных крестьян-отходников и проч.

Вопреки первоначальным расчётам, практически сразу после введения в рассматриваемых крупных городах новой юстиции дела решались преимущественно в соответствии с формальной процедурой и через обращение к статутному праву, а не путём медиации, примирения сторон и опоры на «естественное» чувство справедливости и локальный обычай. Причин такого несоответствия первоначальной модели мирового правосудия несколько, но основная заключалась не столько в давлении Сената (как полагал Т. Пирсон), сколько в том, что большинством участников судебных процессов был востребован именно государственный закон с его легитимностью, имиджем процедурной и смысловой определённости, универсальности, чёткости, относительной независимости от контекста. Горожане искали защиты суда и особенно ценили создаваемое верховенством закона формальное равенство участников процесса с разным социальным и экономическим статусом²⁸. Исключительно востребована была публичность суда, которая позволяла вынести конфликт на общественную и официальную сцену. Поэтому судебные формальности, процедурная строгость и даже некоторая театральность суда были важны для участников процессов, ценились, а вовсе не отторгались ими. Даже те, кто находился в невыгодном положении перед законом, часто предпочитали его менее предсказуемым формам судебного разбирательства.

Сотни тысяч горожан, констатирует Нойбергер, относительно легко адаптировались к официальной правовой культуре: «Да, судебная реформа была делом государства, но она была многими принята без всякого сопротивления и даже

²⁷ *Neuberger J. Popular legal cultures: the St. Petersburg mirovoi sud // Russia's great reforms, 1855–1881 / Ed. by B. Eklof, J. Bushnell, L. Zakharova. Bloomington, 1994. P. 231–246; Neuberger J. Between statute and custom: mediation, the justice of the peace, and popular legal culture in Imperial Russia. Conference on judicial reform in Russia, 1864–1995. Toronto, 1995. P. 1–23; Neuberger J. «Shysters» or public servants: uncertified lawyers and legal aid for the poor in late Imperial Russia // Russian history / Histoire Russe. Vol. 23. 1996. № 1–4. P. 295–310; Neuberger J. When the word was the deed: workers vs employers before the justices of the peace // Workers and the intelligentsia in late Imperial Russia: realities, representations, reflections / Ed. by R.E. Zelnik. Berkeley (CA), 1999. P. 292–308.*

²⁸ *Neuberger J. Between statute and custom... P. 18.*

с большим воодушевлением. Мировая юстиция смогла удовлетворить массовое народное желание институционализированного правосудия. Множество людей приняли и признали власть мировых судов и закон, который они применяли и внедряли. Даже в отсутствие неформальности мировой суд процветал: в течение XX в. число дел в мировом суде росло быстрее, чем численность населения. Официальная правовая культура, возможно, существенно глубже укоренилась в позднеимперском городском обществе, чем мы привыкли думать»²⁹. Российские реформаторы «недооценили способность русского народа как понимать закон, так и манипулировать им... К концу XIX в. повседневная городская жизнь — коммерческая, гражданская и уголовная — регулировалась законом, и регулировалась относительно хорошо», — резюмирует Нойбергер³⁰.

Отдельное внимание исследовательница уделяет частным поверенным (адвокатам), несертифицированным поверенным, разного рода ходатаям по делам, судебным представителям и т.п. При относительной недоступности официальных адвокатов огромная сеть неформальных посредников помогала простым горожанам и сельчанам прибегать к ресурсу государственного правосудия. Тем самым неграмотность участников процессов, незнание законодательства и деталей формальной процедуры компенсировались развитым, доступным и относительно качественным посредничеством. Как отмечает Нойбергер, «большинство из простолюдинов, кто обращался в мировой суд, искали там прежде всего юридических решений, основанных скорее на статутном праве, чем на медиации. Массовое обращение людей к нелегальным адвокатам свидетельствует об их нужде именно в правовой информации, а не просто в здравом смысле и “естественной справедливости”, как предполагали реформаторы. Это также говорит об относительной удовлетворённости этим сервисом»³¹.

Убедительно продемонстрировав отсутствие жёсткого правового дуализма в городской среде, исследовательница в то же время воспроизвела в своих публикациях некоторые клише относительно полного провала мировой юстиции в сельской местности. Так, она несколько искусственно провела линию разделения между городом и деревней в части соотношения закона и обычая, статутного права и «естественной справедливости», правовой универсальности и социально-бытовой контекстуальности, формальной судебной процедуры и неформального посредничества в поисках примирения.

Американский историк У. Вагнер исследовал один из важнейших институциональных механизмов взаимодействия сообществ и государства в части изменения и выработки норм гражданского права. В центре внимания исследователя — деятельность Гражданского департамента Сената как кассационной судебной инстанции и института адаптации имперского законодательства к меняющимся социальным и экономическим реалиям пореформенного периода³².

²⁹ *Neuberger J. Popular legal cultures...* P. 240–241.

³⁰ *Neuberger J. Between statute and custom...* P. III.

³¹ *Neuberger J. «Shysters» or public servants...* P. 310.

³² *Wagner W. The Civil cassation department of the Senate as an instrument of progressive reform in post-emancipation Russia: the case of property and inheritance law // Slavic review. Vol. 42. 1983. № 1. P. 36–59; Wagner W. Family law, the rule of law, and liberalism in late Imperial Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1995. H. 4. S. 519–535; Wagner W. Civil law, individual rights, and judicial activism in late Imperial Russia // Reforming justice in Russia, 1864–1996: power, culture, and the limits of legal order / Ed. by P. Solomon. N.Y., 1997. P. 29–44.*

Вагнер исходит из того, что граница между государством и обществом была гораздо более проницаемой и интерактивной, чем обычно изображалось как современниками, так и впоследствии историками и этнографами. Дуалистическая концепция правовой культуры, по мнению Вагнера, преуменьшает различия внутри групп, представляет их полностью гомогенными. В результате степень, в которой элитные социальные группы усвоили идеал законности, преувеличивается, а разнообразные вариации вовлечённости крестьянства и городских низов в общий гражданский правопорядок, в практики обращения к закону на различных форумах по разрешению споров, как правило, теряются. Исследователь выдвигает обоснованные возражения против мнения об отсутствии общественного интереса к закону и его обсуждению, о неспособности понять важность статутного права, а также о неадекватности судов, созданных в результате судебной реформы 1864 г.

Современники и историки зачастую недооценивали масштабы правовых изменений, произошедших за несколько десятилетий после судебной реформы. В отношении семейного, имущественного и наследственного права новая судебная система доказала свою способность не только определять общие правовые нормы и применять их разумно и единообразно к конкретным делам, но и творчески адаптировать закон к изменяющимся условиям и взглядам. Новые суды, констатирует Вагнер, расширили сферу правового регулирования и увеличили обращение к закону как со стороны общества, так и государства.

Автор констатирует, что Правительствующий Сенат обладал такими полномочиями в области судебного правотворчества, которые были уникальными и для России, и для континентальных европейских правовых систем. Он давал однозначные толкования гражданского права и оказывал огромное влияние на решения судов низшей инстанции. В частности, Гражданский кассационный департамент смог адаптировать существующее законодательство о семье и браке, собственности, наследовании, имущественном статусе женщин, а также другие области гражданского права в соответствии с меняющимися потребностями и жизненными условиями российского общества. Объединённая в интегрированную систему, новая юстиция позволяла людям и сообществам через систему судов, силой решений Кассационного департамента Сената путём дополнения, коррекции и новой интерпретации существующих законов институционализировать, легализовать формирующиеся массовые практики и интересы.

Ещё до принятия соответствующих законодательных актов в 1910-х гг. Сенат разработал и ввёл в практику новые нормы, сократившие значимость родовой собственности, усилившие роль индивидуальной собственности и права собственника ею распоряжаться (в том числе в роли завещателя). Решения Кассационного департамента поддерживали статус нуклеарной семьи. Вопреки общим установкам канонического и статутного права, фактически легализовалась практика раздельного проживания супругов, что имело большое значение для защиты прав женщин. Решения высшего суда империи отвечали требованиям всё более широких кругов населения и помогали адаптировать законодательство к меняющимся социальным и экономическим условиям. Они становились обязательными как для нижестоящих судов, так и для административных властей. Эти новые сенатские нормы распространялись в том числе на крестьянские волостные суды, которые активно использовали их при рассмотрении гражданских дел.

Вагнер предполагает, что об адекватности нормотворческой деятельности Сената меняющимся общественным реалиям и признании широкими слоями населения пореформенной юстиции как эффективного средства разрешения споров и защиты личных прав и собственности можно судить, в частности, по тому, что число гражданских дел в судах быстро росло. Кроме того, такой рост знакомил всё большее количество людей с идеями, заложенными как в процессы, так и в решения новых судов.

* * *

Подведём итоги дискуссии о судебно-правовом дуализме. Сторонники этой концепции, верно отмечая неоднородность имперского судебно-правового пространства, допускают неоправданные обобщения. Сельскому и городскому простонародью и в центре, и на окраинах приписывается однозначная приверженность неформальному разрешению конфликтов на основе обычая и устного посредничества, неприятие судебных институтов эпохи модерна, формальной судебной процедуры, письменной правовой культуры. Пореформенные суды описываются как чуждые, непонятные ни в языковом, ни в смысловом планах. Судьи на окраинах империи характеризуются как отчуждённые от местного населения исполнители политики русификации и культурно-правовой ассимиляции. Судебная реформа 1864 г. усилила разобщённость государственных институтов и большинства сообществ империи, нарушила сформировавшиеся элементы дореформенной партикуляристской инклюзии. Разросшееся формальное и неформальное посредничество между сельскими и городскими обывателями и пореформенными органами юстиции оценивается скорее негативно.

Ревизионистская литература, как правило, основана на значительно более широкой источниковой базе. Преимущественно это массовый архивный материал судебных процессов, позволяющий выявить объём, динамику и спектр дел, состав участников, типы исков, аргументацию и поведение сторон, варианты и основания приговоров. Эти исследования продемонстрировали быстрораствующее взаимодействие сельского и городского простонародья центра и окраин с пореформенной юстицией и, шире, с государственными институтами. Происходило интенсивное освоение процедурных правил, приёмов письменной и устной коммуникации с судебным и административным аппаратом, повышалась готовность оспаривать решения низовых инстанций в вышестоящих. Показан не столько дуализм, сколько разнообразие нормативных порядков, к которым обращались как участники процессов, так и судебные и административные инстанции. Исследователи этого направления предпочитают говорить не о противостоящих друг другу целостных культурно-правовых мирах, а о совокупности пересекающихся нормативно-институциональных пространств разрешения конфликтов и поддержания порядка. Скорее позитивно оценивается растущая посредническая среда, помогающая взаимодействию людей и государственных институтов, расширению пространства новой правовой культуры.

В этой литературе доказывается отсутствие принципиальной противоположности общей, мировой и сословной/этносословной юстиции. Обращается внимание на тенденции их сближения в части усиления значимости статутного права и формальной судебной процедуры. Показано, что в позднеимперский период обозначилась и отчасти реализовалась модель соподчинённости низших партикулярных (сословных, этносословных) и местных общегражданских су-

дов. Признана значимость новых пореформенных судов как площадок взаимодействия массовых сообществ и имперского государства.

В развитие этого подхода намечу перспективы. Помимо исследования взаимодействия в судебно-правовой сфере государственных институтов и отдельных этноконфессиональных/этносословных групп необходимо обратить внимание на процессы смешения сообществ, институтов, мест. Именно эти процессы во многом определили востребованность общегражданской юстиции и усиления государственной инфраструктуры разрешения конфликтов, повысили функциональность и ценность закона, формальной судебной процедуры. Сами сословные, этносословные, этнические, локальные сообщества становились всё более неоднородными, дифференцируясь по типу мобильности, экономической активности, социальной стратификации, участия в гражданских сделках в своей общине и за её пределами, степени взаимодействия с государственными учреждениями, востребованности в тех или иных отношениях статутного права и др. Если элитные страты в рамках локальных, региональных, этноконфессиональных групп могли быть заинтересованы в сохранении групповой обособленности, судебно-правовых институтов под собственным контролем («дуализма»), то многие представители подчинённых слоёв, напротив, стремились к более активному взаимодействию с общегражданскими институтами, обращались к ресурсам имперского статутного законодательства, которые в большей степени обеспечивали их права и усиливали позиции во внутриобщинных конфликтах.

Необходимо дальнейшее исследование форм и направлений «укоренения» пореформенных институтов в тех или иных локальных, региональных, этноконфессиональных и поликультурных средах. Оно шло по пути стабилизации региональных судебных корпусов, насыщения их местными людьми, получившими соответствующую профессиональную и практическую подготовку, адаптации присланных судей к местному социокультурному контексту. Следует обратить внимание на разницу взглядов в среде судебного корпуса на выполняемую миссию, отношения с местным населением, его культурой и правовыми привычками. Заслуживает особого внимания институт почётных мировых судей, который на окраинах имел существенно бóльшую значимость и действовал активнее, чем в центральных губерниях. Далеко не исчерпана тематика изучения видов и форм посредничества. Необходима детальная «этнография» судебных канцелярий, разного рода служащих при судах, околосудебной среды ходатаев, процессуальных посредников, формальных и неформальных адвокатов, переводчиков и проч. На смену прежним имперским посредникам дореформенного периода из числа местных элит приходили представители широких кругов населения. Через более тесное взаимодействие со структурами государства выходцы из средних и низших слоёв получали более широкие возможности для социальной мобильности и повышения своего статуса.

Перспективным представляется изучение формальных и неформальных институциональных, смысловых, коммуникационных, правовых связей и взаимодействия общегражданских судов и этнических, сословных, конфессиональных судебных и судебно-административных институций, а также неформальных форумов правосудия. Отказ от негибкой дуалистической концепции не означает отказа от детального исследования правового и судебного разнообразия. Оно подразумевает изучение роли, взаимодействия и взаимовлияния различных правовых полей — имперского, регионального, обычного, конфессионального

права, представлений о «естественной» справедливости — в реальных судебных процессах, в зависимости от места, контекста, участников, сложившейся судебной практики в том или ином округе.

С целью оценки востребованности пореформенной юстиции следует провести тщательный сравнительный межрегиональный анализ динамики судебной активности. Особенно важна численность гражданских судебных дел, инициированных самими участниками процессов. Как показывают предварительные исследования, картина может очень разниться в зависимости от регионов и местностей. Это позволит отказаться от неоправданных обобщений, которые допускались в исследовательских работах, созданных в духе концепции правового дуализма. Для изучения взаимодействия сообществ и имперских институтов необходимо радикально расширить источниковую базу: активнее привлекать материалы судебных процессов, служебных биографий судей, обращений представителей местных сообществ в органы государственной власти относительно судов и судей, очень детальные, как показывают архивные изыскания, материалы ревизий местных имперских судов.

В.А. Маклаков.

Власть и общественность на закате старой России: воспоминания современника.

Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) — один из наиболее крупных и влиятельных деятелей и мемуаристов русской эмиграции «первой волны»¹. Его воспоминания, публиковавшиеся с конца 1920-х до середины 1950-х гг.,² сразу же привлекли к себе внимание сначала современников, а затем и исследователей «заката» Российской империи. Их воздействие на отечественную и зарубежную историографию не вызывает сомнения. Причём связано оно не только с заметной ролью мемуариста в политической жизни России начала XX в., но и с его широкими обобщениями и яркими характеристиками людей и событий. Ёмкие, а иногда хлёсткие маклаковские фразы охотно цитировались. И едва ли не наибольшим успехом пользовалась книга «Власть и общественность на закате старой России», являющаяся центральным произведением в мемуарном наследии Маклакова. Собранная в 1936 г. из переработанных журнальных очерков, превратившихся в главы последовательного и цельного повествования, она впоследствии дополнялась воспоминаниями о 1906–1907 гг. и подробностями жизни автора. Но именно в ней представления Маклакова о взаимоотношениях самодержавия и «освободительного движения» впервые приобрели законченный и развёрнутый вид. Поэтому можно лишь удивляться тому, что до 2023 г. эта известнейшая книга, в отличие от остальных³, ни разу (!) не выходила в России.

Это досадное недоразумение устранил старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН кандидат исторических наук С.В. Куликов, многие годы изучающий внутреннюю политику самодержавия конца XIX — начала XX в.⁴. До этого он уже опубликовал ряд ценнейших мемуарных памятников, без которых не обойдётся ни один исследователь политической

¹ Подробнее о нём см.: Будницкий О.В. Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 13–26; № 3. С. 64–81; Будницкий О.В. Василий Алексеевич Маклаков // Российские либералы. Сборник статей. М., 2001; Дедков Н.И. Консервативный либерализм Василия Маклакова. М., 2005; Соловьёв К.А. Маклаков Василий Алексеевич // Российский либерализм середины XVIII — начала XX в. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 550–554.

² В конце 1920-х — середине 1930-х гг. они печатались в журнале «Современные записки» (кн. 34, 36, 38, 40–44, 46–48, 50–51, 53–54, 56–58, 60). Отдельными изданиями вышли: Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Т. 1–3. Париж, 1936; Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. Париж, 1939; Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. Париж, [1942]; Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.

³ См., в частности: Маклаков В.А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006; Маклаков В.А. Первая Государственная дума: воспоминания современника. 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006; Маклаков В.А. Вторая Государственная дума: воспоминания современника. 20 февраля — 2 июня 1907 г. М., 2006.

⁴ См., в частности: Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004.

борьбы в Российской империи в последние десятилетия её существования⁵. Теперь подготовленное опытным публикатором первое научное издание воспоминаний В.А. Маклакова⁶ придаёт им новую жизнь и служит хорошим поводом для того, чтобы вернуться к критическому осмыслению созданных мемуаристом концепций и образов.

В обсуждении книги приняли участие доктор исторических наук Д.А. Андреев, Ф.А. Гайда, А.С. Минаков и кандидаты исторических наук М.Г. Алмазов и А.В. Мамонов.

Материал подготовлен А.В. Мамоновым

Андрей Минаков: Власть и общество позднеимперской России в оценках В.А. Маклакова

Andrey Minakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): State power and society of Late Imperial Russia in the assessments of V.A. Maklakov

DOI: 10.31857/S2949124X24030032, EDN: GDWTCF

Василий Алексеевич Маклаков — блистательный адвокат и интеллектуал, признанный лидер правого крыла кадетской партии, а позднее — российской эмиграции в Париже, — принадлежал к числу фигур, влиявших на развитие общественной жизни России начала XX в. В 1928 г., приступая к работе над воспоминаниями о долгой и насыщенной событиями жизни, он сообщал Б.А. Бахметеву: «Писать буду исключительно для русских, по-русски, но зато с полной откровенностью»⁷.

Мемуарное наследие Маклакова, как и его не менее интересная переписка, хорошо известны историкам⁸. Поэтому научное издание наиболее крупной его части, впервые вышедшей тремя выпусками в 1936 г. как приложение к парижскому еженедельнику «Иллюстрированная Россия», — значимое событие в историографии. Подготовивший его С.В. Куликов дополнил авторский текст обстоятельными комментариями (с. 512–698), аннотированным указателем имён и предисловием, освещающим ключевые вехи пройденного Маклаковым пути, а также обстоятельства появления и публикации его труда, основанного

⁵ Лопухин В.Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / Отв. ред. С.В. Куликов. М., 2008; Покровский Н.Н. Последний в Мариинском дворце: воспоминания министра иностранных дел / Сост. С.В. Куликов. М., 2015; Барк П.Л. Воспоминания последнего министра финансов Российской империи. 1914–1917. В 2 т. / Публ. С.В. Куликова. М., 2017; Шаховской В.Н. Так проходит мирская слава. 1893–1917 / Публ. С.В. Куликова. М., 2019. Подробнее об этих публикациях см.: Российская история. 2017. № 4. С. 196–204; 2020. № 5. С. 220–225.

⁶ Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России: воспоминания современника / Публ. С.В. Куликова. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 744 с.

⁷ «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. Т. 3 / Публ. О.В. Будницкого. М., 2002. С. 413.

⁸ Маклаков В.А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике. 1880–1917. М., 2006; Маклаков В.А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля — 8 июля 1906 г. М., 2006; Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля — 2 июня 1907 г. М., 2006; «Совершенно лично и доверительно!» Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3 т. / Публ. О.В. Будницкого. М., 2001–2002; Спор о России. В.А. Маклаков — В.В. Шульгин. Переписка. 1919–1939 / Публ. О.В. Будницкого. М., 2012.

не только на личных впечатлениях, но и на многочисленных документах самого разного характера.

Юность Маклакова пришлась на царствование Александра III, когда бывшие «крепостники» уже «поняли пользу “новых порядков”», сложившихся в 1860-е гг., а «в обществе наступило отрезвление и успокоение», и оно «стало гораздо способнее к реальной и полезной работе». Между тем советники императора совершили «глубокое преступление перед Россией», направив его политику «не на исправление, а на уничтожение Великих реформ, на борьбу с принципами, на которых они были построены» (с. 43–45).

На личностное и профессиональное становление Маклакова сильно повлияло знакомство с европейским опытом. Посетив в 1889 г. Всемирную выставку в Париже, он проникся глубокой симпатией к общественному устройству Франции и впоследствии ежегодно проводил Пасху и Рождество в её столице. Молодому франкофилу и поклоннику идей 1789 г. «хотелось перенести к нам эти порядки» (с. 111). В целом он, видимо, никогда не сомневался в том, что в пореформенные годы «России было нужно проходить стадию естественной капиталистической эволюции... по проторенным путям, по которым раньше победоносно пошли европейские демократии» (с. 35–36).

Серьёзным испытанием зрелости русской общественности стал голод 1891–1892 гг., показавший уязвимость казавшейся эффективной самодержавной системы. На этом фоне «началась первая борьба представителей общества с “властью”». Тогда «с её обличениями выступили» даже «те, полная лояльность которых была вне всяких сомнений» (гр. В.А. Бобринский, Д.Ф. Самарин). «И власть вдруг сдала», — с удивлением отмечал мемуарист. Именно так интерпретировались правительственные меры, направленные на устранение катастрофических последствий недорода⁹. По словам автора, «самое главное: была разрешена частная инициатива для помощи голодающим». При этом Маклаков признаёт: «Бедствие было так громадно, что вся общественная помощь была каплей в море в сравнении с тем, что было нужно; государство могло дать и дало для борьбы с голодом бесконечно больше, чем общество». Но для него «важно, что этим разрешением государство отклоняло энергию общества от борьбы с властью на борьбу с голодом». Василий Алексеевич называет это «умной политикой», в результате которой, «если бы она везде проводилась... общество организовалось бы для содействия, сотрудничества с властью, а не для одного сопротивления». Однако шанс был упущен, поскольку «если власть поняла, что в данную минуту и на таком деле надо сделать уступку, то она совсем не хотела, чтобы это стало *переменой политики*; при первой возможности все уступки были взяты назад» (с. 128–129). Между тем «тогдашняя общественность» руководствовалась чисто моральными соображениями и, в отличие от 1914–1916 гг., ещё не пыталась «соревноваться» с правительством. Вот «только власть этого не захотела ни понять, ни оценить, ни использовать» (с. 129–130).

Вместе с тем, по свидетельству мемуариста, работавшие в начале 1890-х гг. в деревне «рассказывали как о курьёзе, что все голодающие твёрдо убеждены, что деньги на помощь голодающим даны царём, что общественные работники

⁹ Подробнее о них см.: Robbins R.G. *Famine in Russia, 1891–1892*. N.Y.; L., 1975. P. 176; Степанов В.Л. Министр финансов И.А. Вышнеградский и голод 1891–1892 гг. // Российская история. 2023. № 5. С. 47–69.

были присланы им и что поэтому своей работой они служили только его прославлению». Уже позднее пришло осознание того, что «это была та незнакомая интеллигенции народная психология, которую она неожиданно открывала при соприкосновении с настоящим народом» (с. 130). Таковым считались прежде всего крестьяне, униженные и неравноправные, но упорно ожидавшие от верховной власти новых наделов, так как, по их представлениям, «земля их бывших помещиков должна им перейти потому, что когда-то помещики ими сами владели. Это казалось для них нормальным окончанием старых крепостных отношений» (с. 200). Со своей стороны, Маклаков признавал, что «это настроение крестьянства было опасно не для самодержавия, а для всего государства», и «для борьбы с ним нужны были решительные, но отнюдь не репрессивные и не революционные меры». Более того, «исторический долг либерализма был их предложить». Однако в начале XX в. редакция журнала «Освобождение», для которой «главным фронтом была тогда война с самодержавием», напротив, поощряла и разжигала ожидания грядущего передела собственности (с. 201).

«Опасность» мемуарист усматривал и в «*общем* настроении рабочего класса» (с. 176). При этом ему казалось, что «рабочий вопрос должен был разрешаться прежде всего самостоятельностью и организацией рабочего класса. Государство должно было только ему помогать... Когда перед рабочими открыты пути защищать свои интересы, они не мечтают о революции; этим поддерживается кровная связь рабочих с государством. Это школа, которая лучше полицейской силы удерживает от беспорядков» (с. 178). Но в России на рубеже XIX–XX вв., «выступая в роли всемогущего устроителя жизни, государство брало на себя ответственность за всё, чем рабочие могли быть недовольны. Оно претензии рабочих против хозяев благодаря этому окрашивало “политическим цветом”; рабочего вопроса оно не разрешило, но защиту рабочими своих интересов против хозяев превратило в борьбу против *власти*» (с. 179). И если «правительство, стараясь оградить рабочую среду от всякой политической агитации и мешая поэтому *легальным* влияниям, само создало на фабриках фактическую монополию *подпольной* социал-демократической пропаганды» (с. 179), то либеральная оппозиция не решилась «противопоставить свой идеал правового порядка идеалу социал-демократии», не желая «рисковать расколом в освободительном лагере» (с. 181).

На протяжении всей книги Маклаков вписывает свои размышления в биографический контекст повествования. Но в центре его внимания всегда остаётся трагедия «освободительного движения» и его ответственность за судьбу страны при политической отсталости населения, не подготовленного к восприятию демократических и гражданских свобод.

Маклаков знал настроения земских либералов как секретарь и архивариус кружка «Беседа», воплощавшего «молодость русской либеральной общественности». В этом элитарном клубе, не имевшем широкой опоры в обществе, «не было ни следа демагогии или искания популярности». Его участники «думали и говорили о “пользе” народа, а не о “воле народа”». Созданная ими организация «не упрощала вопросов, не старалась бросать лозунгов, соблазнительных для “народа”» (с. 261). Атмосфера «Беседы» импонировала Маклакову, с детства усвоившему достоинство высшего общества, не испытывавшему комплекса вины перед народными массами и полагавшему, что им надо помогать, но не уступать своё место и тем более не следовать за их предрассудками. Рано осознал он и одну из ключевых проблем всех демократических режимов —

подавление малоразвитым большинством более культурного и образованного меньшинства¹⁰.

В земстве Маклаков видел единственную часть оппозиции, имевшую хоть какой-то управленческий опыт и способную стать зрелым партнёром правительства (с. 145–146, 386–387). Он мечтал о компромиссе — о том, чтобы власть дала конституцию и тем самым обеспечила бы себе поддержку общества. Однако в начале царствования Николай II «без всякой необходимости вместо ожидаемого развития либеральных реформ» заявил «о несовместимости самодержавия с простым участием земства в государственном управлении; он признал, что враги самодержавия не в революционной, а в лояльной земской среде» (с. 153). А в 1905–1906 гг. уже «настроение общества... сорвало ту комбинацию, которая могла бы поставить Россию на прочные рельсы, — примирения исторической власти с либеральной общественностью» (с. 396). Неудачные диалоги гр. С.Ю. Витте с её представителями выявили раскол между земцами и интеллигенцией и их неготовность к сотрудничеству (с. 369–385). Сетую на «политическое младенчество» земского съезда, обсуждавшего в ноябре 1905 г. условия поддержки правительства, Маклаков констатировал отсутствие шансов на гражданское согласие (с. 392–396). В итоге государство поспешило дать сразу много свобод незрелому обществу, которое, увлекаясь, выдвигало максималистские претензии, тогда как на деле «торжество либеральных идей и конституционных начал было гораздо больше связано с сохранением монархии, чем с победой революции» (с. 437).

Маклакова разочаровали действия его соратников по кадетской партии в I Думе, которые из-за наивной самоуверенности, преувеличив значение собственной победы и ослабление государственного аппарата, не сумели воспользоваться электоральным триумфом: «Поверив в свою непобедимость, они хотели конфликта». Им не удалось верно оценить силу свободного волеизъявления народа, так как это были, по сути, первые, и, как оказалось, единственные выборы, прошедшие в империи без давления властей. Результаты голосования, обеспечившие успех кадетов, наглядно «показали, что старого порядка — самодержавия — страна больше *не хочет*» (с. 461–465). Но именно поэтому, как писал Маклаков, вспоминая о I Думе, «соглашение общественности с исторической властью для либеральных реформ и стало в это время конкретной задачей либерализма и, прежде всего, той партии, которая представляла собой почти всё либеральное общество»¹¹. И если её не решили, то, риторически вопрошал мемуарист, не потому ли, что «партия была во власти *прошлого и вперёд* смотреть не умела?» (с. 463).

Впрочем, недальновидность и политическую неискущённость демонстрировали не только депутаты. В начале XX в. присяжные поверенные, защищая обвиняемых на политических судебных процессах, также вступали в схватку с властью (с. 160–164). А созданный весной 1905 г. Всероссийский союз адвокатов скорее выражал отношение к происходившим событиям, нежели формулировал корпоративные интересы. Рассказывая о том, как «профессиональный Адвокатский союз» провёл свой первый съезд, Василий Алексеевич удивлялся, «насколько собрание адвокатов, людей культурных и образованных, по профессии связанных с самыми разнообразными правовыми проблемами государства,

¹⁰ Будницкий О.В. Нетипичный Маклаков // Отечественная история. 1999. № 2. С. 14.

¹¹ Маклаков В.А. Первая Государственная дума... С. 13.

оказалось малоподготовленным к роли государственного устройства России, которую оно с такой лёгкостью брало на себя» (с. 315). Его наблюдения вполне подтверждаются современными исследованиями, указывающими на повальное увлечение профессиональными объединениями в годы Первой русской революции и «завышенные ожидания либеральной общественности, стремившейся к абсолютному освобождению публичной сферы от государственного контроля»¹². В целом мемуарист реалистично отобразил портрет русской либеральной интеллигенции, которая, по словам В.В. Шелохаева, «демонстрировала органическую неспособность к компромиссу» и «не смогла найти “общего языка” ни с властью, ни со своими идеологическими оппонентами»¹³. Как вспоминал Маклаков, «в России либеральное течение казалось обречённым быть вечною и безнадежною оппозицией. Либерализм стал, по существу, оппозиционной категорией». Конечно, «русский либерализм давно этим страдал, как профессиональной болезнью. Но “освободительное движение” все эти свойства либерализма усилило и обострило... Прежнего, знакомого типа либерального деятеля, которые бывали у власти, больше не оставалось. Освободительное течение их уничтожило и похоронило» (с. 219).

Маклаков оставил в мемуарах немало ярких портретов своих современников. В их числе министры, партийные лидеры, юристы и т.д. Автору явно импонировали сильные личности, видимо, отсутствовавшие в рядах российских либералов начала XX в. Он не раз с пиететом цитировал О. фон Бисмарка (с. 219, 265, 353, 364, 489). Подробно описано им знакомство в 1906 г. с Ж. Клемансо: «Старый якобинец, он смотрел на нас с сочувствием человека, выдавшего виды, и не прочь был умерить наш пыл. Как всегда был остроумен и блестящ, сыпал парадоксами и афоризмами, но говорил совсем не в том тоне, который можно было ожидать по его левой репутации. В нём уже обнаруживался тот реалист, который словами не увлекается и не боится смотреть правде в глаза, каким позднее он себя показал» (с. 451).

Особое внимание Маклаков уделял Витте, которого признавал выдающимся государственным деятелем, называя «последним представителем “либерального самодержавия”, каких мы видели в эпоху 1860-х годов». Для мемуариста «он олицетворял собой то, что в обречённом на гибель, разрушающем себя самодержавии ещё оставалось здорового и что могло спасти ему жизнь». Василий Алексеевич часто обращался к опубликованным воспоминаниям Витте, а также к его суждениям, звучавшим в их частных разговорах после отставки Сергея Юльевича с поста председателя Совета министров (с. 226–227, 359–362). Противоположных оценок Маклакова удостоивался В.К. Плеве, который изображён в книге не только как антипод Витте, но и как «временщик той эпохи» (с. 214) и «трагическая фигура в нашей истории» (с. 255), гонитель земства и авторитетных земских деятелей — М.А. Стаховича и Д.Н. Шипова (с. 267–268, 279), один из виновников развязывания русско-японской войны (с. 214, 255, 279). Маклаков утверждал, что «Плеве был последней ставкой агрессивного самодержавия» и его «смерть была встречена почти всеобщей радостью» (с. 281). Правда, мемуарист признаётся, что «жил в среде людей, которые не могли быть к нему беспристрастны», а сам «никогда с ним не го-

¹² См., в частности: *Туманова А.С.* Первая русская революция и провозглашение свободы союзов и собраний // *Отечественная история.* 2005. № 5. С. 44.

¹³ *Шелохаев В.В.* Либерализм в России в начале XX века. М., 2019. С. 494.

ворил». Между тем «свою политическую позицию Плеве защищал с большой энергией», «не боялся создавать себе врагов», «был и последователен», «не вилял и взглядов своих не скрывал», «бился с открытым забралом» и «не был похож на слепого фанатика», напротив, «был человек умный и трезвый». Более того, «фигура всем ненавистного Плеве была не лишена не только трагизма, но и своеобразного героизма» (с. 256–257).

На фоне таких характеристик образы вождей «освободительного движения» выглядят гораздо бледнее, тогда как их критика звучит жёстче. Чаше других при этом обличается П.Н. Милюков, выступавший против сближения кадетской партии с властью (с. 415).

В примечаниях к воспоминаниям Маклакова публикатор раскрывает упомянутые в них персоналии и географические названия, приводит пространственные выдержки из законодательных актов и документов, поясняет различные события и уточняет факты. Аннотированный именной указатель существенно облегчает пользование книгой. Однако научно-справочному аппарату порою не хватает единообразия. Так, говорится о том, что кн. Д.И. Шаховской «растрелян», А.И. Шингарёв «убит», а Д.Н. Шипов «репрессирован» большевиками, В.К. Плеве «убит 14 июля 1904 г. эсером Е.С. Сазоновым» (с. 724, 733–734). Однако об обстоятельствах смерти других жертв террора – Н.Э. Баумана, Н.И. Бобрикова, Н.П. Боголепова, Д.С. Сипягина ничего не сказано. При передаче текста, к сожалению, не исправлены некоторые опечатки во французских словах («nouvelles» вместо «nouvelles», «Place Bauveau» вместо «Place Beauvau» (с. 66, 453)).

Отдельные примечания выглядят спорно. Например, приказ Николая II «опечатать бумаги» гр. Витте после его смерти объясняется «тем, что в нём видели активного сторонника Германии и сепаратного мира с нею» (с. 579). Однако император давно интересовался личным архивом и оригиналом знаменитых мемуаров графа¹⁴. Кроме того, официальное изъятие документов, оставшихся после видных сановников, являлось в Российской империи обычной практикой (те из них, что носили сугубо частный характер, затем, как правило, возвращались). Некоторые комментарии несообразно обширны из-за почти дословного цитирования хорошо известных и легко доступных текстов, например, Манифеста 29 апреля 1881 г., обращений и резолюций общественных организаций и деятелей, статей Уголовного уложения и др. (с. 513–515, 563–564, 638–641). В целом, комментарии, занимающие почти треть книги, заметно перегружены.

Может показаться, что мемуары Маклакова рассчитаны на подготовленного читателя, легко ориентирующегося в калейдоскопе противоречивых зигзагов политической истории России рубежа XIX–XX вв. Однако великолепная авторская стилистика и логичная композиция делают их замечательным путеводителем по общественным настроениям предреволюционного времени. Они раскрывают хитросплетения и парадоксы российского либерализма, с его яркими замыслами, смелыми реформаторскими планами, полемической энергией и перманентными исканиями, сочетавшимися с иллюзорными надеждами, самообольщением, заблуждениями и отсутствием прагматизма в государственных делах.

¹⁴ Виттенберг Б.М. К истории личного архива С.Ю. Витте // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVII. Л., 1985. С. 248–254.

Дмитрий Андреев: Новое издание воспоминаний В.А. Маклакова и ревизия историографических концепций

Dmitry Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia): A new edition of V.A. Maklakov's memoirs and revision of historiographical concepts

DOI: 10.31857/S2949124X24030047, EDN: GDRXTU

Переиздание С.В. Куликовым, казалось бы, хрестоматийных воспоминаний В.А. Маклакова приобретает особую актуальность на фоне гигантского массива новых источников и фактов политической истории дореволюционной России, которые стали известны за последние десятилетия и требуют ещё осмысления и непредвзятой ревизии историографических концепций. Они помогают избавиться от иллюзий простых объяснений прошлого, восходящих порой к представлениям непосредственных участников событий. В частности, книга вновь заставляет задуматься об особенностях русского либерализма начала XX в. (включая и его правый сегмент, к которому с 1905–1906 гг. принадлежал мемуарист) и о том, что собой представляла политическая система Российской империи после издания в апреле 1906 г. новой редакции Основных законов.

Воспоминания Маклакова производят впечатление самого настоящего покаяния в собственной причастности к «освободительному движению» начала XX в. Симптоматично, что оно прозвучало практически одновременно со схожими заявлениями другого видного представителя правого кадетизма — «веховца» П.Б. Струве. На одном из эмигрантских мероприятий в середине 1930-х гг. Пётр Бернгардович экзальтированно кричал, что самодержавной власти следовало бы революционеров, всю радикальную оппозицию, «истребить без всякой жалости», а его самого — первым из них¹⁵.

Маклаков, рассказавшись в увлечениях молодости, практически до самой смерти критиковал кадетизм, доказывая, что именно его бывшие единомышленники виноваты в трагедии, произошедшей с Россией после 1917 г. Эта полемика рассмотрена во вступительной статье Куликова (с. 14–15, 19–20). Правда, ознакомившись с вышедшими в 1955 г. воспоминаниями П.Н. Миллюкова, Маклаков «поневоле» стал несколько лучше думать о прежнем товарище по партии, увидев в нём «педагога, распространителя просвещения и на редкость образованного человека, с ненасытной любознательностью, активностью». И всё же для Василия Алексеевича он так и остался «только наблюдателем со стороны, критиком, а не “деятелем”», доктринёром, не учитывавшим, что в России традиционно «порядок держался на одном повиновении власти монарха», не пожелавшим ориентироваться на «земцев и лучших из октябристов» и тем самым подготовившим дорогу большевикам¹⁶.

Но если левый либерализм был ошибочным, то каким же был правильный и созидательный? Маклаков работал над воспоминаниями с конца 1920-х до середины 1930-х гг., на фоне экономического кризиса, роста массовых радикальных движений как левого, так и правого толка, установления и укрепления авторитарных режимов в различных европейских странах. «Мы дожили теперь до эпохи, — сетовал мемуарист на первых же страницах своей книги, вышедшей в 1936 г., — когда даже те начала европейской цивилизации, о которых мы для

¹⁵ Пайнс Р. Струве: правый либерал, 1905–1944. Т. 2. М., 2001. С. 493.

¹⁶ «Права человека и империи»: В.А. Маклаков — М.А. Алданов. Переписка. 1929–1957 гг. / Сост. О.В. Будницкий. М., 2015. С. 973, 978, 981, 990.

России мечтали, в Европе потеряли своё обаяние... Необходимый социальный перелом не умеют представить в путях демократической *эволюции*. От народного представительства моральная сила отходит. Появились “диктаторы” и “вожди”. Эту новую для Европы тенденцию разделяют и те, кто защищает *старый* социальный порядок, и те, кто его хочет *разрушить*. Политические диктатуры прекрасно совмещаются с социальным новаторством. Маятник истории пошёл в обратную сторону. В силу демократии больше не верят; кризис оказался ей не по плечу. В этой атмосфере мы естественно дожили и до реабилитации *большевизма*» (с. 34). Впрочем, по мнению Маклакова, «европейский кризис в *наших* глазах не реабилитирует большевизма», который «сбил Россию с настоящей дороги и надолго разрушил в ней то, что в ней естественным путём росло ценного и здорового». Однако «теперешняя идеология фашизма и диктатур реабилитирует самодержавие», поскольку «оно защищало полноту своей власти не для себя, а для того, чтобы ею служить интересам народа, всех состояний, классов и рас, не завися от обладателей привилегий» (с. 36).

Характерно, что эта «реабилитация» была обусловлена не переоценкой ценностей вследствие приобретённого опыта, а совершенно новыми обстоятельствами, о которых в начале XX в. думать не приходилось. Причём Маклаков «реабилитировал» не самодержавие как таковое, а только ту его форму, которую оно приобрело в эпоху Великих реформ, объявленных «торжеством» данной политической системы (с. 37). Но уже «царствование Александра III оказалось роковым для России», направив её «на путь, который подготовил позднейшую катастрофу» (с. 38). В 1880-х гг. произошёл поворот к «реакции», началось «официальное гонение на шестидесятые годы» и появившиеся тогда институты, которые признавались несовместимыми с самодержавием (с. 45–46).

И тут «реакционеры», по мнению Маклакова, «видели вернее и глубже»: «Начала, на которых реформы 1860-х годов были построены, в конце концов действительно неограниченное самодержавие подрывали. Свобода личности и труда, неприкосновенность приобретённых гражданских прав, суд как охрана закона, а не усмотрение власти, местное самоуправление были принципами, которые противоречили “неограниченности” власти монарха... Нормальный рост созданных в 1860-х годах учреждений уже вёл к тому, что неограниченное самодержавие оказалось позднее ненужным и вредным; оно держалось на подчинении крепостного крестьянского большинства дворянскому меньшинству... С тех пор как самодержавие отделило свою судьбу от дворянства, освободило крестьян и этим нанесло сословности непоправимый удар, его дни были сочтены. Как и современные фашизмы, оно было нужно, чтобы сломить старый порядок, силу преобладающих классов и построить общежитие на новых началах. Но когда это было окончено, в нём более не было надобности; жизнь стали устраивать на других основаниях, которые исключали необходимость “неограниченной власти”» (с. 46–47). При конструктивном сотрудничестве «власти и общественности» произойти это должно было без революционного взрыва.

Таким образом, Маклаков утверждал, что самодержавие являлось в России единственной силой, способной запустить реформы, которые в перспективе должны были его же и уничтожить: «Победа самодержавия сделалась началом его собственной гибели» (с. 37). Противореча самому себе, мемуарист то противопоставлял надклассовое и наднациональное самодержавие «фашистам», провоцирующим внутренние конфликты в обществе, то, наоборот, сближал эти режимы, указывая на их одинаковую способность использовать социаль-

ные противоречия для вывода страны на новый уровень. Не совсем понятно также, откуда у автора взялась уверенность в том, что монархия, лишённая при перерождении из самодержавной в конституционную прежней «неограниченной власти», тем не менее сохранит способность если не обеспечивать дальнейшее развитие государства, то хотя бы предотвратить его скатывание от цивилизации к варварству? Во всяком случае, нет никаких оснований полагать, будто подобная трансформация могла гарантировать России либеральное «мирное обновление». То, что последовательное продолжение Великих реформ открыло бы такую альтернативу, — не более чем историографический миф.

Неудивительно, что «не всегда искренняя идеализация реформ и самой личности Александра II» (с. 48) в условиях «реакции» 1880-х гг. порождала новый либерализм, сочетавший ретроспективный этатизм, когда речь шла о приукрашенном наследии 1860-х гг., с антиэтатизмом при оценке окружающей действительности. Радикализация такого либерализма была неизбежна. Между тем, по наблюдениям мемуариста, «если позже оставались ещё сторонники самодержавия, то его “идеалисты” уже исчезали. За самодержавие стояли тогда или пассивные поклонники всякого факта, или представители привилегированных классов, которые понимали, что самодержавие их охраняет» (с. 81).

Воспоминания Маклакова представляют собой, по сути, историю конфликта, неявно обозначенного в названии книги и начавшегося в конце царствования Александра III, когда в ходе борьбы с голодом 1891—1892 гг. «первые выступила на сцену “общественность” в её противопоставлении “власти”» (с. 128). Впрочем, в то время у неё ещё «не было желания “соревноваться” с властью» (с. 129), в отличие от периода Первой мировой войны с характерными для него попытками либеральной оппозиции «воочию показать *преимущество* “общественной” работы над “бюрократической”» (с. 130).

По мнению Маклакова, реальный шанс направить активность пробудившихся общественных сил в конструктивное русло имелся в самом начале царствования Николая II, от которого ожидали вовсе не конституции, а всего лишь «прекращения реакции, возобновления линии шестидесятых годов, возвращения к либеральной программе». И если бы молодой монарх пошёл навстречу этим чаяниям, то «самодержавие исполнило бы свой долг до конца» и «привело бы Россию к конституции» (с. 133—134). Но подобное допущение противоречит последующему рассказу: ведь в 1906 г. Россия получила конституцию в виде новой редакции Основных законов, и несмотря на это кадеты отказались от сотрудничества с правительством и фактически приговорили страну к революции.

Маклаков утверждал, что в 1895 г. «Николаю II предстоял выбор не между самодержавием и конституцией, а между либеральным самодержавием эпохи Великих реформ и самодержавием эпохи реакции. Он выбрал второе» (с. 134). В действительности всё обстояло несколько иначе. В 1881 г. конституционная перспектива явственно выражалась если не в правительственной политике, то в общественном мнении — для одних как желанное будущее, для других как трагическая неизбежность. В окружении Александра III не сомневались в принципиальной несовместимости каких-либо конституционных преобразований не только с самодержавием, но и с сохранением дееспособной монархии как таковой. Подобные эксперименты считались таким же «скачком в неизвестное», каким Маклакову представлялось требование «Учредительного собрания по четырёххвостке» (с. 469). Поэтому в 1880—1890-е гг. власть селективно

подходила к наследию Великих реформ: не отказывалась от общего курса на модернизацию, последовательно усиливала легизм в государственном управлении (от согласования решений между императором и руководителями различных ведомств до поиска допустимых форм диалога местной администрации и общественных учреждений и групп), но всячески противилась даже намёкам на «увенчание здания» тем или иным конституционным (парламентским) образом. Последний император унаследовал от отца твёрдое убеждение в том, что любые, даже декларативные, послабления в этом смысле чреваты непредсказуемыми последствиями. И тут никакого выбора у него не было.

Именно поэтому речь Николая II о «бессмысленных мечтаниях», произнесённая 17 января 1895 г., вызвала раздражение у тех, кто надеялся на возвращение монарха к политике его деда, отождествляемой с постепенным установлением конституционных начал и порядков. Общество осознало, что такие ожидания неосуществимы при том самодержавии, которое олицетворял Николай II (с. 134–135). Соответственно и приверженцам нового либерализма ничего не оставалось, как объявить «непримиримую войну самодержавию», поскольку никакая созидательная работа в рамках дозволенного не могла уже перерасти в нечто большее. Как пишет Маклаков, «эта война скоро захватила всё общество» — началось «освободительное движение», понимаемое как «организованная работа общественных сил», которая «сосредоточилась исключительно и всецело на низвержении *самодержавия*» (с. 136). Во главе его оказались не умеренные земцы, которые «долго не хотели войны и предпочитали идти мирным эволюционным путём», а более радикальные интеллигенты (с. 138–139). Но принципиальная разница между ними, вопреки уверениям Маклакова, отсутствовала.

По-видимому, в эмиграции Маклаков уверовал в то, что если бы Николай II и его правительство не встали на путь реакции, то «общественные силы не ворвались бы на сцену бурно, как непримиримые враги самодержавия, а стали бы выступать постепенно, сначала как простые сотрудники власти, а потом как её заместители» (с. 120). Из мемуаристики эта иллюзия, ставшая догмой для ветеранов «освободительного движения», проникла в историографию, как в эмигрантскую и зарубежную, так и в советскую и постсоветскую. Её воспроизведение давно уже выглядит странным анахронизмом.

Гораздо убедительнее оценка Маклаковым Основных законов 1906 г. как «настоящей конституции», завершившей фундаментальные преобразования, начатые Манифестом 17 октября 1905 г. (с. 384). Здесь он решительно не соглашался с подавляющим большинством кадетов, благодаря которым «скоро стало общим либеральным каноном, что Основные законы — только “лжеконституция”, что у нас осталось “прежнее самодержавие” и что оно было свергнуто только Февральской революцией» (с. 470). Со своей стороны, Василий Алексеевич настаивал на том, что в последние 11 лет своего существования российская монархия, не будучи ещё в полной мере конституционной, не являлась уже и самодержавной, представляя собой некую транзитную систему с отчётливой перспективой дальнейшего усиления представительных учреждений.

Не следует забывать, что со времён Петра I политика самодержавия включала в себя существенный конституционалистский элемент, заключавшийся прежде всего в постоянно усложнявшейся институционализации управления, в усвоении самодержцами и их сановниками принципов регулярности, законности, разделения ветвей власти в смысле распределения полномочий между ведом-

ствами. Сама возможность проведения Великих реформ в 1860–1870-е гг. была обусловлена высоким уровнем развития этого инструментального правительственного конституционализма, особенно в его ритуально-презентационном выражении. Но едва ли он мог мирно перерасти в небюрократический конституционализм парламентского типа. Сотрудничество с узким кругом высшего чиновничества воспринималось императорами как нечто естественное, но к «выборным» у них имелся стойкий иммунитет, как и к публичным конфликтам политических партий (в отличие от кулуарных интриг придворных и правительственных группировок). При этом даже столкновения двух министров, каждый из которых добивался наибольшего влияния на монарха и правительственный курс (например, соперничество С.Ю. Витте и В.К. Плеве), со стороны могли показаться «борьбой двух основных путей самодержавия» (с. 257–258)¹⁷.

Характерно также, что на рубеже XIX–XX вв. все споры в правящих кругах неизменно предполагали демонстрацию всеми их участниками абсолютной лояльности царю и идее самодержавия.

Фёдор Гайда: Когда кадетский компас сломался

*Fyodor Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia):
When the cadet compass broke*

DOI: 10.31857/S2949124X24030065, EDN: GDNZQW

Василий Маклаков — уникальное явление на политическом небосклоне России начала XX в. Студент историко-филологического факультета Московского университета в силу личных обстоятельств стал не профессором, а талантливым адвокатом, в годы Первой русской революции вошёл в состав ЦК Конституционно-демократической партии, но среди товарищей всегда оставался на особом счету. Он был одним из лучших кадетских ораторов, его знала вся страна и по думским речам, и по судебным процессам. Однако партийное руководство во главе с П.Н. Милюковым относилось к нему настороженно. От него ждали бунта и раскола, после чего, имея такого лидера, на основе правой кадетской группы могла бы сложиться новая либеральная партия, только более деловая и менее доктринёрская, способная к диалогу с правительством¹⁸. Подобный разворот серьёзно трансформировал бы весь политический расклад в России накануне Первой мировой войны. Препятствием служило лишь то, что правые кадеты не чувствовали поддержки сколько-нибудь значимого числа сторонников. А в Совете министров после смерти П.А. Столыпина никто не брался манипулировать оппозицией. В итоге Маклаков оставался в ЦК вплоть до распада партии в годы Гражданской войны, позволяя себе лишь некоторое фрондёрство. Симпатизировавшая ему соратница по ЦК А.В. Тыркова-Вильямс отмечала в дневнике, что Василий Алексеевич, «как всегда играя и усмехаясь», вполне мог ставить под сомнение святыне для партии принципы: «четырёххвостку», принудительное отчуждение помещичьей земли

¹⁷ Подробнее см.: Андреев Д.А. Самодержавие перед поворотом к конституции // Российская история. 2022. № 4. С. 135–140.

¹⁸ Подробнее см.: Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016. С. 39, 170, 206, 208, 242–243, 288–290, 306, 339–353.

в пользу крестьян и даже равноправие для лиц иудейского вероисповедания¹⁹. Возможно, в этом сказывалось нечто семейное: примерно таким же «ужасным ребёнком» в правительственных сферах считался его младший брат Николай.

Накопившиеся обиды Маклаков выплеснул уже в эмиграции, в своих мемуарах. Вероятнее всего, его задевали публикации Милюкова, который в 1919–1921 гг. писал про решающий вклад кадетов в победу революции, неизбежной из-за некомпетентности слуг старого порядка²⁰. Соответственно, и в эмиграции приверженцы Партии Народной свободы рассматривались как авангард общественности, призванной сыграть ведущую роль в будущих судьбах России. В развернувшейся тогда же полемике Милюков гордо утверждал: «Наш компас всегда указывает в одну сторону»²¹.

Но к концу 1920-х гг. победное шествие либеральных ценностей в Европе явно застопорилось. Установление диктатур в самых разных её углах заставляло задуматься о цене революционных кризисов как для всего мира, так и для России. Если Милюков всегда относился к революциям философски и инструменталистски²², то Маклакова интересовало их человеческое измерение. Именно поэтому он взялся не за научное исследование, а за произведение, в котором мемуаристика сочеталась с исторической и политической публицистикой. Причём за широким полотном, на котором он изображал события второй половины XIX — начала XX в., должны были последовать и другие, посвящённые 1906–1917 гг.

Исследуя «старый порядок», Маклаков явно вдохновлялся трудами А. де Токвиля и не скрывал этого (с. 506). Характерно, что оба, будучи видными либеральными политиками, подвергли ревизии путь, пройденный ими и их единомышленниками. Их критика звучала не извне, а изнутри, от чего её ценность лишь возрастала. Как и Милюков, Маклаков видел в отношениях власти и общественности главную магистраль исторического процесса и основную причину революционного исхода. Однако Василий Алексеевич признавал случившееся трагедией. Более того, он, как и Токвиль, отнюдь не считал революцию неизбежной.

В целом, в эмиграции Маклаков находил для «старого порядка» значительно больше тёплых слов, чем до 1917 г. В мемуарах он писал об изначальной силе и инициативности самодержавия, осуществившего Великие реформы. Правда, любое самодержавие, претендующее на неограниченную власть, казалось Маклакову обречённым. В этом отношении он уравнивал царизм с диктатурами

¹⁹ ГА РФ, ф. 629, оп. 1, д. 18, л. 30 об.

²⁰ Милюков П. Н. История второй русской революции. Киев, 1919; София, 1921; М., 2001.

²¹ Милюков П. Н. Старый подлог // Последние новости. 1921. 8 октября.

²² Отношение своих единомышленников к революции Милюков чётко сформулировал ещё в 1907 г.: «Мы хорошо понимаем и вполне признаём верховное право революции как фактора, создающего грядущее право в открытой борьбе с историческим правом отжившего уже ныне политического строя. Но мы не обоготворяем революцию, не делаем из неё фетиша, а также хорошо помним, что революция есть только метод, способ борьбы, а не цель сама по себе. Этот метод хорош, если и пока он достигает цели: напротив, он плох, если вредит тому делу, которому хочет служить». Таким образом, всё определялось тактическими соображениями: «Да, мы за революцию, поскольку она служит целям политического освобождения и социальной реформы; но мы против тех, кто объявляет революцию “непрерывной”, потому что полагаем, что непрерывная революция — революция во что бы то ни стало — служит лишь целям реакции и укрепляет контрреволюционные замыслы правительства» (Милюков П. Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907. С. 165, 168).

XX в. (с. 32, 36–37), оставаясь, в сущности, таким же радикальным либералом, как и до революции. От Милюкова его отличала вера в возможность избежать применения насилия как «слева», так и «справа». Маклаков надеялся, что самодержавие в ходе своего мирного и поступательного развития само придёт к конституции (с. 47), избежав гражданской войны и большевистского террора²³. Но власть в 1881 г. свернула с этой стези, совершив фатальную ошибку.

Внешне благополучное царствование Александра III оказалось, по мнению мемуариста, роковым для будущего развития страны. Цареубийство 1 марта 1881 г. вызвало деполитизацию и внутреннее успокоение населения, конституционные мечтания исчезли, но власть усмотрела в этом свою победу над общественными силами и вместо того, чтобы оставаться консервативной, стала реакционной, вернувшись в 1880-е гг. к уваровской триаде. Вместе с тем Маклаков констатирует, что настоящая реакция в конце XIX в. была невозможна, поскольку никто уже не помышлял о возвращении к дореформенным порядкам. В результате возник лишь некий её суррогат (с. 43–50), пагубно влиявший на то поколение, к которому принадлежал Маклаков. Будучи воспитанным в уважении к «легенде» о Великих реформах, оно чуждалось радикализма и искало легальных путей, закрытых самой властью. Не находя практического применения своим обширным гуманитарным знаниям, интеллигенция погружалась в утопии, включая то же толстовство, характерное для многих умеренных либералов начала XX в. (с. 32, 94). Подобные обстоятельства взросления будущих политиков новой эпохи позднее неоднократно отмечались мемуаристами²⁴.

Но, как считал Маклаков, даже накануне революционных потрясений у самодержавия оставались стратегически мыслившие слуги, и тот же С.Ю. Витте, если верить мемуаристу, осознанно вёл императора к изменению политического строя, возвращая власть на дорогу Великих реформ. В своей известной записке, изданной под названием «Самодержавие и земство», Сергей Юльевич будто бы не призывал к ограничению земства, а готовил монарха к неизбежным уступкам представительным учреждениям (с. 229–239). Там, где другие подозревали у Витте отсутствие глубоких политических взглядов или «принципиальную беспринципность», Маклаков как искусный адвокат обнаружил искренность и перспективу. В самом деле, можно только догадываться, как гр. Витте повёл бы себя перед I Думой, будь он по-прежнему председателем Совета министров. Потеряв в 1903 г. пост министра финансов и шансы на роль «великого визиря», он, похоже, увидел себя будущим конституционным премьером. Возглавив в 1905 г. правительство, граф демонстрировал готовность на самые разные сделки, но, не договорившись в октябре с общественностью, стал в декабре сторонником крутых мер. А в апреле 1906 г. никто не помешал бы строить планы на президентство в той республике, которую объявило бы

²³ С этим, возможно, соглашается в комментариях и С.В. Куликов, утверждая, что осуществление планов гр. М.Т. Лорис-Меликова «явилось бы шагом на пути к установлению подлинной конституции» (с. 516).

²⁴ *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 102; *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914 / Публ. М.Г. Вандалковской. М., 1997. С. 127–128; *Корнилов А.А.* Воспоминания / Публ. А.Д. Степанского // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 154–158; *Львов Г.Е.* Воспоминания. М., 1998. С. 67, 73, 75–76, 118–121, 133, 159; *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 102; *Тыркова-Вильямс А.В.* То, чего больше не будет / Публ. В.В. Шелохаева и С.В. Шелохаева. М., 1998. С. 95, 141–143, 212, 233, 240, 243; *Френкель З.Г.* Записки и воспоминания о пройденном жизненном пути / Публ. Р.Б. Самофал. СПб., 2009. С. 46.

в стенах Таврического дворца Учредительное собрание. И спасителем России всегда выступал бы «Serge premier», или Сергей I.

Маклаков полагал, что в октябре 1905 г. кадетам следовало пойти на соглашение с Витте. Манифест 17 октября 1905 г. уже предоставил России конституцию (с. 502). Однако партия желала большего и примкнула к революционному «Ахеронту». В результате её политика перешла в политиканство (с. 164–165, 427–428), а «достоинства» свелись к грамотно выстроенной предвыборной кампании, позволившей завоевать большинство в I Думе (с. 429–443). Но атака на власть закончилась провалом, а договориться со Столыпиным, целенаправленно спасавшим конституционную монархию, не удалось (с. 226). Кадеты могли, но не захотели помочь ему вывести страну из того политического тупика, в котором она оказалась благодаря реакции и непоследовательности уступок (с. 505–511). В итоге именно революция, которую приближали кадеты, уничтожила все их надежды на прогрессивное развитие государства, а большевики в борьбе за власть воссоздали худшие черты самодержавия (с. 34–37).

Мемуары Маклакова имели большой резонанс. Началась открытая полемика, напоминавшая споры вокруг сборника «Вехи». Милюков вновь упрекал правое крыло партии в обслуживании интересов реакционных сил. Бывшие члены правительства Николая II, напротив, соглашались с наблюдениями Василия Алексеевича. Прочитав его воспоминания, последний министр торговли и промышленности Российской империи кн. В.Н. Шаховской отметил: «Как ни странно, но общественная деятельность у нас не выработала государственных людей. Как это ни странно, но бюрократический опыт (я говорю о высшей бюрократии) давал у нас много больше *умения* к правлению государством, чем всякого рода общественные и земские организации»²⁵. Пожалуй, ничего странного в этом не было. Общественность, воспитанная в оппозиционном духе, так и не смогла его в себе преодолеть. Это хорошо видно по поведению кадетов между Февралём и Октябрём 1917 г. И в этом смысле конституционные демократы — действительно детище Александра III.

Михаил Алмазов: Либералы и «историческая власть» на заре великих потрясений

*Mikhail Almazov (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Liberals and the «historical state power» at the dawn of the great upheavals*

DOI: 10.31857/S2949124X24030071, EDN: GDNHVR

Научное издание главного произведения В.А. Маклакова «Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника», сочетающего черты мемуаров, публицистического произведения и исторического исследования и никогда не публиковавшегося на Родине автора, — значительное событие в отечественной историографии. Текст книги удачно дополнен вступительной статьёй и пространными комментариями С.В. Куликова — авторитетного исследователя политической истории России конца XIX — начала XX в., справедливо отметившего, что идеи, высказанные Маклаковым почти

²⁵ Шаховской В.Н. Так проходит мирская слава. 1893–1917 / Публ. С.В. Куликова. М., 2019. С. 342.

сто лет назад, оказали существенное влияние на концепции российских и зарубежных учёных (с. 29–30).

Мемуарист охарактеризовал взаимодействие самодержавия и политически активных слоёв российского общества с 1880-х до 1906 г., уделив особое внимание событиям, происходившим с конца 1904 по апрель 1906 г. По его мнению, после Великих реформ 1860–1870-х гг. самодержавию следовало «дать развиваться созданным им учреждениям, укорениться новыми идеями, — и затем разделить свою власть с выросшим и подготовленным обществом» (с. 47). Однако поступательное движение страны в данном направлении сорвала «реакционная» политика Александра III и Николая II, не воспользовавшегося в начале царствования возможностью начать диалог с представителями лояльной общественности (с. 46–50, 135–136). Это привело к радикализации настроений интеллигенции, создавшей деструктивный «Союз освобождения», который подчинил себе «старых» земских либералов (с. 140).

Сквозь призму этой борьбы Маклаков рассматривал процессы, разворачивавшиеся в деревне, на фабриках и в университетах, на национальных окраинах и в террористическом подполье. Корень «аграрных беспорядков» виделся ему в гражданской неравноправности крестьян и в их «обособленности» от других сословий, искусственно укреплявшейся властью (с. 184–202). «Студенческие забастовки» он объяснял попустительством и даже подстрекательством со стороны «либеральных» профессоров и «Союза освобождения» (с. 170–176), заводские стачки — вмешательством государства во взаимоотношения рабочих и предпринимателей, создавшим в 1890-е гг. благоприятную почву для пропаганды социал-демократов (с. 178–184), всплеск террора — сочувствием либеральной общественности (с. 168–170), рост национальных сепаратистских движений — угнетением народностей и поддержкой со стороны «Союза освобождения» и революционных партий (с. 204). При этом радикально-либеральное «освободительное движение», по мнению Маклакова, вместо борьбы с социал-демократией за симпатии рабочих потворствовало «друзьям слева», дабы не раскалывать «главный фронт», выступавший против самодержавия (с. 181), а также требовало не столько расширения гражданских прав крестьян, сколько предоставления им «прирезки» за счёт помещичьей земли, чтобы вовлечь их в политическую борьбу (тогда как преобладание мелких крестьянских хозяйств вело к регрессу сельского хозяйства, поскольку крупные имения отличались большей производительностью) (с. 192–202).

События 1904–1906 гг. Маклаков не признавал революцией, так как они не сопровождались насильственным переворотом, «когда народные массы сбрасывают прежнюю власть, когда возникает новая власть, с прежней не связанная». Но после Манифеста 17 октября 1905 г. «была великая реформа, совершённая законной властью, была октроированная конституция, о которой издавна мечтал либерализм» (с. 348). Предшествовавшие этому обстоятельства («банкетная кампания», рескрипт Николая II министру внутренних дел А.Г. Булыгину 18 февраля 1905 г. и др.) описывались довольно неопределённо, как образование «оппозиционного фронта», «агония самодержавия» и т.п. (с. 305, 320), а обстановка конца 1905 г. характеризовалась как «революционная ситуация» (с. 351). Тем самым всё сводилось к политическому кризису, порождённому противоречиями между «исторической властью» и либеральной общественностью, от позиции которой во многом и зависел исход конфликта. Как бы то ни было, это заставляет несколько скорректировать устоявшееся мнение о том,

что «для современников событий... факт начавшейся в ней революции не подлежал сомнению»²⁶.

Маклакову казалось, что «русский либерализм» имел шанс заключить с правительством союз и в перспективе получить от него власть, но ошибочно предпочёл занять положение радикальной оппозиции (с. 220). Вместе с тем политик признавал, что «одно освободительное движение не смогло бы сломить самодержавия, если бы рядом с ним не шла антигосударственная стихия, Ахеронт, и если бы освободительное движение не пошло с ним *заодно*. Этот новый шаг закончил “блокаду” и “самодержавие” изолировал; он дал победу движению. Но этот шаг оказался роковым для дальнейшего: он создал либерализм совершенно нового типа, который после победы управлять государством не мог». Поэтому и после Манифеста 17 октября 1905 г. «представители побеждённого *старого* режима стали опять необходимы для порядка в России» (с. 164–165). К сожалению, в комментариях публикатор далеко не всегда поясняет, насколько адекватно подобные авторские представления отражали историческую реальность.

Безусловно, у Маклакова легко найти немало тонких наблюдений, касавшихся психологии либералов и политического развития России в начале XX в. Например, о создании либеральным сообществом, недовольным «произволом» власти, «питательной среды» для революционного терроризма. Сразу вспоминается, как известная «освобожденка», а впоследствии — один из лидеров Конституционно-демократической партии А.В. Тыркова передавала в дневнике ощущения своего окружения после гибели В.К. Плеве: «И потом непосредственное чувство радости. Убит. Нет его, чиновника-деспота, топтавшего и давившего всё живое и желающее жить»²⁷.

Однако зачастую построения мемуариста страдали схематизмом. Вслед за либеральной публицистикой он чересчур противопоставлял «освобожденческую интеллигенцию» и «земство». Но кем — «интеллигентами» или «земцами» — были никогда не имевший тяги к сельскому хозяйству председатель Московской губернской земской управы Ф.А. Головин, приват-доцент Московского университета и гласный саратовского земства С.А. Котляревский или радикальный политик кн. Д.И. Шаховской? Все они по своему мировоззрению и связям в равной мере принадлежали и к земству, и к интеллигенции²⁸.

Размышляя об аграрной политике, Маклаков практически не учитывал различия в обеспеченности землёй бывших владельческих, государственных и удельных крестьян, в доходности сельского хозяйства в разных регионах страны, неразмежёванность помещичьих и общинных земель, наконец, связь землепользования и обычного права с природно-климатическими условиями²⁹.

²⁶ Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 8.

²⁷ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой. Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 66. Подробнее см.: Будницкий О.В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). Изд. 2. М., 2016. С. 300–306.

²⁸ Головин Ф.А. Воспоминания. 1870–1918 / Сост. А.К. Афанасьев, М.А. Горячева. М., 2020. С. 171, 300–301; Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 61–62.

²⁹ Первая революция в России... С. 38–41. О многообразии причин крестьянских беспорядков накануне революции см.: Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. М., 1998; Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. 1907–1914 гг. М., 1992; Тюкавкин В.Г. Великолукское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2001; Давыдов М.А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте–Столыпина. СПб., 2016.

В то же время он сильно преувеличивал действенность принятых при Александре III законов, направленных на ограничение семейных разделов, запрещение досрочного выкупа наделов, подчинение мира контролю земских начальников и проч. Между тем эти меры скорее носили декларативный характер, нежели серьёзно влияли на положение деревни³⁰. Похоже, мемуарист, ратовавший за развитие пролетарского самоуправления, имел довольно смутные представления и о масштабах забастовочного движения: накануне революции в стачках принимало участие 5–10% рабочих, и большая их часть боролась за улучшение материального положения и условий труда³¹.

Основное внимание Маклаков уделял либеральному (особенно земскому) движению и тактике Конституционно-демократической партии на рубеже 1905–1906 гг. Вспоминая о земских съездах 1904–1905 гг., он утверждал, что под влиянием леволиберальной интеллигенции позиция земцев становилась всё более радикальной, но, несмотря на это, будто бы сохранялась возможность соглашения между ними и «исторической властью». По его словам, в ноябре 1904 г. «на съезд собралось всё, что было лучшего в земстве... Были и председатели управ, и предводители, и просто выборные гласные. Всё были *земские* люди... Земский съезд громадным большинством высказался за конституцию, но одновременно с этим показал, что *революционного переворота* не хочет». Маклаков допускал, что при поддержке министра внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирского «наиболее зрелая часть» земства («меньшинство» съезда) «стала бы самостоятельной политической силой, опирающейся на союз с государственной властью, а не идущей в хвосте революции». Складывалась благостная картина: «Если земцы нашли, наконец, либерального, понимающего их министра внутренних дел, то не менее отраднo было и то, что нашёлся слой русской общественности, который мог понимать положение и сделаться *опорой власти*» (с. 286–289).

Однако этому явно противоречили пылкие речи делегатов (Ф.И. Родичева, И.И. Петрункевича, Н.А. Карышева, кн. Д.И. Шаховского и др.) о необходимости установления правового строя и конституционного порядка, отнюдь не свидетельствовавшие о готовности ораторов к компромиссу. А в выступлениях кн. Шаховского, Карышева и Петрункевича даже звучала, открыто или завуалированно, мысль о том, что следует передать разработку начал нового государственного строя на рассмотрение «собрания народных представителей»³², т.е. созвать Учредительное собрание. И Маклаков лукавил, категорически заявляя, будто ничего подобного съезд не требовал и, напротив, «единогласно отверг» столь радикальные предположения (с. 287).

Характерно, что и «меньшинство», которым так восторгался Маклаков, весьма легкомысленно относилось к обсуждению важнейших государственных проблем. Так, А.А. Стахович, видя, что «в настоящее время собрались представители от 33 земских губерний», полагал, будто «такое собрание... вполне компетентно высказаться по вопросам народного образования даже и без специально разработанного доклада». Но тут же Карышев, отказываясь от обсуждения кон-

³⁰ Христоворов И.А. Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011. С. 349.

³¹ Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 гг. Хроника. Вып. 6. 1900 г. / Сост. И.М. Пушкарёва. СПб., 1999; Вып. 7. 1901 г. / Сост. И.М. Пушкарёва. СПб., 2000; Первая революция в России... С. 92–95, 190.

³² Либеральное движение в России. 1902–1905 гг. М., 2001. С. 97–99, 100, 104, 105, 112, 113.

кретных инициатив, напомнил «о полной невозможности установить какие-либо нормальные отношения с Министерством народного просвещения»³³.

Более того, история подготовки съезда показывает, что его единство, столь ценное для Маклакова, во многом стало результатом дипломатических усилий земцев-освобожденцев, стремившихся использовать данное событие для давления на власть наряду с «банкетной кампанией»³⁴. Той самой, в которой Василий Алексеевич усматривал помеху «мирной политике Земского съезда» (с. 290). Кроме того, не следует забывать, что делегатов на съезд никто не выбирал, и отношение к нему в широких кругах дворянства и земства было неоднозначным. Как вспоминал гласный Казанского земского собрания Н.А. Мельников, «огромное большинство... находило, что петербургское Совещение не было правомочным, а по существу дела подняло такие вопросы и приняло такие решения, которые во время нелёгкой войны и при общем приподнятом настроении в стране будут на руку только тем, кто ведёт борьбу против всего существующего строя и не желает, чтобы реформы шли сверху»³⁵. Поэтому попытки Маклакова представить ноябрьский съезд 1904 г. некоей конструктивной альтернативой начинавшейся революции выглядят совсем неубедительно. Досадно, что эти обстоятельства не нашли отражения в комментариях, где приводятся лишь фрагменты мемуаров, газетных статей, стенограмм и резолюций съездов, упомянутых автором «Власти и общественности» (с. 610–619).

При описании «коалиционного» съезда, состоявшегося в мае 1905 г., мемуарист констатировал глубокий раскол в земской среде между радикальными и умеренными элементами – сторонниками соглашения с властью или борьбы с ней (с. 324–326). Судя по стенографическому отчёту, Петрункевич заявлял: «Я – конституционалист, и никаких уступок из нашей партийной программы делать не согласен... Если мы отправим депутацию не по вопросу о войне, она не будет достаточно единомышленна». Левые участники (М.И. Туган-Барановский, кн. В.А. Оболенский, В.Е. Якушкин и др.) желали, чтобы адрес требовал прекращения «диктатуры Трепова» и введения всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права. В то же время Д.Н. Шипов настаивал на том, что сплочение «во имя спасения отечества» возможно лишь «в согласии с властью»³⁶. При таких разногласиях неудивительно, что текст адреса, написанный профессором кн. С.Н. Трубецким (и приведённый Куликовым в комментариях), возник в результате компромисса и отличался размытостью формулировок. В нём осуждалась задержка в исполнении предписания императора о созыве «народных представителей для совместного с Вами строительства земли», звучал призыв «во утверждение порядка и мира внутреннего» «без замедления созвать народных представителей, избранных для сего равно и без различия всеми подданными Вашими» для решения «вопроса о войне и мире» и установления при участии монарха «обновлённого государственного строя» (с. 637). Но трудно согласиться с Маклаковым в том, что, «по существу, адрес не провоцировал революции, не задавался целью колебать историческую

³³ Там же. С. 125, 129.

³⁴ Там же. С. 570–571, 575–576; *Шацлло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. Организация. Программы. Тактика. М., 1985. С. 279–281.

³⁵ *Мельников Н.А.* 19 лет на земской службе (автобиографический очерк и воспоминания) / Публ. Ю.Б. фон Шлиппе // «Российский архив». История отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 17. М., 2008. С. 264–265.

³⁶ Либеральное движение в России... С. 228, 229, 232, 233, 237.

власть; он обещал ей поддержку русского земства, т.е. выражал идеологию земского меньшинства» (с. 327). Ведь и сам кн. С.Н. Трубецкой признавался: «Если бы я мог сказать то, что мне хотелось бы, я бы просто сказал: “Поросёнок, давай нам конституцию”»³⁷.

Приём 6 июня земской делегации императором, по мнению мемуариста, свидетельствовал о конструктивном «настроении даже *левого земства*, когда оно было на надлежащем месте, оставалось самим собой и освобождалось из-под влияния профессиональной интеллигенции». Тем не менее, хотя «историческая власть и избранная общественность находили почву для совместной работы», «соглашение вышло призрачным по вине обеих сторон», а радикальное крыло земцев осудило делегацию съезда за лояльность царю (с. 328–329). Более того, ознакомившись с проектом учреждения Государственной думы, выработанным совещанием под руководством А.Г. Булыгина, съезд обрушился на него с упрёками за неконституционный характер представительства и наличие избирательного ценза³⁸. В целом же весной–летом 1905 г. настроения земцев в различных губерниях колебались от надежд на создание законодательной палаты до стремления к созыву совещательного Земского собора, причём бо́льшая часть гласных высказывалась в пользу двухпалатного парламента, избранного на основе всеобщего избирательного права³⁹.

Дворянство, представители которого задавали тон в земских собраниях, формально декларировало свою лояльность, но делало это с весьма выразительными оговорками. Так, в записке, составленной в середине июня 1905 г. 25 губернскими предводителями, утверждалось, что «Россия — в преддверии анархии, осталась только тень правительства», которое «стало представляться чем-то чуждым, враждебным, нетерпимым; отсюда чудовищное явление розни даже перед лицом победоносного внешнего врага». Разумеется, у авторов не возникало сомнений в том, что «для спасения нашего отечества необходимо как можно скорее восстановить твёрдую законность, крепкую государственную власть, сильное правительство, такое, которое имело бы нравственный авторитет, встречало бы в стране доверие, сочувствие и общую поддержку, которое было бы в живой связи с народом». Но, по их мнению, «всё это может явиться лишь тогда, когда государь в делах правления будет опираться не на чиновников только, а на выборных от своей земли, и воссоздастся, таким образом, общение царя и народа», а «другого пути нет». 18 июня петербургский и московский губернские предводители гр. В.В. Гудович и кн. П.Н. Трубецкой прочли эту записку императору, выразившему им «полное своё удовольствие», поручившему благодарить остальных её составителей и обещавшему сделать «всё возможное для ускорения созыва выборных людей»⁴⁰.

Делегация курского дворянства, дистанцировавшаяся от обращения 25 предводителей и принятая Николаем II 20 июня, заверила монарха: «Государь, повели призвать выборных по сословиям и верь, что русская деревня, помещное дворянство и твои хлебопашцы не предадут державы твоей, не поколеблют незыблемых основ твоего самодержавия». Московские консерваторы во главе с кн. А.Г. Щербатовым, Ф.Н. Шиповым, А.Д. и Ф.Д. Самаринными опубли-

³⁷ Оболенский В.А. Моя жизнь и мои современники. Т. 1. М., 2017. С. 338.

³⁸ Там же. С. 292–294.

³⁹ Земское самоуправление в России. 1864–1918 гг. Кн. 2. М., 2005. С. 24–28.

⁴⁰ Российское дворянство в революции 1905 года: «Беседы» губернских предводителей / Сост. И.В. Лукоянов. СПб., 2017. С. 311–322.

ковали открытое письмо к кн. П.Н. Трубецкому, обвинив его в превышении полномочий и выражении своих личных взглядов от имени избравшего его дворянства, которое их не разделяло. При этом прямо указывалось на то, что претензии «съезда “земских и городских деятелей”» несовместимы «с убеждением в необходимости сохранять и укреплять самодержавную царскую власть», а «в настоящее тревожное время», когда «пожар так страшно разгорается и дело доходит до мятежа буйной толпы в больших городах и деревнях и до открытого возмущения на военных судах, всего менее можно помышлять о созыве народного представительства и о введении парламентской формы правления», поскольку «в таких обстоятельствах нужна сильная единоличная власть, а не палата представителей»⁴¹. Со своей стороны, кн. П.Н. Трубецкой в 1905 г. действительно сблизился с Д.Н. Шиповым и «земским меньшинством»⁴². И Маклаков вполне обоснованно заключал, что «к 1905 году образовался один общий фронт, от революционеров до консервативных слоёв нашего общества. Единомыслия в этом лагере быть не могло. Но в одном все были согласны: *что продолжать по-прежнему невозможно*» (с. 305).

Радикализации настроений в обществе способствовали и профессиональные союзы, возникавшие весной 1905 г. по инициативе «освобожденческой» интеллигенции и объединившиеся в мае в Союз союзов. Мемуарист пишет о «боевом» характере этих организаций, создававшихся прежде всего для борьбы с самодержавием и формирования представления о единстве политических устремлений разных социальных групп (созыв Учредительного собрания и т.п.) (с. 313–317). Однако, рассказывая преимущественно о Союзе адвокатов, Маклаков нивелировал различия в позиции отдельных объединений, не оговаривается она и в комментариях. Между тем союзы фармацевтов, учителей и врачей выдвигали значительно более радикальные требования, нежели рассчитывал лидер Союза союзов П.Н. Милюков, а Всероссийский железнодорожный союз, выступавший под социалистическими лозунгами, превратился в один из локомотивов рабочего движения⁴³.

Деятельность Всероссийского крестьянского союза Маклаков сводит к раскручиванию массовой подачи крестьянами петиций («приговоров»), включавших заявления о переделе земли и политические лозунги («пожелания об Учредительном собрании и четырёххвостке»). В результате «крестьянство приобрело видимость организованности» и получило «программу», которая «соблазнительно совпадала» с планами «Освобождения» (с. 317–318). Всё это так⁴⁴, но не следует игнорировать политизированность самих крестьян, проявлявшуюся без всякого влияния членов Крестьянского союза и даже до его образования⁴⁵.

Маклаков сурово осуждал своих товарищей по Конституционно-демократической партии за отказ после Манифеста 17 октября 1905 г. от соглашения с правительством гр. С.Ю. Витте и самоуверенное стремление «добить врага до конца». Мемуаристу казалось, что либералам после «победы» над самодержавием следовало поддержать власть в борьбе с «Ахеронтом» (с. 384–385,

⁴¹ Там же. С. 322–329.

⁴² Там же. С. 119–122, 174–175; Шипов Д.Н. Воспоминания и думы о пережитом / Публ. С.В. Шелохаева. М., 2007. С. 313–314.

⁴³ Первая революция в России... С. 244–246.

⁴⁴ Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг. Сборник документов / Сост. Л.Т. Сенчакова. Под ред. В.П. Данилова и А.П. Корелина. М., 2000. С. 46–50, 58–60, 63.

⁴⁵ Там же. С. 34–36, 69–70.

409), чему помешало сосуществование в партии двух «крыльев» — левого и правого — и лавирование Милюкова между ними (с. 411–428). Выходом мог бы стать раскол, но учитывая то, что ведущую роль в кадетских структурах играла демократическая интеллигенция, тесно связанная с традициями «освободительного движения» и увлекавшаяся социалистической идеологией⁴⁶, разрыв с «левой периферией», скорее всего, не укрепил бы позиции ЦК, а напротив, сулил ему участь «генералов без армии» наподобие Партии демократических реформ. Наконец, весьма резонным представляется риторический вопрос И.А. Христофорова: «Да и мыслимо ли было превращение кадетов в “умеренную” партию в условиях пика революции и мощного напора “снизу”?»⁴⁷.

Впрочем, демагогия и политиканство в то время были присущи далеко не только кадетам. «Союз 17 октября» также не спешил поддерживать гр. Витте, а его лидеры А.И. Гучков и Д.Н. Шипов, отказавшись войти в правительство вместе с П.Н. Дурново, в конце 1905 г. защищали в Совете министров и Особом совещании под председательством императора неосуществимый проект введения всеобщего избирательного права⁴⁸.

Характерно, что о консерваторах Маклаков упоминает сравнительно редко и скупно. Так, он отмечал, что в начале 1905 г. «убеждённые сторонники самодержавия покидали его за его слабость и начинали смотреть на либерализм как на силу, которая одна могла бы остановить революцию». По словам мемуариста, «такие люди были крысы, которые покидали тонущий корабль и искали спасения» (с. 306–307). Но последующее формирование правого движения и черносотенных организаций им попросту игнорируется.

Революционная борьба в 1904–1906 гг. очерчена Маклаковым конспективно, а её участникам фактически отведена роль деструктивного «партнёра» либералов. Даже про «Кровавое воскресенье» 9 января 1905 г. сказано вскользь, оно изображено как «совместные действия революционеров и охранного отделения», способствовавшие радикализации общества (с. 304). Мимоходом сообщается о крестьянских беспорядках, покушениях террористов (с. 305), военных бунтах вроде «Потёмкина» (с. 342). Не указаны мемуаристом и организаторы Всероссийской стачки («очевидно, её кто-то организовывал»), но при этом упомянуто, что к 17 октября забастовка начала выдыхаться, обыватель устал и заговорили о конфликтах среди бастовавших (с. 343–344). Слухи о намерении части железнодорожников выйти на работу зафиксировал и Л.А. Тихомиров⁴⁹. Их распространение заставляет задуматься о перспективах кризиса в октябре 1905 г. Лишь одной туманной фразой Маклаков обмолвился о том, что «если “освободительное движение”, того не желая, помогало успеху японцев, то Япония за эту услугу ему заплатила сторицей» (с. 305). Куликов в комментарии показывает, что японские деньги («не менее 1 млн иен») тратились

⁴⁶ Подробнее см.: *Селезнев Ф.А.* Конституционные демократы и буржуазия (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2006. С. 107; *Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015. С. 84.

⁴⁷ Первая революция в России... С. 396.

⁴⁸ Там же. С. 395; Российская монархическая государственность на последнем этапе своей истории. 20 октября 1894 г. — 3 марта 1917 г. Сборник документов / Сост. Н.Д. Ерофеев. М., 2014. С. 164–167; Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов и заседаний ЦК / Сост. Д.Б. Павлов. Т. 1. М., 1996. С. 46–48.

⁴⁹ Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М., 2015. С. 137.

на «упрочение межпартийных связей» антиправительственных организаций, а также на стачки, подпольные типографии и т.д. Вслед за американским журналистом Э. Диллоном и полковником М. Акаси, руководившим созданием агентурной сети в России, именно с этой «финансовой поддержкой» он связывает «широкое распространение» революционных выступлений во время войны (с. 626–627). Между тем, согласно исследованию японского историка Инаба Чихару, бывшему военному атташе микадо удалось устроить лишь несколько партийных конференций, неудачную попытку перевезти в Россию партию оружия на пароходе «Джон Графтон» и доставку винтовок для грузинских революционеров⁵⁰.

В конце 1905 г., как вспоминал Маклаков, «сначала самые мирные обыватели, которые раньше всего “опасались”, поверили в успех революции, превратились в “непримиримых” и не шли ни на какие уступки. Для них всего было мало... Но с какой лёгкостью они потом успокоились и стремились искупить своё увлечение. Эти сначала расхрабравшиеся, а потом струсившие обыватели были не только в интеллигенции. Они были и в революционной пролетарской среде... и в деревне» (с. 364–365). 18 октября, в «дни свободы», мемуарист побывал в Московской консерватории на митинге, где рассуждали о преимуществах разных видов оружия, причём тут же в фойе шёл сбор денег на вооружённое восстание (с. 350). «Один из руководителей левого лагеря» уверял Василия Алексеевича в силе революционеров буквально «за несколько дней» до начала декабрьских боёв (с. 361). Тем не менее правый кадет даже в эмиграции верил, что их могло остановить дальнейшее дарование «свобод» и назначение либералов, если бы они согласились, на министерские посты.

При этом Маклаков преуменьшал масштабы беспорядков, с которыми тогда столкнулось правительство, и мифологизировал их. Так, по его словам, «главою революции был Рабочий совет», т.е. Петербургский совет рабочих депутатов (с. 363). Однако, хотя он и принимал политические решения всероссийского уровня (например, 19 октября распорядился о прекращении через два дня всеобщей забастовки), но действовал в основном в Петербургском районе и не обладал ресурсами для влияния на события в других частях страны⁵¹.

Ещё более странным выглядит утверждение Маклакова, будто в конце 1905 г. «восстание произошло только в Москве», где «по газетным отчётам оно казалось страшнее, чем было на деле». Во всяком случае, правильного боя там не получилось, поскольку «силы сторон были несоизмеримы», хотя «всё-таки улицы были перерезаны “баррикадами”»; по ним стреляли из орудий и пулемётов» (с. 364). Поэтому не столько сами бои, сколько «расправа правительства с революцией» оставила глубокие следы в психологии общества⁵². Между тем зимой 1905/06 гг. череда вооружённых стычек и мятежей произошла в Нижнем Новгороде и Сормово, Мотовилихе, Александрове, Харькове, Екатеринослав-

⁵⁰ Инаба Чихару. Японский резидент против Российской империи. М., 2013. С. 191–192. См. также: Павлов Д. Б. Японские деньги и первая русская революция. М., 2011.

⁵¹ Всероссийская политическая стачка. Т. 1. М., 1955. С. 371–373, 382–385.

⁵² Схожего мнения придерживался и М. В. Челноков: «Я утверждал и утверждаю сейчас, что Дубасов никакого подвига не сделал, что не было надобности разгромить Пресню..., где не было никаких революционеров, что не было никакой надобности расстреливать 360 человек на линии Рязанской дороги — по станциям» (Представительные учреждения Российской империи в 1906–1917 гг. Материалы перлюстрации Департамента полиции / Отв. ред. В. В. Шелохаев. Сост. К. А. Соловьёв. М., 2014. С. 199).

ской губ., Ростове-на-Дону, Новороссийске, Закавказье, на Транссибирской магистрали, а в Остзейском крае вспыхнула настоящая гражданская война между местными крестьянами (эстонцами и латышами) и землевладельцами (немцами)⁵³. В Москве же из-за малочисленности войск и полиции (около 5 тыс. человек) группам боевиков-дружинников (около 1 500 человек) удавалось оказывать сопротивление более недели. Не говоря уже о том, что жестокость и ошибки, допущенные администрацией в начале восстания, временно привлекли на сторону революционеров достаточно широкие круги обывателей⁵⁴. Так или иначе, но протестный потенциал общества в те годы ещё нуждается в изучении.

Освещая политику самодержавия, Маклаков утверждал, что после гибели В.К. Плеве у общественности появился шанс выстроить доверительные отношения с новым главой МВД — кн. П.Д. Святополк-Мирским, приверженцем «либерального самодержавия» в духе Великих реформ. Однако из-за деструктивного радикализма «освобожденцев» и противодействия председателя Комитета министров Витте этого не случилось. Впоследствии мемуарист не раз беседовал с ним о тех временах и не сомневался, что хорошо понял логику «виттевской мысли»: «Витте был сторонником самодержавия, но понимал и выгоды конституции, зато был врагом смещения того и другого». Он полагал, что «соединять самодержавие с представительством — значит узаконить борьбу в центре государственного аппарата», допускать «соединение двух противоположных начал, которые не уживутся». Соответственно «совещательное представительство для него было не “меньше”, чем конституция, а просто явление “другого” порядка; не давая выгоды конституции, оно ослабляло самодержавие, узаконяло бессилие» (с. 293). Кн. Святополк-Мирский же желал именно включения выборных в состав Государственного совета. Дискредитировав его в глазах как царя, так и общественности, Витте добился того, что разработка важнейших внутриполитических мер сосредоточилась не в МВД, а в Комитете министров. Но эта тонкая интрига, описанная в историографии⁵⁵, не раскрывается ни в мемуарах Маклакова, ни в комментариях к ним, где приводятся лишь пространные цитаты из воспоминаний Д.Н. Шипова и стенографированных рассказов гр. Витте (с. 620–621).

Как считал Маклаков, в основе указа 12 декабря 1904 г., изданного по инициативе кн. Святополк-Мирского, лежала «программа, принятая земцами ещё на шиповском Совещании 1902 года» (с. 291). Тогда за неё «земства получили выговор и запрещение собираться». Теперь же «Мирский, предлагая программу преобразований *государю*, взял за её основание *резолуцию земского съезда, не исключив из неё и пункта о представительстве*», правда, «в редакции меньшинства, предлагая не конституцию, а “совещательное представительство”» (с. 288). Куликов, соглашаясь с Р.Ш. Ганелиным⁵⁶, уточняет, что программный всеподданнейший доклад князя, представленный императору 24 ноября, был

⁵³ Первая революция в России... С. 376–377.

⁵⁴ Подробнее см.: Алмазов М.Г. Фёдор Дубасов и подавление Декабрьского восстания в Москве // Российская история. 2020. № 1. С. 51–74.

⁵⁵ Подробнее см.: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 32–39; Крылова Е.Н. Министерство внутренних дел и общественная инициатива накануне Первой русской революции. СПб., 2019. С. 101–191. См. также: Колышко И.И. Великий распад / Публ. И.В. Лукоянова. М., 2009. С. 145–146.

⁵⁶ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году... С. 26–27.

составлен по поручению министра С.Е. Крыжановским и имел «самостоятельное значение», а вовсе не являлся развитием идей ноябрьского съезда (с. 614–615). Однако сам Крыжановский свидетельствовал, что министр, ставя перед ним задачу, заявил «о необходимости пойти навстречу пожеланиям умеренной части оппозиции и сделать уступки»⁵⁷. Тесные контакты главы МВД с тем же Д.Н. Шиповым и его единомышленниками также не составляли секрета⁵⁸. Поэтому, скорее всего, князю в докладе нужен был некий «свод» пожеланий консервативной и умеренно-либеральной общественности.

В 1905 г., по мнению мемуариста, самодержавие, не находя поддержки, делало уступку за уступкой. Маклаков объяснял это тем, что «если бы против самодержавия шла одна революция, самодержавие могло бы не уступать. Оно сочло бы себя обязанным бороться с ней *до конца*... Благодаря участию лояльного либерализма в борьбе этого не случилось... Оно не могло бить по либерализму так, как могло бы бить по революции» (с. 306). Действительно, в условиях неудачной войны при недостатке войск и полиции в Европейской России позиция земства, т.е. социально активной части дворянской элиты, являлась важным фактором кризиса режима. Не случайно и сам Николай II, и новый глава МВД Булыгин в итоге склонялись к мнению «большинства» дворянства (например, когда речь шла о «классовом» характере выборов)⁵⁹.

К числу наиболее опрометчивых решений власти Василий Алексеевич относил акты 18 февраля 1905 г. (манифест, указ Сенату и рескрипт Булыгину), в которых одновременно содержались призывы к борьбе с «мятежом» и к укреплению порядка, приглашение направлять в Комитет министров предложения по реформированию государственного строя и обещание созвать «выборных от населения». Всё вместе это отталкивало от правительства потенциальных сторонников и создавало правовую базу для самоорганизации его противников (с. 309–311). Но ещё более пагубным оказался указ 27 августа, наспех даровавший автономию университетам и превративший студенческие аудитории в площадку для политических дискуссий (с. 340–341). В результате осенью учебный процесс в высшей школе был практически сорван из-за митингов, собиравших массу посторонней публики, и невмешательства властей⁶⁰. Вину за это Маклаков совершенно обоснованно возлагает на столичного генерал-губернатора и товарища министра внутренних дел Д.Ф. Трепова. Однако, судя по комментариям Куликова, он в данном случае лишь воплощал рекомендации общественности, изложенные, в частности, в записке кн. С.Н. Трубецкого (с. 644). Ранее, на июльских совещаниях под председательством императора в Петергофе «диктатор», который, по словам Маклакова, «кое-что понимал», высказывался за предоставление будущей Государственной думе права отклонять внесённые законопроекты (с. 339).

Между тем Дмитрий Фёдорович принадлежал к кружку, включавшему также его брата Владимира, И.Л. Горемыкина и А.В. Кривошеина, которые активно боролись с Витте и стремились вырвать из его рук процесс подготов-

⁵⁷ Воспоминания. Из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / Публ. А.В. Лихоманова. СПб., 2009. С. 52–53.

⁵⁸ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году... С. 26; Шипов Д.Н. Воспоминания и думы... С. 259–275.

⁵⁹ Российское дворянство в революции 1905 года... С. 23–25.

⁶⁰ Всероссийская политическая стачка. Т. 1. С. 25–27, 37–41.

ки реформ⁶¹. Другая, не менее влиятельная группа сановников, неформальным лидером которой можно назвать председателя Государственного совета гр. Д.М. Сольского, в 1904–1905 гг. вела дело к ограничению самодержавия и созданию объединённого правительства. Осенью 1905 г., вступив в союз с Витте, именно они склонили Николая II к подписанию Манифеста 17 октября, а не только то, что «самодержавие чувствовало себя в тупике» (с. 342).

Сложившаяся затем в правящих кругах расстановка сил в мемуарах Маклакова существенно упрощена. В его изображении гр. Витте долго пытался добиться сотрудничества с общественностью и, лишь разочаровавшись, дал волю Дурново, предпочитавшему силовые методы борьбы с революцией (с. 362–363). Однако в октябре — начале декабря 1905 г. управляющий МВД также вёл себя весьма осторожно. 3 ноября на заседании Совета министров в присутствии императора звучали его заявления о необходимости «твёрдо и послед[о-вательно] проявлять власть», но резких практических шагов первоначально он не предпринимал. Так, характеризуя на заседании Совета министров 9 ноября Всероссийский крестьянский союз как «революционную организацию», причем «самую опасную», Дурново не спешил немедленно арестовать её членов. В его собственном ведомстве против «мятежного» союза почтово-телеграфных служащих вплоть до 19 ноября прямых репрессий не осуществлялось⁶². Таким образом, приспособление представителей власти к новым реалиям протекало более сложно, нежели это показано Маклаковым. В целом же, сведение им всех переплетений политической борьбы к противостоянию либералов и «исторической власти», как и запоздалые сожаления о недостатке «государственного понимания» радикальной общественности, приводят к заметной схематизации и искажению реалий прошлого.

Андрей Мамонов: Самодержавие и Великие реформы в мемуарах В.А. Маклакова

Andrey Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Autocracy and the Great Reforms in the memoirs of V.A. Maklakov

DOI: 10.31857/S2949124X24030051, EDN: GDQGIG

Подзаголовок книги В.А. Маклакова «Власть и общественность на закате старой России. Воспоминания современника» способен только запутать читателя. Это легко почувствовать, если сравнить её с более поздней редакцией мемуаров⁶³. Их тексты порою дословно совпадают (хотя стилистически последняя версия обработана гораздо лучше), в основной части они охватывают один и тот же период, но выстроены совершенно по-разному. В центре издания 1954 г. — фигура автора, меланхолично излагающего «главный урок моей жиз-

⁶¹ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году... С. 160; Первая революция в России... С. 414–415.

⁶² РГИА, ф. 1328, оп. 2, д. 9, л. 28–32 об.; Совет министров Российской империи. 1905–1906. Документы и материалы / Сост. Б.Д. Гальперина. Л., 1990. С. 36, 44; Высший подъём революции 1905–1907 гг. Вооружённые восстания. Ноябрь–декабрь 1905 г. Ч. 1. М., 1955. С. 116–117.

⁶³ Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. В дальнейшем этот вариант не раз переиздавался. См., в частности: Маклаков В.А. Воспоминания. Лидер московских кадетов о русской политике 1880–1917. М., 2006; Маклаков В.А. Из воспоминаний. Уроки жизни. М., 2011; Маклаков В.А. Из воспоминаний / Сост. В.П. Крашенинников. М., 2016.

ни», лишь в последней главе дополняя его рассуждениями о государстве, земельной собственности и демократии. Между тем в 1936 г., собирая воедино и перерабатывая вышедшие ранее журнальные очерки, Маклаков фокусировал внимание читателя не на себе, а на судьбе пореформенного самодержавия, от его «торжества» в 1861 г. и «укрепления» в 1880-е гг. до «агонии» в 1905 г. и «падения» в 1906 г. При этом мемуарные зарисовки и отступления не столько связывали и вели сюжет повествования, сколько дополняли, конкретизировали и иллюстрировали мысли автора, переходившего, судя по названиям частей и глав, не от юности к зрелости, а от «реакции» к «лжеконституции».

Однако именно благодаря добавлению «воспоминаний» рассказ Маклакова приобрёл ту характерную личную, псевдоисповедальную тональность, которая придаёт ему особую убедительность. И она ещё больше усиливается тем, что автор, на первый взгляд, никого полностью не оправдывает (в той или иной мере в случившемся в стране «пожаре» у него виноваты все), наоборот, критикует «своих» товарищей и не раз хвалит противника, не демонизируя и не принижая его. Всё это подаётся образно, афористично, с широкими обобщениями и запоминающимися портретами современников. Читателю невольно передаётся ощущение погружённости мемуариста в описываемые события и процессы (даже когда тот непосредственно в них не участвовал), и его тянет за новым Вергилием на берега так часто упоминаемого Маклаковым «Ахеронта»⁶⁴. Впрочем, подобная «соблазнительная» увлекательность авторской концепции и свидетельствует о необходимости критического анализа её внутренней логики и аргументации.

Очерчивая свою позицию, мемуарист на первых же страницах отмечал: «Для моего поколения проблема “самодержавия” оказалась в центре политической мысли... В зрелые годы борьба с ним стала *всё покрывающим лозунгом*, отодвинула на задний план всё остальное». В то время, в начале XX в., «оно было обречено всеми и бесповоротно», казалось, что «самодержавие проигрывало тогда неправое и безнадёжное дело» (с. 121). В 1920–1930-е гг. ситуация изменилась, Маклаков признавал, что «теперешняя идеология фашизма и диктатур реабилитирует самодержавие», которое всё же «защищало полноту своей власти не для себя, а для того, чтобы ею служить интересам народа, всех состояний, классов и рас, не завися от обладателей привилегий» (с. 36). Так или иначе, оказалось, что «в наше “фашистское” время легче понять психологию тех, кто в самодержавии видел тогда превосходный инструмент для блага страны» (с. 151). Между тем большевики «после шестимесячного разложения власти... вновь создали её, на старых самодержавных началах» и принялись «калечить Россию во имя борьбы с капиталом, с буржуями и личной свободой». Решительно возражая против происходившей у него на глазах в Европе «реабилитации большевизма», Маклаков не отрицал, что это «заставляет нас пересмотреть теперь наше старое отношение к *русскому* самодержавию» (с. 34–

⁶⁴ Почему именно с этой мифической рекой у Маклакова (имевшего репутацию «отличного ученика» в классической гимназии и едва не ставшего историком античности в студенческие годы) ассоциировалась «антигосударственная стихия» (с. 165), сказать непросто. С.В. Куликов полагает, что мемуаристом так обозначалась «народная масса» (с. 565). Но в «воспоминаниях современника» можно встретить и «студенческий Ахеронт» (с. 176), и указание на то, что «самый антигосударственный вид Ахеронта — политический террор» (с. 166). Очевидно, речь шла о чём-то довольно расплывчатом, «подпольном» и даже inferнальном, несущем неминуемую и непоправимую гибель. Ближе всего по смыслу, видимо, понятие «революционное движение».

36). Но означал ли этот «пересмотр» некое «примирение с действительностью» минувших лет перед лицом «тоталитарных режимов»⁶⁵ нового типа или же продолжение прежней борьбы иными средствами?

Поскольку Маклаков никогда нигде не служил, о самодержавии и его политике он судил исключительно с чужих слов и по наблюдениям со стороны (как правило, со значительного расстояния). На его представления заметно влияли впечатления от прочитанных в юности сочинений А.И. Герцена. Во всяком случае, «идеология самодержавия» формулировалась мемуаристом с помощью цитаты из статьи, опубликованной в Колоколе 18 февраля 1858 г. (с. 37). Не раз Маклаков ссылаясь на «Былое и думы»: познакомившись с книгой в студенческие годы, он и полвека спустя хорошо помнил даже сравнительно мелкие её эпизоды (с. 70, 170, 213). Под воздействием герценовской публицистики и прозы складывалось убеждение, будто в 1830—1840-е гг. «те, кто тогда не был сломлен, в самодержавии видели одно только зло» (с. 32). Оттуда же, вероятно, черпались и «анекдоты о Николае, которые моё поколение возмущали, как проявление самодурства», хотя «среди обывателей» к ним относились даже с «гордостью». Характерно, что в конце 1880-х гг. «ненависть Герцена к Николаю» оказалась «откровением» для студента, который «до тех пор встречал восхищение» покойным императором (с. 39).

Чтение Герцена накладывалось у Маклакова на опыт общения с толстовцами и посещения их колоний, являвшихся специфическими центрами наивного и трагикомического антигосударственнического сектантства с сильным морализаторским оттенком. В 1889 г. к этому добавилось увлечение идеями Французской революции конца XVIII в. Попав в 20 лет на Всемирную выставку в Париже, Маклаков «начитался речей Мирабо», у него даже «образовался культ» вождя Учредительного собрания, противостоявшего «крайностям». Его портрет, а также чад непривычных для молодого человека политических дебатов, бурливших в не вылезавшей из кризисов III республике, Василий Алексеевич увёз с собой в самодержавную Россию⁶⁶.

Разумеется, на Маклакова, прошедшего через историко-филологический факультет Московского университета, воздействовали и повторявшиеся «из года в год» лекции В.О. Ключевского, которые «даже те, кто знал их наизусть, ходили... слушать и наслаждаться, как слушают знакомую музыку в превосходном её исполнении», и занятия у П.Г. Виноградова, стремившегося «прочитать историю Средних веков, не назвав ни одного собственного имени», ибо «они не нужны для её понимания»⁶⁷. У своих учителей студент приобрёл знания о становлении русской монархии и «абсолютизма».

В итоге образ самодержавия, к концу 1880-х гг. враждебно воспринимавшегося юношей, вышел крайне упрощённым, схематичным и моралистически окрашенным. Удивительно, но, несмотря на все потрясения и разочарования, он проступает и в мемуарах, как бы их автор ни оплакивал неспособность «общественности» к конструктивному диалогу с властью. Под «самодержавием» Маклаков понимал не ограниченную законом власть, которая, как и диктатура, по его мнению, «не есть *нормальный* порядок» и «в эпохи *мирного*, т.е. здорового, развития» вырождается (с. 37). «Главной опорой» самодержавия, как

⁶⁵ Это выражение Маклаков употреблял уже в 1950-е гг. (Маклаков В.А. Воспоминания... С. 334, 348—350).

⁶⁶ Подробнее об этом: Маклаков В.А. Воспоминания... С. 76—91, 125.

⁶⁷ Там же. С. 164—165.

полагал мемуарист, являлась «социальная несправедливость»: «оно держалось на подчинении крепостного крестьянского большинства дворянскому меньшинству» и «было нужно дворянству, чтобы силой государственного аппарата защищать эту несправедливость». При этом тут же утверждалось, что «оно держалось и мистической верой народа в царя», который «оберегает народ от помещиков». Откуда эта вера бралась при столь «несправедливом» господстве, не пояснялось (с. 47). Однако в «Заключении» говорилось уже о том, что «со времени Петра власть была много выше общества и народа и вела их к их же благу насильем», хотя «успехи власти, за которые ей должна была быть благодарна Россия, были народу непонятны и чужды» (с. 505). Более того, на протяжении всей книги автор то считает нечто «нравственным долгом самодержавия» (с. 469), то пишет про «попытку вернуть самодержавие к его историческому долгу перед Россией» (с. 224) и т.д. Как этот долг образовался у режима, призванного «защищать несправедливость», пользуясь «мистической верой», опять же умалчивалось.

В более поздней редакции воспоминаний Маклаков поместил уже развёрнутое рассуждение о том, как «из столкновений между людьми выросла необходимость государства, которое своей организованной силой могло устранять противоречия и объединять усилия отдельных людей для общего блага». Однако он констатировал, что «государство немыслимо без “государственной власти”, то есть без того меньшинства, которое признаётся руководителем всего государства и подавляющим преобладанием силы над отдельными людьми может заставлять их всех себе подчиняться». Причём «эта власть может от назначения своего отклоняться; может служить не общему благу, а поддерживать привилегии и преимущества одних над другими; может пренебрегать интересами населения, подчиняя их своим собственным выгодам». В результате «соперничество и борьба между отдельными людьми или классами стали перерождаться в борьбу между человеческой личностью и государственной властью». По мнению Маклакова, «к этой антиномии свелась главная проблема нашей эпохи. Государство стало общей формой общежития; и повсюду, где оно есть, идёт борьба между человеком и им. И несмотря на эту борьбу, они необходимы друг другу; ни одного из них нельзя уничтожить, чтобы и другой не пострадал. Чтобы эта борьба прекратилась, между ними должно быть равновесие». Достичь же его возможно «только на признанной ими обоими обоюдной пользе, то есть на *справедливости*». Автор верил, что «если наша планета не погибнет раньше от космических причин, то мирное общежитие людей на ней может быть построено только на началах равного для всех, то есть справедливого права. Не на обманчивой победе сильнейшего, не на самоотречении или принесении себя в жертву другим, а на справедливости». И хотя «никто поручиться не может, что в мире будет господствовать справедливость», но «для человеческой природы мир на земле возможен только на этих началах», и «в постепенном приближении к ним состоит назначение государства, а может быть, и всемирного государства»⁶⁸. Как тут не вспомнить о маклаковском масонстве...

Таким образом, анализ конкретных политических конфликтов своего времени Маклаков вписывал в контекст мифологического противостояния отвлечённых начал космического масштаба, и в нём искал объяснения

⁶⁸ Там же. С. 326–327, 347–348.

и оправдания происходивших событий. Поэтому для его картины мира так характерны безличные закономерности (вполне в духе Виноградова), всевозможные предназначения, определяемые не реальными действующими лицами, а описывающим их теоретизирующим демиургом прошлого, телеологическая заданность событий и процессов и, наконец, трагическая обречённость их участников, превращающая историю в драматическое и чуть ли не оперное произведение.

В полной мере это относится и к интерпретации Маклаковым реалий пореформенного времени. По его словам, самодержавие, стремившееся «служить интересам народа», «показало себя на высоте такого призвания» (с. 36), «дало доказательство своей жизненности» и «начало ряд глубоких реформ, превращавших постепенно Россию в современную демократию» (с. 226). Но «для того, чтобы в 1860-х годах поставить Россию на *эту* дорогу, *нужно было самодержавие*», поскольку «тогдашний правящий класс этих реформ не хотел», да и сам император «был вынужден к ним» и проводил их, ломая «свои личные предубеждения» (с. 37). К таким действиям его подталкивали «Крымская неудача» (с. 217) и «опасение перед “крепостным” Ахеронтом» (с. 166), страх «движения снизу» (с. 37). Именно в том, что власть руководствовалась «объективной необходимостью», прислушиваясь «к народным желаниям», Маклаков усматривал «идейное оправдание *самодержавия*» (с. 37).

Между тем, как пишет мемуарист, «когда в 1861 году было отменено “крепостное право”, была уничтожена ось, на которой держалось всё старое государство» (с. 185). Именно поэтому приверженцы Герцена и прочие «народолюбцы, отдавшие тогда себя на служение родному народу, могли не истощать своих сил в борьбе *против* власти» (с. 37), которой «пришлось спешно проводить другие реформы: судебную, земскую, воинской повинности, словом всё, что стало придавать России современный европейский характер» (с. 185). Собственно «либеральная программа 1860-х годов» сводится Маклаковым к триаде «свобода, законность, самоуправление» (с. 144). Впрочем, «деятели реформ были тем и велики, что сумели перестроить здание, не дав ему развалиться» (с. 185). Более того, своими действиями Александр II «не подорвал, а *укрепил* принцип самодержавия». И соответственно «шестидесятые годы, которые превозносили либерализм, были торжеством не только *его* представителей; они были и торжеством *самодержавия*». Однако «победа самодержавия сделалась началом его собственной гибели», когда после Великих реформ оно вступило в конфликт «с обществом» (с. 37).

Если верить Маклакову, «героическая пора самодержавия» (с. 37) быстро прошла: «С тех пор, как самодержавие отделило свою судьбу от дворянства, освободило крестьян и этим нанесло сословности непоправимый удар, его дни были сочтены. Как и современные фашизмы, оно было нужно, чтобы сломить старый порядок, силу преобладающих классов и построить общежитие на новых началах. Но когда это было окончено, в нём более не было необходимости; жизнь стали устраивать на других основаниях, которые исключали необходимость “неограниченной власти”». Из этого автор делал «логический вывод», будто в пореформенный период «на самодержавии лежал последний долг довести до конца начатое дело, дать развиваться созданным им учреждениям, укорениться новым идеям — и затем разделить свою власть с выросшим и подготовленным обществом, как честный опекун сдаёт имущество своему бывшему подопечному» (с. 47). Мемуарист не сомневался, что «в России было

зерно, из которого “самотёком” росла конституция». Таким ему виделось «местное самоуправление, т.е. земство», которое «ведало те же общие нужды, что и государство», так же «было принудительной организацией, но осуществляло принцип “народоправства”». Казалось, «стоило постепенно развить это начало к низу и к верху, и конституция сама собой бы пришла», пусть и «долгим путём, но во время него воспитывались бы кадры людей, которые на опыте узнавали бы нужды страны, трудности, которые им предстояли бы, и были бы подготовлены, чтобы сменить прежних представителей власти». Исходя из этого, Маклаков утверждал, что «самодержавие было обречено; оно могло выигрывать время, но спасти себя не могло. Обществу было достаточно жить и расти, чтобы получить всё, что ему было нужно, в том числе и “увенчание здания”» (с. 138–139).

Рисуя подобную картину, Маклаков мог убедительно критиковать и самодержавие, не спешившее «сдавать имущество», и противостоявшее ему «освободительное движение», не желавшее потерпеть. Но на что же он опирался, помимо собственных умозаключений и бытовавших в его время логических конструкций? Мемуарист, родившийся в 1869 г., естественно, не только не застал эпоху Великих реформ, но и «последние годы Александра II» помнил «смутно» (с. 37). К тому моменту, когда он стал проявлять интерес к общественной жизни, как в булгаковском романе: «Исчезло всё — и либеральное самодержавие Александра II, и либеральные государственные люди, и “подпольная” революция, и признаки того общего недовольства, из которых рождаются *народные* революции, всё было задушено или замерло на наших глазах». При Александре III студенту оставалось лишь учиться у «старших», споривших о 1860-х гг.: «Всё ещё было полно воспоминаниями о них. Ни у кого не могло быть безразличного к ним отношения. Одни говорили о них с восхищением, возмущаясь всякою критикой; другие — с насмешкой и злобой» (с. 32–33). Постепенно в 1880-е гг. «создавалась не всегда искренняя идеализация реформ и самой личности Александра II», не вызывавшая доверия у подраставшего поколения (с. 33–34, 48). А в целом и защита, и критика преобразований 1860–1870-х гг. превращались в своего рода полемический приём, способствовавший скорее их мифологизации, чем критическому анализу. К тому же всё это были впечатления и размышления людей, не формировавших правительственную политику, а переживавших её последствия и обычно слабо осведомлённых о тех мотивах, которыми она вдохновлялась.

Неудивительно, что в изображении Маклакова существенные черты Великих реформ стусёвывались или искажались. Проводя их, самодержавие и либеральная бюрократия вовсе не предполагали в дальнейшем кому-либо «передавать» ни властные полномочия, ни инициативную роль в преобразовании страны. Любые попытки как «либералов», так и «крепостников» навязывать свою волю правительству систематически пресекались и до 1861 г., и после. Новые институты «укрепляли» власть не потому, что ломали некие «предубеждения», а поскольку увеличивали её ресурсы и совершенствовали способы распоряжения ими. Та же регулируемая гласность являлась важным рычагом внутренней политики не только при подготовке освобождения крестьян, но и в 1863 г., когда она усиливала общественный подъём, способствовавший подавлению польского мятежа.

Собственно и перспективы самодержавия после 1861 г. виделись реформаторам иначе, чем Маклакову. Весной 1863 г. Н.А. Милютин (один из ос-

новых разработчиков и идеологов крестьянской и земской реформ⁶⁹) писал из Парижа своему брату Дмитрию, возглавлявшему военное ведомство: «Общественное мнение Европы нам враждебно; это факт; порывы его смутны, неясны, в практическом отношении большей частью нелепы; но они все (надо сознаться) направлены против абсолютизма. Тут важную, если не самую главную роль играет опасение той несокрушимой силы, которую может в более или менее отдалённой будущности представлять Россия, обновлённая, покойная, богатая и послушная *одному* направлению. Всё, что может рисовать наше патриотическое воображение в минуты самого восторженного своего настроения, — всё это мерещится и Европе в виде страшного призрака»⁷⁰. Характерно, что именно либеральные бюрократы в 1860–1870-е гг. решительно выступали против любых «конституционных» (или считавшихся таковыми) экспериментов, в которых можно было усмотреть шаг от авторитаризма к дворянской олигархии. Причём отторжение у них вызывали не принципы выборности или представительства как таковые, а именно попытки придать выборным политический вес и значение, противопоставив их слишком «красному» чиновничеству (к чему склонялись, к примеру, П.А. Валуев или гр. П.А. Шувалов).

Но действительно ли в пореформенное время из земства «росла конституция»? Возможно, так бы оно и получилось в случае реализации планов Валуева, предусматривавших подчинение местным землевладельцам волостного управления, доминирование дворянства в уездном земстве и образование Съезда земских гласных при Государственном совете. Тогда *гипотетически* рядом с государственным аппаратом могла бы возникнуть самостоятельная власть, опирающаяся не на войска и полицию, а на материальную зависимость крестьян от помещика в деревне, подавляющее влияние дворян и их предводителей на малочисленных чиновников в уезде и поддержку условной «аристократической партии» (противопоставлявшейся либеральной бюрократии) в правящих кругах⁷¹. Однако земство в том виде, как оно было создано и существовало, собственной власти не имело и иметь не могло. Оно, конечно, делало обязательные для населения распоряжения и в этом смысле являлось «принудительной организацией» (с. 139), но «принуждать» к их исполнению оно могло только через административно-полицейские структуры. Тем самым «силу» земские учреждения получали не от влиятельных «земцев», державших уезд в своих руках, а, в сущности, от того же правительства. Потому и выборы являлись для них не источником власти, а всего лишь способом комплектования. На такой почве росли не «конституции», а исключительно жалобы в Сенат, выступавший арбитром между органами администрации и самоуправления⁷².

В изображении же Маклакова «русское земство» представало как «разумный общественный слой, с которым самодержавная монархия может без

⁶⁹ Подробнее см.: Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856–1861 // Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М., 2011; Морозова Е.Н. Н.А. Милютин: замыслы и результаты (от полицейской реформы к созданию проектов эффективного местного управления). Саратов, 2019.

⁷⁰ Цит. по: Милютин Д.А. Воспоминания. 1863–1864 / Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2003. С. 137.

⁷¹ Подробнее о ней см.: Христофоров И.А. «Аристократическая» оппозиция Великим реформам. Конец 1850 – середина 1870-х гг. М., 2002.

⁷² При этом, как пишет Е.А. Правилова, «в большинстве случаев I департамент [Сената] решал дела в пользу земств»: Правилова Е.А. Законность и права личности: административная юстиция в России (вторая половина XIX в. – октябрь 1917 г.). СПб., 2000. С. 90–91.

опасности для государства разделить свою власть». Мемуарист даже утверждал, что «это издавна было мнением передовой бюрократии, начиная с Лорис-Меликова и кончая Святополк-Мирским» (с. 386). Правда, по его же словам, почему-то не это намерение, а «бессилие справиться с террором в 1870-х годах привело к политике Лорис-Меликова» (с. 166), пытавшегося будто бы «преодолеть революционную смуту *уступкой либеральным желаниям*» (с. 43). В чём же она состояла? В «Заключении», упомянув про «предложение о введении в Государственный совет нескольких представителей земств», автор напишет, что «за него слетели сподвижники Лорис-Меликова» (с. 502). Видимо, с этим он связывал и то, что «в плане Лорис-Меликова испуганное воображение завидело “конституцию”» (с. 46). Просто удивительно, насколько пугливые люди, согласно Маклакову, правили империей: то «Ахеронт» вызывал у них «боязнь его стихийной мощи», то заседающие вместе с чиновниками земцы. И это при том, что замыслы гр. М.Т. Лорис-Меликова кажутся мемуаристу гораздо более скромными, чем последующие предложения кн. П.Д. Святополк-Мирского (с. 288), не говоря уже о проекте «булыгинской думы» (с. 377).

Всего этого Маклаков касается вскользь, мимоходом, как хорошо известного сюжета. С тех пор он многократно освещался в историографии⁷³. Тем более странно прочесть в комментариях, что «в действительности по поручению Александра II министр внутренних дел граф М.Т. Лорис-Меликов разработал проект... создания при Государственном совете Особого совещания из представителей населения», которому предстояло рассмотреть «подготовленные Министерством внутренних дел законопроекты, нацеленные на решение вопросов местного значения», и это «явилось бы шагом к установлению конституции» (с. 516). Чуть позже комментатор исправляется, указывая, что в известном докладе графа речь шла о созыве не «Особого совещания», а «подготовительных и Общей комиссий» (собственно им, а не МВД, и следовало составлять законопроекты), но почему-то расценивает это как «создание при Государственном совете аналогов нижней палаты» (с. 599). Такой комментарий скорее вводит читателя в заблуждение, нежели поясняет нечёткие формулировки автора⁷⁴.

⁷³ *Готье Ю.В.* Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 г. // Исторические записки. Т. 2. М., 1938. С. 240–299; *Зайончковский П.А.* Кризис самодержавия в России на рубеже 1870–1880 годов. М., 1964. С. 148–378; *Захарова Л.Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. С. 60–68. См. также: *Захарова Л.Г.* Александр II и отмена крепостного права в России. С. 418–426; *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. Л., 1978. С. 127–190; [*Чернуха В.Г.*] Внутренний кризис: 1878–1881 гг. // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996. С. 362–367; *Итенберг Б.С., Твардовская В.А.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. М., 2004. С. 102–210. Подробную библиографию см.: *Шилов Д.Н.* Главы высших и центральных государственных учреждений Российской империи. 1802–1917. Библиографический справочник. Т. 1. СПб., 2024. С. 797–803.

⁷⁴ Справедливости ради нельзя не сказать, что подавляющее большинство комментариев С.В. Куликова, напротив, существенно облегчают чтение мемуаров, сопровождая их не только ссылками, но и пространными цитатами из документов, упомянутых Маклаковым (иногда они даже приводятся целиком). Не менее ценны и отзывы современников мемуариста об описываемых им событиях, которые часто приводит комментатор. Весьма содержательны также справки о различных органах власти. Сожаление вызывает лишь то, что их автор воспроизводит расхожее ошибочное представление об учреждении Государственного совета не в 1801, а в 1810 г. (с. 512). Встречаются и другие фактические неточности. Так, С.С. Уваров назван графом в 1833 г. (с. 518), хотя этот титул он получил только в 1846 г. «Члены тайного общества “Народная воля”», как известно, возникшего на рубеже лета–осени 1879 г., организуют покушение на Александра II в апре-

Между тем толковая характеристика деятельности гр. Лорис-Меликова в примечаниях к мемуарам Маклакова выглядела бы весьма уместно, поскольку она позволила бы выявить натяжки в авторских построениях, иные из которых превратились в историографические штампы. Во-первых, «бессилие» правительства в борьбе с террористами — явное публицистическое преувеличение. При тех возможностях, какими располагала полиция 1870-х гг., и учитывая новизну задачи, с которой ей довелось столкнуться, она действовала вполне успешно, громя кружок за кружком, совершенствуя свою структуру и навыки и за несколько лет практически выбив или выдавив за границу террористическое подполье. Во-вторых, гр. Лорис-Меликов, в отличие, кстати, от кн. Святополк-Мирского, не предлагал обуздывать «смуту» либеральными уступками. Для её пресечения граф рекомендовал создать не Общую комиссию, а Департамент полиции, усиленный чинами прокуратуры (откуда и вышли В.К. Плеве и П.Н. Дурново). В своих докладах 1880—1881 гг. он исходил из того, что решительная демонстрация силы и продуманные репрессии позволят, подавив революционное движение, вернуться к либеральной политике, а вовсе не из надежды остановить террористов теми или иными послаблениями. Цель намечавшихся преобразований виделась ему в развитии созданных в 1860—1870-е гг. институтов и их использовании для устранения социальных проблем, возникавших в пореформенное время и формировавших питательную среду для «крамолы»⁷⁵. При этом предусматривалось активное включение в правительственную политику земства, печати, судебного ведомства, но отнюдь не превращение их в самостоятельные центры силы, с которыми пришлось бы, по выражению Маклакова, «разделить свою власть». К подобным претензиям земцев-конституционалистов гр. Лорис-Меликов относился совершенно иначе, нежели кн. Святополк-Мирский. И весьма характерно, что их лидер И.И. Петрункевич, осенью 1904 г. председательствовавший на полулегальном земском съезде, в 1880—1881 гг. находился в административной ссылке и писал отчёты для жандармского полковника, который, видимо, таким образом «разделил» с ним свою власть⁷⁶.

В-третьих, не менее важно и то, что предложенный гр. Лорис-Меликовым механизм разработки преобразований при помощи особых комиссий, составленных из чиновников и экспертов, опирался не на пример европейских представительных учреждений (как валуевский проект 1863 г.), а на опыт подготовки крестьянской реформы 1861 г. Общая комиссия с выборными от земских собраний и городских дум, по сути, представляла собой более либеральный вариант созыва депутатов от губернских комитетов в 1859—1860 гг. Меньше всего она напоминала «нижнюю палату». Создать её предполагалось в виде опыта на шесть недель, причём в ней преобладали бы всё те же чиновники и эксперты, формальным председателем планировалось назначить наследника престола, а его заместителями и фактическими распорядителями всего дела — главу МВД (шефа жандармов) и военного министра. Такой «палаты» было бы

ле 1879 г. (с. 513) и т.п. Впрочем, при обширных комментариях (с. 512—698) и именном указателе с развёрнутыми аннотациями (с. 699—736) подобные недочёты особого значения не имеют.

⁷⁵ См.: Конституция графа Лорис-Меликова. Материалы для её истории / Публ. кн. Н.В. Голицына // Былое. 1918. № 4—5. С. 154—166.

⁷⁶ Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания / Под ред. А.А. Кизеветтера // Архив русской революции. Т. 21—22. М., 1993. С. 136—155.

«не сыскать» даже Людовику XVIII. Сравнивать её всерьёз с Генеральными штатами не приходилось⁷⁷.

Цареубийство 1 марта 1881 г. сделало задуманную графом комбинацию неосуществимой. Судя по его пассивности на известном заседании Совета министров 8 марта, он и сам это хорошо понимал. В сложившихся тогда условиях для продолжения реформаторского курса требовалась консолидация правительства уже не вокруг сановника, пользовавшегося исключительным доверием Александра II, а на основе общей программы, одобренной новым императором. Однако Александр III не без оснований опасался, что сокращение межведомственных разногласий и дальнейшая институционализация управления существенно увеличат его зависимость от более опытных и компетентных министров, проводящих солидарную политику. Именно в этом, а не в мифической «конституции», он видел угрозу своей власти, которую формально никто не собирался ограничивать. 29 апреля, подписав за спиной членов своего правительства сочинённый К.П. Победоносцевым манифест, монарх фактически спровоцировал отставку гр. Лорис-Меликова и его сторонников⁷⁸.

По-видимому, после 1881 г. развитие институтов, возникших в эпоху Великих реформ, прочно ассоциировалось у Александра III с «либеральной системой» гр. Лорис-Меликова. Не случайно император резко изменил в лучшую сторону отношение даже к тем противникам преобразований 1860-х гг., к которым, будучи цесаревичем, испытывал неприязнь (гр. Д.А. Толстой, гр. П.А. Шувалов и др.). Однако отсутствие единой правительственной программы в равной мере парализовывало как реформаторские, так и «контрреформаторские» усилия.

Маклаков признавал, что «царствование Александра III оказалось роковым для России; оно направило Россию на путь, который подготовил позднейшую катастрофу». Но, как писал мемуарист, «мы это ясно видим *теперь*; тогда же по внешности это царствование казалось благополучным: «вырос престиж России и самодержавия, и самого самодержца» (с. 38), террор в 1880-е гг. «прекратился» (с. 167), «в обществе наступило отрезвление и успокоение» (с. 43), «оно занималось своими делами, добивалось личных успехов на существующих поприщах и не думало о борьбе с государственною властью», у него «ослабел интерес ко всякой политике». Более того, «Александр III к концу своей жизни стал популярен. Вреда, который он принёс России, тогда не замечали» (с. 49). И к началу 1890-х гг. «все были уверены, что он самодержавный режим укрепил и надолго» (с. 38).

Со всем этим Василий Алексеевич как будто даже готов был примириться (во всяком случае, в эмиграции). Его вполне устраивало не «увенчание» и даже продолжение, а «охранение Великих реформ, их главных основ, на ко-

⁷⁷ Как позднее рассказывал граф, «Государь подписал мой проект Общей комиссии очень легко и лишь раз и то с чьих-то чужих слов спросил меня: “А это не будут ли *États généraux*?” и снова отдался ежедневным заботам, официальным суетам и огромному механическому труду дня, состоящему в бесконечном чтении всяких докладов и делании отметок» (Кони А.Ф. Граф М.Т. Лорис-Меликов // Кони А.Ф. Собрание сочинений. В 8 т. Т. 5. М., 1968. С. 197–198). Подробнее см.: Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис-Меликов и формирование правительственной политики в 1880–1881 гг. // Пётр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 592–607.

⁷⁸ Подробнее см.: Мамонов А.В. «Неожиданный и непонятный для большинства современников»: манифест 29 апреля 1881 г. и либеральная бюрократия // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2017. № 1(5). С. 88–108.

торых стояла новая Россия, и благожелательное исправление тех погрешностей и недочётов, которые обнаружила жизнь». Тогда бы царствование Александра III «могло быть консервативным, а не реакционным», и затем установился бы тот же конституционный строй, что и в 1905–1906 гг., только «другого числа и в другой обстановке; тогда и трёхсотлетняя династия не погибла бы так бесславно». Всё повернулось иначе, и если на рубеже 1850–1860-х гг., по мнению мемуариста, «программа» самодержавия определялась «объективной необходимостью», то в 1880-е гг., наоборот, «советники государя увлекли его на другую дорогу», хотя, «вероятно, и его личные симпатии клонились туда». С весны 1881 г. «с утрированной резкостью» проповедуемая Победоносцевым «идеология реакции толкнула его на гибельный план — постепенно душиť реформы 1860-х годов» (с. 44–47). А в середине 1890-х гг., уже при Николае II, «курс Александра III, прощительный как передышка, был объявлен вечной программой самодержавия». Объявив «бессмысленными мечтаниями» надежды земств на участие «в делах внутреннего управления», император оттолкнул тех, «кто думал, что самодержавие *способно* продолжать эпоху либеральных преобразований в России» (с. 134).

Ответом на это стало развернувшееся в начале XX в. «освободительное движение», сосредоточившееся «исключительно и всецело на низвержении *самодержавия*». Как утверждает Маклаков, «эта война скоро захватила всё общество» (с. 134). В итоге «в этой борьбе против истории самодержавие было побеждено, но России дорого обошлась такая борьба» (с. 47). Вернуться на путь мирной эволюции стране не удалось.

Разительные перемены в общественных настроениях на рубеже XIX–XX вв. мемуарист объяснял именно тем, что «в эпоху 1880-х годов только отдельные единицы с проницательностью заклятых врагов догадывались, что реформы 1860-х годов, либерализм и самодержавие несовместимы. Широкое общество эту несовместимость искренне отрицало... Но при Николае II это опасное учение о несовместимости стало официальным мнением власти... *Вся идеология Великих реформ* оказывалась принципиально *с самодержавием* несовместимой» (с. 135).

Важным подтверждением этого для Маклакова и его товарищей по «освободительному движению» служили апории С.Ю. Витте, доказывавшего в 1899 г. в полемике с И.Л. Горемыкиным несовместимость самодержавия и земства (с. 135, 229, 555–556). Василий Алексеевич полностью соглашается с логикой и выводами известной записки Витте, поспешно опубликованной эмигрантами⁷⁹ и активно распространявшейся конституционалистами, использовавшими её для дискредитации монархии (с. 229–232). При этом мемуарист совершенно упускает из виду, что если в теории можно сколько угодно противопоставлять принципы «самодержавия», «самоуправления», «народоправства» и проч., то на деле исторически земство создавалось самодержавием, функционировало с помощью его власти и прекратило своё существование вскоре после его падения. В 1899 г. можно было остроумно спорить об их совместимости и противоположности, но к 1936 г. бесспорным являлось то, что земские учреждения без самодержавия оказались нежизнеспособны. То же можно сказать и о других институтах, возникших в эпоху Великих реформ.

⁷⁹ Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С.Ю. Витте (1899). С предисловием и примечаниями Р.Н.С. [П.Б. Струве]. Stuttgart, 1901.

Характерно, что сам Витте представлен Маклаковым как «идеолог либерального самодержавия» и искренний приверженец свободы и авторитарного реформаторства одновременно (с. 224–248). В конфликте Витте и Плеве автор видел «тот же спор, который в 1881 году столкнул Лорис-Меликова и Победоносцева» (с. 267). Это весьма показательно, поскольку Витте по своему жизненному опыту и карьере разительно отличался от тех либеральных бюрократов, которые готовили и проводили преобразования Александра II. Он не прошёл их бюрократической школы и был далёк от круга столичных канцелярий. В его быстром возвышении при Александре III проявлялось стремление императора выдвигать на первый план представителей небюрократического мира (прежде всего, из предводителей дворянства), защищаясь от преобладания профессиональных чиновников, которым он никогда не доверял. Витте многое сближало с реакционными публицистами, критиковавшими Великие реформы и делавшими ставку на неформальные рычаги влияния на монарха. Как и они, Витте тяготел не к институционализации власти (привлекавшей деятелей Великих реформ), а скорее к харизматическому персональному доминированию. В системе, формировавшейся при Александре II, ему было бы тесно, он искренне хотел неформализованного самодержавия в победоносцевском стиле, но для себя. Точно так же его устраивала бы и конституция, если бы она дала ему волю. Любопытно, что основные оппоненты Витте — Горемыкин и Плеве — являлись как раз классическими бюрократами и сторонниками институционализации власти, причём в той или иной мере лично причастными к политике гр. Лорис-Меликова 1880–1881 гг. У Маклакова же их противостояние, по сути, вывернуто наизнанку.

В 1905 г., в условиях нараставшего революционного хаоса, созданного действиями как императора, так и оппозиционной общественности, всё больше смыкавшейся с явными революционерами, бюрократия, как либеральная, так и консервативная, отчаянно искала поддержки у таких фигур, как Витте или Д.Ф. Трепов, надеясь при их участии выстроить хоть какой-то баланс и поставить, наконец, под свой контроль императора при помощи диктатуры или конституции. Ведь появление полномочного диктатора или призрак Государственной думы в равной мере вынуждали самодержца смириться с консолидацией правительства, от которой Александр III отказался в 1881 г. Без этого же дезорганизация управления грозила империи коллапсом.

Маклаков полагал, что Манифестом 17 октября 1905 г. «самодержавие себя упразднило» (с. 345) и через несколько месяцев «Россия стала конституционной страной». Ведь в ней в апреле 1906 г. «была объявлена *настоящая конституция* и власть самодержца сделалась ограниченной по закону», а собравшаяся вскоре Дума являлась уже «неотъемлемым фактором государственной жизни» (с. 502). Но «Основные законы» в Российской империи были сведены воедино ещё в 1832 г., и их нормы, покуда они действовали, равно как и всевозможные манифесты, жалованные грамоты, положения, уставы и проч., также регулировали и тем самым в той или иной мере ограничивали распоряжения императора. Поэтому драматический спор на Царскосельских совещаниях об исключении в новой редакции Основных законов из ст. 4, определявшей характер и prerogatives царской власти, эпитета «неограниченный» (с. 474–477, 688–690) был в значительной степени схоластическим. Поскольку признавалось, что императору принадлежит «верховная самодержавная власть», его воля оставалась единственным источником полномочий всех государственных уч-

реждений, не исключая и представительных. Та же Государственная дума получала свою власть по царскому манифесту и в пределах, очерченных монархом в тех же Основных законах. Никакой собственной власти, помимо предоставленной ей царём, Дума не имела. Именно поэтому её можно было спокойно распускать и даже переформатировать настолько, насколько это признавалось целесообразным в правящих кругах. Вплоть до 1917 г. император и высшая бюрократия оставались единственным гарантом самого существования Государственной думы⁸⁰. И не случайно сразу же после отречения Николая II она оказалась никому не нужна и ушла в политическое небытие, хотя буквально перед этим её лидеры готовились взять в свои руки управление страной⁸¹.

Разумеется, наличие Думы усложняло для царя и его правительства законотворческий процесс, что отнюдь не делало политику самодержавия более эффективной. Но едва ли на практике оно ограничивало верховную власть намного более, чем сложные процедуры межведомственного согласования законопроектов и правительственных решений. Не случайно, по свидетельству Н.Х. Бунге, ещё в середине XIX в. «Н.А. Милютин... в шутку назвал преппирательства наших высших административных учреждений между собой — нашей конституцией»⁸². В конечном счёте, при особо упорном сопротивлении депутатов или членов Государственного совета любой закон можно было издать и воплотить в жизнь и без участия выборных. Поэтому если, по выражению Маклакова, до 1905 г. «русское общество знало разные виды самодержавия, но другого порядка не знало» (с. 153), то и впоследствии мало что изменилось. Самодержавная власть представляла собой прежде всего организованную (и персонифицированную) силу, и для её реального ограничения требовались не просто те или иные юридические нормы и учреждения, а появление в государстве другой социально-политической силы, вполне независимой от правительства, необходимой ему и располагающей сопоставимыми ресурсами и уровнем организованности. Только тогда между ними могла быть заключена полноценная конституционная сделка, условия которой фиксировались бы уже основным законом и регулировались на тех или иных «представительных» площадках. Без этого всякий «конституционализм» оказывался миражом или инструментом бюрократической «нормализации» и институционализации положения верховной власти в рамках всё того же, пусть и слегка обновлённого или даже вовсе «перестроенного», самодержавного режима.

Так или иначе, воспоминания Маклакова заставляют задуматься о том, было ли «обречено» пореформенное самодержавие и что представляло для него настоящую угрозу. То, что монархию в России некому было политически ограничить, не спасло её от гибели. Осуществив в середине XIX в. беспрецедентные на тот момент по своему масштабу и успешности реформы, самодержавие в начале XX в. не справилось с их социальными последствиями — демографический рост и развитие страны опережали усложнение и увеличение государственного механизма, увязшего сперва в «реакции», а потом — в конституционных экспериментах. Причём нараставшее с 1881 г. взаимное отчуждение и недоверие

⁸⁰ Подробнее см.: *Гайда Ф.А.* Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910–1917). М., 2016.

⁸¹ *Николаев А.Б.* Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года. Т. 1–2. СПб., 2017.

⁸² *Бунге Н.Х.* Загробные заметки / Публ. В.Л. Степанова // Река времён (книга истории и культуры). Кн. 1. М., 1995. С. 218.

верховой власти и бюрократии сыграло в судьбе империи едва ли не ключевую и роковую роль.

Однако после гибели монархии в России неограниченная («самодержавная») власть сравнительно быстро восстановилась в ином облики. Теперь вместо царского авторитаризма с тенденцией к бюрократической олигархии установилась партийная олигархия с тенденцией к вождистскому авторитаризму. При этом выяснилось, что ни выборность (легко контролируемая или манипулируемая), ни всевозможные декларативные конституции и «громкие права» для настоящего, не ограниченного другими силами, самодержавия не помеха. Борьба с «абсолютизмом», на которую Маклаков потратил лучшие годы своей жизни, оказалась губительной и напрасной. Её оправдания звучали сомнительно. Но ещё можно было попытаться убедить современников и потомков в неизбежной «обречённости» любых «диктатур», сколь бы прочными ни казались их позиции в данный момент. А заодно и одержать над погибшим и возрождённым самодержавием последнюю, пусть и сугубо литературную, победу. Что, собственно, Василий Алексеевич и сделал на страницах своих мемуаров.

Правительственная власть и идея народного представительства в 1905 г.

Сергей Новосельский

Government authority and the idea of public representation in 1905

Sergey Novoselskiy
(Russian State University for the Humanities, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24030087, EDN: GDNEGD

В начале XX в. многие связывали обновление государственного строя Российской империи с созданием институтов представительной власти, видя в этом главное средство против разразившейся в 1905 г. «смуты». В спорах о том, каким должно быть представительство, родился парламент. И хотя предшествовавшие этому дискуссии уже привлекали внимание историков¹, полемика, развернувшаяся по данному поводу в 1905 г., ещё нуждается в изучении.

Как правило, инициатором и мотором реформ в империи выступала бюрократия, пытавшаяся встроить представительные учреждения в существовавшую систему управления, дабы наполнить политику идеями, популярными в обществе, и сплотить вокруг престола сторонников перемен². Вместе с тем намеченные преобразования должны были как-то вписываться в тот образ самодержавия, которым руководствовался Николай II. Уговаривать императора следовало крайне осторожно.

В то же время, привлекая общественных деятелей как экспертов к обсуждению законопроектов, министры на рубеже XIX–XX вв. не только решали ведомственные задачи, но и стремились обрести популярность в земской среде. В 1902–1904 гг. борьба за экспертов являлась частью противостояния Министерства финансов и МВД³, при котором в марте 1904 г. был создан Совет по делам местного хозяйства. А в декабре возобновились заседания Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Видную роль в обоих учреждениях играли представители общественности. Кроме того, члены Госу-

© 2024 г. С.С. Новосельский

¹ См.: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991; Куликов С.В. Венец премьерства графа С.Ю. Вите. Подготовка Основных государственных законов 23 апреля 1906 г. (по новым документам) // С.Ю. Вите — экономист, политик, дипломат / Под ред. С.Д. Бодрунова. М., 2015. С. 80–132; Куликов С.В. Оттон Эйхельман и его проект Основных государственных законов // Петербургский исторический журнал. 2019. № 2. С. 82–99; Дёмин В.А. Идея представительной власти // Общественная мысль России: с древнейших времён до середины XX века: в 4 т. Т. 3. Общественная мысль России второй четверти XIX — начала XX в. / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2020. С. 194–239.

² Нарезный А.И. Проблемы народного представительства в общественной мысли России второй половины XIX в. // Общественная мысль России: истоки, эволюция, основные направления. Материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2010 г. М., 2011. С. 339; Медушевский А.Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII — начало XX в. / Отв. ред. С. Бертолисси, А.Н. Сахаров. М., 2000. С. 140.

³ Соловьёв К.А. Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М., 2018. С. 275–277.

дарственного совета участвовали в обедах, на которые приглашались влиятельные финансисты⁴. Идея вывести общественную экспертизу на новый, общегосударственный уровень казалась в этих условиях логичным и естественным шагом.

4 ноября 1904 г. кн. П.Д. Святополк-Мирский поручил С.Е. Крыжановскому разработать проект преобразований, допускавший «уступки, которые совместимы с сохранением существующего государственного строя и способны были бы оторвать либеральные элементы общества от революционных»⁵. В составленной Крыжановским записке предусматривался в том числе и призыв выборных от земств и городов в Государственный совет, что подавалось как нечто похожее, пусть и в иной форме, на Земские соборы XVI–XVII вв. Кроме того, в МВД рассчитывали на то, что изменение структуры Совета поможет властям достичь согласия со столичными и региональными элитами⁶.

Идею привлечения выборных к правительственной деятельности поддерживали публицисты самых разных взглядов. Кн. С.Н. Трубецкой видел в этом «уже не свободолюбие, а патриотизм». Бюрократия обвинялась им в защите исключительно собственных корпоративных интересов и игнорировании потребностей других социальных групп (особенно крестьян). Выборным же членам Государственного совета предстояло сесть за стол переговоров с чиновниками и образовать тем самым «почву для согласия»⁷. Некоторые шли ещё дальше. С.Ф. Шарапов убеждал кн. Святополк-Мирского в том, что императору следовало как можно скорее во всеуслышание заявить о намерении созвать представительство⁸. В письме кн. М.М. Андронику он тогда же мечтал об отмене Табели о рангах и призывал не только привлечь общественных деятелей в Государственный совет, но и вручить им министерские портфели⁹. Среди сановников проект кн. Святополк-Мирского поддерживали гр. Д.М. Сольский, А.С. Ермолов, Э.В. Фриш¹⁰. С.Ю. Витте колебался, между ним и министром внутренних дел крепло взаимное недоверие¹¹.

Как известно, кн. Святополк-Мирскому не удалось убедить Николая II в целесообразности приглашения выборных. Напрасно он доказывал, что земцы толкуют по большей части о бесправии народа и его бедственном положении. Император по-прежнему видел в общественном движении «призрак конституционализма» и однажды признался кн. Святополк-Мирскому, что «терпеть не может» слова «либерал». Доводы Витте и В.Н. Коковцова, наста-

⁴ Там же. С. 279–280.

⁵ Всеподданнейший доклад министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского 24 ноября 1904 г. // Река времён. Книга истории и культуры. Кн. V. М., 1996. С. 218.

⁶ Там же. С. 226, 229.

⁷ Цит. по: Революция 1905 года. Материалы и официальные документы / Под ред. В.И. Невского. Харьков, 1925. С. 20, 22.

⁸ ГА РФ, ф. 1729, оп. 1, д. 85, л. 1 об.–2.

⁹ РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 307, л. 19–22.

¹⁰ Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской за 1904–1905 гг. // Исторические записки / Публ. А.Л. Сидорова. Т. 77. М., 1965. С. 262.

¹¹ Пытаясь этим воспользоваться, другой сторонник представительства – товарищ министра финансов кн. А.Д. Оболенский в письме к Витте называл подготовленный в МВД проект указа запоздалой «полумерой». По его мнению, следовало действовать решительнее, в частности, отказаться от личных всеподданнейших докладов министров, а Государственный совет «обновить не сведущими людьми, а выбранными» (РГИА, ф. 1622, оп. 1, д. 454, л. 1). Впрочем, это не мешало ему в беседах с кн. Святополк-Мирским восхищаться его инициативами как «великим актом», способным спасти «государя и Россию от великих несчастий». Ради этого не стоило бояться даже самого Витте (ГА РФ, ф. 1729, оп. 1, д. 1147, л. 14 об.–15 об.).

ивавших на несовместимости представительства с самодержавием, лишь укрепили его предубеждения¹².

Консервативная общественность встретила исчезновение упоминания о выборных из указа 12 декабря 1904 г. с облегчением: в «Русском собрании» или «Кружке москвичей» недоумевали, как можно в разгар войны говорить о представительстве¹³. Но и те либералы, чьи устремления и надежды шли уже значительно дальше реформы Государственного совета, не унывали. Так, С.Н. Трубецкой уверял своего брата Евгения в том, что упорство царя «не может остановить движения, а только поддаст воды на мельницу»¹⁴. Тяжелее всех отказ Николая II перенёс кн. Святополк-Мирский, предрекавший теперь репрессии и «постройку новых тюрем»¹⁵ и не сомневавшийся, что через полгода императору придётся раскаться в своём решении¹⁶. Потерпев неудачу, князь подал в отставку и почти месяц дожидался удовлетворения своего прошения. Лишь 18 января 1905 г. во главе МВД его сменил А.Г. Булыгин.

После событий января 1905 г. о реформе Государственного совета заговорили уже не сторонники, а противники представительства. В его преобразовании они увидели альтернативу более радикальным действиям. Пожалуй, наиболее полно эта тенденция отразилась во всеподданнейшей записке сенатора кн. А.А. Ширинского-Шихматова, составленной в январе 1905 г. Обращаясь к монарху, её автор довольно оптимистично заявлял, что «не время теперь ломки: призовите работников к готовым станкам, и дело воскреснет». Для этого он рекомендовал обновить состав правительственных учреждений выборными представителями населения — «земскими старшинами», которые избирались бы раз в три года на основе имущественного и образовательного ценза, без каких-либо сословных ограничений. Каждая губерния (за исключением Финляндии и некоторых сибирских областей «с чисто инородческим населением») делегировала бы в Петербург двух представителей: одного — в Государственный совет, второго — в Сенат. Князь рассчитывал, что в перспективе «старшины» подключатся к работе всех ведомств (кроме Министерства императорского двора) и войдут в советы министров. Не слишком отягощая государственный аппарат и будучи «разбросаны», они не смогут образовать фронды, окажутся под влиянием чиновников и, если им дать решающий голос, с головой уйдут в созидательную работу¹⁷.

Между тем рескрипт Булыгину 18 февраля 1905 г. сулил создание того или иного представительства. И лишь очень немногие консерваторы, подобно члену «Русского собрания» Б.В. Никольскому, считали возможным «обезвредить рескрипт», просто вернувшись к проекту кн. Святополк-Мирского¹⁸. Историк Н.М. Павлов полагал тогда, что если уж допускать выборных в Государственный совет, то исключительно по сословному принципу и с учётом политической благонадёжности. Так, казачество признавалось им сословием,

¹² Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской... С. 258–260. Подробнее см.: Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г. ... С. 5–59; Крылова Е.Н. Министерство внутренних дел и общественная инициатива накануне Первой русской революции. СПб., 2019.

¹³ Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900–1917. М., 2003. С. 35; ОР РГБ, ф. 265, к. 134, д. 5, л. 7 об.

¹⁴ Цит. по: Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. Нью-Йорк, 1953. С. 259.

¹⁵ Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / Публ. А.В. Лихоманова. СПб., 2009. С. 58.

¹⁶ Дневник кн. Екатерины Алексеевны Святополк-Мирской... С. 266.

¹⁷ ГА РФ, ф. 543, оп. 1, д. 14, л. 2–6.

¹⁸ Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918 / Публ. Д.Н. Шилова и Ю.А. Кузьмина. Т. 2. СПб., 2015. С. 33.

а городские обыватели — нет¹⁹. Большинство же сторонников самодержавия предпочли бы вернуться не на пару месяцев, а на четверть века назад — к планам гр. М.Т. Лорис-Меликова, предусматривавшим участие выборных в заседаниях не Государственного совета, а особой «Общей комиссии», наравне с чиновниками и экспертами. Сенатор Н.А. Хвостов предлагал назвать такой орган «Государственным земским собранием (или совещанием)», лишив его реальных полномочий²⁰. Московский неославянофил Ф.Д. Самарин считал службу выборных при Совете не правом, а «государственной повинностью»²¹, что фактически превращало депутатов в часть правительственного аппарата. Авторы подобных проектов непременно оглядывались на традиции и институты далёкого прошлого, что сближало их с теоретиками русского консерватизма, но резко отличало от бюрократии, пока ещё чаще обращавшейся к рецептам пореформенного времени.

Точку в спорах о том, удастся ли ограничиться реформой Государственного совета, поставил Булыгин, который констатировал, что включать в состав Государственного совета несколько десятков депутатов не имеет смысла, а сотни выборных парализуют его работу, не говоря уже о сложности проведения полноценной избирательной кампании по всей империи. Всё это не соответствовало бы общественным ожиданиям и одновременно лишило бы правительство «мозгового центра»²².

С осени в Петербурге вновь заговорили о необходимости реформирования Государственного совета, но оно рассматривалось уже не как альтернатива созданию Думы, а как способ дополнить её надёжным противовесом в виде верхней палаты, которая не позволила бы думцам провозгласить себя Учредительным собранием по примеру французских Генеральных штатов. Но для этого ей следовало предоставить не совещательные функции, а законодательные права, а состав Совета нуждался в обновлении и усилении представителями тех или иных общественных групп. Витте предлагал включить в него выборных от дворянства, земств, университетов и, возможно, духовенства²³. Д.Ф. Трепов настаивал на том, чтобы это обязательно было сделано до созыва Думы, поскольку иначе, по его мнению, правительство утратило бы политическую инициативу, уступив её депутатам²⁴. Таким образом, как это ни парадоксально, в 1905 г. проекты преобразования Государственного совета разрабатывались консерваторами для противодействия народному представительству. Страна жила в ожидании кардинальных перемен. Некоторые о них мечтали, иные их опасались, но все говорили о грядущих реформах. И если одни желали с их помощью приблизить изменение самодержавного строя, то другие — избежать его существенной трансформации.

Другая концепция народного представительства предполагала созыв в России Земского собора, конечно, не такого, какие устраивались при Иване Грозном или Алексее Михайловиче, а скорее в духе идей К.С. Аксакова, собственно и назвавшего соборы XVI–XVII вв. «земскими». Славянофилы исходили из

¹⁹ Павлов Н.М. О значении «выборных» по русскому народному воззванию. Харьков, 1905. С. 20–23.

²⁰ ОР РГБ, ф. 265, к. 134, д. 2, л. 1 об.—3 об.

²¹ Там же, д. 11, л. 28 об.

²² РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 1, л. 8 об.—10 об.

²³ Манифест 17 октября // Красный архив. 1925. Т. 4–5 (11–12). С. 60.

²⁴ ГА РФ, ф. 543, оп. 1, д. 232, л. 3.

того, что в отличие от Запада, где средневековые королевства возникали после завоеваний, в России княжеская власть установилась с согласия общины, и потому «государство» и «земля» в равной степени нуждались друг в друге: князь обеспечивал общинникам защиту и принимал ключевые решения, а «земля» оценивала его правление и придавала ему легитимность. Именно поэтому и первый русский царь в начале правления обратился к ней за поддержкой, а в дальнейшем эта практика усложнилась и институционализировалась, приобретая особое значение при внешнеполитических, социальных и династических кризисах. При этом участники соборов могли открыто высказать свои мнения, но окончательное решение оставалось за царём, что служило залогом стабильности. Впрочем, славянофилы считали, что в спокойные времена русский народ не придаёт политике, как делу мирскому, большого значения²⁵. Поэтому и И.С. Аксаков, подобно брату, развивая концепцию «неполитического либерализма», видел в Земском соборе не столько представительное учреждение, сколько пространство «оформления общественного мнения»²⁶. Между тем ему казалось, что после убийства Александра II всевластие бюрократии ведёт Россию к революции, от которой страну может спасти только развитие самоуправления²⁷. Но прежде надлежало разрушить бюрократическое «средостение» и донести до царя голос земства. Для этого и требовался Земский собор. Схожие соображения излагал в 1882 г. в своём проекте гр. Н.П. Игнатьев, желавший приурочить проведение такого собора к коронации Александра III.

Характерно, что эпоха Великих реформ соединила идею собора с новыми, собственно «земскими» смыслами. Не случайно в 1900 г. в пользу его созыва высказывался один из наиболее видных земцев — Д.Н. Шипов²⁸. В 1905 г. у подобного шага были как убеждённые сторонники, так и ярые противники, причём и тех, и других в историографии обычно причисляют к консерваторам. Так, издатель «Нового времени» А.С. Суворин²⁹ и генерал А.А. Киреев³⁰ признавали Земский собор оптимальной формой представительства, надеясь на то, что он сплотит общество, погрязшее в «смуте». Они считали, что важны не столько полномочия, решения или состав собора, сколько сам факт его созыва, которому придавалось идеологическое значение. Однако после ноябрьского общеземского съезда и «банкетной кампании» не оставалось сомнений в том, что собор станет всероссийской трибуной либеральной оппозиции. Поэтому Л.А. Тихомиров одобрял его проведение только в том случае, если он будет избран условиями, а не органами местного самоуправления³¹. Но редактор «Московских ведомостей» В.А. Грингмут, возражая против любых экспериментов с централь-

²⁵ Дудзинская Е.А. Славянофилы и революция // Экономическая и общественная жизнь России Нового времени. Первые Дружининские чтения. Сборник докладов и сообщений. Ч. II. М., 1992. С. 159; Цимбаев Н.И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX века. М., 2013. С. 208–209, 214, 258.

²⁶ Тесля А.А. Последний из отцов. Биография И.С. Аксакова. СПб., 2014. С. 252–253.

²⁷ Аксаков И.С. Бюрократическое и земское государство // Теория государства у славянофилов. Сборник статей И.С. Аксакова, К.С. Аксакова, А.В. Васильева, А.Д. Градовского, Ю.Ф. Самарина и С.Ф. Шарапова. СПб., 1898. С. 5–14.

²⁸ Соловьёв К.А. Кружок «Беседа». В поисках новой политической реальности. 1899–1905. М., 2009. С. 80–81.

²⁹ Письма А.С. Суворина к В.В. Розанову. СПб., 1913. С. 157.

³⁰ Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / Сост. А.В. Репников, Б.С. Котов. М., 2015. С. 52.

³¹ Там же.

ными представительными учреждениями, был убеждён в том, что сословный собор вскоре обратится в бессословный парламент, который погубит Россию³².

Споры о Земском соборе быстро проникли из консервативной публицистики в «высшие сферы». Его созыву сочувствовали даже отдельные великие князья³³. Среди чиновников высказывались разные мнения. А.Н. Куломзин полагал, что представительство, сформированное по лекалам гр. Игнатьева, помогло бы правительству «вырвать движение из рук улицы»³⁴. Витте нерегулярный характер заседаний собора, напротив, совершенно не устраивал³⁵.

Рескрипт Булыгину лишь выражал намерение монарха привлекать «доверием народа облечённых» людей к законотворчеству, но ничего не говорил о том, в какой форме это будет происходить. Сторонникам Земского собора казалось, что именно теперь, когда России нужна «точка опоры для борьбы с конституцией и революцией»³⁶, их ожидания должны осуществиться. Разумеется, им хотелось, чтобы это случилось как можно скорее³⁷. Но обстоятельных проектов организации собора известно немного. Один из них был составлен историком Д.И. Иловайским³⁸, ещё два анонимных и почти идентичных текста сохранились в бумагах барона Э.Ю. Нольде. В них предусматривалось участие в заседаниях собора по должности (члены Государственного совета, сенаторы, архиереи, именовавшиеся в духе XVI–XVII вв. «Освященным собором») и по выборам от сословий, к которым допускались исключительно православные. Особо воспрещалось избрание евреев и дворян от национальных окраин. При этом активное избирательное право предоставлялось женщинам: они могли голосовать, если являлись главами семей³⁹.

Как и встарь, Земский собор предполагалось созвать в Москве. А.И. Кошелёв ещё в 1862 г. призывал открыть Земскую думу «в Москве — в сердце России, поодаль от бюрократического центра»⁴⁰. Славянофильское противопоставление «земли» и «государства» звучало в публицистике и в 1905 г. Но некоторые консерваторы шли дальше. Так, орловский дворянин В.И. Трубников предлагал провести собор «в какой-либо Костроме, Вологде или другом каком в стороне лежащем городе»⁴¹. Тем не менее и император, и его сановники, чьи мнения редко совпадали, оказались единодушны в скептическом отношении к подобным планам.

И хотя на Петергофских совещаниях гр. А.А. Голенищев-Кутузов, поэт и секретарь вдовствующей императрицы, утверждал, что Государственная дума будет не легитимна без одобрения решения о её созыве Земским собором, а общество почувствует себя обманутым, если царь не посоветуется с ним перед

³² Грингут В.А. Опасное недоразумение // Московские ведомости. 1905. № 32. С. 1–2.

³³ Из дневника Константина Романова // Красный архив. 1930. Т. 6(43). С. 111.

³⁴ РГИА, ф. 727, оп. 2, д. 193, л. 17–18.

³⁵ Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю. Нольде / Публ. Р.Ш. Ганелина // Археографический ежегодник за 1989 год. М., 1990. С. 298.

³⁶ Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 / Сост. К.А. Соловьёв. М., 2010. С. 52.

³⁷ Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. С. 308.

³⁸ Омелянчук И.В. Консервативный лагерь и идея воссоздания Земского собора в начале XX века // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. Сборник научных статей. Ч. 1. СПб., 2016. С. 225.

³⁹ РГИА, ф. 727, оп. 2, д. 41, л. 43–50 об.

⁴⁰ Цит. по: Цимбаев Н.И. Славянофильство... С. 281.

⁴¹ РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 20, л. 8.

тем, как сделать важнейший шаг⁴², тот же Булыгин и его главный сотрудник Крыжановский, не ожидая от собора никакой пользы, твёрдо настаивали на создании постоянного представительства⁴³. В итоге с Манифестом 6 августа сторонники Земского собора ещё могли смириться, но с Манифестом 17 октября — уже нет. Некоторые из них призывали даже его отменить⁴⁴. В «Союзе русских людей» надеялись, что этого добьётся именно Земский собор, и просили Николая II созвать его, не дожидаясь открытия Думы⁴⁵.

Впрочем, и среди правых такой позиции придерживались немногие. По мнению Ф.Д. Самарина, разговоры об отмене Манифеста 17 октября дискредитировали самодержавие больше, чем представительство. Ответственность за такой шаг всё равно пришлось бы нести не собору, а императору. Между тем тот или иной манифест не мог отменить самодержавия, сложившегося в России в силу особенностей исторического пути. Тогда как Земский собор в разгар революции не ограничится выражением мнений и быстро превратится в Учредительное собрание⁴⁶. В 1905 г. окрашенный в славянофильские тона институт не мог ни санкционировать переход к конституционной монархии, ни стать полноценным представительством. К тому же многие консерваторы рассматривали Собор как имитацию представительной власти, что противоречило тем смыслам, которыми изначально наделяли его славянофилы.

Более реалистичными, несмотря на отставку кн. Святополк-Мирского, казались концепции учреждения постоянного законосовещательного представительства. Так, Ермолов под впечатлением от «кровавого воскресенья» призывал царя услышать голос просивших об этом дворянских и земских собраний, дабы сплотить вокруг престола тех, кто не хотел революции⁴⁷. Император согласился по окончании войны создать некий сословный представительный орган⁴⁸. Его окружение рассчитывало опереться на дворян и крестьян⁴⁹. Подстраиваясь под придворные настроения, проект «Отечественного союза» даже давал крестьянам большинство в нижней палате, где «мужики» могли свободно обсуждать «основные вопросы государственной жизни», в то время как составлением законов занималась бы верхняя палата⁵⁰.

Однако упоминание о сословности представительства, имевшееся в первых вариантах рескрипта Булыгину⁵¹, из окончательной редакции исчезло. В МВД категорически не желали видеть неграмотных крестьян, в большинстве своём не заглядывавших «дальше интересов своей улицы»⁵², в «булыгинской думе»,

⁴² См.: Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Какую Думу хотели дать народу Николай II и его министры. Пг., 1917. С. 26–28.

⁴³ РГИА, ф. 1544, оп. 1, д. 1, л. 5 об.

⁴⁴ Там же, ф. 1276, оп. 1, д. 57, л. 273 об.

⁴⁵ Правые партии. 1905–1917. Документы и материалы. В 2 т. / Сост. Ю.И. Кирьянов. Т. 1. М., 1998. С. 82–83.

⁴⁶ ОР РГБ, ф. 265, к. 116, д. 1, л. 2 об.—4.

⁴⁷ РГИА, ф. 727, оп. 2, д. 51, л. 1–1 об.

⁴⁸ Там же, д. 41, л. 1–1 об.

⁴⁹ Из архива С.Ю. Витте: Воспоминания / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукоянова. Т. 2. СПб., 2003. С. 113.

⁵⁰ Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника / Публ. Н.П. Соколова. М., 2000. С. 735.

⁵¹ РГИА, ф. 727, оп. 2, д. 41, л. 6 об.—7, 33 об.

⁵² Падение царского режима. Стенографические отчёты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. П.Е. Щёголева. Т. V. М.; Л., 1926. С. 390.

где предполагалось разрабатывать законы⁵³. Им оставалось бы там только «молчать, служить сконфуженной “декорацией”»⁵⁴. В правительстве предпочитали «оседлых» дворян и купцов⁵⁵, и опасались, что при последовательном воплощении сословного принципа в российских реалиях крестьяне попросту заполняют Думу⁵⁶.

Казалось, судьба представительной власти в России решалась на Петергофских совещаниях, где спорили сторонники бюрократических и национально-охранительных взглядов. В результате консерваторам удалось отстоять отдельное представительство крестьян в «булыгинской думе». Царь не услышал сановников, твердивших о том, что земледелец в Петербурге уйдёт или в загул, или в революцию⁵⁷. Но он разрешил избираться в депутаты неграмотным, в чём его убедил Павлов, сославшийся на то, как «один пустынный, не знавший грамоте», будучи святым, поучал афинских мудрецов⁵⁸. Вместе с тем чиновники добились предоставления избирательных прав еврейам⁵⁹.

В ходе этих дискуссий ни разу не говорилось о наделении будущей думы законодательными полномочиями. Летом 1905 г. Николай II не принял бы такие рекомендации. Но чиновники исходили из того, что европейский конституционализм «есть юридический договор между правительством и народом, взаимно друг другу не доверяющим»⁶⁰, а на Руси власть монарха исконно держалась на доверии и почти семейном единении с народом. Собственно «булыгинская дума» стала воплощением в новых условия прежней идеи патриархального Земского собора, сохраняющего традиции самобытной русской государственности. Именно это и наделяло её реальной властью, поскольку в славянофильской интерпретации царь, созвав Земский собор, не мог пойти против него, игнорируя интересы своих поданных. Подобный подход ограничивал его значительно больше, чем любая конституция.

Многие сановники, работая над очертаниями «булыгинской думы», мечтали о полновластном представительстве, но в разговорах с императором использовали славянофильские образы и риторику. По словам гр. Сольского, появление Думы не означало «введения представительного образа правления», поскольку она создавалась «свободным изволением монарха», но с ней следовало считаться, так как впредь уже нельзя будет «спрятаться» от общества за спиной бюрократии, и теперь, выразив несогласие с депутатами, император пойдёт против своего народа⁶¹.

Неслучайно в проектах Манифеста 6 августа напоминалось об исторических корнях службы по выборам в России, включая участников Земских соборов, депутатов Уложенной комиссии, предводителей дворянства⁶². «Булыгинская дума» органично встраивалась в этот ряд, что сильно раздражало приверженцев реакции. Они предсказывали, что созыв думцев «даст, конечно, ещё худшие

⁵³ Богданович А. В. Три самодержца. Дневники генералыши Богданович. М., 2008. С. 270.

⁵⁴ Киреев А. А. Дневник... С. 37.

⁵⁵ РГИА, ф. 727, оп. 2, д. 41, л. 73 об.

⁵⁶ Таганцев Н. С. Пережитое. Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг. Вып. 1. Пг., 1919. С. 26–27.

⁵⁷ Петергофские совещания... С. 96–97, 144, 154.

⁵⁸ Там же. С. 158.

⁵⁹ Там же. С. 122.

⁶⁰ РГИА, ф. 727, оп. 2, д. 41, л. 73.

⁶¹ Там же, ф. 694, оп. 2, д. 112, л. 3–5.

⁶² См.: Таганцев Н. С. Пережитое... Вып. 1. С. 43.

результаты, чем Цусимский бой»⁶³. Никольский и вовсе видел в Думе триумф народовластия, ведущий к установлению республики⁶⁴.

Тем не менее поначалу многих оппонентов совещательная Дума как будто примирила. Чиновники надеялись на то, что она политически и нравственно ограничит императора, сторонники Земского собора искали в ней противовес бюрократии⁶⁵, а некоторые либеральные публицисты радовались первому шагу на пути к законодательному представительству⁶⁶. Но иллюзии скоро развеялись. Ещё в XIX в. Б.Н. Чичерин предупреждал, что чем меньше полномочий получают депутаты, тем слабее они будут осознавать свою ответственность и тем радикальнее станут их речи⁶⁷. В октябре 1905 г. в Петербурге в этом убедились, признав, по словам Витте, что именно совещательный характер делает будущую Думу «склонной к самым крайним неожиданностям»⁶⁸.

Так или иначе, в 1905 г. не Земский собор, а именно «булыгинская дума» воплощала подлинно славянофильский идеал народного представительства. И хотя славянофилы смотрели на представительную власть идеалистически, а чиновники — практически, но и те и другие противопоставляли её абсолютизму. Аксаковские же метафоры, которыми нередко пользовались при дворе и в начале XX в., как нельзя лучше подходили для того, чтобы убедить монарха отказаться от единовластия. Однако, когда «смута» стала на глазах превращаться в «революцию», выяснилось, что общественное мнение может не сплотиться вокруг самодержавия, а уничтожить его. Легализация радикальных настроений в стенах совещательной Думы лишь подлила бы масла в огонь, и правительство решилось дать депутатам больше власти, надеясь, что так их будет легче контролировать.

О возможности передачи законодательной власти представительным учреждениям в XIX в. размышляли и в правительственных, и особенно — в оппозиционных кругах. К началу XX в. этого желало подавляющее большинство русских либералов. Ещё Чичерин намечал контуры будущего парламента, в котором нижнюю палату избирали бы гласные губернских земств, а верхнюю составлял бы Государственный совет, среди членов которого также заседали бы выборные. Однако Чичерин не верил в то, что самодержавие осуществит такую реформу, если не столкнётся с острыми внешнеполитическими угрозами⁶⁹.

На общеземском съезде в ноябре 1904 г. 71 делегат высказался за законодательное представительство и только 27 поддержали совещательное⁷⁰. Развернувшаяся после съезда «банкетная кампания» придавала требованиям земцев широкое общественное звучание, с чем волей-неволей приходилось считаться правительству.

После того как указ Сенату, подписанный 18 февраля 1905 г., разрешил направлять в Совет министров проекты преобразования государственного строя, губернские и уездные земские собрания и городские думы тут же начали требо-

⁶³ РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 15, л. 100 об.

⁶⁴ ГА РФ, ф. 588, оп. 1, д. 1277, л. 1–2.

⁶⁵ Киреев А.А. Дневник... С. 77.

⁶⁶ Слонимский Л.З. Народное представительство и правовой порядок // Вестник Европы. 1905. Т. V. Кн. 10. С. 738–739.

⁶⁷ Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М., 1899. С. 146–147.

⁶⁸ Манифест 17 октября. С. 60.

⁶⁹ Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия. Берлин, 1900. С. 171–179.

⁷⁰ Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шаццло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 401.

вать законодательных полномочий, причём в подавляющем большинстве случаев — не просто парламента, а Учредительного собрания и всеобщего избирательного права⁷¹. Некоторые сторонники конституции обращались к Булыгину, возглавлявшему не только МВД, но и Особое совещание, разрабатывавшее проект создания представительного учреждения. Так, гласные Череповецкого земства уверяли министра в том, что парламент не ослабит самодержавия, а доверие монарха к своим подданным, напротив, укрепит его авторитет⁷².

Благодаря барону А.А. Будбергу и Трепову, Николай II прочёл также записку, подготовленную бывшим товарищем министра финансов В.И. Ковалевским. В ней утверждалось, что в конце 1904 г. власть совершила «огромную политическую ошибку», отказавшись пойти навстречу земскому съезду и созвать выборных. В итоге привычные бюрократические методы перестали работать, а страна оказалась на грани революции. Единственный выход из создавшегося положения автор усматривал в том, чтобы «немедленно снять оковы с русской мысли и русского духа и дать здоровый исход сжатым общественным силам». Для этого следовало выпустить манифест об образовании Государственной думы, провозгласив, что впредь без её одобрения законы издаваться не будут. И первым делом парламенту надлежало урегулировать аграрные отношения⁷³. В программе Ковалевского данный шаг дополнялся рядом мер, направленных на смягчение политического режима и предоставление свобод, в дарование которых опытные чиновники не очень-то верили. В частности, Будберг полагал, что царь ни за что не согласится на амнистию политических преступников⁷⁴. А вот в том, что касалось Думы, такой уверенности не было. По сути, рассуждения Ковалевского отражали настроения весенних земских съездов. Он лишь в более приличной форме изложил то, что, по собственному признанию, хотел бы сказать императору в адресе майского съезда кн. С.Н. Трубецкой: «Поросёнок, давай нам конституцию»⁷⁵.

При этом в земских и сочувствовавших им кругах не могли договориться даже о том, как именно должны проходить выборы. Многие земцы и некоторые чиновники готовы были доверить их органам местного самоуправления. Тот же Крыжановский для «демократизации» представительства предлагал поручить избрание депутатов в «булыгинскую думу» уездным земствам и городским думами⁷⁶.

На земских выборах настаивал и Куломзин, составивший в мае 1905 г. проект создания «Государственного представительного собрания» с законодательными функциями. Его записку поддержали и другие «старцы» Государственного совета — гр. К.И. Пален, О.Б. Рихтер, Ф.Г. Тернер, А.А. и П.А. Сабуровы. Учитывая нестабильную и взрывоопасную ситуацию в стране, они рекомендовали не медлить с выборами, воспользовавшись многократно проверенным земским опытом. Но для того, чтобы обеспечить представительство всей империи, предстояло «без дальнейших колебаний» открыть земские учреждения на тех окраинах, где они ещё отсутствовали — в Царстве Польском, Остзейском

⁷¹ РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 6, л. 49 об.; д. 7, л. 27 об.—28, 65 об.; д. 20, л. 14 об.—15 об., 18 об., 42 об., 60 об., 62—63 об., 66, 68 об.—69 об., 70 об., 74, 130 об.—131, 138 об., 146 об., 156, 159 об.—160, 181 об.—182, 183, 190, 208—208 об.; *Таганцев Н.С. Пережитое...* Вып. 2. С. 99, 107.

⁷² РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 7, л. 57 об.—58.

⁷³ Из архива С.Ю. Витте // Красный архив. 1925. Т. 4—5(11—12). С. 110—114.

⁷⁴ Там же. С. 108.

⁷⁵ *Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники.* Париж, 1988. С. 283.

⁷⁶ *Падение царского режима...* Т. V. С. 380.

крае, на Кавказе и т.д. Причём ввести их там надлежало на основании положения 1864 г. Одновременно намечалось расширение полномочий земств и наделение их правом «действительного, а не бумажного надзора». Ожидалось, что тогда политика быстро перестанет интересовать земцев: те, кого изберут в парламент, займутся общегосударственными делами, а оставшиеся «на местах» с головой уйдут в заботы о местном хозяйстве, социалистические и революционные идеи утратят среди них популярность, и Россия пойдёт по европейскому пути постепенного приобщения народа к представительным институтам⁷⁷.

Сановники надеялись также на то, что земские выборы позволят избежать появления неработоспособной крестьянской Думы. Схожие соображения высказывали и некоторые земцы. К примеру, рязанский гласный А.В. Еропкин предсказывал, что всеобщие выборы, за которые ратовала значительная часть интеллигенции, оставят её в Думе в подавляющем меньшинстве. Усматривая в земском «характере» залог её легитимности, он считал необходимым предоставить представителям местного самоуправления как можно больше депутатских мест⁷⁸.

Но и среди самих земцев такие взгляды встречали возражения. Так, председатель Харьковской губернской земской управы кн. А.Д. Голицын утверждал, что выборы в парламент, если их передадут органам местного самоуправления, погубят земство, поскольку они ещё больше усилят его политизацию, а избрание лучших гласных в депутаты «обескровит» уездные и губернские собрания. Между тем успешный земский деятель, хорошо разбирающийся в хозяйственных и экономических проблемах, далеко не всегда подготовлен к законотворческой работе. Князь не сомневался в необходимости для России земско-городского представительства, но, в отличие от сановников, считал возможным создать его лишь в отдалённой перспективе — после распространения земства по всей империи и создания мелкой земской единицы. Только тогда, по его мнению, могла бы появиться вторая палата парламента, способная представлять всю Россию⁷⁹.

«Булыгинская дума» земцев, конечно, не устраивала. На июльском съезде её проект был единогласно признан «несоответствующим современным требованиям жизни»⁸⁰. Осенью с этим согласились уже и в среде высшей бюрократии, сумевшей повлиять на императора. Граф Сольский писал ему, приветствуя Манифест 17 октября: «Почином Вашим создаётся новая эра русской истории, и миллионы будут во веки благословлять Ваше имя»⁸¹. А.А. Половцов был убеждён, что этим актом России «категорически даруется конституция»⁸². Сам Николай II с горечью смирился с тем, что отныне власть монарха ограничивалась Думой и становилась конституционной⁸³.

Так, однако, считали не все. Кадетам не хватало ответственного министерства. Правые доказывали, что Манифест 17 октября не упразднил самодержавия. Глубинные разночтения в его трактовках определили и нестабильность установленного им государственного строя. Современники отмечали, что

⁷⁷ РГИА, ф. 1642, оп. 1, д. 132, л. 5 об.—11.

⁷⁸ Еропкин А.В. Земство и народ. К вопросу о народном представительстве. М., 1905. С. 13—20.

⁷⁹ ГА РФ, ф. 1729, оп. 1, д. 164, л. 8—8 об., 16—16 об.

⁸⁰ Там же, ф. 543, оп. 1, д. 387, л. 16.

⁸¹ Там же, ф. 601, оп. 1, д. 1431, л. 120.

⁸² Половцов А.А. Дневник. 1893—1909 / Сост. О.Ю. Голечкова. СПб., 2014. С. 486.

⁸³ Власть и общество в Первой российской революции 1905—1907 гг.: документальные свидетельства / Сост. А.П. Ненароков, П.Ю. Савельев, А.А. Чернобаев. М., 2017. С. 16.

в официальных документах умалчивалось о «народном представительстве»⁸⁴ (как и о «революции»). И всё же казалось, что 17 октября 1905 г. идея законодательной представительной власти окончательно восторжествовала, хотя ещё только предстояло претворить в жизнь. И многое зависело от того, насколько быстро удастся созвать Думу.

Вместе с тем правительству было критически важно сохранить инициативу в своих руках. Общественность, не только правая, но и либеральная, ожидала твёрдости и последовательности при проведении избирательной кампании и издании новой редакции Основных законов⁸⁵. Какое-то время в Петербурге обсуждалась возможность создать проправительственную партию, способную победить на выборах. В конце сентября Трепов именовал её «твёрдо сплочённой консервативной партией порядка»⁸⁶, а профессор Казанской духовной академии Н.И. Ивановский два месяца спустя — «конституционно-монархической»⁸⁷. Но гр. Витте, возглавлявший реформированный Совет министров, решил отказаться от всякого вмешательства в ход голосования, дабы не компрометировать его результаты⁸⁸. Тем не менее ему очень хотелось, чтобы Дума оказалась в итоге под контролем правительства⁸⁹.

Российская «конституция» 1905 г. являлась результатом компромиссов, на которые пришлось пойти и Николаю II, и либералам. Поэтому для многих созыв Думы отнюдь не означал ни перехода к конституционализму, ни завершения борьбы, которую одни вели за расширение прав парламента и подлинную конституцию, а другие — за возвращение к неограниченному самодержавию. Новая политическая система строилась на противоречиях, но обладала важнейшим инструментом для их разрешения — народным представительством.

Это стало возможным благодаря тому, что в конце 1904—1905 гг. правящая элита, обсудив, отвергла проекты реформы Государственного совета, созыва Земского собора и «булыгинской думы». В новых условиях бюрократические механизмы, идеи и смыслы XIX в. уже не работали. Для преодоления кризиса требовалось в корне изменить систему государственного управления. Именно поэтому в основу Государственной думы Российской империи легла парламентская концепция народного представительства. Российские интеллектуалы, размышлявшие в условиях эскалации революционного кризиса о различных вариантах представительных учреждений, транслировали императору ожидания общественности и расширяли границы преобразований, на которые он мог решиться. Николая II уговорили создать Думу и наделить её законодательной властью, но убедить его в том, что этот шаг был правильным, так и не удалось. Последствия этой неуверенности в полной мере проявились уже в 1906 г.

⁸⁴ Милоков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905—1906. СПб., 1907. С. 77.

⁸⁵ РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 3, л. 1, 8—9, 11—18, 20; д. 30, л. 32; д. 57, л. 260—261; д. 58, л. 70, 171.

⁸⁶ Власть и общество в Первой российской революции... С. 18—19.

⁸⁷ РГИА, ф. 1276, оп. 1, д. 167, л. 29.

⁸⁸ Манифест 17 октября. С. 59.

⁸⁹ Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского... С. 88—89.

«Непреложный наш символ “Царь и свобода”»: старообрядцы в Первой российской революции

Валерий Керов

«Our immutable symbol “Tsar and freedom”»: Old Believers in the First Russian Revolution

Valeriy Kerov

(Russian Presidential Academy of National Economic and Public Administration, Moscow)

DOI: 10.31857/S2949124X24030096, EDN: GDKEAH

В течение более чем двух с половиной веков гонения на старообрядцев аргументировались тем, что они будто бы враждебны государству. Однако усилия революционеров привлечь их на свою сторону оказались тщетны¹. Но несмотря на это, в последние десятилетия в историографии воссоздан миф об оппозиционности ревнителей древнего благочестия царской власти. Так, О.Л. Шахназаров утверждал, что в дни декабрьского восстания в Москве в 1905 г. «большие дружины» фабрикантов-старообрядцев, а также некая «дружина рабочих-старообрядцев из Шуи» вместе со «150 федосеевцами» мануфактуры Прохоровых, связанных «родством с несколькими старообрядческими кланами», защищали баррикады². При этом автор сослался только на газетную статью о том, что рабочие тушили крышу склада Прохоровской мануфактуры, подожжённую снарядом. А.В. Пыжиков полагал, что именно фабриканты-старообрядцы якобы внесли «определяющий вклад» в подготовку московского восстания 1905 г. — организовывали забастовки, формировали дружины, раздавали «винтовки и револьверы» и т.п., а затем и вовсе стали «наиболее активными деятелями» социалистической революции, и даже И.В. Сталин «утверждался в рамках “фирменной” беспоповской староверческой психологии, обретшей новый, теперь уже государственный, формат»³.

Каковы же в действительности были политические взгляды старообрядцев? Имели ли они отношение к событиям 1905 г. и последующему революционному движению?

Староверы всегда предпочитали добиваться удовлетворения своих нужд просьбами. Так, при Александре I федосеевец Е.И. Грачёв «выплакал» через кн. Б.А. Куракина статус богаделенного дома для Преображенского анклава в Москве⁴. 19 апреля 1874 г., также после старообрядческих ходатайств, Алек-

© 2024 г. В.В. Керов

¹ Подробнее см.: Керов В.В. Русские революционеры и русские старообрядцы: от симпатии к репрессиям // История и современное мировоззрение. 2024. Т. 6. № 1. С. 13–19.

² Шахназаров О.Л. Отношение к собственности у старообрядцев (до 1917 года) // Вопросы истории. 2004. № 4. С. 67; Шахназаров О.Л. Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 72–98.

³ Пыжиков А.В. Грани русского раскола. Заметки о нашей истории от XVII века до 1917 года. М., 2013. С. 415–418, 644–645. Подробнее о книге см.: Керов В.В. Русская история сквозь призму старообрядческого фактора // Российская история. 2014. № 4. С. 203–213.

⁴ Федосеевцы. История Преображенского кладбища // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В.[И.] Кельсиев. Вып. 1. Лондон, 1860. С. 23, 43–114.

сандр II утвердил «Правила о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников», впервые разрешившие регистрировать их в полицейских или волостных управлениях⁵. На съезде выборных Рогожской общины в 1875 г. избрали комиссию для доведения до чиновников нужд и пожеланий «во благо всего старообрядчества», и она немало содействовала появлению в 1883 г. закона «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб»⁶.

В конце XIX — начале XX в. старообрядцы продолжали ходатайствовать о предоставлении им тех или иных гражданских и религиозных прав. Для этого созывались их первые нелегальные всероссийские съезды. В то время обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев и московский генерал-губернатор вел. кн. Сергей Александрович убеждали Николая II отменить закон 1883 г.⁷ И задача первого съезда староверов, прошедшего 14 сентября 1900 г., «сводилась главным образом к единственному вопросу: подать государю императору прошение от всего старообрядчества и просить в нём его величество об отмене стеснений в вере, свободы пастырей и неприкосновенности общественных богомолений»⁸. Утверждённый делегатами текст подписали 49 753 старообрядца⁹, и в декабре 1900 г. их депутация передала его через вел. кн. Александра Михайловича царю, который дал «милостивое соизволение: оставить закон»¹⁰. Сами староверы высоко оценивали это обращение, видя в нём «историческое событие», «первый шаг сплочённого старообрядчества» и «первое наше слово»¹¹.

Открывая второй съезд, епископ Уральский Арсений (Швцов) отметил, что цель собравшихся — «выяснять нужды старообрядцев и вырабатывать способы и меры для удовлетворения этих нужд» при помощи многочисленных ходатайств перед «надлежащей властью» — губернаторами, министрами и императором¹². В принятом третьим съездом в 1902 г. Положении о Всероссийских старообрядческих съездах им поручалось «входить с ходатайствами на высочайшее его императорского величества и их императорских высочеств имя, в министерства и во все другие правительственные учреждения и к должностным лицам, для чего выбирать из среды себя депутацию»¹³.

⁵ ПСЗ-II. Т. 49. Отд. I. СПб., 1876. № 53391. С. 652–656; Юхименко Е.М. Старообрядческий центр за Рогожской заставой. М., 2005. С. 46.

⁶ Ульянова Г.Н., Юхименко Е.М. Московский предприниматель, меценат, старообрядец Козьма Терентьевич Солдатенков: новое прочтение биографии // Экономическая история: Ежегодник. 2022. М., 2023. С. 55 и др.

⁷ Что было в России пять лет назад // Старообрядческий вестник. Ежемесячный журнал. (Климовцы). 1905. № 3. С. 135–152.

⁸ Великое дело // Голос старообрядца. 1906. № 53. 23 июля.

⁹ Его сиятельству господину министру внутренних дел князю Петру Дмитриевичу Святополк-Мирскому старообрядцев, приемлющих белокриницкое священство, прошение // Труды Шестого всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2–5 августа 1905 г. Н. Новгород, 1905. С. 71.

¹⁰ Дела пяти первых всероссийских старообрядческих съездов // Старообрядческий вестник. 1905. № 1. Приложение. С. 26.

¹¹ Доклад совета Всероссийского съезда старообрядцев // Труды VII всероссийского съезда старообрядцев в Нижнем Новгороде 2–5 августа 1906 г. и 2[-го] чрезвычайного съезда старообрядцев в Москве 2–3 января 1906 г. Н. Новгород, 1906. С. 198.

¹² Дела пяти первых всероссийских старообрядческих съездов // Старообрядческий вестник. 1905. № 1. Приложение. С. 12–32; № 2. Приложение. С. 33–64.

¹³ ОР РГБ, ф. 579, д. 176, л. 29.

В начале февраля 1903 г. председатель нижегородской старообрядческой общины Белокрыницкого согласия (именовавшегося тогда Древлеправославная церковь Христова (ДПЦХ), ныне — Русская православная старообрядческая церковь) Д.В. Сироткин встретился с министром внутренних дел Д.С. Сипягиным, после чего направил ему очередное прошение, подписанное также руководителем петербургского старообрядческого общества Д.А. Вышегородцевым¹⁴. Учитывая подобные ходатайства, царь в Манифесте 26 февраля 1903 г. потребовал «укрепить неуклонное соблюдение властями, с делами веры соприкасающимися, заветов веротерпимости... которые... предоставляют всем подданным нашим инославных и иноверных исповеданий свободное отправление их веры и богослужения по обрядам оной»¹⁵.

Сами ревнители древнего благочестия не сомневались в действенности просьб об облегчении их «затруднённого и стеснительного положения»¹⁶. Конечно, далеко не все они удовлетворялись. Так, например, в декабре 1901 г. император отказался признать старообрядческую иерархию, повелев поступившее соответствующее «прошение москвичей оставить без последствий»¹⁷. Тем не менее, как отмечали староверы в августе 1904 г., Сипягин «исходатайствовал» у царя прекращение преследования их епископов, а В.К. Плеве разрешил «наши съезды»¹⁸. В результате после трёх нелегальных четвёртый и пятый проходили уже «с негласного разрешения министров, добытого неустанными и смелыми ходатайствам совета, выбранного 3-м съездом»¹⁹. Простение, поданное министру внутренних дел кн. П.Д. Святополк-Мирскому, повлияло на его программный доклад, представленный императору 24 ноября 1904 г. и намечавший, в частности, «расширение прав старообрядцев»²⁰. По словам С.Е. Крыжановского, затем эту «политическую программу... у него вырвал из рук граф С.Ю. Витте, осуществивший часть её в укороченном виде, в форме указов 12 декабря того же года»²¹.

Указ 12 декабря 1904 г., по словам старообрядцев, «повеял весной свободы вероисповедания». И уже 29 декабря чрезвычайный съезд Всероссийского общественного старообрядческого попечительства при участии беглопоповцев одобрил обширную «Памятную записку», переданную 31 декабря С.Ю. Витте. Обещания председателя Комитета министров убедили старообрядцев в том, что

¹⁴ Селезнев Ф.А. «До сего времени нас не признают, а только терпят». Встреча министра внутренних дел В.К. Плеве с уполномоченными старообрядцев. 1903 г. // Исторический архив. 2013. № 3. С. 180. Крупнейший судовладелец страны, организатор старообрядческих съездов, фактически содержавший нижегородский собор и при нём епископскую кафедру, Сироткин являлся главным «ходоком» по делам староверов. По словам Ф.Е. Мельникова, именно он «добыл старообрядчеству права и свободу 1905 г.» (Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999. С. 473).

¹⁵ ПСЗ-III. Т. 23. Отд. I. СПб., 1905. С. 114.

¹⁶ Соборы и съезды // Старообрядческий вестник. 1905. № 7. С. 367–369.

¹⁷ ОР РГБ, ф. 579, д. 176, л. 40.

¹⁸ Там же, д. 189, л. 17.

¹⁹ III-в. [Мельников Ф.Е.] Всероссийские съезды старообрядцев // Голос старообрядца. 1906. № 54. 30 июля.

²⁰ Его сиятельству господину министру внутренних дел князю Петру Дмитриевичу Святополк-Мирскому... С. 70–71; Всеподданный доклад министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского 24 ноября 1904 г. / Публ. В.Л. Степанова // Река времён (книга истории и культуры). Кн. 5. М., 1996. С. 241–242.

²¹ Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского, последнего государственного секретаря Российской империи / Публ. А.В. Лихоманова. СПб., 2009. С. 173–174.

они стоят «теперь на краю поднимающейся зари евангельской свободы веры». Чрезвычайный съезд в феврале 1905 г. «на случай обнародования высочайшей милости о даровании религиозной свободы старообрядчеству» заранее избрал депутацию для принесения «всеподаннейшей благодарности» царю и Витте «как ближайшему ходатаю за наше старообрядчество»²².

Сравнивая «Памятную записку» с указом «Об укреплении основ веротерпимости», подписанным в день Пасхи 17 апреля 1905 г. и предоставлявшим каждому подданному «свободу верования и молитв по велению его совести»²³, ревнители древнего благочестия констатировали, что «скромная петиция старообрядцев была принята во внимание»²⁴. Витте, вспоминая позднее о том, как в Комитете министров готовили этот «знаменательный указ», не без гордости заявлял, что его, как и Манифест 17 октября 1905 г., «уничтожить никто не может», поскольку «они как бы выгравированы в сердцах и умах громадного большинства населения, составляющего великую Россию»²⁵.

После указа 17 апреля староверы «повсеместно служили благодарственные молебны, посылали телеграммы государю и друг другу, это был настоящий старообрядческий праздник»: «Как молния в тёмную глухую полночь среди раскатов грома, пронеслась в настоящее военное и смутное время по России радостная весть о даровании почти полной религиозной свободы»²⁶. Наставник сызранской поморской общины констатировал, что «драконовский закон уже заменён евангельским»²⁷. В журнале белокрыницкого согласия писали: «В исторический отныне день пала та бюрократическая стена, которая отделяла царя от своего народа... Имя Николая II Александровича не забудется, пока жив будет хоть один русский старообрядец»²⁸.

Подобные настроения лишь усилились осенью 1905 г., когда «раздалось мощное царское слово, и вековая тяжесть запрета... рухнула в вечность... Сила высочайшего Манифеста 17 октября разрешила скованные уста населения России, и по нужде молчавшее старообрядчество после долгого периода... впервые говорит свободно»²⁹. Один из поморцев, признавая указ 17 апреля «только началом евангельской свободы веротерпимости в России», заявлял, что тогда «утренний рассвет озарил человечество лучами духовного блага... Свет зари превратился в день высочайшего Манифеста 17 октября, и сразу разогнал всю

²² ОР РГБ, ф. 579, д. 171, л. 1об, 3, 5.

²³ ПСЗ-III. Т. 25. Отд. I. СПб., 1908. № 26125. С. 257.

²⁴ Его высокопревосходительству, господину председателю Комитета министров от старообрядцев, приемлющих белокрыницкую иерархию. Памятная записка о старообрядческих нуждах // Труды шестого Всероссийского съезда... С. 33–43. См. также: *Мельников Ф.Е.* Краткая история... С. 397; *Селезнев Ф.А.* Д.В. Сироткин и Всероссийские съезды старообрядцев в начале XX века // Отечественная история. 2005. № 5. С. 81.

²⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания / Публ. Б.В. Ананьича, Р.Ш. Ганелина, С.В. Куликова, С.К. Лебедева, И.В. Лукьянова. Т. 1. Кн. 2. СПб., 2003. С. 675–676. Старообрядцы высоко оценивали поддержку, которую оказывал им Витте: *Мельников Ф.Е.* Граф Витте как церковный деятель // Церковь. Старообрядческий церковно-общественный журнал. 1915. № 13. С. 305–321.

²⁶ Права и обязанности старообрядцев в настоящее время // Старообрядческий вестник. 1905. № 5. С. 241.

²⁷ ОР РГБ, ф. 578, д. 257, л. 2.

²⁸ Мысли вслух. По поводу высочайшего манифеста от 17-го апреля 1905 г. // Старообрядческий вестник. 1905. № 11–12. С. 690–691.

²⁹ [*Мельников Ф.Е.*] Муки слова // Голос старообрядца. 1906. № 1. 15 января.

тзму чиновничью, царившую в земле русской в течение двух с половиной столетий»³⁰.

Между тем государство по-прежнему не признавало старообрядческие общины. Их устав был разработан на Шестом съезде после того, как Сироткин добился от председателя Особого совещания по вопросам веротерпимости гр. А.П. Игнатьева разрешения направлять ему проекты, касавшиеся устройства «нашей церковно-общественной жизни»³¹. В январе 1906 г. Второй чрезвычайный съезд постановил обратиться к Витте «с почтительнейшей просьбой об издании временных правил на почве вышеуказанных манифестов и об утверждении представляемого при сём проекта устава наших приходов»³².

7 февраля 1906 г. 36 поморцев посетили Царское Село, где вручили императору несколько адресов из различных регионов страны³³. А две недели спустя Николай II принял в Царскосельском дворце объединённую делегацию из 120 поповцев, поморцев и представителей других согласий, передавших благодарственные адреса с выражением «любви и преданности старообрядческого населения». Под ними стояли 74 тыс. подписей старообрядцев. Возглавлявший делегацию Сироткин обратился к царю со словами: «Великий государь! Нашей заветной мечтой было видеть тебя, чтобы передать тебе чувство безграничной любви и благодарности старообрядческого населения за те великие незыблемые начала религиозной и гражданской свободы, которые тебе угодно было даровать русскому народу», и поэтому старообрядцы, «более других стеснённые в гражданских и религиозных правах», ждут «скорейшего осуществления твоей воли — созыва Государственной думы и готовы принять участие в созидательной работе»³⁴. Участвовавшие в приёме «старообрядцы ликовали, что удостоились лично поблагодарить государя за “дарованные” милости»³⁵. Царь ответил им прочувствованной речью: «В вашей любви и преданности я всегда находил утешение, и в это тяжёлое время, переживаемое Россией»³⁶.

Однако уже 14 марта последовало ужесточение уголовного законодательства, и теперь виновных «в произнесении или чтении, публично, проповеди, или речи, или сочинения или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, возбуждающих к переходу православных в иное вероисповедание», а также в устройстве без разрешения скита, в венчании «с лицом заведомо православного исповедания» и т.д., надлежало наказывать штрафами и тюремным заключением до трёх лет³⁷.

³⁰ ОР РГБ, ф. 578, д. 257, л. 2, 3.

³¹ Труды Шестого всероссийского съезда... С. 10, 15.

³² Труды VII всероссийского съезда... С. 208.

³³ Так, съезд поморцев в Вильне в 1906 г. заявлял: «Верь нам, великий государь, что по первому твоему слову мы все, старообрядцы, готовы положить у подножия трона твоего на защиту тебя и наследника престола твоего и дорогой родины всё наше достояние и саму жизнь» (ОР РГБ, ф. 578, д. 257, л. 22, 27). Другой поморец утверждал, что в условиях «смуты и предательских воззваний» старообрядцы «встали лицом и душою... к отцу своему царю освободителю» (Там же, л. 15 об.). Подробнее см. составленную сызранским духовным наставником П.М. Безводиным рукопись: «Депутация от старообрядцев поморцев, представлявшаяся его величеству государю императору 7 февраля 1906 году в числе 36 человек. Адреса и речи государю и съезды старообрядцев» (Там же, л. 31–36).

³⁴ Старообрядческая депутация у царя // Старообрядец. Ежемесячный журнал. (Нижний Новгород). 1906. № 3. С. 358–359.

³⁵ Новые «милости» старообрядцам // Старообрядец. 1906. № 5. С. I [597].

³⁶ Старообрядческая депутация у царя // Старообрядец. 1906. № 3. С. 359.

³⁷ ПСЗ-III. Т. 25. Отд. I. СПб., 1908. № 27560. С. 261–266.

В апреле 1906 г. Освященный собор поручил совету Всероссийского съезда старообрядцев ходатайствовать перед правительством «о расширении религиозных льгот в законодательном порядке», и прежде всего — «о разрешении нашим священнослужителям именоваться по их сану священного рукоположения»³⁸. Участники Седьмого всероссийского съезда в августе того же года сетовали на то, что хотя дарованные 17 апреля и 17 октября свободы и права открыли старообрядчеству путь «из угнетённого состояния», но они «доселе ещё не проведены в жизнь», «приходы старообрядческие ещё не признаны правительством», и поэтому «нет возможности старообрядцам развить приходскую жизнь, устроить приходские школы, библиотеки, читальни, благотворительные учреждения, завести законные метрические записи, духовенство выписать из прежних сословий и т.п.»³⁹.

Помня о том, что проект закона о приходских общинах староверов⁴⁰ давно передан правительству, которое «держит его под сукном», съезд единогласно решил телеграфировать П.А. Столыпину «об утверждении означенного Положения»⁴¹. Тот сразу же ответил телеграммой: «Передайте съезду, что Совет министров самым внимательным и тщательным образом рассмотрит вопросы, волнующие старообрядческое население, разрешение которых признаю неотложным»⁴². В сентябре Сироткин, посетив руководителей МВД и Министерства народного просвещения, получил от них обещание, что долгожданное положение «на днях будет утверждено»⁴³. Но в начале октября совет Всероссийского съезда старообрядцев снова просил главу правительства «ускорить утверждение законопроекта о старообрядцах»⁴⁴. 17 октября 1906 г. царь подписал указ «О порядке образования и действия старообрядческих и сектантских общин»⁴⁵.

Впрочем, одного «священного царского слова, провозгласившего в нашем родном отечестве гражданскую и религиозную свободу», для прекращения дискриминации было мало. Древлеправославные продолжали жаловаться на проявления «чиновничьего произвола и гнёта», особенно со стороны местных властей — от губернатора до урядника⁴⁶. Запрещались их крестные ходы, производились обыски, арестовывались духовные лидеры и проч.⁴⁷ Но несмотря

³⁸ Освященного собора старообрядческих епископов совету Всероссийского съезда старообрядцев поручение. 23 апреля 1906 г. // Старообрядец. 1906. № 5. С. 582.

³⁹ Труды VII всероссийского съезда... С. 2, 44.

⁴⁰ Проект «Правил о старообрядческих и сектантских общинах». Критика проекта, представленного совещанием гр. Игнатьева, «Заявление об изменении и дополнении» // Голос старообрядца. 1906. № 33. 14 мая; Свобода совести // Там же. № 35. 21 мая.

⁴¹ Труды VII всероссийского съезда... С. 2.

⁴² VII всероссийский съезд старообрядцев // Голос старообрядца. 1906. № 56. 6 августа. По свидетельству Крыжановского, соответствующий проект Столыпин «нашёл на своём письменном столе при вступлении в управление Министерством внутренних дел» (Воспоминания: из бумаг С.Е. Крыжановского... С. 174).

⁴³ Голос старообрядца. 1906. № 68. 17 сентября.

⁴⁴ Телеграмма совета Всероссийского съезда старообрядцев // Голос старообрядца. 1906. № 73. 5 октября.

⁴⁵ ПСЗ-III. Т. 26. Отд. I. СПб., 1909. № 28424. С. 904–914. Подробнее см.: Селезнев Ф.А. Судьба законопроекта о старообрядческих общинах (1905–1914) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. История. 2008. № 1. С. 130.

⁴⁶ Когда же конец? // Голос старообрядца. 1906. № 7. 5 февраля.

⁴⁷ Подробнее см.: Керов В.В. Правовой статус старообрядцев в Российской империи: нормативное закрепление и особенности обеспечения в 1907–1914 гг. // Вестник Санкт-Петербургского

на это староверы твёрдо занимали верноподданническую позицию, повсеместно молились за царя и особ Императорской фамилии⁴⁸, направляли им сотни поздравлений и адресов по случаю различных праздников и памятных дат⁴⁹. Когда на Втором чрезвычайном съезде зашла речь о том, можно ли после Манифеста 17 октября называть царя «самодержцем», П.П. Рябушинский напомнил, что титул «самодержавный» существует со времён Иоанна III, и «такое присвоение, по исследованию учёных, было установлено ввиду независимости русских государей от других государей, соседей»⁵⁰.

При этом все слои старообрядцев отвергали революционные действия. События января 1905 г. их журнал называл «страшным бунтом»⁵¹, почти повсеместные «бунты, волнения, разрушения, поджоги, грабежи, убийства» казались им «безотрадны и страшны»⁵². Они не скрывали готовности «дейтельно ответить на призывы государя о помощи к прекращению смуты», доказав, что «старообрядцы верят в осуществление реформ 17 октября, презирают насилие»⁵³. Поморцы «от имени русского народа» благодарили петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова за его «энергию и... умение успокоить возмущённых революционеров»⁵⁴. «Наш долг пред родиной — искать возможного счастья для нашего Отечества, тишины в стране, мира в населении, — говорилось в докладе постоянного Совета съездов на Втором чрезвычайном съезде в январе 1906 г., — а главное, прекращения пролития безвинной русской крови... Мы должны... пойти к престолу царя и мирным путём, без оружия и пролития братской крови, стремиться достигнуть скорейшего проведения в жизнь высочайшего Манифеста 17-го октября»⁵⁵.

В ноябре 1905 г. старообрядцы организовали в Ковенской, Витебской и Черниговской губерниях несколько «мирных манифестаций как вполне довольные обещанными реформами». Другие и это осуждали, предпочитая «избегать устройства шествий, а действовать на народ чрез объяснение бесцельности и вреда проповедуемых некоторыми насильственных действий»⁵⁶.

В то же время все староверы единодушно поддерживали созыв народного представительства. Им казалось, что Дума «может и должна помочь государю многое исправить, искоренить произвол властей, удовлетворить нуждающихся в облегчениях и т.п.»⁵⁷. Поэтому они постоянно напоминали о том, насколько «желательно... чтобы была созвана Государственная дума как можно поскорее»⁵⁸. Одновременно Совет съездов в 1905 г. «чрез своих уполномоченных,

университета МВД России. 2024. № 4. С. 31–38.

⁴⁸ Голос старообрядца. 1906. № 25. 13 апреля; № 28. 23 апреля; № 32. 11 мая; № 68. 17 сентября; и др.; Труды Шестого всероссийского съезда... С. 28.

⁴⁹ ОР РГБ, ф. 246, к. 4, д. 3, л. 1–568.

⁵⁰ Труды VII всероссийского съезда... С. 183.

⁵¹ По поводу январских событий // Старообрядческий вестник. 1905. № 2. С. 74.

⁵² По поводу современных смятений (Слово одного из старообрядческих епископов, сказанное в один из двенадцатых праздников) // Старообрядческий вестник. 1905. № 10. С. 607.

⁵³ Волоколамский И. Заметки русского старообрядца // Старообрядец. 1906. № 1. С. 107.

⁵⁴ Труды о Съезде старообрядцев всего Северо-Западного, Привислянского и Прибалтийского краёв и других городов Российской империи, состоявшемся в гор. Вильне 25–27 января 1906 года. Вильна, 1906. С. 49.

⁵⁵ Труды VII всероссийского съезда... С. 199.

⁵⁶ Волоколамский И. Заметки русского старообрядца. С. 104, 106.

⁵⁷ Там же. С. 104. Поморцы даже собирались идти к царю, дабы убедить его созвать депутатов (ОР РГБ, ф. 578, д. 257, л. 16–16 об.).

⁵⁸ Первая в России старообрядческая газета // Старообрядец. 1906. № 2. С. 216.

ездивших по приходам, и чрез рассылку воззваний разъяснял населению значение высочайших манифестов и выборов в Государственную думу»⁵⁹.

На Втором чрезвычайном съезде в январе 1906 г. П.П. Рябушинский заявил о «чрезвычайной важности» голосования и настаивал на необходимости «посвятить этому делу свои силы и старания, чтобы избрать достойных депутатов в Государственную думу, которые бы отвечали интересам России вообще и нашим, старообрядческим, в частности». М.И. Бриллиантов призывал «забыть счёты» и «теперь стремиться к тому, чтобы прошло в Государственную думу больше старообрядцев... не обращая внимания на то, к какому бы согласию он не принадлежал»⁶⁰. Совет съездов сформулировал в докладе: «Наш символ: царь и свобода, разумеемые в смысле высочайшего Манифеста 17-го октября, пойдём к царю нашему и скажем ему своё сыновнее слово: “Отец — не медли, но созови скорей возвещённую тобой Государственную думу”»⁶¹.

Тогда же собравшиеся выработали единую общественно-политическую программу, наметив круг вопросов, «которые следует провести в Государственную думу». После выступлений «о наделении малоземельных и безземельных крестьян землёй путём правильного отчуждения» делегаты передали дальнейшее обсуждение данной проблемы в «комиссию из крестьян». Затем они единогласно обязали будущих депутатов заботиться «о единстве и целостности России»; «о сохранении в государстве царской власти, опирающейся на решения Государственной думы»; «об отмене сословных преимуществ, установлении в государстве правопорядка, обеспечивающего свободное проявление труда, торговли, просвещения, свободного исповедания веры и установления законной защиты и неприкосновенности личности»; «об изменении старого чиновничьего правления и замене его другим, народным — доступными для населения учреждениями»; «о введении всеобщего бесплатного обучения, по исключении из него слова “обязательного”»; «о быте рабочих и об исполнении справедливых их желаний применительно к порядкам, существующим в других государствах с развитой промышленной жизнью»; «о правильном распределении налогов в зависимости от доходов»⁶². В целом, такие пожелания находились где-то между лозунгами кадетов и октябристов⁶³.

В день открытия заседаний Думы съезд беглопоповцев направил её председателю телеграмму, сообщив, что «приветствует первых народных представителей и просит не забывать интересов истинно-русского старообрядчества, вынесшего на своих плечах всю тяготу отживающего режима». В конце следовали восклицания: «Да здравствует религиозная свобода! Да здравствуют народные избранники на славу и счастье России!». О том же С.А. Муромцеву телеграфировали и уральские староверы. В Москве и других городах в тот день в старообрядческих храмах совершалось «при большом стечении молящихся благодарственное молебствие с провозглашением многолетия государю императору»⁶⁴.

⁵⁹ Труды VII Всероссийского съезда... С. 6; Голос старообрядца. 1906. № 10. 16 февраля.

⁶⁰ Труды VII всероссийского съезда... С. 181, 183.

⁶¹ Там же. С. 199, 207.

⁶² Там же. С. 181–182.

⁶³ Мельгунов С.[П.] Старообрядчество и освободительное движение. М., 1906. С. 14.

⁶⁴ Голос старообрядца. 1906. № 32. 11 мая.

Неудивительно, что на роспуск I Думы журнал «Старообрядец», внимательно следивший за её работой⁶⁵, реагировал болезненно. На его страницах утверждалось, что народ «оценит по достоинству это событие, уничтожившее все его мечты и надежды». В редакции ожидали, что правительство растеряет всех своих сторонников, поскольку, «судя по настроению народа», не только правые партии, но и кадеты «едва ли могут рассчитывать на успех в новой избирательной кампании»⁶⁶. Видимо, разочарование сказалось и на активности старообрядцев, и если в первой Думе их насчитывалось четверо, то во вторую прошёл только один⁶⁷.

К тому же старообрядчество не было единым. Среди его последователей выделялись различные социальные группы (крупные предприниматели — попечители общин, священство или наставники у беспоповцев и начётчики), позиции которых при многих схожих чертах имели свою специфику.

Старообрядческое духовенство, особенно белокриницкого согласия, в целом вело себя наиболее сдержанно, демонстрировало лояльность самодержавию и дистанцировалось от политических процессов. В июле 1902 г. Собор «оставил» созыв съездов, призванных обсуждать «церковно-общественные нужды», на попечительство (с конца 1905 г. — Совет съездов), но «не позволил» участвовать в них духовным лицам⁶⁸. Тем не менее в 1905—1907 гг. это решение, по сути, не соблюдалось. В частности, из 208 делегатов Шестого съезда в августе 1905 г. 12 являлись священниками или дьяконами, а на заседаниях впервые присутствовал архиерей — архиепископ Московский и всея Руси Иоанн (Картушин)⁶⁹.

Прошедший в том же месяце Освященный собор постановил, чтобы священники «ежегодно в день 17 апреля, в память дарованной нам свободы вероисповедания, служили божественную литургию и благодарственный о здравии его величества молебен, а равно и в другие царские дни»⁷⁰. Архиепископ Иоанн (Картушин) поучал верующих: «Бог и государь даровали нам милостей чуть ли не больше того, что мы ждали. Теперь мы в долгу перед Богом и перед государем». И поэтому обязанность каждого, по словам иерарха, «состоит в послушании царским велениям, особенно в нынешнее смутное время, когда почти повсеместно происходит брожение умов, возмущение в народе... Мы должны помнить заповедь: Бога бойтесь, царя чтите»⁷¹.

Открывая Второй чрезвычайный съезд в январе 1906 г., московский архиепископ отслужил молебен с многолетием императору и произнёс речь, в которой указывал: «Понятия наши о реформах в государстве спокойные и даже не требовательные, а просительные... Мы, старообрядцы, довольны

⁶⁵ Старообрядческий вопрос в Государственной Думе // Голос старообрядца. 1906. № 14. 2 марта; и др.

⁶⁶ Роспуск Государственной думы // Старообрядец. 1906. № 8. С. 847.

⁶⁷ Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Первый созыв. 1906—1911 / Сост. М.М. Боиович. СПб., 1906. С. 201, 211, 234, 278; Наши депутаты. Биографии и портреты членов Государственной думы 2-го созыва / Сост. М.М. Боиович. СПб., 1907. С. 234.

⁶⁸ ОР РГБ, ф. 579, д. 176, л. 6—6 об.

⁶⁹ Подсчитано по: Труды Шестого всероссийского съезда... С. V—X, 4.

⁷⁰ Освященного собора старообрядческих епископов Российской области (август 1905 г.) постановления, извещения, послания и определения // [Приплетено к:] Труды VII всероссийского съезда... С. 246.

⁷¹ Захаров И. Старообрядческая Русь (из путевых заметок) // Старообрядец. 1906. № 1. С. 95.

были законом 17 апреля и 6 августа⁷². Манифест 17 октября признаём как высшую меру успокоения. А посему приглашаем всех истинно-русских людей совершенно успокоиться и в братской любви ожидать проведения его в жизнь, содействуя правительству всеми законными и возможными для нас средствами»⁷³.

После 17 апреля старообрядческое духовенство несколько активизировалось. На епархиальных съездах, как выражались в печати, «святая правда вышла на путь свободы»⁷⁴, создавались братства, ставившие «своей целью объединение всех старообрядцев на почве просвещения»⁷⁵. Однако на освященных соборах и епархиальных съездах о политике не говорили. Так, в сентябре 1906 г. собор епископов обсудил доклад «о разврате юношества и принятии мер», но, судя по дневниковым записям Е.П. Мельникова, участников заседания гораздо больше интересовало то, что касалось «свечного дохода», устройства гостиницы при архиепископии, возможности расторжения брака с женой, сошедшей с ума, и венчания с другой, и т.п.⁷⁶

Весьма осторожно духовенство отнеслось и к попытке реорганизовать московскую архиепископию ДПЦХ в митрополию. В 1905 г. споры о «возведении в Русской области митрополита», равного белокриницкому, отложили, дабы не лишиться полученных льгот⁷⁷, а в апреле 1906 г. собор не стал высказываться по существу дела, «предложив обществам: обсудить этот вопрос всесторонне и, объединившись, представить свои мнения на рассмотрение и каноническое решение будущего Освященного собора»⁷⁸. Наконец, после широкой дискуссии на августовском съезде Освященный собор в сентябре 1906 г. постановил: «Приняв во внимание положение в России старообрядческой Церкви и определение предыдущего Собора, а также единодушное желание граждан... возвести господина Иоанна, московского архиепископа, в сан митрополита Российской старообрядческой области... упросить г. архиепископа Иоанна принять звание митрополита»⁷⁹. На этом настаивал и собор 1907 г.⁸⁰, но архиерей, как писал Ф.Е. Мельников, «решительно отказывался от этой чести, то по смирению, то по нерешительности, боясь, как бы не сделать этим неприятное правительству»⁸¹.

При этом выступления старообрядческих священников не могли не принять оттенок, связанный с переживаемым временем. 21 октября 1905 г. архиепископ Иоанн (Картушин), направив телеграмму Николаю II, закончил её словами:

⁷² Согласно манифесту, подписанному царём 6 августа 1905 г., Дума создавалась как «особое законосовещательное установление, к которому предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение Расписи государственных доходов и расходов» (ПСЗ-III. Т. 25. Отд. I. № 26656. С. 637). В тот же день Николай II утвердил соответствующее «Учреждение Государственной думы» (Там же. № 26661. С. 640–645).

⁷³ Труды VII всероссийского съезда... С. 180, 192.

⁷⁴ Светлые минуты старообрядчества // Голос старообрядца. 1906. № 48. 6 июля.

⁷⁵ Протоколы астраханского и саратовского братства (и епархиального съезда Саратовско-Астраханской епархии) // Старообрядец. 1906. № 9. С. 1061; Старообрядческий съезд // Голос старообрядца. 1906. № 48. 6 июля.

⁷⁶ ОР РГБ, ф. 164, к. 16, д. 16, л. 3–5 об.

⁷⁷ Собор старообрядческих епископов // Старообрядец. 1906. № 5. С. 579.

⁷⁸ Постановления Освященного собора 1906 года в апреле месяце (в Москве) // Постановления освященных соборов старообрядческих епископов 1898–1912 гг. М., 1913. С. 53.

⁷⁹ Постановления Освященного собора 1906 года в сентябре месяце (в Москве) // Там же. С. 65–66.

⁸⁰ Постановления Освященного собора 1907 года в июне месяце (в Москве) // Там же. С. 81.

⁸¹ Мельников Ф.Е. Краткая история... С. 416.

«Да здравствует царь! Да здравствует свобода»⁸². Однако лишь отдельные старообрядческие пастыри пытались более активно участвовать и в общественно-политических процессах. Так, епископ Уральский и Оренбургский Арсений (Швецов) принимал, по его признанию, «весьма деятельное участие» в организации всероссийский съездов⁸³. Первые два, по сути, были «собранны» им, а третий, состоявшийся после соборного постановления, готовился с его «архипастырским благословением», но по «передоверию»⁸⁴. Вышедший из начётчиков епископ Нижегородский Иннокентий (Усов) издавал журналы «Старообрядческий вестник» (1904–1905) и «Старообрядец» (1906–1907)⁸⁵.

В решениях съездов, как правило, отражались взгляды крупных предпринимателей от И.А. Пуговкина до Д.В. Сироткина, П.П. Рябушинского и Г.Н. Грачёва, в 1905 г. рассчитывавших на сотрудничество с властью. Так, председательствовавший на Шестом съезде Сироткин не допустил дискуссии «о положении старообрядчества в связи с общим положением в России». Иначе он поступить не мог, поскольку перед этим «дал администрации слово, что на съезде не будут возбуждаться политические вопросы». В случае несогласия делегатам следовало «приискать другое помещение для заседаний» и заменить председателя⁸⁶.

Гораздо радикальнее высказывались начётчики. На Шестом съезде они не стали возражать Сироткину, однако сразу же после его окончания их либерально настроенные представители (Ф.Е. и В.Е. Мельниковы, Н.Д. Зенин, В.Е. Макаров, И.К. Перетрухин и др.) провели частное совещание, вернувшись к «кардинальному вопросу программы», который был снят «по требованию нижегородского губернатора»⁸⁷. Размышляя на этой встрече о том, «обеспечивает ли существующий государственный строй (самодержавие) права старообрядцев, закреплённые в указе 17 апреля 1905 г.», В.Е. Мельников утверждал, что «передние ряды царских врагов и супостатов занимает наше самодержавное правительство», и староверы должны подняться на защиту «попираемого царского слова». Поясняя свою позицию, начётчик добавил: «Я поэтому стою за упразднение ныне существующего государственного строя». Его брат Ф.Е. Мельников тогда же констатировал, что «существующий полицейско-бюрократический строй не обеспечивает прочности указов и законов в России и прав человека-христианина и гражданина». Их поддержал Перетрухин. Все они видели выход в созыве Думы «с решающим голосом», которая гарантирует «сохранение в силе указа 17 апреля»⁸⁸. В итоговом заявлении собравшиеся провозгласили: «Старообрядчество — сила, с которой правительству пришлось считаться и уступить». По мнению начётчиков, этому способствовали «наша организованность, солидарность и единение». И они не сомневались в том, что, «идя этим путём, мы наконец, добьёмся не “милости”, а своего неотъемле-

⁸² Первое архиерейское служение на старообрядческом Рогожском кладбище. (По поводу истекающей годовщины распечатания алтарей названного кладбища) // Старообрядец. 1906. № 4. С. 446.

⁸³ Съезд старообрядцев в Нижнем Новгороде // Старообрядец. 1907. № 7–8. С. 943.

⁸⁴ ОР РГБ, ф. 579, д. 176, л. 6–6 об.

⁸⁵ Агеева Е.А., Боченков В.В. Иннокентий (Усов Иван Григорьевич) // Православная энциклопедия. Т. 23. М., 2010. С. 26–30; Мельников Ф.Е. Краткая история... С. 470.

⁸⁶ Труды Шестого всероссийского съезда... С. 2.

⁸⁷ Протоколы частного собрания старообрядцев после VI Всероссийского съезда старообрядцев 2–5 августа 1905 г. [6–10 августа] в Н. Новгороде // Старообрядец. 1906. № 6. С. 694.

⁸⁸ Там же. С. 698–700, 704, 715–716.

мого права на безусловную свободу веры, совести и личности. Да будет нашим лозунгом: “Старообрядцы всех согласий, объединяйтесь на борьбу за право и свободу совести!”⁸⁹.

В других публикациях представители этой группы жаловались на то, что власти не следуют духу и букве указа 17 апреля. «Скорее бы, скорее Государственную думу! — торопил события Ф.Е. Мельников. — Тогда не было бы необходимости во временных правилах, тогда не было бы и правовольных чиновничьих распоряжений, которые и после высочайших указов и манифестов стесняют нашу религиозную свободу и гнетут нашу совесть»⁹⁰. После ужесточения уголовных законов в марте 1906 г. он с недоумением отметил: «Такого ли положения добивались старообрядцы?... Наши надежды ныне возлагаются единственно на царя и Государственную думу»⁹¹. Столь же категорично начётчики выступали против сословных привилегий. Макаров обличал дворянство, которое характеризовалось им как «паразитическая каста», «трутни-белоручки», и заявлял: «Поэтому мы, старообрядцы, благодарим Провидение, что среди нас нет ни одного дворянина»⁹².

Особой решительностью отличался Зенин, которого неоднократно арестовывала полиция⁹³. Сам он, впрочем, полагал, что трудился «на благо семьи и государства, хотя и преследуемый от него в лице низших агентов»⁹⁴. В ноябре 1905 г. Зенин написал, отпечатал и начал распространять листовку с обращением «к брату любимому во Христе». В ней говорилось, что «по смыслу содержания вероучения» старообрядцы «не должны ввязываться в какую-бы то ни было политику, но стоны избиваемых с обеих сторон политических партий, плач и сиротство жён, детей и матерей убитых, разорение страны и с христианской точки зрения обязывает нас выступить активными деятелями на общегосударственную ниву». Идти на это следовало именно потому, что «мы все горячо любим свою Мать-Родину... чтим Царя, как помазанника Божия, которым грозит страшная опасность: первой распадение и обнищание с перспективой анархии, а второму всякое незаслуженное унижение и низвержение». В итоге начётчик приходил к выводу: «“Свободы” нам нужны, но не свободы избивать бомбами и дрекольями кого-бы то ни было... Нужно возможно быстрое проведение в жизнь реформ, возвешённых Манифестом 17 октября с[его] г[ода], но без пролития крови и всяких забастовок»⁹⁵. Таким образом, даже самые либеральные старообрядцы сохраняли веру в царя и Думу, осуждая революционное насилие. От большинства участников съездов они отличались преимущественно своей риторикой.

Вместе с тем основную массу староверов (до 90%⁹⁶) составляли крестьяне, которые довольно скромно были представлены на съездах. При этом, ясно

⁸⁹ Протоколы частного собрания старообрядцев после VI Всероссийского съезда старообрядцев 2–5 августа 1905 г. [6–10 августа] в Н[ижнем] Новгороде. Приложения // Старообрядец. 1906. № 7. С. 834.

⁹⁰ [Мельников Ф.Е.] Скорее Думу // Голос старообрядца. 1906. № 6. 2 февраля.

⁹¹ Ш-в. [Мельников Ф.Е.] Новый закон // Голос старообрядца. 1906. № 27. 20 апреля.

⁹² Вольский [Макаров] В.Е. О «благородном сословии» // Старообрядец. 1906. № 9. С. 1016, 1017.

⁹³ ОР РГБ, ф. 164, к. 22, д. 16, л. 1.

⁹⁴ Зенин Н.Д. Государственная дума и старообрядцы // Старообрядческая мысль. 1912. № 7. С. 665.

⁹⁵ ОР РГБ, ф. 164, к. 22, д. 16, л. 3.

⁹⁶ Кириллов И.А. Статистика старообрядчества. М., 1913. С. 16.

осознавая их значение в старовойрии, Сироткин признавал, что «главенствующий наш класс — крестьянство»⁹⁷, а Мельников утверждал, что «самым насущным и живейшим вопросом должен считаться вопрос крестьянский — земельный»⁹⁸.

В 1905 г. часть крестьян-старообрядцев активно участвовала в аграрных беспорядках. Мельников с сожалением писал про такие их действия, как «захват помещичьих имений, порубка лесов, сожжение усадеб». Но начётчик уверял, что на это их толкнули «или страшная нужда — голод и холод, или пришлые подстрекатели, которые возбудили крестьян заведомо ложными толками о земле или обещанием золотых гор»⁹⁹. Другие и вовсе не придавали значения сравнительно небольшому числу подобных эксцессов и настаивали на том, что в 1905 г. «руки старообрядцев... к делу пожаров и разрушения не прилагались»¹⁰⁰.

Через месяц после Второго чрезвычайного съезда, на котором «продолжительные прения» о земле вызвали столкновение «разноречивых мнений», Сироткин и П.П. Рябушинский «с разрешения правительства» устроили в Москве съезд крестьян-старообрядцев, собрав 350 человек из 43 губерний и областей. Сами староверы называли его «подлинно крестьянским»¹⁰¹. Совет всероссийского съезда заранее разослал им перечень вопросов, которые предстояло рассмотреть¹⁰². В результате дискуссий появилась резолюция, требовавшая принудительно «отчуждать земли казённые, удельные, мешанские, купеческие, монастырские, церковные и крупновладельческие (!. — В.К.)... пахотные, луговые и лесовые», прежде всего — «неиспользуемые владельцами». За отчуждённую частную собственность полагалась плата «справедливая, умеренная и необременительная для крестьян», определявшаяся «оценочной комиссией», которая должна была состоять наполовину из «крестьян данной местности». Выплаты проводились бы «не через банк, а на счёт государства»¹⁰³.

При этом крестьян-старообрядцев волновало не только увеличение своих наделов, но и устройство органов местной власти. Тут им казалось «желательно, чтобы были всесословная волость и всесословный суд», тогда как институт земских начальников предполагалось упразднить. В земскую управу следовало избирать по два крестьянина от каждой волости, без участия которых «никакие бы постановления... не определялись»¹⁰⁴.

Как справедливо писал С.П. Мельгунов, старообрядческий крестьянский съезд «своими радикальными постановлениями отделился демаркационной линией от всех так называемых умеренно-прогрессивных, т.е. правых политиче-

⁹⁷ Сироткин Д.В. Речь на Всероссийском съезде старообрядцев // Слово Церкви. 1917. № 24. С. 448.

⁹⁸ [Мельников Ф.Е.] Открытое письмо старообрядческим крестьянам // Голос старообрядца. 1906. № 2. 19 января.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Церковь: старообрядческий церковно-общественный журнал. 1910. № 44. С. 1087.

¹⁰¹ Съезд крестьян-старообрядцев // Старообрядец. 1906. № 3. С. 360; Крестьянский съезд старообрядцев // Голос старообрядца. 1906. № 5. 29 января.

¹⁰² ОР РГБ, ф. 164, к. 27, д. 2, л. 2.

¹⁰³ Материалы по вопросам земельному и крестьянскому. Всероссийский съезд крестьян-старообрядцев в Москве. 22–25 февраля 1906 года. М., 1906. С. 74–75; Съезд крестьян-старообрядцев // Старообрядец. 1906. № 3. С. 359.

¹⁰⁴ Материалы по вопросам земельному и крестьянскому... С. 88.

ских партий», в том числе и от «Союза 17 октября»¹⁰⁵. Впрочем, отличались они и от намерений социалистических партий. Отчуждённую землю крестьяне-староверы собирались сделать «их неотъемлемой собственностью»¹⁰⁶, а вовсе не передать в «собственность всенародную», как планировали во Всероссийском крестьянском союзе¹⁰⁷.

В результате именно крестьяне оказались наиболее радикальным слоем старообрядцев, составлявшим к тому же подавляющее большинство ревнителей древнего благочестия. Кроме того, для них отнюдь не была характерна политическая пассивность. Не случайно трое из четверых депутатов-староверов, избранных в I Думу, являлись крестьянами¹⁰⁸.

Со своей стороны, Совет съездов ДПЦХ в условиях революции призывал избегать крайностей. В его докладе на Втором чрезвычайном съезде отмечалось: «Наше отечество в опасности. Непонятая свобода привела Россию к внутреннему разделению и образовала из русских людей две противоположных партии, окрещённых печатью красной и чёрной... Крайняя красная с оружием и бомбами стремится достигнуть установления в Русской стране республики, крича под красным флагом — долой царя, да здравствует республика! А крайняя чёрная с дреколем в руках, прикрываясь флагом национальным, под девизом самодержавия, защищает старый чиновничий строй, доведший русскую землю до настоящего несчастного её положения... Стремления красной и чёрной ведут к гибели нашу страну. Мы должны быть чужды таких проявлений»¹⁰⁹. С этим соглашались и поморцы¹¹⁰.

Однако все учитывали, что старообрядчество, объединённое «единством веры, церковных таинств, преданий и обрядов», «как религиозное общество не может во всей своей совокупности принадлежать к той или иной политической партии», и взгляды его представителей «могут быть различны»¹¹¹. Съезды не пытались «по существу своей деятельности навязывать населению те или другие политические убеждения», исходя из того, что староверы, «участвующие в государственной деятельности своей страны, могут лично чрез политические партии проводить свои взгляды»¹¹². Как рассуждал начётчик Макаров, «каждая группа или класс людей имеет свои особые экономические интересы... естественно, что всякий из нас в отдельности, не как старообрядец, а как... купец, крестьянин или рабочий, идёт в ту партию, которая обещает отстаивать его экономические интересы»¹¹³. И действительно, в период подъёма политического движения некоторые ревнители древнего благочестия и даже отдельные руководители старообрядчества занялись партийной деятельностью.

В разгар революции и после неё староверов стремились привлечь к себе черносотенцы. Русское собрание провозглашало, что «любовью своей обнима-

¹⁰⁵ Мельгунов С.[П.] Аграрный вопрос на старообрядческом съезде // Старообрядчество и освободительное движение. С. 32.

¹⁰⁶ Материалы по вопросам земельному и крестьянскому... С. 75.

¹⁰⁷ Шестаков А.[В.] Всероссийский крестьянский союз // Историк-марксист. 1927. № 5. С. 94–123.

¹⁰⁸ Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Первый созыв. С. 201, 211, 234, 278.

¹⁰⁹ Труды VII всероссийского съезда... С. 199.

¹¹⁰ ОР РГБ, ф. 578, д. 257, л. 10 об., 13 об.

¹¹¹ Не ведут-бо, что творят // Голос старообрядца. 1906. № 71. 28 сентября.

¹¹² Труды VII Всероссийского съезда... С. 6.

¹¹³ Вольский В.Е. О поползновении некоторых партий на старообрядчество // Старообрядец. 1906. № 10. С. 1163.

ет и тех истинно русских людей, которые с семнадцатого века, разошедшись с нами в букве, не отступили, однако, от Животворящего Слова»¹¹⁴. Союз русского народа заявлял, что «признаёт веру православную... основою русской жизни, господствующею в России, не делая в православии никакого различия между последователями старого и нового обряда»¹¹⁵. Иные региональные правомонархические организации предлагали «полное уравнивание в правах старообрядцев с остальными русскими» при главенстве синодальной Церкви¹¹⁶.

В.А. Грингмут опубликовал в «Московских ведомостях» сообщение о создании отставным подполковником Ф.Е. Колонтаевым, тесно связанным с московским градоначальником А.А. Рейнботом, Союза старообрядцев¹¹⁷, куда вошли «люди крепкие... не отступающие ни на йоту от исконного христианского учения, а потому и преданные и сердцем, и умом помазаннику Божию, русскому царю»¹¹⁸. В своём воззвании Союз призывал «выполнить свой долг перед Родиной, помочь прекращению неслыханной смуты». Его организаторы вразумляли читателя: «Не потакай изменникам... они, изменники, отравили русскую молодёжь ложным учением, и, развратив её, выманили на улицу для бесчинства и безобразия... разорили всю страну твою и все твои сословия... натравляют тебя на чужое добро, крестьян на помещиков, работников на хозяина, государя же царя они совсем не признают»¹¹⁹.

Однако староверы резко отмежевались от данной организации. Особенно их возмутило то, что воззвание появилось в «Московских ведомостях», известных «клеветами, доносами на старообрядцев, печатающих всякую заведомую чушь, какую угодно брань против ненавидимых ими старообрядцев!»¹²⁰. Макаров указывал на то, что, «надеясь перетянуть старообрядцев на сторону реакции, эти люди недавно ещё заискивали перед старообрядцами, льстили их духовным руководителям», тогда как на самом деле им нужно «сохранение старого режима с его деспотизмом и гонениями на веру, слово и мысль», и с этой целью они «рассылали кипы черносотенно-хулиганских и погромных прокламаций, например, от имени несуществующего “союза старообрядцев”»¹²¹. 27 ноября 1905 г. на специально созванном по этому поводу частном собрании московских староверов с участием священнослужителей Союз при-

¹¹⁴ [Разъяснение] от Русского собрания. [26 ноября 1906 г.] // Правые партии. 1905–1917 гг. Документы и материалы. В 2 т. / Сост. Ю.И. Кирьянов. Т. 1. М., 1998. С. 173. См. также: [Обращение] Русского собрания к русскому народу. Вторая половина 1906 г. // Правые партии... Т. 1. С. 274.

¹¹⁵ Избирательная программа (в связи с выборами в Государственную думу), принятая I Всероссийским съездом уполномоченных отделов С[оюза] р[усского] н[арода] и обязательная для всех отделов. 2 сентября 1906 г. // Правые партии... Т. 1. С. 190. См. также: *Степанов А.Д.* Союз русских людей // Чёрная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917 / Отв. ред. О.А. Платонов. М., 2008. С. 504.

¹¹⁶ *Михайлова Е.М.* Астраханская народно-монархическая партия (АНМП) // Чёрная сотня. Историческая энциклопедия... С. 46, 47.

¹¹⁷ Иовцы в руках Колонтаева // Старообрядец. 1907. № 2. С. 193–199.

¹¹⁸ Москва, 11 ноября. Объединение старообрядцев // Московские ведомости. 1905. № 298. С. 2.

¹¹⁹ За веру, царя и народность. Воззвание Союза старообрядцев. Господи благослови! Истинные христиане, коренной русский народ, старой веры российской! // Московские ведомости. 1905. № 298. С. 1.

¹²⁰ *Волоколамский И.* Заметки русского старообрядца. С. 105–106.

¹²¹ *Вольский В.Е.* О поползновении некоторых партий на старообрядчество // Старообрядец. 1906. № 10. С. 1159.

знали «провокационным и вредным для старообрядчества»¹²², пытающимся его опорочить распространением слухов о том, будто его приверженцы «действительно сочувствуют программе Грингмута и готовы принять участие в черносотенных организациях»¹²³. Хотя «Московские ведомости» сообщали, что в этой организации объединились «последователи Рогожского и Преображенского толков»¹²⁴, сами представители белокриницкого согласия были уверены, что Колонтаев пользовался поддержкой лишь некоторых сторонников старообрядческого епископа Иова, наиболее радикальной ветви неокружников, отколовшихся от ДПЦХ¹²⁵.

Старообрядцы сотрудничали с «союзниками» в основном в провинции. Депутат Думы старовер Д.П. Гулькин сначала возглавил один из отделов Союза русского народа в Бессарабии, но затем, разочаровавшись, вышел из него¹²⁶. Покровитель нижегородских беглопоповцев Н.А. Бугров, по словам лидера местных кадетов, в 1909 г. финансировал черносотенную газету «Минин» и баллотировался в Думу от СРН¹²⁷. Однако в 1905 г. сам Бугров, излагая свои убеждения, заявил: «Ни к какой политической партии я до настоящего времени не примыкал, но, желая скорейшего, по возможности, успокоения родной страны... я всегда буду противником насилия и произвола, безразлично, в какой бы форме и под каким флагом, белым или красным, они не проявлялись»¹²⁸.

На Урале в рядах СРН оказались не менее шести последователей часовенного и белокриницкого согласий, а одним из отделов первые два года руководил купец-старовер¹²⁹. Уфимское Царско-народное русское общество, а затем и губернский отдел союзников возглавлял предприниматель из поморцев К.А. Лаптев¹³⁰. В Иваново-Вознесенской самодержавно-монархической партии председательствовал купец-старовер Н.И. Куражев¹³¹. В Сибири товарищем председателя городского отдела СРН в Новониколаевске был купец К.А. Поляков, стоявший во главе церковного совета Новониколаевской белокриницкой общины¹³², а членом барнаульского отдела — купец И. Поляков¹³³.

¹²² Иовцы в руках Колонтаева. С. 197.

¹²³ Мельгунов С./П./ Аграрный вопрос на старообрядческом съезде. С. 5, 6.

¹²⁴ Москва, 11 ноября. Объединение старообрядцев. С. 2.

¹²⁵ Иовцы в руках Колонтаева. С. 197. О неокружниках см.: Вургафт С.Г., Ушаков И.А. Неокружники // Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря. М., 1996. С. 186–189.

¹²⁶ 3-й созыв Государственной думы. Портреты. Биографии. Автографы. СПб., 1910. С. 113.

¹²⁷ Селезнев Ф.А. Старообрядческое купечество и политические партии в годы революции // Старообрядец. 2007. № 40.

¹²⁸ Седов А.В. Кержаки. История трёх поколений купцов Бугровых. Н. Новгород, 2005. С. 139.

¹²⁹ Ключкина Ю.В. Старообрядцы и политические партии (1905–1917) // Проблемы истории России. Вып. 5. Екатеринбург, 2003. С. 335–336, 345.

¹³⁰ Максимов К.В. Лаптев Клементий Артемьевич // Чёрная сотня. Историческая энциклопедия... С. 281–282.

¹³¹ Балдин К.Е. Куражев Николай Иванович // Чёрная сотня. Историческая энциклопедия... С. 277.

¹³² Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Предприниматели Алтая (1861–1917). Энциклопедия предпринимательства. Барнаул, 1996. С. 80; Старцев А.В. Общественно-политическая жизнь старообрядцев в начале XX в. (на примере сибирских белокриницких общин) // Алтайский старообрядец. Старообрядческий сайт (РПСЦ): староверы Алтая (URL: <https://altaistarover.ru/articles/history/512-obshchestvenno-politicheskaya-zhizn-obshchin>).

¹³³ Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М. Купечество Алтая второй половины XIX — начала XX в. Барнаул, 2001. С. 160.

Наибольшим влиянием среди староверов СРН пользовался в Белоруссии. 11 декабря 1905 г. председатель Союза А.И. Дубровин приехал к военному министру А.Ф. Редигеру и «предложил привезти из Витебска 20 тысяч старообрядцев», которые, будучи вооружены и расположены вокруг Петербурга, могли бы «навести порядок в районе заводов и не дать рабочим двинуться на Царское Село». Генерал «его поблагодарил и обещал иметь его предложение в виду, на случай крайности»¹³⁴. Правда, больше они не встречались. Вероятно, число староверов-черносотенцев в разговоре было серьёзно завышено, но они действительно руководили отделами в Гомеле и в Режицком уезде Витебской губ.¹³⁵ Пост председателя Гомельского отдела СРН занимал старообрядец А.Х. Давыдов, один из ближайших сподвижников Дубровина. На III Всероссийском съезде русских людей в Киеве в октябре 1906 г. он «от имени 46 тыс. старообрядцев» говорил про «преданность старообрядцев царю и Родине, их ненависть к революции и стремление бороться с крамолой»¹³⁶. Депутат III Думы, председатель одной из деревенских старообрядческих общин Двинского уезда М.К. Ермолаев выступил учредителем и председателем отдела СРН в с. Мапиновское¹³⁷. В Витебске возникла также правомонархическая организация «Общество старообрядцев и правых»¹³⁸.

И всё же массового притока старообрядцев в черносотенные организации не наблюдалось. Во многом это объяснялось видной ролью, которую играло в СРН синодальное духовенство¹³⁹. Некоторые архиереи резко возражали против включения старообрядцев в Союз. Архиепископ Владимирский Николай (Налимов) даже жаловался в Святейший Синод на то, что Устав СРН противоречит «постановлениям о раскольниках Православной Российской Церкви»¹⁴⁰. И если в первой редакции программы СРН декларировалось равенство «в православии» приверженцев старого и нового обрядов, то вскоре «союзники» потребовали «не попускать... возрастающее дерзостное стремление» староверов забрать «себе права и преимущества господствующей Церкви и занять её место». Также не одобрялось использование ими «наименований, принадлежащих православной вере и иерархии»¹⁴¹. Соответственно, на страницах старообрядческих периодических изданий черносотенное движение, и прежде всего

¹³⁴ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. / Публ. Л.Я. Сает и Н.В. Ильиной. Т. 1. М., 1999. С. 516.

¹³⁵ Иванов А.А. Черносотенцы и старообрядцы: несостоявшийся альянс // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2021. № 102. С. 53.

¹³⁶ Степанов А.Д. Давыдов Аким Харлампиевич // Чёрная сотня. Историческая энциклопедия... С. 160.

¹³⁷ 3-й созыв Государственной думы. Портреты. Биографии. Автографы. С. 36.

¹³⁸ Степанов С.А. Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 86.

¹³⁹ Там же. С. 115–117; Бузмаков Е.Л. Черносотенные организации в Сибири (1905–1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000. С. 17; Павлов И.Д. Священники и старообрядцы в монархических союзах: проблемы взаимоотношений // XX век и Россия: общество, реформы, революция. Электронный сборник. Самара, 2019. Вып. 7. С. 111 (URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svyaschenniki-i-starobryadtsy-v-monarhicheskikh-soyuzah-problemy-vzaimootnosheniy/viewer>).

¹⁴⁰ Мошненко А.В. Православное духовенство и Союз русского народа // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. История. 2014. № 4(28). С. 17–18.

¹⁴¹ Постановление Монархического съезда русских людей // Правые партии. 1905–1917 гг. ... С. 477.

СРН, подвергались постоянной критике¹⁴². Староверы сделали вывод: «Такие “друзья” нам не нужны. Мы знаем — кто вы и чего вы жаждете. Прочь от нас! Прочь!»¹⁴³.

С Союзом 17 октября древлеправославные предприниматели поддерживали гораздо более тесные связи. Да и программа их съездов в значительной мере была созвучна идеям октябристов. Братья П.П. и В.П. Рябушинские в конце 1905 г. стали членами московского ЦК Союза 17 октября, где заняли позиции на левом фланге. В ноябре 1905 г. они также выступили организаторами Умеренно-прогрессивной партии (УПП), вскоре свернувшей свою деятельность, и вместе с крупными предпринимателями-старообрядцами И.А. Пуговкиным, И.А. Морозовым, поморцами Е.В. и И.В. Морозовыми и др. участвовали в создании Торгово-промышленной партии (ТПП). На выборах в I Думу УПП и ТПП блокировались с Союзом 17 октября, а в ноябре 1906 г. ТПП вошла в его состав¹⁴⁴. Между тем ещё в октябре из-за разногласий с А.И. Гучковым, поддерживавшим столыпинскую политику, П.П. Рябушинский покинул ряды октябристов и присоединился к Партии мирного обновления. В апреле 1907 г. его в административном порядке выслали из Москвы (формально в связи с «противоправительственным направлением» издававшейся им газеты «Утро»)¹⁴⁵. В то же время он оставался одним из руководителей старообрядчества: принимал активное участие во всероссийских съездах и в работе их Совета, а также в обсуждении проекта закона о старообрядческих общинах, финансировал «Народную газету» с приложением «Голос старообрядца», был включён в объединённую делегацию, посетившую 21 февраля 1906 г. Николая II. По словам Ф.Е. Мельникова, Рябушинский «явил собою новый тип старообрядца с высокой светской культурой»¹⁴⁶.

В Казани, где среди местного купечества довольно высока была доля староверов, октябристы¹⁴⁷ включили в свою программу требования: «Изъятие всех вероисповеданий из-под опеки правительственной власти. Устранение всех законоположений, стеснительных для того или другого вероисповедания. Восстановление всех погрязших религиозных прав, в том числе и права на собственность. Предоставление каждому вероисповеданию права на полную свободу отправления богослужений и духовное самоуправление на началах религиозных норм каждого вероучения. Предоставление каждой религиозной общине прав юридических лиц в самостоятельном распоряжении своим имуществом»¹⁴⁸.

¹⁴² См., например: Старообрядцы: ежемесячный журнал: орган церковно-общественной жизни старообрядчества (Нижний Новгород). 1909. № 3–4. С. 271–272; № 5–6. С. 393 и др.; Церковь. 1914. № 16. С. 390 и др.

¹⁴³ «Друзья» старообрядцев // Голос старообрядца. 1906. № 58. 13 августа.

¹⁴⁴ Партии промышленников и предпринимателей. Документы и материалы 1905–1906 гг. / Сост. В.Ю. Карнишин. М., 2004. С. 17, 135; Российские либералы: кадеты и октябристы. Документы, воспоминания, публицистика / Сост. В.В. Шелохаев, Д.Б. Павлов. М., 1996. С. 296.

¹⁴⁵ Подробнее о политической деятельности Рябушинских см.: *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997. С. 69–122.

¹⁴⁶ *Мельников Ф.Е.* Краткая история... С. 475.

¹⁴⁷ Казанская партия Манифеста 17 октября, влившаяся перед выборами в I Думу в казанский отдел Союза 17 октября.

¹⁴⁸ *Алексеев И.Е.* Под сенью царского манифеста (умеренно-монархические организации Казанской губернии в начале XX века). Казань, 2002. С. 255. Впрочем, после объединения местных протооктябристских организаций в программе Поволжского съезда Союза 17 октября про избавление от правительственной опеки и восстановление погрязших прав уже не говорилось. См.:

Немало древлеправославных (в основном из купцов) оказалось в руководстве казанского и чистопольского отделов Союза 17 октября, а также в местной ТПП, которую в Казани возглавлял председатель совета общины ДПЦХ купец М.Л. Свечников (кроме того, в её комитете числилось около 20 старообрядцев, преимущественно предпринимателей). В Чистополе лидером октябристов стал купец-старовер Н.В. Маланьичев. Предвыборные собрания казанского городского отдела Союза проводились часто в старообрядческой моленной или в часовне, а один из его комитетов размещался в 1905–1906 гг. в здании, принадлежавшем общине староверов¹⁴⁹. Газета «Обновление», орган казанских октябристов¹⁵⁰, периодически публиковала статьи старообрядцев (в частности, священника А.И. Калягина) и освещала интересовавшие их события, включая Второй чрезвычайный съезд. Неудивительно, что на выборах в I Думу многие казанские староверы поддержали Союз 17 октября. После её роспуска они заметно охладели к политической деятельности, но всё же присутствовали и среди выборщиков во II Думу¹⁵¹.

По словам Мельгунова, некоторые «интеллигентные старообрядцы» сочувствовали кадетам, и Конституционно-демократическая партия могла собрать среди них «богатую жатву»¹⁵². «Русские ведомости» писали о кадетских взглядах Сироткина, но кандидатом в I Думу он пошёл по списку октябристов¹⁵³. Екатеринбургский купец Г.Н. Грачёв, участник старообрядческих съездов, в 1905–1907 гг. публиковал в местной печати статьи о свободе совести и «принял энергичное участие» в выборах, примкнув к кадетам. После роспуска I Думы он распространял «Выборгское воззвание», из-за чего его дом подвергся обыску, в ходе которого полиция обнаружила три гектографа и запрещённую литературу, отправив Грачёва на три месяца в тюрьму¹⁵⁴. Однако выявленные исследователями случаи сотрудничества староверов и Партии Народной свободы сравнительно редки, причём известно в основном об их контактах уже после 1907 г.¹⁵⁵

Краткая политическая программа «Союза 17 октября», принятая на Поволжском съезде в Казани в сентябре 1906 г. Н. Новгород, 1906. С. 8.

¹⁴⁹ Латыпов И.Р. «Десятилетие свободы» (1905–1917 гг.) для старообрядцев Казанской губернии // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2011. Вып. 2. С. 226; Алексеев И.Е. Под сенью царского манифеста... С. 84, 105–106; Алексеев И.Е. Участие старообрядцев в деятельности умеренно монархических организаций Казанской губернии в начале XX века (выступление на Республиканской научно-практической конференции с международным участием «Традиции старообрядческой благотворительности», посвящённой памяти Якова Филипповича Шамова (1833–1908). Казань–Чистополь, 3–4 октября 2018 г.) (URL: https://ruskline.ru/analitika/2018/11/2018-11-19/uchastie_staroobryadcev_v_deyatelnosti_umerenno_monarhicheskikh_organizacij_kazanskoj_gubernii_v_nachale_xx_veka/).

¹⁵⁰ Казанская периодика XIX–XXI вв. Энциклопедический справочник для представителей средств массовых коммуникаций. Казань, 2018. С. 115–116.

¹⁵¹ Михайлов А.Ю., Седов И.О. Этноконфессиональные группы в дискурсе казанских октябристов в годы Первой русской революции // Российские исследования. 2012. Т. 2. № 3. С. 72–74, 79; Алексеев И.Е. Участие старообрядцев в деятельности...

¹⁵² Мельгунов С.[П.] Старообрядчество и освободительное движение. С. 14.

¹⁵³ Селезнев Ф.А. Д.В. Сироткин и Всероссийские съезды старообрядцев... С. 83.

¹⁵⁴ Микитюк В.П. Екатеринбургские купцы Грачёвы // Одиннадцатые Татищевские чтения. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2015. С. 169.

¹⁵⁵ Ключкина Ю.В. Старообрядцы и политические партии... С. 336–337; Порватова С.В. Законопроект «о старообрядческих общинах» в Государственной думе 1906–1917 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. II. История. История Русской Православной Церкви. 2003. № 1. С. 120–138; Керов В.В. Старообрядчество в 1917 г. //

Среди революционеров, по мнению современных историков, ревнителей древнего благочестия в 1905–1907 гг. не наблюдалось¹⁵⁶. Их наставники и лидеры критиковали левых во много раз интенсивней, чем крайне правых. Так, перед выборами в I Думу эмиссары Совета съездов разъясняли «неправильность взглядов» именно «представителей крайних демократических, социальных и революционных партий»¹⁵⁷. Поморцы утверждали, что староверы должны отвергать призывы «проповедников революции, ложных апостолов, посланных от князя тьмы», поскольку «эти лжепророки жаждут видеть разрушение могущества тысячелетней России»¹⁵⁸.

Связи старообрядцев с социалистами имели скорее случайный характер или свидетельствовали об их непонимании разницы между партиями. Так, полиция признала социал-демократом зажиточного крестьянина-старовера из Ковровского уезда, владельца крупного торгового дома Ф.И. Носкова, у которого нашли листовку РСДРП и подписной список пожертвований в пользу пострадавших от политических репрессий. Но, выйдя в 1906 г. из тюрьмы, он финансировал уже кадетскую газету как «служащую революционным целям»¹⁵⁹. В 1905–1907 гг. не выявлено контактов староверов с левыми и на Урале¹⁶⁰. Помощь отдельных крупных старообрядческих предпринимателей революционерам мифологична и не имеет документального подтверждения.

Таким образом, в годы Первой российской революции старообрядчество усилило свою общественно-политическую активность, выпуская периодические издания («Старообрядческий вестник», «Старообрядец», «Голос старообрядца»), проводя частые съезды, совещания, соборы, обсуждавшие уже не только внутриконфессиональные проблемы (признание иерархии, ответственность за ведение метрических книг и проч.), но и реформаторские устремления — необходимость предоставления свободы совести и расширения гражданских прав в России, законодательные функции народного представительства. В результате в начале 1906 г. съезд принял политическую программу, которую старообрядцы желали предложить Государственной думе.

Наибольший консерватизм среди староверов демонстрировало духовенство, либеральнее других высказывались начётчики, но ещё радикальнее оказались крестьяне-старообрядцы, потребовавшие на своём съезде принудительной конфискации казённых, церковных и части помещичьих — «крупновладельческих» земель. Но, несмотря на иногда резкую риторику и критику «полицейско-бюрократического режима», все слои и группы староверов придерживались монархических взглядов. Даже либеральные начётчики, надеясь на Думу, сохраняли веру в царя. Старообрядческие предприниматели (в политических делах занимавшие, как правило, центристские позиции между священнослужителями и начётчиками) в основном ориентировались на октябристов. При этом все согласия и социальные слои ревнителей древнего благочестия, за исклю-

Российская история. 2018. № 1. С. 143–160; Керов В.В. «Народное освобождение совершилось ещё не окончательно»: старообрядцы и Третьеиюньская монархия // Российская история. 2023. № 4. С. 136–152.

¹⁵⁶ Селезнев Ф.А. Старообрядческое купечество и политические партии в годы революции.

¹⁵⁷ Голос старообрядца. 1906. № 10. 16 февраля.

¹⁵⁸ ОР РГБ, ф. 578, д. 257, л. 10 об., 13 об.

¹⁵⁹ Монакова О.Л. Политические предпочтения ковровских старообрядцев в думский период (1905–1917) // Старообрядчество: история, культура, современность. Т. 1. М., 2007. С. 54–58.

¹⁶⁰ Клюкина Ю.В. Старообрядцы и политические партии... С. 336–338.

чением отдельных случаев, осуждали насилие и отвергали сотрудничество как с «красной», так и с «чёрной» партиями. Впрочем, в западных губерниях со значительной долей нерусского населения ограниченное сотрудничество староверов с черносотенцами всё же прослеживалось.

В целом же, общественно-политическая позиция старообрядцев в период Первой российской революции выражалась в лозунгах: «Да здравствует царь! Да здравствует свобода!» и «Да здравствуют народные избранники на славу и счастье России!».

Камеры и участки мировых судей в дореволюционной Сибири

Евгений Крестьянников

Offices and subdistricts of magistrates in pre-revolutionary Siberia

Evgenii Krestiannikov
(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24030101, EDN: GCXTEW

Намерение «водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных», заявленное в указе Сенату 20 ноября 1864 г., сопровождавшем Судебные уставы¹, требовало территориального приближения правосудия к населению. Решение этой задачи связывалось в том числе и с выборным мировым судом, символизировавшим гармонию юстиции и общества и отличавшимся простым, ускоренным и понятным для поданных судопроизводством, а также доступностью камер, где происходило рассмотрение дел, для местных жителей.

Между тем по мере реализации реформы становилось очевидным, что её положения не универсальны и едва ли одинаково подойдут для всех регионов империи². Осенью 1894 г. под председательством товарища министра юстиции П.М. Бутовского была образована комиссия, обсуждавшая возможность применения уставов Александра II к Сибири³, где приходилось учитывать суровую природу, неразвитость путей сообщения и огромные безлюдные просторы⁴.

Проект комиссии лёг в основу закона 13 мая 1896 г. о введении Судебных уставов в сибирских губерниях и областях. 2 июля 1897 г. новая система правосудия начала функционировать. На мировых судей края не распространялись принципы выборности, несменяемости и независимости. При этом на них возлагались одновременно судебные, следовательские и нотариальные функции, благодаря чему предполагалось уменьшить размеры подведомственных территорий. Кроме того, им предписывалось разбирать дела в ближайших к местам их возникновения населённых пунктах, если они располагались далее 50 вёрст от камер⁵. Всё это означало повышенную интенсивность служебных команди-

© 2024 г. Е.А. Крестьянников

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

¹ ПСЗ-II. Т. 39. Отд. 2. СПб., 1867. № 41473.

² См., например: *Barerowski J.* Autokratie und Justiz: Zum Verhältnis von Rechtsstaatlichkeit und Rückständigkeit im ausgehenden Zarenreich 1864–1914. Frankfurt a/M, 1996. S. 365.

³ Судебная реформа в Сибири // Журнал Министерства юстиции. 1896. № 6. С. 145.

⁴ В 1914 г. в крае проживало 5,61% россиян, тогда как его площадь составляла 57,41% имперской территории (*Saunders D.* Regional Diversity in the Later Russian Empire // *Transactions of the Royal Historical Society.* 2000. Vol. 10. P. 145).

⁵ ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 2. СПб., 1899. № 12932. В судебном отношении к сибирским относились Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии и Забайкальская, Якутская, Амурская, Приморская области.

ровок, и потому во избежание волокиты и напрасной потери времени, материальных ресурсов и человеческих сил на преодоление значительных расстояний крайне важно было оптимально определить пределы мировых участков и местонахождение в них судей.

На рубеже XIX–XX вв. особое внимание государства к размещению судебных учреждений в Сибири приводило к существенному обновлению центров региональной власти⁶. Разделение восточной провинции на мировые участки (их закон 13 мая предусмотрел 157⁷) признавалось чуть ли не главным при практической подготовке преобразования сибирской юстиции⁸. Недаром уже в конце ноября 1894 г. Бутовский поручил сибирским губернаторам за предстоявшие зимние месяцы разработать план «наиболее удобного разграничения участков» для будущих мировых судей⁹.

От чиновников решение этой задачи требовало немалого воображения. Достоверные сведения о потребностях края в новых органах юстиции отсутствовали, а прогнозировать их поведение в непростой обстановке было трудно. В огромных пустынных районах Сибири, таких как Туруханский край Енисейской губ., Верхоянский и Колымский округа Якутской обл., Анадырский, Петропавловский (Камчатский), Гижигинский и Охотский округа Приморской обл.¹⁰, а также Командорские острова, полномочия мирового суда по закону 13 мая передавались полиции. На всех этих территориях ввести мировые учреждения удалось лишь после издания закона 3 июня 1911 г.¹¹

Однако, сократив размеры участков и наделив судей обязанностями следователей (по примеру Закавказья и Архангельской губ.), в Министерстве юстиции не учли принципиальную несовместимость этих должностей. Между тем, как отмечал, в частности, сибирский правовед-практик В.Н. Анучин, «мировой судья для пользы дела должен сидеть на месте, а для пользы другого — должен

⁶ Подробнее см.: *Ремнёв А.В.* Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 343–358; *Ремнёв А.В.* Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX вв. Омск, 2004; *Remnev A. V.* Siberia and the Russian Far East in the Imperial Geography of Power // *Russian Empire: Space, People, Power, 1700–1930* / Eds. J. Burbank, M. von Hagen, A. Remnev. Bloomington, 2007. P. 425–454; Сибирь в составе Российской империи. М., 2007. С. 23.

⁷ ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 2. СПб., 1899. № 12932.

⁸ Характерно, что в составленной членами комиссии Бутовского «Объяснительной записке к проекту штатов судебных установлений в Сибири» отмечалось: «При распределении сибирских губерний и областей на участки нельзя включать в один и тот же участок местности, отделяемые одна от другой большими реками, горами, тайгой и другими естественными преградами, так как, в противном случае, даже при малом количестве возникающих дел и не особенно значительной обширности участков участковые судьи были бы поставлены в невозможность исполнять надлежащим образом возлагаемые на них обязанности» (Государственный архив в г. Тобольске (далее — ГАТ), ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 158–158 об.). Включённый в комиссию иркутский губернский прокурор Н.И. Харизоменов указывал на то, что «при учреждении участковых судей в Сибири вообще, ввиду громадных расстояний и неудобства путей сообщения, должно быть принято во внимание, при образовании их участков, не столько количество подлежащих их ведению дел, но главное — пространство их участков и удобство сообщений, наблюдая, чтобы участки, по возможности, были невелики, разъезды удобны и местопребывание судьи находилось бы в центре участка» (РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 243, л. 119 об.—120).

⁹ РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 247, л. 2–5 об.

¹⁰ Сибирские округа в 1898 г. были переименованы в уезды (*Шиловский Д.М., Шиловский М.В.* Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI — начало XXI в.). Новосибирск, 2018. С. 63).

¹¹ ПСЗ-III. Т. 31. СПб., 1914. № 35432.

быть подвижен»¹². Если в Европейской России при сравнительно меньших расстояниях мировые судьи не покидали камер, что облегчало обращение к ним, то в Сибири происходило встречное движение, при котором местные жители добирались до судебных чиновников, а те ездили к сибирякам. В итоге бездорожье, большие просторы и другие обстоятельства сводили к нулю пользу от уменьшения протяжённости участков, и мировой суд со следовательскими функциями с первых шагов своей деятельности демонстрировал неприиспособленность к условиям края¹³.

К тому же появившихся в крае мировых судей оказалось слишком мало¹⁴. В комиссии Бутовского штаты сибирских судебных учреждений называли «крайне умеренными»¹⁵, а министр юстиции Н.В. Муравьёв, защищая 6 апреля 1896 г. в Государственном совете проект сибирского преобразования, признал их «минимальными»¹⁶.

Отчасти серьёзные погрешности при пространственном распределении участков объяснялись сомнительной статистикой делопроизводства в дореформенных судах. Вследствие этого возникла ситуация, когда в среднем участке Томской губ. проживали 60 246 человек, а в Приморской обл. — 13 498 (другие сибирские территории находились в этом диапазоне)¹⁷.

Руководство судебного ведомства не очень хорошо понимало реалии Сибири. Тобольский губернский прокурор С.Г. Коваленский (с 27 октября 1894 г. являвшийся членом комиссии Бутовского¹⁸) в своём проекте полагал, что дальность расстояний, чрезвычайная подвижность населения, «крайняя шаткость и неопределённость судебной статистики» вынуждают предоставить местным властям «возможно больший простор в размещении низших судебных органов по округам и распределении между ними работы», определяя в Петербурге лишь общее число чиновников юстиции в конкретной губернии или области¹⁹. Томский губернский прокурор А.В. Витте в представленном губернатору А.А. Ломачевскому проекте также предлагал возложить ответственность за разделение территорий на участки на некие губернские советы²⁰. Согласно закону 13 мая, в котором были учтены подобные рекомендации, составление предположений о мировых участках поручалось особым комитетам во главе с губернаторами.

На практике же судебные инстанции иногда по собственной инициативе в нарушение предписаний производили переделы мировых участков и пе-

¹² Ануцин В.Н. Пасынки Фемиды // Сибирские вопросы. 1909. № 46–47. С. 35–36.

¹³ Подробнее см.: Krest'iannikov E.A. Realizatsiia idei sud'i-sledovatel'ia v mirovoi iustitsii dorevoliutsionnoi Sibiri // Cahiers du monde russe. Vol. 58. 2017. № 4. P. 555–588.

¹⁴ То же самое наблюдалось и при создании в 1898 г. в Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях института крестьянских начальников, штат которых из-за финансовых соображений оказался значительно меньше, нежели требовалось (Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX в.). Иркутск, 1986. С. 71–72, 76; Крестьянников Е.А. Финансовые аспекты судебной реформы в Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Российская история. 2018. № 2. С. 22–34).

¹⁵ ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 160.

¹⁶ Муравьёв Н.В. Из прошлой деятельности. Т. 2. СПб., 1900. С. 403.

¹⁷ Подсчитано по: Азиатская Россия. Т. 1. СПб., 1914. С. 88–90; ПСЗ-III. Т. 16. Отд. 2. № 12932.

¹⁸ Государственный архив Иркутской области (далее — ГА ИО), ф. 245, оп. 5, д. 180, л. 19 об.

¹⁹ ГАТ, ф. 376, оп. 1, д. 566, л. 15 об.

²⁰ Государственный архив Томской области (далее — ГА ТО), ф. 3, оп. 6, д. 5, л. 25–25 об.

реносили камеры. Так, один из окружных судов Восточной Сибири²¹ через несколько месяцев после введения в крае Судебных уставов самочинно внёс изменения в участковое распределение, а другой — разрешил мировому судье разместить свою камеру вне границ участка. Председатель Иркутской судебной палаты Г.В. Кастриото-Скандербек-Дрекалович незамедлительно сообщил об этом Муравьёву, но министр, понимая, что данные решения вызваны здравыми соображениями, ограничился пожеланием, чтобы впредь в аналогичных случаях запрашивали его дозволение²².

Сибирское начальство весьма ответственно и неравнодушно относилось к разграничению мировых участков. Уже 28 января 1895 г. в Енисейской губ. губернатор, прокурор и председатели губернского правления и суда, посоветовавшись, постановили, «чтобы расстояние между местом нахождения камер и наиболее отдалёнными пунктами не было слишком значительно, и если возможно, то чтобы камера была центральна по отношению к границам участка, а физико-географический характер местности не препятствовал проездам мирового судьи во всякое время года в любой пункт участка». Эта в общем-то тривиальная мысль дополнялась толковым советом учитывать наличие там других учреждений, «ибо при таковом распределении судебная и административная власти будут сосредоточены в одном пункте, что будет способствовать, кроме того, более быстрому взаимному сношению мировых судей и полицейских чинов»²³. 7 сентября 1896 г. члены комитета Забайкальской обл., рассуждая об «обширности пространств между отдельными поселениями», «количестве народонаселения» и «дел, возникавших в районе каждого участка», пытались предугадать влияние сезонности и состояния транспорта²⁴.

Витте в своём проекте предлагал подбирать подходящие для судей участки исходя из их «способностей и характера, состояния здоровья и семейного положения»²⁵. В Иркутской судебной палате выделяли участки, отличавшиеся по дороговизне жизни, «тяжёлые по разъездам», «бойкие», с большим числом ссыльных и т.д. Подбирая для них кандидатов, обращали внимание на специализацию (к примеру, если преобладали гражданские дела, то лучше подходил цивилист) и возраст, поскольку где-то хотелось видеть молодого человека, а где-то, напротив, уместней казался зрелый юрист²⁶. Однако всё это не могло компенсировать нехватку судей. Так, по расчётам Витте, для Томской губ. требовалось не 32 мировых участка, созданных в соответствии с законом 13 мая, а минимум 50²⁷.

Согласно применявшимся в империи нормативам, считалось, что при одновременном исполнении судейских и следовательских обязанностей один судья способен ежегодно рассматривать не более 500–600 дел мировой юрисдикции и вести 70–80 следственных производств²⁸. Но, к примеру, в Тобольской губ. разграничение участков произошло так, что в одном из них ежегодно

²¹ Согласно закону 13 мая окружной суд, открывавшийся в каждой губернии или области Сибири, заменял там съезды мировых судей и непосредственно заведовал местной юстицией.

²² ГА ИО, ф. 243, оп. 1, д. 14, л. 18–19.

²³ Государственный архив Красноярского края (далее — ГА КК), ф. 613, оп. 1, д. 232, л. 46–47 об.

²⁴ ГА ИО, ф. 246, оп. 6, д. 3, л. 14, 19.

²⁵ ГА ТО, ф. 3, оп. 6, д. 5, л. 25.

²⁶ ГА ИО, ф. 246, оп. 6, д. 3, л. 4–13.

²⁷ ГА ТО, ф. 3, оп. 6, д. 5, л. 25.

²⁸ ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 875, л. 180.

прогнозировалось до 1400 разбирательств мировой подсудности, а в другом — до 170 следственных дел. Ялutorовский исправник докладывал тобольскому губернатору Л.М. Князеву, что исходя из количества поступавших ранее во вверенном ему округе дел, на данной территории необходимо образовать пять участков вместо предусмотренных трёх²⁹. По оценке председателя Томского окружного суда Ф.Ф. Делпа, объёмы делопроизводства мировых судей губернии превышали нормативы в два-три раза³⁰.

Приамурский генерал-губернатор С.М. Духовской, горячо приветствовавший судебное реформирование и называвший его во всеподданнейшем отчёте «величайшим делом для края»³¹, не скрывал недовольства разделением на мировые участки, проведённым местным областным комитетом. 12 февраля 1897 г. Духовской жаловался Муравьёву на то, что в быстрорастущий Хабаровск планируется назначить лишь одного мирового судью, который заведомо не справится с предстоящей нагрузкой. Во избежание волокиты генерал-губернатор просил министра открыть в городе дополнительную камеру³².

В середине 1897 г. в Сибири начал действовать весьма далёкий от совершенства мировой суд. Многие участки вышли невероятно обширными, что вело к дальним и обременительным командировкам, отнимавшим немало времени и сил³³. Так, в Забайкальской обл. из 18 участков только первый не требовал от судьи выездов за 50-вёрстный радиус для разбора тяжб³⁴. А в Томской губ. и вовсе обнаружили волости около станицы Верх-Алейской Змеиногорского округа и местности Каинского округа, не отнесённые ни к одному участку³⁵.

Порою судьям, чтобы добраться до отдалённых мест своего сектора (таких как Оек, Игнашина и Уруша в Восточной Сибири), приходилось пересекать чужие участки³⁶. Игуменья Мирония, настоятельница крупного Иоанно-Введенского монастыря, расположенного в семи верстах от Тобольска, жаловалась Князеву на то, что окрестное население вынуждено обращаться не к судье близкого губернского города, а в камеру, находившуюся за 90 вёрст в противоположной стороне³⁷. До приисков в системе реки Абакан природа и климат позволяли добираться исключительно в январе, но выкроить время на дальнюю поездку именно в этом месяце обычно не удавалось из-за обилия других занятий здешнего мирового судьи. Поэтому фактически расследования «по хищнической добыче золота» не проводились годами³⁸.

В Баргузинской тайге Забайкалья мировой судья также несколько лет не мог добраться до приисков, на что золотопромышленники жаловались мини-

²⁹ Там же, д. 861, л. 173 об., 207, 369.

³⁰ РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 254, л. 79 об.—81.

³¹ Всеподданнейший отчёт приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1896—1897 гг. СПб., 1898. С. 71.

³² ГА ИО, ф. 246, оп. 6, д. 3, л. 21 об.

³³ В судебном ведомстве считалось, что преодоление каждых 150—200 вёрст по Сибири на лошадях или пароходах отнимало сутки (Государственный исторический архив Омской области (далее — ГИА ОО), ф. 25, оп. 1, д. 80, л. 89 об.). См. также: *Крестяниников Е.А.* Правосудие через расстояния: негативная практика деятельности мировых судей в дореволюционной Сибири // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 1. С. 98—114.

³⁴ ГА ИО, ф. 245, оп. 1, д. 27, л. 96—98.

³⁵ ГА ТО, ф. 3, оп. 6, д. 5, л. 114, 118, 127, 129—129 об.

³⁶ ГА ИО, ф. 243, оп. 1, д. 14, л. 7—8; ф. 245, оп. 1, д. 924, л. 67.

³⁷ ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 869, л. 95—96 об.

³⁸ ГИА ОО, ф. 25, оп. 1, д. 242, л. 12—13 об.

стру юстиции И.Г. Щегловитову³⁹. Пути сообщения в этой таёжной и гористой зоне, именовавшиеся в путеводителях трактами, не позволяли в нужном ритме перемещаться по участкам. «Тракты — не дороги в прямом смысле этого слова, — писал местный мировой судья М.Ф. Чапас, — а узенькие тропы, составляющие следы от конских копыт; езда по ним возможна только верховая и притом шагом, самое большое — ступью или переступью»⁴⁰.

В других местах положение бывало и не столь удручающим. На первых порах вполне сносным оно оставалось в Приамурском генерал-губернаторстве. Генерал-губернатор Н.Л. Гондатти в 1912 г. писал Щегловитову, что около десяти лет судебная реформа конца XIX в. «благодаря отвечавшему требованиям жизни численному составу судебного персонала обеспечивала правильное и безостановочное отправление правосудия»⁴¹. Однако ситуация стремительно менялась, и к 1910 г. загруженность судей в Приморской обл. выросла катастрофически. Но ещё хуже обстояло дело в Томской губ.⁴²

Конечно, время от времени штаты увеличивали (наиболее значительно — 3 января 1900 г., 29 декабря 1905 г. и 28 мая 1911 г.)⁴³. Уже в 1899 г. в Государственном совете признали ошибочность первоначальных расчётов: «При введении в 1896 г. судебной реформы в Сибири Министерство юстиции, принуждённое руководствоваться лишь гадательными соображениями о количестве дел, кои поступят на рассмотрение преобразованных судебных установлений, лишено было возможности точно согласовать штаты сих установлений с размерами предстоящего им труда. Поэтому уже на первых порах после введения в действие штатов 1896 г. обнаружилось полное несоответствие численности личного состава окружных судов и мировых установлений Сибири с количеством поступающих в эти установления судебных производств»⁴⁴.

Но даже проведённое в 1905 и 1911 гг. расширение штатов оказалось запоздалым и недостаточным, не соответствовавшим бурному росту населения. В частности, в Томской губ. мировая юстиция по-прежнему испытывала существенные трудности. Число мировых судей возросло здесь в 2,3 раза, но жителей в 1897—1911 гг. стало почти вдвое больше⁴⁵. Поэтому едва ли чиновники испытывали существенное облегчение.

Введение Судебных уставов, несомненно, содействовало преобразению края. Министерство юстиции заботилось о назначении в Сибирь чиновников высокой квалификации. 25 июня 1896 г. Муравьёв разослал председателям и прокурорам судебных палат циркуляр, поручив им отыскать среди юристов-практиков желавших перейти на службу за Урал⁴⁶, и охотников нашлось немало. Из 330 человек, занявших должности в сибирских судах, почти 92% имели

³⁹ ГА ИО, ф. 243, оп. 1, д. 325, л. 87.

⁴⁰ РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 255, л. 9 об.

⁴¹ Там же, д. 280, л. 81—81 об.

⁴² Количество уголовных и гражданских дел, в среднем возникавших в каждом мировом участке Приморской обл. и Томской губ., в 1898—1900 гг. составляло соответственно 441 и 865, а в 1907—1909 гг. — 1051 и 1226 производств (Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 17. Приложение. СПб., 1902. С. 16; Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 26. Приложение. СПб., 1912. С. 16).

⁴³ ПСЗ-III. Т. 20. Отд. 2. СПб., 1902. № 17973; Т. 25. СПб., 1908. № 27162; Т. 31. СПб., 1914. № 35330.

⁴⁴ Отчёт по делопроизводству Государственного совета за сессию 1899—1900 гг. Т. 2. СПб., 1900. С. 411.

⁴⁵ Азиатская Россия. Т. 1. С. 86.

⁴⁶ Центральный государственный архив г. Москвы, ф. 131, оп. 24, д. 371, л. 1.

высшее, в подавляющем большинстве — юридическое, образование⁴⁷, причём 53% прибыли из Европейской России.

Однако положение мировых судей во многом зависело от того, где именно — в городе или селе — располагалась их камера⁴⁸. В городе, как правило, было проще найти подходящие жильё и служебные помещения, обустроить быт, получить доступ к благам цивилизации и общественной жизни. Крупнейшие городские центры региона по комфортности проживания и внешнему облику приближались к промышленным городам Центральной России. В них формировались деловые и рабочие кварталы, эксплуатировались электростанции, в Томске и Барнауле даже планировался запуск трамвая. В то же время многие небольшие городки сохраняли архаичные черты⁴⁹. Весьма показательно, что в комментариях к проекту разграничения мировых участков Иркутской судебной палатой напротив захолустного Верхоленска неизвестный судебный служащий приписал: «Хотя город, но хуже деревни»⁵⁰.

Мировые судьи активно участвовали в городской жизни, порою выступая застрельщиками её улучшения. Так, Е.Г. Шольп в 1898 г. инициировал создание Красноярского общества трезвости⁵¹, а в 1903 г. сделал доклад о земских учреждениях в Сибири на заседании Томского юридического общества⁵². В 1909 г. мировые судьи, особенно Е.М. Баранцевич⁵³, обеспечивали первые шаги общества патроната в Томской губ., где эта благотворительная ассоциация помогала освобождаемым из мест заключения, а также нуждавшимся семьям заключённых и ссыльных⁵⁴. В Кузнецке городское общественное собрание в 1905 г. возглавлял мировой судья В.И. Злобинцев⁵⁵.

Наоборот, назначение в глухие уголки Сибири сулило настоящую беду. В Томской губ. дурной славой пользовался четвёртый мировой участок Барнаульского уезда с камерой в селе Карасук. Затерянный в малопригодной для жизни Кулундинской степи населённый пункт отпугивал чиновников. Однажды карасукский крестьянский начальник вознамерился перейти в судебное ведомство и направил в Томский окружной суд два ходатайства. В первом говорилось о желании служить исключительно в определённых местностях губернии, а во втором выражалось согласие на перевод куда угодно из ненавистного села. Одновременно мировой судья К.Е. Стеблин-Каменский искал новое место службы в той же губернии, но с обязательным условием, чтобы это не был Карасук⁵⁶.

⁴⁷ Замещение должностей в новых судебных учреждениях Сибири // Журнал Министерства юстиции. 1897. № 4. С. 115–118.

⁴⁸ В 1898 г. в сибирских городах служил 71 мировой судья, а в сельской местности — 86 (Сборник статистических сведений Министерства юстиции. Вып. 14. СПб., 1899. С. VIII–XVII).

⁴⁹ *Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX — начале XX в. Население. Экономика. Застройка и благоустройство. Барнаул, 2014. С. 186–187, 193.

⁵⁰ ГА ИО, ф. 246, оп. 6, д. 3, л. 10 об.—11.

⁵¹ ГА КК, ф. 595, оп. 8, д. 2938, л. 1.

⁵² К вопросу о введении земства в Сибири // Енисей. 1903. 4 апреля.

⁵³ Сибирская жизнь. 1909. 1 августа; 20 октября; *Баранцевич Е.М.* Учреждение школ при обществах патронат в России. Томск, 1912; *Баранцевич Е.М.* Необходимость и возможность повсеместного учреждения обществ патронат в России. Томск, 1912; *Баранцевич Е.М.* Страничка благотворительной деятельности (из жизни томского патроната). Томск, 1913; *Баранцевич Е.М.* Патронат в жизни России. Томск, 1914; *Баранцевич Е.М.* Значение обществ патронат во время войны и народных бедствий. Томск, 1915.

⁵⁴ ГА ТО, ф. 3, оп. 26, д. 2425, л. 1.

⁵⁵ Там же, оп. 15, д. 22, л. 23.

⁵⁶ Там же, ф. 10, оп. 1, д. 80, л. 36, 37; д. 183, л. 24 об.

В 1907 г. участок принял недавно окончивший Томский университет С.В. Дянин. Не имея семьи, молодой человек оказался в одиночестве, вызванном «совершенной изолированностью от остального культурного мира» и полным отсутствием интеллигенции и общественной жизни. К этому добавлялись сильные ветры летом и вьюги зимой, постоянный недостаток дров, на поиск которых уходило много времени. По словам чиновника, это село являлось «местом добровольной ссылки для молодых и принудительной для старых юристов». Прося о переводе, он утверждал: «Здесь медленное и постепенное умирание, всякий человек чувствует себя в Карасуке временным гостем и живёт надеждой получить более лучшее для него место. Прожить в Карасуке два года уже вполне достаточно, чтобы всеми фибрами своей души рваться отсюда, куда-нибудь уехать и больше не возвращаться»⁵⁷.

Отдельную категорию составляли северные участки. Из-за холода и безлюдности желавших служить там было мало, а назначенные нередко спешили оттуда убраться. В 1899–1900 гг. в течение нескольких месяцев мировые судьи Вилюйского и Олёкминского уездов Якутской обл. подали начальству просьбы о перемещении в более тёплые широты, ссылаясь на ухудшение собственного здоровья и болезни жён, вызванные «суровым климатом»⁵⁸.

Подобные случаи побудили Кастриото-Скандербек-Дрекаловича обратиться в Министерство юстиции за дозволением понижать требования к образовательному уровню кандидатов на вакансии мировых судей в особенно холодных участках⁵⁹. Щегловитов позже предпринял попытку заманить чиновников на север, обещая им быстрый карьерный рост. В декабре 1911 г. министр писал главе Иркутской судебной палаты Н.П. Еракову, что судьи после трёх лет труда здесь могли «рассчитывать на дальнейшее служебное движение», становясь первыми претендентами на повышение. Однако, по словам председателя Красноярского окружного суда Б.И. Каевского, ни один мировой судья Енисейской губ. не захотел работать в северной «совершенно некультурной и дикой местности». Кто-то сослался на состояние здоровья, не позволявшее «перенести суровые климатические условия», другие — на недостаточность материальных средств для труда в тяжелейшей обстановке⁶⁰.

Контраст между службой в городе и селе проступал уже в законе 13 мая, разрешавшем разделять в городских центрах судебскую и следовательскую деятельность. Понимая все неудобства и пороки института судьи-следователя, в Сибири охотно пользовались данным правом. К примеру, общее собрание отделений Томского окружного суда на следующий же день после введения в крае новой юстиции возложило на двух мировых судей Томска только судебные полномочия, а на двух других — следовательские⁶¹. Точно так же поступил окружной суд в Красноярске⁶². В дальнейшем эта практика получила широкое распространение. В 1905 г. в Тобольской губ. из 40 мировых судей пятеро исполняли только судебские обязанности, а трое вели лишь предварительное следствие⁶³. К 1 января 1909 г. в Томской губ. шестеро мировых судей фактически являлись следователями, ещё столько же ограничивались исключительно

⁵⁷ Там же, д. 183, л. 13–14 об.

⁵⁸ ГА ИО, ф. 246, оп. 6, д. 15, л. 90–92, 100.

⁵⁹ Там же, л. 130 об.

⁶⁰ Там же, ф. 243, оп. 1, д. 325, л. 2–2 об.; ГА КК, ф. 42, оп. 1, д. 238, л. 3–3 об., 29–29 об.

⁶¹ От председателя Томского окружного суда // Томские губернские ведомости. 1897. 10 июля.

⁶² ГА КК, ф. 42, оп. 1, д. 23, л. 3 об.–4.

⁶³ ГАТ, ф. 158, оп. 2, д. 155, л. 101–102.

судебными функциями, но оставалось, в основном — в сельской местности, и 36 «смешанных», как их называли, судебно-следственных участков⁶⁴.

К их числу принадлежал, в частности, четвёртый участок судьи Ачинского уезда Енисейской губ. В. Макарова, составлявший в диаметре 200 вёрст, но требовавший при относительно скромном по сибирским меркам пространстве частых выездов из камеры в несколько крупных пунктов. В 1912 г. ему пришлось провести в разъездах 160 дней, проехав 4,5 тыс. вёрст⁶⁵. Мировой судья третьего участка Барнаульского уезда Г.В. Топор-Робчинский в 1908 г. выезжал в командировки в радиусе 150 вёрст, где проживали 100 тыс. человек; ежегодно к нему поступало около 1500 дел мировой подсудности и 100 следственных производств. Неудивительно, что Омская судебная палата официально признала нормальную работу в подобных условиях невозможной⁶⁶.

В обширных участках чиновники преодолевали гигантские расстояния. Один из судей первого участка Минусинского уезда Енисейской губ. с 12 августа 1912 г. по 22 сентября 1913 г. совершил «разъездов по делам службы более 10000 вёрст»⁶⁷. В Якутской обл. мировой судья первого участка проехал в 1908 г. 10074 версты, а мировой судья второго участка в 1909 г. — 11981 версту⁶⁸.

Оставляла желать лучшего и материальная база органов юстиции. Газета «Енисей» констатировала: «Судебная реформа в Сибири застала её врасплох. В ней, при её неустроенности и слабом строительном росте городов, почти не оказалось пригодных зданий для помещения новых окружных судов и мировых камер»⁶⁹.

В сёлах поиск квартир вызывал ещё большие затруднения. За первые четыре с половиной месяца после проведения преобразования судья третьего участка Забайкальской обл. В.Ф. Манько вынужден был сменить четыре камеры. Цены на их наём в станице Кайдаловой, где ему предстояло служить, он называл «грабежом»⁷⁰. Порою найти место для осуществления судопроизводства не удавалось. В 1897 г. судья П.И. Хрушевский, прибыв в четвёртый участок Бийского округа Томской губ., не обнаружил там построек, «сколько-нибудь подходящих для камеры»⁷¹. Один из якутских мировых судей, назначенный в огромный участок, сумел расположиться лишь в самом Якутске, так как за пределами города насчитывалось всего четыре дома, которые могли быть приспособлены хотя бы для выездных заседаний. Вокруг стояли тесные юрты, не имевшие глухих стен, что не позволяло допрашивать свидетелей раздельно, не выставляя кого-то из них наружу (зимой — на лютый мороз)⁷².

Обстановка сельских камер отнюдь не способствовала престижу правосудия. Сибирский судья М. Войтенков рассказывал, что чиновники мировой юстиции с трудом размещались в «отвратительных избах» с ветхим имуществом. Бывало, в них отсутствовали стулья для судьи и скамьи для публики, а вместо скатерти на столы стелили «удивительно грязные лохмотья»⁷³.

⁶⁴ ГА ТО, ф. 10, оп. 1, д. 162, л. 11–16.

⁶⁵ ГА КК, ф. 42, оп. 1, д. 229, л. 6.

⁶⁶ ГА ТО, ф. 10, оп. 1, д. 147, л. 5 об.—6, 12–12 об.

⁶⁷ ГА КК, ф. 595, оп. 35, д. 743е, л. 52.

⁶⁸ РГИА, ф. 1405, оп. 531, д. 894, л. 93.

⁶⁹ Красноярск, 11 июля // Енисей. 1897. 11 июля.

⁷⁰ РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 255, л. 41–42.

⁷¹ ГА ТО, ф. 3, оп. 70, д. 185, л. 2–2 об.

⁷² ГА ИО, ф. 245, оп. 1, д. 10, л. 28–29.

⁷³ Войтенков М. Мировой судья в Сибири и Забайкалье // Право. 1911. 30 января.

Даже в крупных городах Сибири достойных квартир для представителей судебной власти не хватало. Мировой судья Хабаровска сетовал на свою камеру, занявшую полузаброшенное медицинское учреждение — «тесное, низкое, холодное и пропитанное больничным запахом»⁷⁴. В 1901 г. прокурор Иркутской судебной палаты Коваленский (бывший тобольский губернский прокурор) просил местное городское управление изменить сложившееся положение, «приняв на себя, по примеру других городов, заботы по устройству для судей удобных и достаточно поместительных камер»⁷⁵.

Согласно справочнику «Города России», в 1904 г. в Сибири дороже всего за наём квартир платили в Томске (в среднем сегменте — 800 руб. ежегодно)⁷⁶. На рубеже первого и второго десятилетий XX в. проживавшие там чиновники мировой юстиции неоднократно жаловались окружному суду на недостаточность отпускаемых им средств, из-за чего «камеры наши должны, также по необходимости, помещаться в квартирах дешёвых (по местным ценам) от 390 до 400 руб., без отопления и освещения, малопоместительных и вообще неблагоустроенных»⁷⁷.

В деревнях дефицит построек, соответствовавших требованиям судебного ведомства, затруднял или вовсе делал невозможным устройство камер поблизости от других служб и коммуникаций. В 1897 г. центры некоторых участков в Томской губ. оказались в селениях без почтовых станций⁷⁸. В Енисейской губ. на рубеже веков в сельской местности лишь три из 11 камер находились непосредственно на дорогах, по которым шла почта, а четыре отстояли от почтовых контор на 16, 75, 87 и 137 вёрст⁷⁹. Мировой судья восьмого участка Г.И. Малофеев проживал в станице Шелопугинской Забайкальской обл., а полицейский пристав, чьи полномочия распространялись почти на ту же самую территорию, — в 60 верстах от него, в станице Ундинской, что, разумеется, доставляло множество служебных неудобств⁸⁰.

Камеры мировых судей в Сибири часто переносились, границы, в которых они действовали, постоянно перекраивались: попытки найти их оптимальное расположение и очертание продолжались. В июне 1908 г. они обсуждались на съезде мировых судей в Барнаульском уезде⁸¹. При этом мотивы изменений бывали самые разные. В 1900 г. особый комитет Тобольской губ. по прошению мирового судьи отделил от четвёртого участка юг Уватской волости, не имевший сухопутного сообщения с селом Демьянским на Иртыше, где находилась камера. Из-за этого судье для производства следственных действий приходилось плыть на лодке вверх по реке, что отнимало лишнее время и чрезвычайно замедляло процесс, тогда как из Тобольска добираться туда по течению было значительно проще⁸². 12 ноября 1909 г. в той же губернии перевели второй мировой участок северного Берёзовского уезда на юг — в Курганский уезд, где судьи, назначенные по штату 1896 г., уже совершенно не справлялись с работой, ведь за это время, после проведения Транссиба, население там увеличилось на

⁷⁴ ГА ИО, ф. 245, оп. 1, д. 24, л. 52.

⁷⁵ Там же, ф. 25, оп. 6, д. 1270, л. 1.

⁷⁶ Города России в 1904 г. СПб., 1906. С. 418.

⁷⁷ ГА ТО, ф. 10, оп. 1, д. 139, л. 22–23.

⁷⁸ Там же, ф. 3, оп. 70, д. 185, л. 1.

⁷⁹ ГА КК, ф. 42, оп. 1, д. 22, л. 64 об.—65.

⁸⁰ РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 255, л. 48–48 об.

⁸¹ ГА ТО, ф. 10, оп. 1, д. 133, л. 4.

⁸² ГАТ, ф. 152, оп. 37, д. 869, л. 97–98 об., 105–106.

100 тыс. человек, а сам Курган из захудалого городка превратился в крупный экономический центр с 40 тыс. жителей⁸³. Впрочем, иногда инициатива исходила не от служащих, а от крестьян. Так, в 1914 г. Больше-Тавдинский волостной сход Тарского уезда Тобольской губ. составил приговор, прося исправить участковое распределение, при котором камера их мирового судьи отстояла от волости на сотню вёрст дальше, чем центр соседнего участка. Особый губернский комитет удовлетворил эту просьбу⁸⁴. Но в целом, как показывала практика, все эти усилия приносили мало пользы, что не составляло секрета для местного начальства. И едва ли Гондатти (тогда ещё томский губернатор) удивился, когда 9 апреля 1910 г. председатель местного окружного суда гр. М.А. Подгоричани-Петрович доложил ему о «крайней неудовлетворительности существующего распределения следственно-мировых участков»⁸⁵.

Основная проблема заключалась в малочисленности судебных чиновников, особенно в западносибирских губерниях. В 1900 г. мировые судьи Томской губ. не успели разобрать примерно 14 тыс. тяжб, в 1901 г. — около 15 тыс., а в 1902 г. — уже более 17 тыс. Таким образом, на руках у каждого из них оставалось в среднем столько же нерешённых дел, сколько он мог рассмотреть за год. На рубеже XIX–XX вв. волокита отмечалась в Тобольской губ. — в Тобольске, Кургане, Таре и Тюмени, а также на юге Томской губ. Вместе с тем распределение труда отличалось неравномерностью: в одних местах нагрузка была сравнительно небольшой, тогда как в других, наоборот, чрезмерной.

В такой обстановке, когда задачи, поставленные перед служащими, становились во многих частях края безразмерными и невыполнимыми, требования к участкам, разработанные в конце XIX в., забывались и упрощались. Характерно, что в рекомендациях особого комитета Забайкальской обл., сформулированных 30 июля 1911 г., уже не упоминалось про ландшафт и состояние путей сообщения. Единственной целью разграничения участков теперь являлось избавление судопроизводства от избыточного обременения делами и приведение его в соответствие с установленными нормами⁸⁶, которые, кстати, искусственно завышались⁸⁷.

Приспособление мировой юстиции к условиям Сибири требовало повышенного внимания к особенностям окраины, применения специфических подходов и значительного финансирования. Однако, несмотря на все предпринимавшиеся меры, отведённых на это ресурсов оказалось недостаточно для того, чтобы наладить в регионе эффективное правосудие. Помимо природы и общей отсталости, больше всего этому препятствовали ограниченный штат чиновников, скудное материальное обеспечение их деятельности, слабое знание представителями власти местных обстоятельств и неизбежные при таком положении ошибки.

⁸³ Там же, д. 903, л. 133–136 об.

⁸⁴ Там же, д. 904, л. 117–117 об., 122–123.

⁸⁵ ГА ТО, ф. 3, оп. 14, д. 109, л. 20.

⁸⁶ ГА ИО, ф. 245, оп. 1, д. 924, л. 45–45 об.

⁸⁷ По мнению председателя Омской судебной палаты, высказанному в 1911 г., каждый судья будто бы мог ежегодно рассматривать 1 500 дел мировой подсудности (ГИА ОО, ф. 25, оп. 1, д. 233, л. 3 об.), а незадолго до этого члены Томского окружного суда исходили из числа 1 800 (ГА ТО, ф. 3, оп. 14, д. 109, л. 38 об.).

Народный комиссариат имуществ Республики

Pëmp Gordeev

People's Commissariat of property of the Republic

Petr Gordeev

(Herzen University, Saint Petersburg, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24030119, EDN: GCWGTP

Изучая историю отечественной культуры в течение первого года после прихода большевиков к власти, практически невозможно не встретить упоминания о Наркомате имуществ Республики (НКИР). Идёт ли речь о судьбе бывших императорских дворцов, старинных соборов, музеев национального значения, деятельности Академии художеств, Археологической комиссии или государственных театров — везде исследователь так или иначе сталкивается с ведомством, о котором до сих пор известно очень мало. В трудах, посвящённых истории формирования советского государственного аппарата, информация о НКИР умещается, как правило, на одной-двух страницах. Подчёркивается логичность его слияния с Наркомпросом¹ и порой говорится о положительной роли, сыгранной им в деле защиты памятников искусства и старины². В свете этого представляется оправданным рассмотреть деятельность ведомства и проанализировать её результаты. Такая работа проведена в историографии впервые и стала возможной благодаря обширному архивному материалу, из всей массы которого особое значение имеют фонды самого НКИР в ГА РФ (ф. Р-410) и Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (ф. Р-29).

«Саботаж» в придворном ведомстве. Существовавшее с 1826 г. Министерство императорского двора и уделов было упразднено после Февральской революции. Вместо него 8 марта 1917 г. появился Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора во главе с кадетом Ф.А. Головиным. От Комиссариата вскоре отпало Главное управление уделов. Усечённую структуру некоторые деятели культуры предлагали преобразовать в «Министерство искусств», а осенью уже в недрах самого учреждения возник проект преобразования его в Главное управление государственных художественных имуществ и учреждений. Ни то ни другое, однако, не сбылось. Судьбу бывшего придворного ведомства определил приход к власти большевиков, которых в гораздо меньшей степени связывали соображения преемственности с прошлым, чем деятелей февральского режима. При этом в середине октября, незадолго до падения Временного правительства, Головин уехал в Москву. Осознавая, что руководимое им учреждение фактически обезглавлено, он 4 ноября назначил временно исполняющим обязанности комиссара Н.Э. Рюдмана — управляюще-

© 2024 г. П.Н. Гордеев

¹ *Ирошников М.П.* Создание советского центрального государственного аппарата: Совет народных комиссаров и народные комиссариаты. Октябрь 1917 г. — январь 1918 г. М.; Л., 1966. С. 259—260.

² *Кучин В.Н.* Предисловие // Из истории строительства советской культуры: Москва, 1917—1918. Документы и воспоминания / Сост. и ред. В.Н. Кучин. М., 1964. С. 5; *Кейрим-Маркус М.Б.* Государственное руководство культурой. Строительство Наркомпроса (ноябрь 1917 — середина 1918 гг.). М., 1980. С. 138—139.

го бывшим Кабинетом его величества, всю жизнь прослужившего в структурах Министерства двора и не готовившегося к политической борьбе³.

С 30 октября отдельные распоряжения по комиссариату начал издавать А.В. Луначарский — как «народный комиссар по просвещению, временно получивший в своё заведование бывшее дворцовое ведомство» и «временно заведующий бывшим Министерством дворца»⁴. 6 ноября он издал общий приказ по бывшему придворному ведомству, объявив о вступлении «в исполнение обязанностей народного комиссара по просвещению и заведывающего бывшим Министерством двора». Служащим, которым предлагалось «остаться при исполнении своих обязанностей», объявили о назначении помощником Луначарского «по заведованию бывшим Министерством двора» и «общим комиссаром» по этому ведомству В.В. Игнатова. С ним начальники многочисленных учреждений, входивших в состав бывшего придворного ведомства, должны были отныне согласовывать свои действия⁵. Однако все эти распоряжения натолкнулись на сопротивление служащих, в течение двух месяцев не признававших, подобно чиновникам других министерств, легитимность большевистского правительства и не исполнявших его распоряжений. Лишь 9 декабря уполномоченный служащих, чиновник контроля бывшего Министерства двора И.М. Логинов начал переговоры с Луначарским о возможности начала совместной работы⁶.

Как следствие, Луначарский перешёл в наступление на бойкотировавших его чиновников. 2 декабря он издал приказ, которым сменил руководителя бывшего Министерства двора: «Временно исполняющий обязанности управляющего бывшим кабинетом царя Н.Э. Рюдман, исполняющий, как это выяснилось, также и обязанности комиссара низвергнутого временного правительства, ото всех занимаемых им должностей увольняется». Вместо него «временным полномочным комиссаром Рабочего и крестьянского правительства по ведомству бывшего кабинета царя и центральному ведомству бывшего министерства двора» назначался большевик Ю.Н. Флаксерман⁷. Уроженец Ярославля, сын часовщика, он вступил в РСДРП(б) в марте 1917 г. в Нижнем Новгороде, находясь в рядах военного студенческого батальона. К тому времени в партии уже состояла его старшая сестра Галина, вышедшая замуж за известного меньшевика Н.Н. Суханова. Приехав вскоре в Петроград, Флаксерман «через сестру» познакомился с М.С. Урицким и стал его помощником. В мае, опять же благодаря сестре, он сблизился и с Луначарским⁸.

8 декабря народный комиссар «по просвещению и ведомству дворцов и музеев Республики» обратился к комиссару Гатчинского дворцового управления А.К. Кауфману с напоминанием, что тот не имеет «полномочий к уступке из национального имущества каких бы то ни было зданий или земель лицам или учреждениям»⁹. На следующий день на заседании Совета народных комиссаров

³ Гордеев П.Н. Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора // Российская история. 2017. № 2. С. 59–78.

⁴ Петроградский военно-революционный комитет. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. М., 1966. С. 419–420, 478.

⁵ Там же. С. 183–184.

⁶ РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 611, л. 1–45.

⁷ Приказ // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 5 декабря.

⁸ Флаксерман Ю.Н. В огне жизни и борьбы. Воспоминания старого коммуниста. М., 1987. С. 5–6, 18–19, 29–30, 44, 156.

⁹ РГАЛИ, ф. 252, оп. 1, д. 112, л. 1.

ров (СНК) Луначарский внёс предложение об ассигновании 15 тыс. руб. для «нужд Ведомства дворцов и музеев республики». Деньги согласились отпустить «в виде краткосрочного займа для расходов по комиссариату из пятимиллионного фонда»¹⁰. Таким образом подтверждались его полномочия как верховного руководителя ведомства, которое, в свою очередь, продолжало рассматриваться в качестве составной части Наркомпроса.

Однако за несколько часов ситуация изменилась. Большевики достигли соглашения с левыми эсерами, семеро представителей которых должны были войти в состав СНК. Тандем двух партий оказался отнюдь не равноправным. В.И. Ленин и его окружение позаботились об удержании ключевых наркоматов за членами РСДРП(б), предоставив новоявленным союзникам второстепенные (юстиции, почт и телеграфов, земледелия, местного самоуправления), а также включив в правительство двух левых эсеров «без портфеля». Здесь-то и пригодилось бывшее придворное ведомство — его вновь повысили до «министерского» статуса и предложили левым эсерам. 9 декабря СНК рекомендовал назначить народным комиссаром «по дворцам республики» левую эсерку А.А. Измайлович, оговорив при этом, что «театры и музеи остаются в ведении Государственной комиссии по народному образованию»¹¹. Уточнение, можно полагать, было сделано под давлением Луначарского, не желавшего терять управление учреждениями культуры. Однако ЦК левых эсеров решил поручить новый наркомат не Измайлович, а Михайлову¹². Но и он по невыясненным причинам не вступил в должность. Вместо него «народным комиссаром имуществ Российской республики» стал В.А. Карелин, впервые присутствовавший на заседании правительства 13 декабря¹³. Впрочем, название прижилось не сразу — даже в протоколе СНК от 20 февраля 1918 г. ещё упоминался «Комиссариат дворцов и имуществ Российской республики»¹⁴.

Первый нарком. Владимир Александрович Карелин (1891–1938) стал одним из самых молодых членов правительства (пожалуй, и в мировом масштабе тоже) — ему было всего 26 лет. «Интеллигентного вида, в чёрном элегантном костюме высокий молодой человек», — вспоминал его помощник Флаксерман, которому тогда самому было лишь 22 года¹⁵. Смоленский дворянин, в конце 1900-х — первой половине 1910-х гг. он был одним из руководителей местной организации эсеров, к которым присоединился ещё будучи гимназистом (так же, как и его брат и две сестры). В 1909 г. его впервые арестовали, после чего он трижды подвергался административным высылкам, а с 1915 г. возглавлял харьковскую организацию эсеров. Летом 1917 г. стал председателем Харьковской городской думы, затем членом Предпарламента и Учредительного собрания. Один из организаторов партии левых эсеров и член её ЦК, Карелин не-

¹⁰ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР, ноябрь 1917 — март 1918 гг. М., 2006. С. 95, 98.

¹¹ Там же. С. 96.

¹² Там же. С. 450. Об этом человеке ещё более 30 лет назад исследователь заметил: «Поразительно и прискорбно, но мы не знаем даже имени и отчества левого эсера Михайлова, который в течение месяца числился в составе правительства» (*Разгон А.И.* Забытые имена // Первое советское правительство. Октябрь 1917 — июль 1918. М., 1991. С. 448).

¹³ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР... С. 105; Постановления ЦИК // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. 15 декабря.

¹⁴ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР... С. 354.

¹⁵ *Флаксерман Ю.Н.* В огне жизни и борьбы... С. 101.

однократно подвергался репрессиям и в советские годы, а во время Большого террора был расстрелян¹⁶.

Судя по выступлениям на заседаниях СНК, Карелин мало интересовался делами ведомства, руководить которым стал более или менее случайно. 18 декабря он сделал доклад о «вермишельной комиссии», созданной для решения малозначительных вопросов и вскоре переименованной в Малый СНК; 19 декабря — «о Раде на основании его знакомства с украинским вопросом и разговоров его с делегатами и делегациями из Украины»; 30 декабря — снова «о Раде, о взаимоотношениях в Харькове представителей центральной власти и местных советов, о телеграмме Вл. Ил. Ленина товарищу Антонову». 9 января он сделал запрос о предоставлении докладов, касающихся деятельности В.А. Антонова-Овсеенко, командовавшего войсками Южного фронта¹⁷. Выступления наркома о политической ситуации на Украине находили отражение в прессе¹⁸. Доклад же «о дворцах» многократно переносился, значась в повестках заседаний 23, 24, 27, 29, 30 декабря 1917 г., 1, 6, 7 января 1918 г. и в протоколе последнего получив пометку «в Малый совет»¹⁹. Вопросы его ведомства, таким образом, оказались отнесены к «вермишели».

13 января вышло большое интервью с Карелиным, в котором он заявил: «В сущности... моё ведомство мало отнимает у меня работы. Я взял управление им на себя по настоянию фракции и с таким расчётом, чтобы оно не мешало моей партийной работе». Сама же работа наркомата «по большей своей части состоит в ликвидации». Нарком демонстрировал поразительную неосведомлённость о жизни подведомственных ему учреждений, утверждая: «Моё вступление в управление ведомством не ознаменовалось никаким саботажем со стороны чиновников. Это, правда сказать, меня очень удивило, так как я рассчитывал, что дворцовые служащие, воспитанные в близости дворцов, наполненных его развенчанными обитателями, должны будут враждебно отнестись к новой власти. Но оказалось, что большинство служащих просто люди труда и большого значения этой перемене не придали». Правда, и сам Карелин «не выставлял вопроса о безусловном признании власти Совета нар[одных] ком[иссаров], — так как он тогда, это было в декабре, не стоял перед нами так остро. Теперь же это само собой вошло в норму»²⁰.

Подчеркнув, что хозяйственную деятельность ведут сами служащие («конечно, под контролем ответственных лиц»), он сообщил о последнем строптивом подчинённом — начальнике Петроградского дворцового управления В.А. Комарове. «Единственный конфликт, который назревает и который, я думаю, окончится безболезненно — это вопрос с Комаровым, которого служащие выбрали комиссаром по Петроградским дворцам. Комаров заявил, что он болен, не является на службу и не хочет давать ни книг, ни ключей. Я думаю,

¹⁶ Разгон А.И. Забытые имена... С. 453, 455, 459; Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. 1917—1925 гг. В 3 т. Т. 1 / Сост. Я.В. Леонтьев. М., 2000. С. 752—753; Куров И.А. Создание и деятельность Смоленской организации партии социалистов-революционеров (1901—1907 гг.): люди, события, документы. Смоленск, 2010. С. 418—419.

¹⁷ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР... С. 123, 131, 172—174, 200, 440.

¹⁸ Заявление Карелина // Наши ведомости. 1918. 15 января.

¹⁹ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР... С. 152, 158, 161, 163, 170, 176, 189, 191.

²⁰ В ведомстве дворцов и музеев (Беседа с нар[одным] комиссаром А. Карелиным) // Петроградское эхо. 1918. 13 января.

что в ближайшем будущем, как бы мне этого не хотелось, придётся прибегнуть к реальной силе и по отношению к Комарову». За исключением этого никаких «разногласий» между служащими нарком не заметил, что, впрочем, не повлияло на его намерения «ликвидации» многих установлений бывшего придворного министерства. «Не могу... не отметить некоторых курьёзов моего ведомства, — не без иронии говорил он журналисту. — До сих пор... существовали такие учреждения, как гофмаршальская, церемониальная части и др. ... существовало управление варшавским ведомством, несмотря на то что ценности варшавских дворцов давно перевезены в Москву, а служащие его находятся в разных местах России и ничего не делают, лишь получают содержание». В момент беседы Карелин был занят «ликвидацией Зимнего дворца». «Часть дворца будет обращена в музей, а другая часть — в зал для торжественных приёмов революционным правительством представителей народа», — отметил нарком, предположив, что такие приёмы «могут быть вызваны большими событиями народной жизни, например, предстоящим заключением мира». Сообщив, что и бывшая императорская охота переживает ликвидацию («большинство зверей разбежалось и немилосердно уничтожается браконьерами»), он завершил интервью шуткой: «На зимовку возвратилось только 11 зубров, вместо бывших 30, в это число, конечно, не входят... 130 000 столыпинских зубров, погибших безвозвратно»²¹.

Малая вовлечённость наркома в дела подчинённого ему ведомства²² отчасти объяснялась его включением в состав делегации, готовившей подписание мира с Германией. Пользуясь тем, что Карелин поглощён военно-политическими делами, Луначарский открыто вмешивался в управление «имуществами Республики». 16 декабря он добился того, что управление всеми «смежными учреждениями», лишь «в силу историческ[их] условий не относящихся к ведом[ству] просвещения» («как напри[м]ер, театры, музеи, Академия художеств, исторические дворцы»), будет осуществляться им и Карелиным «по соглашению»²³. Театры сразу после этого фактически перешли в ведение Луначарского. Для подавления в них «саботажников» он назначил в конце 1917 г. «правительственного комиссара» В.В. Бакрылова, затем передавшего петроградские государственные театры в ведение гражданского инженера И.В. Экскузовича, возглавившего 18 февраля 1918 г. подотдел государственных театров Наркомпроса²⁴. Причём специального распоряжения СНК о передаче театров из одного ведомства в другое, по-видимому, не выпускалось.

5 января 1918 г. Наркомпрос взял под охрану памятники старины в Московском Кремле²⁵. В конце месяца за подписями Луначарского и Ленина вышел ряд приказов, в которых речь шла о назначении Н.Н. Пунина комиссаром при Русском музее, увольнении Н.И. Крамского с должности архитектора Зим-

²¹ Там же. Любопытно, что, несмотря на продолжительный разговор, журналист перепутал инициалы собеседника — члены ленинского кабинета были ещё «не на слуху».

²² Согласно воспоминаниям его помощника, деятельность наркома ограничилась изданием четырёх приказов (Флаксерман Ю.Н. В огне жизни и борьбы... С. 101–102). Эта оценка не совсем точна, но недалеко от истины. По словам историка, «нельзя не отметить, что Карелин неохотно взялся за эту работу» (Разгон А.И. Забытые имена... С. 448).

²³ [Без названия] // Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 17 декабря.

²⁴ Гордеев П.Н. От «борьбы с царизмом» — к «царю Максимилиану»: жизненные перипетии В.В. Бакрылова // Русская литература. 2022. № 4. С. 178–179.

²⁵ Из истории строительства советской культуры... С. 55.

него дворца и назначении на эту должность М.С. Лялевича²⁶. 24 января нарком просвещения издал приказ по «Ведомству дворцов и музеев», в котором благодарил членов художественно-исторических комиссий, созданных при бывших императорских дворцах, за «плодотворную и непрерывную» работу в «самые тяжёлые моменты, пережитые государством» (тем самым доказав «любовь к своему делу и к искусству вообще»), и ставил перед ними «в связи с предполагаемым объявлением дворцов национальными музеями» новые задачи — приступить к переустройству дворцов, занявшись не только художественной, но и административной деятельностью²⁷. В отличие от Карелина, Луначарский не шутил свысока о «зубрах» и «курьёзах», а пытался завоевать симпатии интеллигенции, представители которой собирались в художественно-исторических комиссиях. Если при этом учесть, что помощником Карелина стал назначенный Луначарским Флаксерман, в январе–марте 1918 г. отдававший большую часть распоряжений по НКИР, то можно говорить об уникальном положении этого центрального государственного учреждения, в значительной степени руководимого главой другого ведомства.

Административные преобразования: декабрь 1917 г. — март 1918 г. Не позднее 23 декабря 1917 г. (дата публикации в «Известиях») вышло первое постановление по НКИР. Всего до 4 марта 1918 г. наркомат стал объектом 14 постановлений (более поздние документы подобного рода не обнаружены). Первые пять подписаны самим Карелиным и в некоторых случаях контрассигнованы Флаксерманом, который начиная с конца января 1918 г. всё чаще ставил только свою подпись. По сути управление наркоматом сосредоточилось в его руках. В первом постановлении регулировалась внутренняя жизнь входивших в состав НКИР дворцовых управлений, имущество которых переходило в ведение комитетов служащих, действовавших «самостоятельно в пределах их годовых кредитов под контролем комиссара данного правления». Однако все дела, связанные с вопросами, имеющими историческую или художественную ценность, предстояло согласовывать с созданными ещё при Временном правительстве художественно-историческими комиссиями, назначение и увольнение служащих требовало «санкции от центра», да и вообще все постановления должны были утверждаться «комиссаром по данному дворцовому управлению»²⁸. В этих условиях «автономия» служащих выглядела далеко не безграничной, что в общем соответствовало политике правительства, активно подавлявшего «саботаж» интеллигенции.

6 января 1918 г. опубликованы постановления за № 2–5. Первым из них упразднился центральный орган придворного ведомства — Канцелярия бывшего Министерства двора (кроме Пенсионного отдела, временно оставшегося «на прежних основаниях»). Постановление № 3 упразднило Гофмаршалскую часть, № 4 — Церемониальную, а также Камеральную, бывшую не самостоятельным «установлением» придворного ведомства, а элементом структуры Кабинета его величества. Наконец, пятое упразднило Варшавское и Беловежское дворцовые управления, для окончательной ликвидации которых комиссару

²⁶ Увольнения и назначения // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1918. 31 января.

²⁷ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 3, л. 24.

²⁸ Постановление по Народному комиссариату имуществ Российской Республики // Известия Центрального исполнительного комитета и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 23 декабря.

Московского дворцового управления П.П. Малиновскому поручалось создать особую ликвидационную комиссию²⁹. Позднее постановлением № 14 от 4 марта упразднялось Управление княжества Ловичского³⁰. Под сокращение, таким образом, попали учреждения, отжившие свой век, связанные либо с жизнью Высочайшего двора, либо с владениями короны на фактически уже неподконтрольных России землях Привислинского края. Исключение составила, пожалуй, лишь Камеральная часть, в деятельности которой Флаксерман не разобрался даже в глубокой старости, во время написания мемуаров.

Текст постановления № 6 пока не разыскан. 20 января было принято и через несколько дней опубликовано седьмое постановление по НКИР. Оно примечательно не столько содержанием (речь шла о передаче в ведение НКИР Марининского дворца), сколько тем, что его подписал и Луначарский и — «за секретаря» — Флаксерман³¹. Восьмым постановлением от 29 января, подписанным «за народного комиссара» Флаксерманом, упразднялось одно из старейших и важнейших придворных учреждений — Кабинет его величества, дела которого передавались в соответствующие отделы НКИР³². Девятое постановление упразднило с 14 февраля (н. ст.) придворное духовенство³³. При этом НКИР намеревался «сохранить кредиты на содержание соборов, которые составляют общее достояние Республики и представляют собою исторические памятники русского искусства, таковы соборы: Московские-Кремлёвские — Благовещенский, Верхоспасский и Архангельский, собор Зимнего дворца, Петроградский Петропавловский и Феодоровский собор в Царском Селе». «Кружечный капитал», благотворительные учреждения при церквях, а также отдельные дома и квартиры в зданиях бывшего Министерства двора, приобретённые за счёт кружечного капитала или средств священников, Флаксерман 9 марта распорядился передать «духовно-административной организации б[ывшего] придворного духовенства»³⁴.

Современные исследователи обращают внимание на необычно благожелательное отношение помощника наркома к судьбе придворного духовенства, объясняя это несколькими причинами: личной симпатией Флаксермана к его главе протопресвитеру А.А. Дернову, чётко и убедительно излагавшему свои просьбы в подаваемых записках, боязнью крупных выступлений верующих в защиту Церкви, а также конкуренцией двух ведомств, в которой НКИР мог стараться заполучить поддержку «снизу»³⁵. Если первые два соображения правдоподобны, то с последним согласиться трудно: Флаксерман был ставленником Луначарского, не заинтересованного в сохранении НКИР. Тем более, на других служащих бывшего придворного ведомства «популистская» политика не распространялась. Постановлением № 10 от 16 февраля в ведение НКИР пе-

²⁹ По Народному комиссариату имуществ Республики // Там же. 1918. 6 января; ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 74, л. 1. В тексте постановления № 2, сохранившемся в архиве, указано, что оно было принято 4 января. Об остальных таких данных нет.

³⁰ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 14, л. 51.

³¹ По Комиссариату имуществ Республики // Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1918. 23 января.

³² ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 74, л. 39.

³³ Из истории строительства советской культуры... С. 62.

³⁴ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 47, л. 1–2.

³⁵ Соколов Р.А., Смирнова И.Н. Наркомат имуществ Республики и придворное духовенство в первые месяцы советской власти (по материалам Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга) // Новейшая история России. 2023. № 2. С. 449–451.

редавался дворец вел. кн. Андрея Владимировича на Английской набережной; в соответствии с постановлением № 11 от 18 февраля прекращалась выдача пособий и пенсий из капиталов Романовых. Постановлениями № 12 и 13 от 26 февраля упразднялись канцелярии императриц Марии Фёдоровны и Александры Фёдоровны, а также организованная при Временном правительстве Комиссия по делам ликвидации бывшего Управления дворцового коменданта³⁶.

Помимо постановлений, с 17 января по 31 октября 1918 г. издавались также приказы по НКИР (всего 63). Они, насколько можно судить, имели меньшую юридическую силу, чем постановления, кроме того — за единственным исключением (приказ № 14) — подписывались не наркомом, а либо Флаксерманом (№ 1–13), либо комиссаром Петербургского отделения НКИР И.В. Киммелем (№ 15–63). В первых 13 приказах, помимо кадровых и повседневных вопросов, содержались и значительные новации в жизни бывшего придворного ведомства. Так, с 15 января подлежала упразднению Канцелярия бывшего Министерства двора (приказ № 1 от 17 января). Об этом уже шла речь в изданном двумя неделями ранее постановлении, но в данном случае конкретизировалась судьба чиновников, из которых 14 переводились на службу в НКИР, двое оставались на службе временно, до сдачи дел, а 13 выводились за штат (в том числе начальник канцелярии кн. С.В. Гагарин)³⁷. Преобразования структуры ведомства продолжили приказы № 10 и 11 от 26 и 28 февраля: в них объявлялось о создании в наркомате отделов. В первом, административном, сосредоточивались дела бывшей Канцелярии и часть пенсионных дел Кабинета его величества; второй отдел, хозяйственный, наследовал соответствующие обширные функции кабинета. В приказе № 10 сообщалось также о намерении создать строительный отдел, который был сформирован и официально учреждён как «строительный и электро-механический» 2 апреля приказом № 28³⁸.

Ряд приказов знакомил служащих с новыми реалиями жизни и правилами работы. Так, Флаксерман оповестил чиновников о необходимости вести официальную переписку на бланках с обозначением названия «Народный комиссариат имуществ Республики» (приказ № 2 от 24 января) и по новой орфографии (приказ № 4 от 25 января), об отмене служебных различий по классам: согласно приказу № 5 от 26 января все лица, состоявшие на работе в НКИР, получали общее наименование «служащих», различаясь лишь по занимаемой должности. Приказ № 6 от 26 января установил новые названия отдельных учреждений ведомства. Так, Контроль, Касса и Общий архив лишались в наименовании слов «бывшего Министерства двора». Дворцовые управления переименовывались в управления дворцами, бывшая Придворная медицинская часть становилась просто Медицинской частью, а бывшая Придворная конюшенная часть — Авто-конюшенной базой рабочего и крестьянского правительства³⁹.

Исключительно важным месяцем для НКИР стал март 1918 г., когда практически одновременно состоялись переезд СНК в Москву и распад блока большевиков и левых эсеров. 7 марта Карелин счёл нужным письменно обратиться по этому поводу к работникам вверенного ему ведомства, в среде которых «циркулируют совершенно неосновательные тревожные слухи об увольнении всех петроградских служащих комиссариата». Объяснив переезд правительства

³⁶ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 14, л. 4, 40–41.

³⁷ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 10, л. 1–2.

³⁸ Там же, л. 32–34 об., 104.

³⁹ Там же, л. 10 об., 13, 18–19.

стратегическими соображениями («При такой близости месторасположения немецких войск, при невыясненности вопроса, будет ли ратифицирован мирный договор съездом Советов, перенесение правительственного центра является серьёзным и не терпящим отлагательства вопросом»), нарком заверил: «В том случае, если съезд Советов решит перенести центр в Москву, то петроградские учреждения комиссариата войдут в состав Петроградского управления, которое будет в таких же отношениях к ведомственному центру в Москве, как раньше Московское управление находилось к ведомственному центру в Петрограде». Переезд потребует и перевода в новую столицу «некоторых работников центральных учреждений комиссариата». Им он обещал «возможность взять свои семьи с собой» и «компенсацию усиленных расходов, связанных с переездом»⁴⁰. На следующий день вышел приказ № 14 по НКИР — единственный, подписанный лично Карелиным. «В виду отъезда моего, а также моего помощника Ю.Н. Флаксермана в Москву» временное заведование делами всех учреждений, расположенных в Петрограде и его окрестностях, поручалось «комиссару-инспектору Киммелю, причём общее руководство деятельностью комиссариата я сохраняю за собою»⁴¹.

Флаксерман, отдав 8 марта своё, видимо, последнее «петроградское» распоряжение (о том, что помещения НКИР и квартиры его служащих могут быть «занимаемы правительственными учреждениями и какими бы то ни было общественными организациями лишь по получении на это предварительного письменного разрешения народного комиссара... или его помощника»⁴²), также засобирался в Москву. Много лет спустя он вспоминал: «Наш комиссариат должен был выезжать из Петрограда 12 марта. Накануне появился Карелин, выписал деньги на переезд, выдал мне их под отчёт, сообщил время отправления, номер поезда и вагона и исчез. Больше я его не встречал». Поездка оказалась не из комфортабельных, что, возможно, отражало невысокий статус ведомства в неформальной иерархии наркоматов. «Наркомату имуществ республики был отведён один вагон, оказавшийся вагоном дачного типа — без отопления, туалета и воды. Путешествие начиналось тяжело. К счастью, ночью у нашего вагона вышла из строя букса. Прицепили старый, грязный вагон четвёртого класса. Мы перебрались в него с таким чувством, как будто нам предоставили салон-вагон». Прибыв утром в Москву, Флаксерман и его товарищи отправились в Кремль (который также находился в художественном отношении в ведении НКИР), где мемуарист получил квартиру «во втором этаже Кавалерского корпуса»⁴³.

Внутренняя жизнь центрального аппарата. Внутренняя жизнь НКИР в первые месяцы 1918 г. характеризовалась радикальными сокращениями и преобразованиями входивших в его состав учреждений, а также активным поиском новых форм деятельности, в которых могли бы сочетаться элементы демократической самоорганизации служащих и чиновной иерархии в отношении новых властей. Заметную роль стали играть избранные ещё в декабре в каждом из центральных учреждений «коллективы» из 3–5 человек. Так, Коллектив канцелярии бывшего Министерства двора, избранный ещё 18 декабря (в его состав вошли начальник кн. Гагарин, помощник начальника барон Р.А. Штакельберг

⁴⁰ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 14, л. 52.

⁴¹ Там же, л. 8.

⁴² Там же, л. 54.

⁴³ Флаксерман Ю.Н. В огне жизни и борьбы... С. 116–117.

и делопроизводитель И.И. Феденко⁴⁴), ознакомившись 4 января с постановлением о ликвидации Канцелярии, посетил «народных комиссаров, ведающих дела б[ывшего] Министерства двора». Как указывалось в составленной чиновниками по итогам первого раунда переговоров объяснительной записке, наркомы сообщили, что планируют предоставить всем местным установлениям бывшего придворного ведомства полную автономию, а оставшаяся часть общих дел могла бы быть «слита с Кабинетом», в связи с чем необходимость в существовании Канцелярии отпадала⁴⁵.

В этой же записке чины канцелярии обращали внимание новых властей на несоблюдение договорённостей, подписанных 29 декабря делегатами от центральных учреждений бывшего Министерства двора с Карелиным и Флаксерманом⁴⁶. Согласно этим договорённостям их деятельность должна была «продолжаться в обычном порядке» — под контролем наркома имуществ и его помощника. «Между тем в настоящее время пункт этот в отношении канцелярии нарушен, несмотря на то что деятельность канцелярии, продолжавшаяся непрерывно по сие время, ни в чём не уклонилась от соблюдения вышеуказанных условий». Кроме того, «переходя к рассмотрению вопроса о целесообразности упразднения канцелярии», авторы записки замечали, что это «при сохранении деятельности целого ряда установлений б[ывшего] Министерства двора не отвечало бы пользе самого дела». Расписав подробно круг занятий каждого из трёх делопроизводств канцелярии⁴⁷, делегаты вновь отправились на переговоры. Их собеседниками на этот раз стали Луначарский и Флаксерман.

Поскольку на указание о нарушении подписанных недавно договорённостей возразить оказалось нечего, Луначарский начал доказывать ненужность канцелярии в современных условиях. По воспоминаниям Флаксермана, Гагарин и Штакельберг сказали, что «основная их работа заключалась в подготовке докладных записок, которые министр двора представлял царю» (в действительности, конечно, круг деятельности министерской канцелярии был гораздо шире), а Луначарский в ответ на это заявил, что все записки «диктует сам». «В этом духе беседа продолжалась ещё несколько минут, затем князь и барон откланились, и больше мы их не видели». Увольняя руководящий состав чиновников, Луначарский и Флаксерман собирались опереться на среднее звено служащих. «На меня произвёл хорошее впечатление сравнительно молодой чиновник, который выполнял работу управляющего делами», — вспоминал Флаксерман. Вместе с ним помощник комиссара «наметили структуру и штат управления дворцов и музеев Республики при Наркомпросе» (в данном случае имеет место ошибка мемуариста — в январе 1918 г. речь шла, конечно, о Комиссариате имуществ). Причём Флаксерман, признавшись своему протезе, что не знает никого из чиновников, предложил ему определить личный состав проектируемого управления самостоятельно, ограничившись пожеланием: «Чиновников высших классов привлекать не следует, из прочей массы надо отобрать наиболее деловитых, тех, кто охотно будет трудиться в новом аппарате»⁴⁸.

«Сравнительно молодым чиновником», по всей видимости, являлся Александр Васильевич Суслов. Он был незаконнорожденным сыном вдовы коллеж-

⁴⁴ РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 611, л. 32.

⁴⁵ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 31, л. 1.

⁴⁶ РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 611, л. 45.

⁴⁷ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 31, л. 1–17 об.

⁴⁸ Флаксерман Ю.Н. В огне жизни и борьбы... С. 93–95.

ского асессора, и жизненные трудности, неминуемо сопровождавшие подобный статус, без сомнения закалили его характер. В 1903 г. Суслов окончил физико-математический факультет Санкт-Петербургского университета, затем несколько лет служил в Министерстве финансов⁴⁹, а в Министерстве двора оказался благодаря высокому родству — о нём в 1906 г. хлопотал его дядя, товарищ министра иностранных дел К.А. Губастов. В мае 1917 г. он стал «чиновником для поручений VII класса»⁵⁰, в каковой должности и встретил установление новой власти.

Обернувшееся для многих его сослуживцев катастрофой, карьере Суслова оно придало ускорение: во многом под его руководством и прошла реформа центральных учреждений бывшего придворного ведомства. 15 января помощник наркома писал «Коллективу служащих» канцелярии, что «канцелярия в её прежнем виде перестает существовать с момента получения вами данного письма», а вместо неё «проектируемый вами отдел распадается на два делопроизводства: делопроизводство личного состава и пенсионное». Ликвидировав ряд должностей, которые он посчитал ненужными (вторых помощников делопроизводителей и т.д.), Флаксерман в остальном поощрял административное творчество служащих. Последние не только составили план, но и провели выборы. Руководить делопроизводством личного состава избрали Суслова, пенсионным делопроизводством — чиновника Е.О. Адамовича⁵¹. 23 января именно Суслов подписал уведомление, отправленное от имени делопроизводства личного состава Гагарину, об упразднении Канцелярии с 15 января и оставлении того за штатом («пользующимся казёнными квартирами предоставлено право проживать в них не позднее 1 апреля сего года», отмечалось в документе, «причём вопрос о проживании лиц в казённых помещениях в каждом могущем быть индивидуальном случае будет решаться особо»). Такие же или схожие уведомления получили и другие оставленные «за штатом» чиновники⁵², а их оставшиеся на службе коллеги активно включились в борьбу за перераспределение служебных квартир, располагавшихся преимущественно в доме Министерства двора на Фонтанке, 20⁵³. Не принимавший участия в этой борьбе Суслов (он жил в квартире на Итальянской, 1⁵⁴) приобрёл в то время такой вес, что, например, служившие в Контроле сторожа И. Баронас и Г. Григорьев адресовали 27 февраля прошение «господину делопроизводителю Комиссариата имуществ республики» о переводе их на службу в бывший Кабинет его величества⁵⁵.

Кабинетские служащие в те дни также не знали покоя. «Как вам известно, Кабинет упразднён. Его функции передаются Хозяйственному отделу Комиссариата имуществ», — писал 16 февраля Флаксерман, Коллективу этого старейшего придворного учреждения. Он также сообщил о создании в будущем нового отдела — строительного, «форма организации» которого «ещё не решена», и о слиянии ряда кабинетских дел и должностей с уже организованными делопроизводствами (личного состава и пенсионным). Помощник наркома предлагал «служащим бывшего Кабинета соответственно с этим извещением выбрать из своей среды тех служащих, кои будут продолжать свою службу в комиссари-

⁴⁹ ЦГИА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 34945, л. 5–6, 21, 24–25, 29–34, 39.

⁵⁰ РГИА, ф. 468, оп. 30, д. 319, л. 3–4, 6, 11; ф. 472, оп. 58 (15 доп.), д. 1, л. 67.

⁵¹ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 74, л. 21–23.

⁵² Там же, л. 33–35.

⁵³ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 6, л. 2–3 об., 5–10, 13–18.

⁵⁴ Там же, л. 7.

⁵⁵ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 74, л. 71.

ате», предупреждая, что «остальные будут уволены на общих основаниях». В новые штаты предстояло войти примерно половине прежнего состава (35 человек).

23 и 25 февраля кабинетские чиновники провели два общих собрания под председательством опытного чиновника Г.Н. Кирилина, причём на первом огласили ещё одно послание Флаксермана, до которого «дошли слухи, что среди служащих бывшего Кабинета циркулируют различные версии о том, что будто я кого-то из бывших чиновников назначал на какие-то должности и т.д.». Помощник наркома «доводил до сведения служащих», что «дав им право самим выбрать тех из них, которые останутся работать в Комиссариате имуществ Республики, я оставил за собою только право отвода и тем самым, следовательно, никак не мог кого бы то ни было назначать». Указав, что каждая корпорация должна выбирать служащих из своей среды («т.е. чиновники — чиновников, курьеры — курьеров, сторожа — сторожей»), Флаксерман сделал оговорку: если младшие служащие заявят отводы тем или иным кандидатурам из старших, то таковые «могут быть приняты мною во внимание» (26 февраля он так и поступил, велел исключить из списка избранных делопроизводителя В.В. Рогге, против которого высказались низшие служащие). В ходе непростого двухдневного заседания удалось избрать Хозяйственный отдел, состоящий из двух делопроизводств, которые возглавили Кирилин и И.К. Ларионов, и других подразделений⁵⁶.

Неплохо сохранившийся комплекс документов Коллектива контроля бывшего Министерства двора позволяет заглянуть в его внутреннюю жизнь. В Коллектив, избранный 18 декабря 1917 г. на общем собрании служащих, вошли старший ревизор-техник, гражданский инженер Н.Н. Тетеревников (председатель), бухгалтер В.Я. Ельцин, старший контролёр П.П. Сланский, В.С. Савицкий и игравший в то время заметную роль в делах наркомата Логинов⁵⁷. Спустя полтора месяца, 30 января 1918 г., Коллектив, отвечая на запрос одного из служащих, не следует ли избрать особый комитет для защиты их профессиональных интересов, постановил, что он «является не только органом административным, но ведающим вообще все вопросы, какие могут возникнуть в товарищеской среде», а потому необходимости в каких-либо дополнительных органах нет. Проведённый вскоре после этого заседания письменный опрос служащих о желательности преобразования Коллектива показал, что подавляющая их часть не считала подобную меру желательной, доверяя своим избранным представителям⁵⁸.

В конце зимы и весной 1918 г. чиновники Контроля подавали в Коллектив обращения разного, преимущественно финансового характера: жаловались на прекращение выдачи «лично присвоенной» прибавки к жалованью, просили об увеличении «по крайней мере до двойного размера» разъездных денег, о выдаче «на дороговизну» жизни единовременно двойного месячного оклада⁵⁹. 4 марта контролёр Н.П. Малков писал, что он «с обоюдного согласия комиссаров Ю.Н. Флаксермана и Н.Н. Пунина» работал одновременно в Контроле и бухгалтером в Русском музее, поэтому рассчитывает на соответственное жалованье (в каждом учреждении ему должны были платить по 475 руб.). Однако Сланский и Логинов посчитали подобный двойной оклад «недопустимым», и после их доклада Флаксерману общее жалованье Малкова по двум должностям

⁵⁶ Там же, л. 44–50.

⁵⁷ Там же, оп. 3, д. 3, л. 4–6.

⁵⁸ Там же, л. 18–19.

⁵⁹ Там же, л. 22–24.

сократилось до 500 руб. Коллектив, в состав которого входили оба недоброжелателя жалобщика, лишь частично согласился с его доводами, отметив, что он производит работу по двум должностям с использованием одного и того же служебного времени⁶⁰.

Впрочем, рассматривались не только денежные вопросы. 27 мая со взволнованным письмом к Коллективу обратился Савицкий. Отметив, что «переживаемая многими из нас тревога вызвана именно не конкретными причинами, а той неорганизованностью, которая проявлена нами и которая довела некоторых из нашей среды, оказавшихся людьми низкого нравственного и умственного уровня, до поступков, которым на языке сколько-нибудь порядочных людей нет названия», он призвал: «Я считаю своим долгом как член Коллектива и старый служащий заявить, что необходимо собрать товарищей и призвать всех к организованности, а также для того, чтобы беспощадно заклеить гнусность поведения людей, дошедших до анонимных клеветнических изветов». Причиной обращения стало анонимное письмо на имя Киммеля, содержавшее «грязные клеветнические обвинения против некоторых служащих в Контроле и главным образом против И.М. Логинова», которому Киммель передал это письмо. Сошедшиеся по предложению Савицкого 28 мая на общее собрание служащие решили отнести автора анонимки «к разряду людей, заслуживающих общего презрения», а Логинову «засвидетельствовать... общее глубокое уважение и признание его выше всяких клеветнических наветов»⁶¹.

Таким образом Коллектив оказывался для служащих своеобразным моральным арбитром. Впрочем, у его власти, нигде официально не задекларированной, имелись и пределы. Когда в июле 1918 г. ввиду скорого упразднения Контроля встала задача составления отчёта, Коллектив поручил её Ельцину, который также должен был «давать Коллективу еженедельно сведения о ходе своей работы». Однако он не только «категорически» отказался, но и заявил, что «такое требование... считает для себя оскорбительным»⁶².

Коллективы других учреждений бывшего придворного ведомства также пытались выйти за рамки неформальных (а с точки зрения большевиков — и незаконных) организаций чиновников. С этой целью они позиционировали себя в качестве самостоятельной части государственного аппарата, представляющей интересы всех служащих без различия классов. К примеру, Коллектив Кабинета его величества, который первоначально состоял только из чиновников, 15 января 1918 г. сообщил другим учреждениям, что «для решения вопросов, касающихся интересов служителей и рабочих», в его состав введены «представители означенной категории служащих» — курьер В.К. Моксяков и И.Я. Баронас. Должность последнего не указана; судя по процитированному выше обращению к Суслову, это сторож⁶³. Коллектив по заведованию Кассой в апреле 1918 г. вёл переписку с Административным отделом НКИР, сообщая об увольнении не являвшегося на службу счётного чиновника К.А. Лебедева и назначении на его место другого лица⁶⁴. В данном случае раскрывалась ещё одна функция коллективов, осуществлявших связь между массой служащих и представителями власти.

⁶⁰ Там же, л. 13–16.

⁶¹ Там же, л. 25 об.—27 об.

⁶² Там же, л. 34 об.

⁶³ Там же, л. 10.

⁶⁴ Там же, оп. 1, д. 10, л. 125–125 об., 152.

В начале весны 1918 г. коллективы могли восприниматься (отчасти небезосновательно) как организации, узурпировавшие полномочия административных органов аппарата большевистского государства и в этом смысле продолжавшие «саботаж». Подобное поведение вызывало раздражение властей. Оно, в частности, выразилось в отданном Киммелем 18 марта приказе № 20 по НКИР. «Некоторые установления комиссариата направляют переписку Коллективу служащих б[ывшего] Кабинета его величества (ныне Хозяйственный отдел комиссариата)», — писал «уполномоченный комиссар», предлагая «всем установлениям комиссариата направлять переписку на имя комиссара или в соответствующие отделы комиссариата, отнюдь не адресуя несуществующим коллективам служащих б[ывшего] Министерства двора»⁶⁵. Схожее по смыслу, хотя и более мягкое распоряжение издал позднее и.о. наркома имуществ Малиновский, объявивший служащим Московского дворцового управления, что за их «коллективом» «остаётся только обслуживание профессиональных нужд», а само управление имуществами — дело НКИР⁶⁶.

Позднее, когда стало ясно, что коллективы готовы сотрудничать с властью и рассматривают себя не как альтернативу ей, а как своего рода профсоюз, отношение к ним стало более терпимым, хотя пикировки время от времени случались. Так, например, 2 августа возмущённый Киммель «уведомлял» председателя Коллектива Контроля, что принятое им постановление, «сообщённое мне отношением от 24 июля с.г., о выдаче без моего разрешения служащим Контроля разницы содержания с 1 января по 1 июня, является совершенно недопустимым, и за осуществление подобной самовольной выдачи Коллектив подлежал бы революционному суду за растрату народного имущества». Он подчеркнул, что расходование народных денег без его ведома и разрешения недопустимо⁶⁷.

Нарком Малиновский. 9 марта Карелин присутствовал на последнем перед переездом в Москву заседании СНК в Петрограде, на котором должен был доложить «проект декрета о передаче некоторых учреждений Комиссариата имуществ Республики советам дворцовых городов (Гатчина, Царское Село и т.д.)» (в итоге этот пункт повестки решили отложить)⁶⁸. В скором времени, однако, он вместе с другими левыми эсерами покинул правительство, выразив несогласие с условиями Брестского мира. В этот момент НКИР мог прекратить существование. Позднее, 10 июля, Луначарский вспоминал, что он в то время «по прямому проводу передавал из Петрограда в Москву через т. Сталина о невозобновлении самостоятельного Комиссариата имуществ Республики по освобождении портфеля за уходом Карелина», желая присоединить учреждение к Наркомпросу, но И.В. Сталин ответил ему, что «Совнарком имеет в виду для замещения этого поста в Москве лицо весьма подходящее персонально, а именно т. Малиновского»⁶⁹. 18 марта «ввиду ухода Карелина» СНК постановил назначить П.П. Малиновского «временным заместителем народного комиссара имуществ Российской Советской Республики» с возложением на него обязанностей комиссара Кремля⁷⁰.

⁶⁵ Там же, л. 69.

⁶⁶ Из истории строительства советской культуры... С. 81.

⁶⁷ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 3, д. 3, л. 33.

⁶⁸ Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. С. 415.

⁶⁹ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 41, л. 10.

⁷⁰ Там же, д. 14, л. 11–11а.

Павел Петрович Малиновский (1869–1943) родился в Нижнем Новгороде в семье старшего писаря военной гимназии. Обучаясь в петербургском Институте гражданских инженеров, проникся революционными идеями и отказался принести присягу императору, после чего о карьере в столице пришлось забыть. Молодой зодчий вернулся в Нижний Новгород, где построил ряд ярких зданий, сблизился с М. Горьким и вступил в РСДРП(б), участвовал в революции 1905 г., а в 1908 г. переехал в Москву. Там он продолжил и архитектурную работу, и подпольную деятельность, которую осуществлял в основном через супругу, большевичку Е.К. Малиновскую (впоследствии видную деятельницу советского театра)⁷¹. Весной 1917 г. он «целиком ушёл в общественно-политическую и партийную работу», принимая активное участие в деятельности Московского совета рабочих депутатов⁷², а после прихода к власти большевиков возглавил Комиссию по охране памятников искусства и старины и начал исполнять обязанности гражданского комиссара Кремля⁷³. С 4 января 1918 г. в приказах по НКИР Малиновский упоминался в качестве комиссара Московского дворцового управления⁷⁴. Наконец, в марте он возглавил Чрезвычайную эвакуационную комиссию, которая занималась размещением в Москве переезжавшего из Петрограда СНК⁷⁵, проявив себя расторопным и деятельным работником. Он также стал лично известен новым властителям, благодаря чему получил должность «исполняющего обязанности» наркома, в которой оставался в течение пяти месяцев.

В отличие от Карелина, для Малиновского этот пост стал несомненным и значительным повышением. Кроме того, он — человек из мира искусства — больше подходил для руководства ведомством, курировавшим дворцы и музеи. Не в его пользу играло то, что он, по-видимому, сравнительно мало знал Петроград, где находилось большинство художественных сокровищ придворного министерства. Как следствие, в бывшей столице продолжал практически самостоятельно распоряжаться Киммель. Кроме того, Малиновский отличался недоверием к «беспартийным специалистам», составлявшим абсолютное большинство служащих бывшего Министерства двора. Он окружил себя сотрудниками, близкими в идейном отношении, но малоизвестными в художественном мире⁷⁶. Впрочем, Малиновский проводил резкую грань и среди самих творцов, деля их на своих и чужих. «Расхождение точки зрения буржуазных деятелей искусства и стоящих на советской платформе художников, работающих в Комиссии по охране памятников и старины, огромно», — заявил он 11 апреля 1918 г. на созванном Московским советом совещании по делам изобразительных искусств и прибавил, что при поддержке единомышленников стремится «к полному освобождению искусства от меценатства во всех видах и формах»⁷⁷.

Уже на склоне жизни Малиновский вспоминал: «Принятый мной Наркомат в смысле программы и плана работы, организации штатов, сметы и средств представлял почти пустое место, за исключением Ленинградской организации,

⁷¹ РГАЭ, ф. 108, оп. 1, д. 89, л. 57–57 об.; д. 93, л. 80 об.—81, 83–94; ЦГИА СПб, ф. 184, оп. 3, д. 2236, л. 35–37 об.; *Нифонтов Л.А.* Архитектор П.П. Малиновский. Горький, 1973. С. 7–45.

⁷² РГАЭ, ф. 108, оп. 1, д. 93, л. 94.

⁷³ Там же, л. 96.

⁷⁴ ГА РФ, ф. 1261, оп. 1, д. 9, л. 215.

⁷⁵ РГАЭ, ф. 108, оп. 1, д. 93, л. 97 об.

⁷⁶ Из истории строительства советской культуры... С. 64–65, 67–68.

⁷⁷ Там же. С. 119–120.

оставшейся в управлении Наркомпроса т. Луначарского под общим контролем Наркомата, и Кремлёвского комиссариата, а хозяйство Кремля, конной и автомобильной базы Наркомата было необычайно хлопотливо». Он сетовал на унаследованную от Министерства двора массу «хозяйственных объектов, функций и при этом мелочных», которые приходилось «волей-неволей продолжать... до передачи их другим ведомствам, учреждениям или просто ликвидировать». При этом «больше всего трений вызывало сокращение лишних штатов и расходов по гостеатрам и хранилищам предметов искусства и старины, поскольку т. Луначарский в Ленинграде подходил к этим вопросам иначе, чем мы, привыкшие к сугубой экономии в Москве»⁷⁸. НКИР расположился в Кавалерском корпусе Кремля⁷⁹, откуда 6 июня перебрался в бывшее здание Московской конторы императорских театров на Большой Дмитровке⁸⁰.

Луначарский тем временем не оставлял мысль о присоединении НКИР к руководимому им ведомству. Приехав в Москву, он уговорил Малиновского на подписание 12 апреля совместного заявления, начинавшегося указанием на «неразрывную связь, соединяющую учреждения ведомства народного просвещения и бывшего ведомства имуществ республики, а ныне Народного комиссариата художественно-исторических имуществ республики». Новое название, кажется, так и не оформили официально, во всяком случае оно не прижилось в служебной переписке. НКИР должен был «со дня опубликования данного постановления» руководствоваться «временной конституцией», согласно которой он входил в состав Наркомпроса на правах «автономного отдела с временно обособленным кредитом и сметами», образуя вместе с отделами театральным, музыкальным, изобразительных искусств и архивно-музейно-библиотечным особую «Группу искусств»⁸¹.

Отдел имуществ Республики следовало возглавить Малиновскому. Другими «ответственными сотрудниками», которых планировалось перевести в Наркомпрос, оказались помощники наркома Флаксерман (по административно-хозяйственной части) и Н.Д. Виноградов (по художественной части), Киммель, комиссар-инспектор (он же и.о. секретаря наркома) А.К. Кауфман, помощник комиссара Кремля Е.В. Орановский и и.о. помощника наркома имуществ в Москве и округе И.А. Вайман. Все планы являлись приблизительными: в одном из составленных в мае отчётов о положении НКИР, адресат которого неизвестен, Малиновский (или писавший от его имени секретарь) отмечал: «Дальнейших подробностей до окончательного конструирования Комиссариат пока дать не может, т[ак] к[ак] последний — в стадии организации, в связи с эвакуацией его отделов из Петрограда и ликвидацией части имуществ Республики»⁸².

Несмотря на совместное заявление наркомов, НКИР продолжал существовать под прежним названием. Тем не менее входившие в его состав учреждения искусства начал «забирать» Луначарский. 12 апреля он прямо заявил, что ведомство имуществ «будет ликвидироваться при передаче из него дел в другие комиссариаты»⁸³. В тот же день СНК своим декретом упразднил Академию художеств, неразрывно с ней связанное Высшее художественное училище преобразо-

⁷⁸ РГАЭ, ф. 108, оп. 1, д. 93, л. 98 об.—99.

⁷⁹ Из истории строительства советской культуры... С. 65.

⁸⁰ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 14, л. 77.

⁸¹ Из истории строительства советской культуры... С. 56.

⁸² ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 41, л. 4, 5 об.

⁸³ Из истории строительства советской культуры... С. 58.

вал в «свободную художественную школу», а музей Академии передал в Наркомпрос. Позднее под его управление передали и Московское училище живописи, ваяния и зодчества⁸⁴. Тогда же СНК выпустил декрет о сносе памятников, «воздвигнутых в честь царей и их слуг и не представляющих интереса ни с исторической, ни с художественной стороны», и установке вместо них монументов, «долженствующих ознаменовать великие дни Российской Социалистической Революции». Заняться этим предстояло комиссии, состоявшей из наркомов просвещения и имуществ, а также заведующего отделом изобразительных искусств Наркомпроса. «Некоторые наиболее уродливые истуканы» предполагалось снять уже к 1 мая, к той же дате комиссии предписывалось осуществить «декорирование города» и «замену надписей, эмблем, названий улиц, гербов и т.п. новыми, отражающими идеи и чувства революционной трудовой России»⁸⁵.

Комиссия, составленная из не особенно ладивших друг с другом людей, живших к тому же в разных городах, работала не очень активно, что вызвало возмущение Ленина, который придавал символическому утверждению новой эпохи большое значение. «Удивлѣн [и] возмущѣн бездеятельностью Вашей и Малиновского в деле подготовки хороших цитат и надписей на общественных зданиях Питера и Москвы», — телеграфировал он Луначарскому 13 мая. В июне или начале июля Ленин отправил в оба наркомата письмо, в котором требовал «незамедлительно представить сведения о том, что именно сделано для выполнения декрета». Он негодовал: «Двухмесячная проволочка в исполнении декрета — равно важного и с точки зрения пропаганды, и с точки зрения занятия безработных — непростительна». 8 июля СНК официально поставил обоим наркомам на вид «их совершенно недопустимую бездеятельность по проведению в жизнь декрета от 12 апреля»⁸⁶. Виноградов много лет спустя вспоминал, как на другой день после принятия этого постановления «Малиновский, придя в наркомат, сообщил мне: “Мы вчера выбрали Вас отвечать за нашу бездеятельность по проведению декрета в жизнь. И Вам сейчас поручаем организовать разбор памятника Александра III”». Самому Виноградову Ленин высказал недовольство тем, что не ставится новых памятников деятелям революционного движения⁸⁷. Возможно, нерасторопность Малиновского в этом важном для коммунистической власти вопросе повлияла на его решение поддержать слияние наркоматов.

Один из вопросов, которым занималось руководство НКИР, затрагивал сферу внешней политики. Поскольку в составе «имуществ Республики» оказалось немало вещей, исторически связанных с бывшим Царством Польским, ведомство находилось в постоянном контакте с Комиссариатом по польским делам, образованным при Наркомате по делам национальностей. Постановление СНК прямо предписывало государственным ведомствам «сноситься» с этим учреждением по всем «польским» вопросам⁸⁸. НКИР руководствовался также постановлением, изданным 6 апреля Луначарским и подписанным комиссаром

⁸⁴ Там же. С. 26–27, 35.

⁸⁵ Там же. С. 25–26.

⁸⁶ Там же. С. 27–28, 32.

⁸⁷ О реставрации Кремля, выдаче охранных грамот, создании пролетарских музеев и встречах с Лениным по поводу монументальной пропаганды (URL: <https://oralhistory.ru/talks/orh-220%E2%80%9393221/text?hl=674e84d#f2lkGh>).

⁸⁸ По делам ликвидации учреждений б[ывшего] Царства Польского // Газета Рабочего и крестьянского правительства. 1918. 26 января.

по польским делам Ю.М. Лещинским. Согласно ему все эвакуированные из Польши во время войны «предметы старины, искусства и науки» подлежали «немедленному возврату польскому трудовому народу» и переходили «в ведение польского комиссариата»⁸⁹. Представители последнего (среди них особенную активность проявлял заведующий отделом культуры и просвещения Б.Д. Мандельбаум⁹⁰) в апреле получили разрешение на осмотр московских дворцов и музеев, находившихся в ведении НКИР, в которых хранились или могли храниться эвакуированные ценности. Они также участвовали в совместных со служащими наркомата комиссиях, обсуждавших судьбу польских ценностей и вопросы, связанные с ликвидацией бывшего Варшавского дворцового управления, отслеживали положение отдельных эвакуированных коллекций, «не находя препятствий» к возвращению их в Польшу⁹¹. Впрочем, препятствий не находил и НКИР, выдавая соответствующие удостоверения, а также самостоятельно занимаясь розыском подобных предметов в подведомственных дворцах⁹².

Ведомство активно защищало неприкосновенность эвакуированных из Польши ценностей, вступая по этому поводу в переписку с местными учреждениями. Так, в июне Малиновский писал в Саратов, куда попали около 5 тыс. вывезенных из Польши колоколов. По городу прошёл слух, что «местный Совнархоз предполагает использовать эти колокола для промышленных целей», в связи с чем нарком потребовал «немедленно передать» их представителям Польского комиссариата. В августе НКИР просил Осташковский совет и местного комиссара остановить намеченную продажу с аукциона задержанных в городе двух вагонов с польскими ценностями⁹³.

Однако амбиции поляков распространялись не только на ценности, эвакуированные во время войны. Ещё в мае наркомы просвещения и имущества составили два совместных циркуляра «во все музеи, дворцы, библиотеки и другие художественные и научные хранилища» РСФСР. В одном предписывалось приступить к передаче Польскому комиссариату эвакуированных во время войны ценностей⁹⁴. В другом, «не предрешая времени возвращения польскому трудовому народу вывезенных в разное время до настоящей войны из Польши предметов искусства, науки и культуры», предлагалось создавать совместные комиссии с представителями комиссариата для составления подробных описей предметов, происходивших из Польши⁹⁵. Распространение практики «возврата» на ценности прежних веков грозило российским музеям и библиотекам серьёзными утратами, однако наркомов это, по-видимому, не слишком волновало.

И всё же сводить деятельность НКИР к раздаче национального достояния было бы неверно. Ведомство приложило немало сил для защиты усадеб, музеев и прочих зданий от разграбления. «Охранные» удостоверения выдавались и учреждениям, не имевшим отношения к бывшему Министерству двора, например,

⁸⁹ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 17, л. 33.

⁹⁰ Там же, л. 9. Интересно, что этот, по словам Луначарского, «очень талантливый польский товарищ» (*Луначарский А.В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 166) в первые дни после прихода к власти большевиков занимался в качестве комиссара Военно-революционного комитета и делами бывшего Министерства двора (Петроградский военно-революционный комитет. Т. 1. С. 265–266, 419).

⁹¹ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 17, л. 3–6, 9–10, 20–21, 23.

⁹² Там же, л. 27, 43–43 об.

⁹³ Там же, л. 8, 11–19, 28–29.

⁹⁴ Там же, л. 30, 37.

⁹⁵ Там же, л. 32, 35.

полковым музеям⁹⁶. В этом смысле наркомат продолжал работу возглавляемой Малиновским же Комиссии по охране памятников искусства и старины, выдававшей подобные документы с конца 1917 г. даже владельцам частных коллекций⁹⁷. Это показывает, что Малиновский и его подчинённые считали областью своей компетенции не только конкретные «имущества», унаследованные от придворного ведомства, но вообще все значимые с художественной точки зрения памятники и собрания в России. «Мы выдали около трёх тысяч штук этих охраненных грамот», — вспоминал Виноградов, отметив, что они порой сохраняли свою силу долгое время. Одна из грамот, как ему стало известно, считалась действительной и в 1929 г.⁹⁸ Разосланные НКИР ещё в апреле 1918 г. обращения ко всем советам депутатов и земельным комитетам с призывом создавать местные комиссии по охране памятников и старины⁹⁹ также в определённой степени способствовали их сохранению. Одновременно в НКИР разрабатывались проекты устройства музеев, причём особое значение придавалось московским. «Мы желали создать из Кремля единую художественную сокровищницу, переведа в Кремль все архивы, всё художественно ценное, чему на местах в Москве или вне её грозит опасность, — вспоминал Орановский. — Мы фактически работали над созданием “Кремля-Акрополя”, Кремля-пантеона русского искусства»¹⁰⁰.

Петербургское (Петроградское) отделение: комиссар Киммель и продолжение реформ. Руководство всеми учреждениями бывшего придворного ведомства, располагавшимися в Петрограде и его пригородах, перешло к «уполномоченному комиссару Петербургского отделения Комиссариата имуществ Республики» — Иоганну-Вольдемару (в документах также использовалась русифицированная форма — Иоганн Вольдемарович¹⁰¹) Киммелю. Он родился 8 декабря 1879 г. в крестьянской семье, проживавшей в общине Ахианск Юрьевского уезда Лифляндской губ.¹⁰² А.Н. Бенуа дал ему нелюбимую характеристику. 22 ноября 1918 г. художник, просивший вместе с другими членами совета Эрмитажа о снабжении служащих музея продовольственными пайками, получил ответ «от хорошо нам знакомого Киммеля, который недавно обивал пороги Эрмитажа — эдакий маленький солдатик со злым лицом». Раздосадованный отказом, Бенуа резюмировал: «Подпись до предела лаконичная — закорючка и ясная должность: “уполномоченный комиссар”. Наконец и мы, деятели культуры, получили образец “заштопанного портного” из эпохи прерафаэлитов»¹⁰³.

Киммель продолжил административные преобразования, нацеленные в том числе на то, чтобы создать из учреждений бывшего Министерства двора некую централизованную систему. Их проведению и вообще работе Петербургского отделения мешал переезд части служащих в Москву. 10 мая Малиновский официально «предложил» Киммелю к 20 мая перевести в новую столицу Административный и Хозяйственный отделы, а также бухгалтерию НКИР¹⁰⁴. Сроки

⁹⁶ Из истории строительства советской культуры... С. 64.

⁹⁷ Там же. С. 258.

⁹⁸ О реставрации Кремля...

⁹⁹ Из истории строительства советской культуры... С. 68–73.

¹⁰⁰ Орановский Е.В. «Кремль-Акрополь» // Из истории строительства советской культуры... С. 331.

¹⁰¹ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 78, л. 140, 142.

¹⁰² Там же, л. 106.

¹⁰³ Бенуа А.Н. Дневник. 1918–1924. М., 2016. С. 195.

¹⁰⁴ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 74, л. 89.

оказались нереальными: в изданном 27 мая приказе по ведомству Киммель объявил о переводе этих отделов с 1 июня, разрешив служащим оставить занимаемые ими казённые квартиры в Петрограде (Киммель употреблял название «Петербург») до ноября 1918 г.¹⁰⁵ В приказе по Управлению московскими дворцами от 20 июня Малиновский, ввиду «образования центрального органа Народного комиссариата имуществ Республики в Москве и предстоящего упразднения Хозяйственного отдела комиссариата в Петрограде», предложил всем учреждениям НКИР обращаться по всем вопросам в формируемое московское управление¹⁰⁶. Однако скоро стало ясно, что целиком перевести важнейшие отделы ведомства, «имущества» которого расположены в основном в северной столице, невозможно. В результате уже 3 июня Киммель издал новый приказ, согласно которому в Первопрестольную переезжали не отделы, а лишь часть их служащих (14 человек)¹⁰⁷.

В июле административная реформа вступила в новую фазу. Согласно приказу № 49, подписанному Киммелем, «для заведования расположенными в области Северной трудовой коммуны как художественно-историческими, так и другими, находящимися в ведении Комиссариата, имуществами, а равно для ликвидации учреждений Комиссариата, передаваемых в иные ведомства и вообще упраздняемых, образуется в Петербурге с 1 июля сего года отделение Комиссариата имуществ Республики Северной области» в составе пяти отделов: административного, художественно-исторического, строительно-технического, общих заготовок и финансово-счётного. Одновременно упразднялось Управление петербургскими дворцами, функции которого передавались этим отделам¹⁰⁸.

Рядом следующих приказов, изданных в июле и августе, объявлялся личный состав. С 1 июля Административный отдел возглавил Суслов, а Отдел общих заготовок — Логинов¹⁰⁹. С 20 августа помощником Логинова стал Тетеревников¹¹⁰, ранее возглавлявший Коллектив Контроля. Приказом по ведомству № 57 от 20 августа возложили общее руководство Контролем на Сланского¹¹¹. С 1 августа временно заведующим Финансово-счётным отделом стал М.П. Оберемченко¹¹², кандидатуру которого Киммелю предложил Суслов¹¹³. Художественно-исторический и Строительно-технический отделы, по всей видимости, сформировать так и не удалось, хотя делопроизводство последнего Киммель ещё в июле поручил Кирилину¹¹⁴. Кроме того, в августе был объявлен штат самостоятельного Отделения учёта движимого имущества, которое возглавил Л.А. Иогансон¹¹⁵. В целом, завершившееся к концу лета создание новой структуры НКИР позволило упразднить два ещё сохранившихся учреждения бывшего придворного ведомства — Контроль и Кассу¹¹⁶. Сланский оставался

¹⁰⁵ Там же, д. 10, л. 247.

¹⁰⁶ Там же, д. 18, л. 5.

¹⁰⁷ Там же, д. 10, л. 257–257 об.

¹⁰⁸ Там же, л. 327–327 об.

¹⁰⁹ Там же, л. 353, 359.

¹¹⁰ Там же, л. 384.

¹¹¹ Там же, л. 385 об.

¹¹² Там же, л. 383.

¹¹³ Там же, д. 74, л. 139–139 об.

¹¹⁴ Там же, л. 115.

¹¹⁵ Там же, л. 132–135; д. 10, л. 362–362 об.

¹¹⁶ Там же, д. 10, л. 444.

«заведующим по ликвидации» оных как минимум до конца года, числясь «ответственным работником» уже не НКИР, а Отдела имущества Республики¹¹⁷.

В результате вместо складывавшейся столетиями структуры различных, в достаточной степени обособленных учреждений Министерства двора возникли единообразные по своему положению и субординации отделы наркомата. Но итог преобразований заключался не только в изменении структуры управления. Киммель, как до него Флаксерман, выдвигал на первые роли лояльных большевикам служащих старого аппарата, занимавших ранее должности второго-третьего ряда, таких как Суслов и Логинов. Они заменили начальников, назначенных ещё в императорский период и при Временном правительстве, а также постепенно оттеснили коллективы — всё более и более нежелательные в глазах новой власти, деятельность которых к лету 1918 г. начала угасать.

Конечно, лояльность служащих могла и не быть искренней. Например, двоих видных работников НКИР — заведующего канцелярией Отделения учёта движимого имущества М.И. Курочкина и делопроизводителя по научно-художественной части канцелярии Русского музея И.И. Феденко¹¹⁸ — 25 марта арестовали сотрудники ВЧК и отправили в заключение в Дерябинские казармы. Киммель вступился за них, указав как на их необходимость для работы, так и на «неизменно вполне лояльное отношение к установившейся власти Советов», полагая, что задержание «основано на недоразумении» (причина ареста в документах не указана). За Феденко просил ещё и Русский музей¹¹⁹.хлопоты, судя по всему, дали результат (Курочкин уже в ноябре расписывался в делах руководимой им канцелярии¹²⁰), показав, что и Киммель готов оказывать признавшим большевистскую власть подчинённым традиционное начальственное покровительство.

Вообще его деятельность во главе Петербургского отделения следует, с точки зрения стоявших перед ним задач, признать сравнительно успешной. Как и любой руководитель, со временем он сформировал личный аппарат. Уже в июне на службу «для поручений при уполномоченном комиссаре» приняли некую Е.М. Шаховскую¹²¹, с 1 августа «комиссаром для поручений» стал бывший комиссар Говмаршальской части Кузмин¹²², в октябре «для исполнения секретарских обязанностей при уполномоченном комиссаре» назначили Р.М. Анвельт¹²³. Будучи представителем революционного правительства, Киммель призывал служащих к дисциплине. Оповестив 9 марта, в первом из подписанных им приказов, что рабочий день в ведомстве длится с 10 до 16 часов¹²⁴, к октябрю он убедился в «бесполезности указаний о необходимости своевременно являться на службу» и грозил карами, обещая опаздывающих более чем на полчаса не допускать к работе, а за три подобных пропуска в течение двух месяцев увольнять¹²⁵.

¹¹⁷ Там же, д. 78, л. 135.

¹¹⁸ Назначен в сентябре, ранее — помощник заведующего информационным отделением Административного отдела НКИР (Там же, д. 10, л. 448).

¹¹⁹ Там же, д. 70, л. 1—3 об.

¹²⁰ Там же, д. 74, л. 208.

¹²¹ Там же, л. 121.

¹²² Там же, д. 10, л. 363.

¹²³ Там же, л. 463.

¹²⁴ Там же, д. 74, л. 57.

¹²⁵ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 14, л. 98.

В первой половине и середине 1918 г. НКИР понёс утраты. Помимо ликвидации учреждений, обслуживавших Высочайший двор (Гофмаршальская и Церемониальная части, канцелярии императриц), 15 июня упразднили бывшую Придворную медицинскую часть в Петрограде (московское отделение упразднили месяцем ранее), причём большую часть её имущества и личного состава передали в Наркомат здравоохранения. С 1 июля Общий архив НКИР перешёл в ведение Главного управления архивным делом¹²⁶. Сократились владения ведомства в «дворцовых городах». Ещё в конце марта Совет комиссаров Петроградской трудовой коммуны издал декрет № 331, которым предписывалось «в Царском Селе, Гатчине, Петергофе, Павловске и Красном Селе упразднить ратуши со всеми связанными с ними учреждениями и дворцовые управления как органы управления городами», передав «их дела и городские капиталы» местным советам. Имущества, имевшие «национальное и художественно-историческое значение, как то дворцы, памятники и художественные парки», остались в ведении НКИР¹²⁷.

Во исполнение этого решения Киммель 8 июня издал приказ № 44. Комиссарам упразднявшихся теперь управлений дворцами предписывалось «образовать для заведования остающихся в Комиссариате дворцов особые управления художественными имуществами Республики Северного района». Служащие, не принятые в новые управления, увольнялись с 15 июня¹²⁸. Кроме того, в ходе бесчисленных реорганизаций бывшее придворное ведомство покинули многие служащие, прославившие своё имя в искусстве. Так, например, приказом по НКИР от 10 марта увольнялись архитекторы В.А. Косяков, занимавший должность инспектора по строительной части бывшего Кабинета его величества, и А.А. Парланд, «причисленный» к Кабинету¹²⁹.

Впрочем, одновременно структура НКИР расширялась за счёт различных зданий, признанных «имуществами Республики». В их числе оказался и выстроенный Парландом знаменитый храм Спаса-на-Крови. Приказом 27 мая Киммель, ввиду «состоявшегося перехода в ведение Комиссариата имуществ Республики Храма Воскресения Христова», установил штат его служащих: истопник и шесть сторожей (увольнялись вахтёр, свечник, прислуга при канцелярии и три сторожа)¹³⁰. Не позднее конца мая в ведение НКИР перешёл Исаакиевский собор¹³¹. 16 марта, согласно постановлению СНК, наркомату «вернулся» Аничков дворец, входивший в структуру Министерства двора, но в 1917 г. занятый Министерством продовольствия Временного правительства. Приказом 25 марта Киммель утвердил штат управления дворцом во главе с комиссаром В.И. Ерыкаловым¹³². Объявленные с 1 августа национальной собственностью дворцы-музеи Бобринских, Строгановых, Шереметевых и Шуваловых также «в хозяйственном отношении состояли» по ведомству, что отмечено в приказе 16 сентября¹³³.

¹²⁶ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 10, л. 263, 375 об.

¹²⁷ Декрет № 331. О передаче из Комиссариата имуществ Республики имуществ и учреждений в дворцовых городах Советам // Рабочая и крестьянская Красная армия и флот. 1918. 28 марта.

¹²⁸ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 10, л. 262.

¹²⁹ Там же, л. 45 об.

¹³⁰ Там же, л. 239.

¹³¹ Там же, л. 241; д. 74, л. 125.

¹³² Там же, д. 10, л. 78.

¹³³ Там же, л. 421.

Подводя промежуточный итог работы за весну и начало лета 1918 г. в составленном ко 2 июля «Кратком отчёте о деятельности Петроградского отделения Народного комиссариата имуществ Республики», Киммель писал: «Комиссариатом были взяты под охрану и собраны почти все полковые музеи и библиотеки, находившиеся в Северной области, которым после демобилизации армии грозила опасность быть расхищенными; было выдано много охранительных грамот на художественные имущества, находившиеся в частных помещениях, причём имущества эти были обследованы и взяты на учёт. Вместе с этим многократно возбуждался вопрос об издании особого декрета по поводу обобществления указанных художественных имуществ». Помимо охраны имуществ (постепенно и безжалостно отбиравшихся у владельцев), Петербургское отделение, по словам его руководителя, «прокладывает пути к открытию новых музеев в той же Северной области»¹³⁴ и к превращению наиболее выдающихся дворцов в художественные или художественно-исторические музеи текущего времени или прошлых веков. Хотя эвакуация художественных сокровищ являлась в этом деле большим препятствием, тем не менее уже открыты музеи во дворцах Царского Села, Гатчины, Павловска. На осуществление этих мероприятий было потрачено комиссариатом много труда и энергии»¹³⁵.

Слияние с Наркомпросом. Малиновский раздумывал над тем, как сохранить самостоятельность руководимого им ведомства. Его сотрудники, а может быть и сам нарком¹³⁶, подготовили докладную записку СНК, в которой доказывали необходимость создания отдельного от Наркомпроса Комиссариата искусств. Утверждалось, что сотрудники ведомства просвещения ввиду огромности стоящих перед ними задач будут полностью поглощены вопросами народного образования. Эта загруженность, а также «совершенно различные методы работы», указывают на «фактическую невозможность при данных условиях воспользоваться Комиссариатом образования как аппаратом для проведения в жизнь новых взглядов правительства на вопросы художественной жизни страны». Как следствие, «крайне целесообразным представлялось бы для создания ведомства художественных вопросов воспользоваться уже готовым аппаратом Комиссариата имуществ Республики, преобразовав его в Комиссариат искусств, организационно независимый от Комиссариата народного образования. Такое преобразование провести крайне легко, и оно явится вполне естественным». Предвидя сопротивление Луначарского, составители записки предлагали «временную меру»: «Оба комиссариата объединяются в лице народного комиссара образования и искусства т. Луначарского. Причём техническая и организационная работа по каждому из ведомств вверяется отдельным народным комиссарам», а именно по Комиссариату искусств — Малиновскому, а по образованию — заместителю Луначарского историку М.Н. Покровскому¹³⁷. О том, как в таком случае строились бы между ними служебные отношения, не говорилось.

Но даже в окружении и.о. наркома не все поддерживали идею существования ведомства. В оппозиции, в частности, оказался Флаксерман, не порвавший связи с Луначарским после переезда и даже предоставлявший ему ноч-

¹³⁴ Слова «в той же Северной области» зачёркнуты карандашом.

¹³⁵ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 23, л. 26 об.—27.

¹³⁶ Машинописный черновик документа сохранился в его архивном фонде (РГАЭ, ф. 108, оп. 1, д. 88, л. 98—99).

¹³⁷ Из истории строительства советской культуры... С. 78—79.

лег в Москве¹³⁸. 8 июля на заседании коллегии НКИР выявились разногласия между ним и другими руководителями ведомства. После доклада Малиновского, сообщившего о намеченной «перегруппировке отделов Комиссариата имуществ Республики, в связи с предстоящим проведением в жизнь проекта декрета “Об учёте, невывозе за границу и национализации художественно-исторических имуществ, имеющих общегосударственное значение”», слово попросил Виноградов. Он поднял вопрос о «преждевременности заявления, сделанного т. Флаксерманом об упразднении Комиссариата имуществ Республики членам Коллегии отдела охраны памятников искусства и старины». Флаксерман заявил, что «некоторые основания к тому имеются, т[ак] к[ак] в центральных советских кругах такой вопрос давно обсуждался», а его «личный взгляд на необходимость слияния к[омиссариат]ов давно известен». «Поведение Флаксермана в отношении сотрудников комиссариата» коллегия признала «неосторожным», после чего её члены вернулись к обсуждению текущих дел¹³⁹.

Судьба НКИР решилась 10 июля 1918 г. на созванном согласно специальному постановлению СНК от 8 июля особом совещании. На нём присутствовали оба заинтересованных наркома, их ближайшие сотрудники и представители наркоматов внутренних дел и юстиции. Открывший заседание Луначарский кратко осветил историю ведомства и похвалил его сотрудников, но указал на постоянно возникающие между наркоматами «трения». Их он объяснил объективными причинами: «не неуживчивостью характера т. Малиновского... а неналаженностью самого аппарата». «Комиссариат имуществ Республики — это лишний аппарат в Конституции Сов[етской] Республики. Он должен превратиться в Хозяйственный отдел Комиссариата народного просвещения», — завершил свою мысль докладчик.

Малиновский в ответной речи сделал упор на политическую благонадёжность подчинённых, сравнив состав Коллегии Комиссариата имуществ с Музейной коллегией Наркомпроса: «В первой испытанные советские социалисты, часть из них специалисты, а во второй, кроме председателя, почти все скрытые кадеты и правые эсеры, способные быть лишь экспертами, но не ответственными политическими руководителями... Характерно также, что кое-кто из членов той же Музейной коллегии открыто заявлял в своё время о непризнании советской власти». Впрочем, ни этот аргумент Малиновского, ни его призыв отказаться хотя бы от немедленной ликвидации ведомства не впечатлили собравшихся. Луначарский парировал, что служащие Комиссариата имуществ не должны увольняться, «ибо они ответственны будут, как за забастовку», а у экспертов «не спрашивают, социалисты ли они». В итоге вынесли постановление о «своевременности» слияния двух ведомств¹⁴⁰. В принятой в тот же день V Всероссийским съездом Советов Конституции РСФСР перечислялись наркоматы, и НКИР в списке уже отсутствовал¹⁴¹. 11 июля СНК постановил утвердить постановление о его слиянии с Наркомпросом, при этом отложив «проведение его в жизнь до совещания с Президиумом ЦИК»¹⁴².

¹³⁸ Флаксерман Ю.Н. В огне жизни и борьбы... С. 157.

¹³⁹ ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 41, л. 6.

¹⁴⁰ Там же, л. 10–12 об.

¹⁴¹ Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Постановление 5-го Всероссийского Съезда Советов, принятое в заседании 10 июля 1918 года. Пг., 1918. С. 8–9.

¹⁴² ГА РФ, ф. Р-410, оп. 1, д. 41, л. 7.

Дальнейшее существование НКИР было уже агонией. На заседаниях 11 и 15 июля (сохранился их общий протокол) Большая коллегия ведомства, пытаясь отстоять хоть какую-то автономию, постановила, что она «сможет продолжать свою работу и принять на себя ответственность за сохранение такого сложного аппарата» только при условии организации особого отдела при Наркомпросе «из социалистов как ответственных политических руководителей», в котором «специалисты» образуют «лишь консультативный аппарат, пользующийся правом решающего голоса только при решении вопросов, не выходящих за пределы их специальности». Коллегия этого отдела выбирала бы из своей среды председателя, лишь утверждаемого наркомом, имела бы «строго обособленную» смету и вообще пользовалась бы «автономией для всего присоединённого аппарата». Заслушав заявление Малиновского об отпуске и последующей отставке, коллегия, «принимая во внимание необходимость сохранения аппарата в том виде, как он сконструировался под руководством т. Малиновского», сочла «принципиально необходимым» предложить главе наркомата «не уходить в отставку и не оставлять созданного им дела, даже при условии слияния обоих комиссариатов», не встретив препятствий лишь к его отпуску, необходимому из-за «переутомления... вследствие продолжительной интенсивной созидательной работы»¹⁴³.

В июле Малиновский несколько раз обращался в СНК, прося освободить его от должностей наркома и комиссара Кремля и дать ему перед отставкой «отпуск с сохранением содержания для восстановления хотя бы отчасти сил перед новой работой». 3 августа Совнарком удовлетворил его просьбу. На рубеже июля и августа процесс слияния ведомств вошёл в решающую фазу, хотя раздражённые сотрудники наркоматов упрекали друг друга в затягивании дела. Наркомпрос требовал «спешности», а члены коллегии НКИР Виноградов, Кауфман и М. Романовский жаловались, что, явившись в ведомство просвещения 1 августа, потратили целый день, но так и не дождались начала работы по слиянию (вопрос отложили до очередного приезда Луначарского в Москву)¹⁴⁴.

21 августа Малиновский подписал циркуляр, адресованный «Всем совдепам, комитетам крестьянской бедноты», которым оповестил о слиянии НКИР с Наркомпросом и о том, что теперь по вопросу соответствующих имуществ надо обращаться в последний. Наконец, 26 августа он окончательно попросил Совнарком об отставке и подписал официальное заявление о том, что передаёт Луначарскому все дела, «равно как и самую должность наркома имущ[еств] Республики». Луначарский на той же бумаге в тот же день расписался о «принятии» дел, уполномочив для этого также Киммеля и Г.С. Ятманова. Последние стали именоваться «уполномоченными комиссарами по ликвидации бывшего Комиссариата имуществ Республики» (именно так служащие обращались к Киммелю)¹⁴⁵.

История НКИР закончилась в конце лета 1918 г., спустя почти 92 года после учреждения Николаем I Министерства императорского двора (22 августа 1826 г.). Впрочем, у этой истории есть эпилог. В сентябре–октябре приказы по «Комиссариату имуществ Республики» продолжал отдавать возглавлявший Петербургское отделение Киммель. Лишь 31 октября он издал циркуляр, опове-

¹⁴³ Там же, л. 16–17.

¹⁴⁴ Там же, л. 13, 21, 30–34, 39, 41.

¹⁴⁵ Там же, л. 49, 52, 54, 58, 59.

стивший служащих о преобразовании ведомства в Отдел имуществ Республики Наркомпроса. Об этом циркуляре Киммель объявил в последнем, 63-м приказе по наркомату. 1 ноября он подписал приказ № 1 по Отделу имуществ Республики, объявив о переводе сюда на службу всех работников НКИР¹⁴⁶.

Какой же след в истории Отечества оставило это учреждение и его деятели? Во-первых, хотя появилось оно в декабре 1917 г. при более-менее случайных обстоятельствах, за ним стояла длительная политическая традиция. Десятки возникших в разное время придворных «ведений» на протяжении почти целого столетия включались в состав Министерства императорского двора, структура и аппарат которого в целом сохранились и при Временном правительстве.

Во-вторых, существование НКИР сопровождалось постоянным вмешательством в его дела Луначарского, желавшего присоединения ведомства к руководимому им Наркомпросу и в итоге добившегося своего. Он не только сумел внедрить на ключевые посты своих ставленников, но и, ссылаясь на «неразрывную связь» наркоматов, уговорил обоих наркомов согласиться на совместное управление учреждениями культуры и искусства. Если Карелин, мало интересовавшийся делами, не особенно противостоял экспансии Луначарского, то Малиновский пытался сопротивляться, но потерпел поражение.

В-третьих, можно говорить о том, что с точки зрения интересов русской культуры победа в аппаратной борьбе широко образованного, старавшегося привлечь к работе «старую» интеллигенцию Луначарского оказалась предпочтительнее торжества Малиновского, делавшего ставку на социалистов. Но из этого не следует, что объединение наркоматов было единственно верным и исторически назревшим решением, как это представляли Луначарский и некоторые исследователи вслед за ним. Наоборот, большую часть своей истории (вплоть до современности) ведущие театры, музеи и другие национальные ценности провели не в ведомстве просвещения, а в составе самостоятельного, профильного учреждения. В исторической перспективе Наркомат имуществ выглядит своеобразным связующим звеном между Министерством императорского двора и министерствами культуры СССР и России. В этом смысле отстаивавшаяся Малиновским и его окружением идея создания на основе реформированного НКИР Комиссариата искусств представляется вполне жизнеспособной.

В-четвёртых, следует отметить двойственное влияние деятельности наркомата на отечественную культуру, обусловленное самой природой этого ведомства и историческими условиями его функционирования. Как часть большевистского государственного аппарата он сыграл свою роль в разрушении старого мира. Не говоря уже о политической ответственности наркомов как членов ленинского правительства за погружение страны в пучину небывалого по своим масштабам политического и экономического кризиса, можно отметить и такие меры, как участие в национализации частных коллекций (единоразово пополнившей музеи, но нанесшей в перспективе огромный урон коллекционированию вообще, в том числе и музейному собирательству) и раздача имперского музейного фонда отделявшимся национальным окраинам. С другой стороны, выдача «охранных грамот» малым музеям, усадьбам и частным владельцам сыграла положительную роль в спасении культурных ценностей. Не все, но всё-таки многие распоряжения НКИР в области музейного дела в 1917–1918 гг. заслуживают доброго слова от потомков.

¹⁴⁶ ЦГАЛИ СПб, ф. Р-29, оп. 1, д. 10, л. 485–488.

Немцы-спецпоселенцы в Удмуртской АССР в 1945–1955 гг.

Алексей Шепталин

German special settlers in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic in 1945–1955

Aleksei Sheptalin
(Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

DOI: 10.31857/S2949124X24030122, EDN: GCUUVD

Несмотря на массу изданной в постсоветский период научной и публицистической литературы, «немецкий» феномен в истории Российского государства нуждается в осмыслении. Объектом настоящего исследования стала группа российских немцев, размещённая на территории Удмуртской АССР в 1945–1955 гг. в статусе спецпоселенцев, основные параметры их правового и социокультурного бытования в условиях иноэтноязыкового окружения. Хронологические рамки определены началом и окончанием действия режима спецпоселения¹, ограничивавшего в СССР права некоторых категорий граждан по национальному и социальному признакам. На фоне обширной российской историографии по немцам-спецпоселенцам² применительно к Удмуртии данная проблема изучена недостаточно. Исследования по немцам Прикамья появились ещё в середине 1990-х гг.³, однако публикации, посвящённые теме спецпоселенцев, увидели свет лишь в начале 2000-х гг.⁴ Они базировались на материалах опросов и интервью, в них практически не использовались документальные и статистические данные. В основе же проведённого мною исследования лежат архивные документы, дополненные воспоминаниями более 50 участников и свидетелей описываемых событий

По переписи 1939 г. в автономии проживали лишь 229 человек немецкой национальности. Однако статистика на тот момент уже подверглась деформации вследствие того, что многие немцы под влиянием внешнеполитического фактора и этнокультурной ассимиляции в условиях дисперсного проживания записывались русскими. Даже на пике дружбы СССР и Германии, на рубеже 1940–1941 гг., немецкие фамилии могли служить причиной отказа при приёме на работу на оборонные предприятия, переводах на должности, не связанные с доступом к засекреченным документам, и т.п.

© 2024 г. А.А. Шепталин

¹ Постановление СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпоселенцев» // Сталинские депортации, 1928–1953 / Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М., 2005. С. 563–564; Указ Президиума Верховного совета СССР № 129/23 от 13 декабря 1955 г. «О снятии ограничений в правовом положении с немцев и членов их семей, находящихся на спецпоселении» // Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы: в 3 т. Т. 1. Март 1953 – февраль 1956. М., 2000. С. 289.

² См., например: *Белковец Л.П.* Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941–1945 гг.: историко-правовое исследование. Новосибирск, 2003.

³ *Шепталин А.А.* Немцы в Вятско-Камском регионе (историко-этнографические очерки). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1996.

⁴ *Кельм О.* Чтоб жить — не умирать. Глазов, 2002; *Кельм О.* Сквозь все невзгоды. Глазов, 2004.

В сентябре 1941 г. в Удмуртии появилась первая группа перемещённых советских немцев — мужчины призывного возраста с Восточной Украины, Крыма и Северного Кавказа, депортированные на основании закрытого постановления Политбюро ЦК ВКП(б)⁵. Вскоре начали прибывать партии немцев-военнослужащих, снятых «из частей, академий, военно-учебных заведений и учреждений Красной армии как на фронте, так и в тылу» на основании директивы Наркомата обороны СССР от 8 сентября 1941 г.⁶ Поскольку тех и других мобилизовали в строительные батальоны, в годы войны они чаще всего фигурировали в документах в качестве «трудмобилизованных немцев» (или просто «мобнемцев»). В Удмуртии большинство из них распределили в леспромхозы на заготовку и пиление леса. Позднее, в декабре 1942 г., из Алма-Аты в г. Сарапул доставили крупную группу — 507 человек — для работы на стратегически важном машиностроительном заводе в качестве токарей, слесарей и разнорабочих⁷.

С учётом того, что значительную часть контингента позже перевели в соседнюю Пермскую обл., за годы войны по данным НКВД—МВД СССР в Удмуртию «всего прибыло мобилизованных немцев 870 человек», из которых 9 умерли, 150 оказались комиссованы по состоянию здоровья, 84 дезертировали, 19 попали в места заключения⁸.

Мобнемцы прошли суровую проверку на благонадёжность. Тем не менее на основании постановлений СНК СССР № 34—14с и 35 от 8 января 1945 г.⁹ их прикрепили к спецкомендатурам, они не имели права без специального разрешения отлучаться за пределы установленного района. Многие месяцы учёт оставался довольно формальным. Ужесточение началось осенью 1945 г., когда в Удмуртии разместили крупные группы немцев-репатриантов. В их число попали бывшие граждане СССР немецкой национальности, которые в 1941—1942 гг. оказались в зоне оккупации и позднее в принудительном или добровольном порядке были вывезены в Германию. Репатриации подлежали бывшие советские немцы, оказавшиеся в 1944—1945 гг. в зоне оккупации Красной армии, а также, согласно договорённости союзников по антигитлеровской коалиции, попавшие в зону оккупации США и Великобритании. Лишь небольшая их часть осталась в западной зоне, основная же масса изъявила желание вернуться в СССР, найти потерянных родственников. В результате многочисленные группы репатриантов в 1945—1946 гг. разместили на огромных пространствах Казахстана, Средней Азии, Коми АССР, Приуралья, Урала и Сибири. Большинство составляли немцы с Украины.

Таким образом, основная масса спецпереселенцев попала в Удмуртию уже после окончания войны. С сентября по декабрь 1945 г. в республику из проверочно-фильтрационных пунктов городов Бреста, Равы-Русской, Кобрина

⁵ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 августа 1941 г. «О немцах, проживающих на территории Украинской ССР» // Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. М., 2006. С. 314.

⁶ URL: <https://geschichte.rusdeutsch.ru/21/44/182>

⁷ Информационный центр МВД по Удмуртской Республике (далее — ИЦ МВД по УР), ф. 60-Л, оп. 1, д. 20, л. 59.

⁸ Там же, л. 151 об.

⁹ Постановление СНК СССР № 34—14с от 8 января 1945 г. «Об утверждении положения о спецкомендатурах» // Сталинские депортации... С. 561—562; Постановление СНК СССР «О правовом положении спецпоселенцев».

и Инстербурга в пять этапов доставили 8624 репатрианта, из которых мужчины составляли 17%, женщины — 41%, дети и подростки — 42%¹⁰. При перевозке в переполненных вагонах и трюмах ослабевшие дети и старики нередко умирали от голода и болезней. На больших перегонах живым по несколько дней приходилось ехать рядом с окоченевшими трупами, пока на узловых станциях последние не активировала специальная комиссия. По прибытии немцев распределили между трестами «Ижлес», «Ижторф» и стройуправлением № 904 НКВД СССР в г. Глазов. 740 человек направили на отдельное Дзякинское торфопредприятие, относившееся к оборонному заводу № 544 в Глазове.

В отличие от мобнемцев, к которым местное население отнеслось сравнительно лояльно и даже с определённым сочувствием, репатрианты в полной мере почувствовали на себе негативное влияние своей этнической принадлежности. Они прибывали крупными группами, что резко выделяло их на общем фоне — по внешнему виду, одежде, акценту. А главное, в ходе войны слова «немец» и «враг» стали для многих советских граждан синонимами. Как следствие, первое время репатрианты часто слышали оскорбления, некоторые из местных кидали в них камни и палки.

До 1949 г. учёт в спецкомендатурах вёлся по трём основным категориям: «мобилизованные», «репатрианты» и «выселенцы». К последним относились выселенные на основании правительственных решений из Поволжья, Украины, Крыма, Северного Кавказа, Закавказья и западных приграничных областей. В Удмуртии эта категория пополнялась за счёт незначительного притока из ряда других регионов, главным образом вследствие перераспределения трудовых ресурсов. С 1949 г. и бывшие мобнемцы, и репатрианты, и беженцы из числа немцев фигурируют в документах в качестве выселенцев. Это означало, что они переселены в новые места «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства»¹¹.

С января 1945 г. на основании постановления СНК «О правовом положении спецпереселенцев» немцам приходилось ежемесячно отмечаться в спецкомендатуре и проходить там опрос, а также незамедлительно сообщать о каких-либо изменениях в семье (например, рождении ребёнка). В справке — основном документе спецпоселенца — указывался населённый пункт, в пределах которого ему требовалось постоянно пребывать. Отлучка в соседнюю деревню приравнивалась к побегу и предусматривала уголовное наказание, а не понаравившиеся коменданту или милиционеру слово или интонация могли обойтись в 50–100 руб. штрафа или 3–5 суток ареста.

Окончание своих бед и лишений, возможность воссоединения с родными и близкими мобнемцы связывали со скорым разгромом Германии. Даже спустя несколько месяцев после победы они продолжали верить в справедливость, что подкреплялось ослаблением контроля и практически полным снятием охраны, которая переключилась на прибывавших в Удмуртию спецпоселенцев из числа иных категорий (членов семей оуновцев и др.). Затянувшееся ожидание выдерживали не все — многие пытались без разрешения выехать к своим семьям, к детям. Так, из 507 сарапульских мобнемцев на декабрь 1945 г. числились

¹⁰ ИЦ МВД по УР, ф. 60-Л, оп. 1, д. 20, л. 150.

¹¹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) № 171 от 24 ноября 1948 г. «О выселенцах» // Советская национальная политика: идеология и практики. 1945–1953. М., 2013. С. 666–668.

«бежавшими» 84 (36 мужчин и 48 женщин). Практически всех их разыскивали и привлекли к уголовной ответственности за дезертирство.

Трудоспособных репатриантов уже в день прибытия направляли на местные предприятия, остальных размещали во временном жилье (как правило, землянки или наспех сколоченные дощатые жилища — «юрты»). Изначально планировалось, что со временем их переселят в тёплые бараки по мере их строительства, однако некоторым семьям пришлось обитать в землянках многие годы. На Дзякинском торфопредприятии даже землянки были пределом мечтаний. Так, в феврале 1946 г. нарком внутренних дел Удмуртской АССР Ф. Баранов с определённой долей возмущения сообщал руководству республики: «В течение двух месяцев работы спецпереселенцев в предприятии жилые помещения для них не оборудованы. В бараках и домах, где помещены немцы, большая скученность, люди спят на полу, печи не отремонтированы, помещения не отеплены и достаточно не отапливаются, в силу чего имеют место массовые простудные заболевания и смертность. За декабрь 1945 г. умерло от воспаления лёгких и кори 12 чел[овек], из коих детей — 10 чел[овек]. Медицинский пункт до сих пор не организован, и медпомощь больным фактически не оказывается. Число освобождённых от работ по болезни растёт с каждым днём, в январе 37% работающих не выходило на работу по болезни. Дезокамера и баня из-за отсутствия дров работают нерегулярно, в результате чего завышенность спецпереселенцев составляет 46%. Работающие спецпереселенцы несвоевременно обеспечиваются продкарточками. На 27 января сего года 68 чел[овек] совершенно не получили продкарточек и по 15 января не были обеспечены хлебными карточками»¹².

Селили прибывших компактно, формируя на окраинах населённых пунктов «немецкие посёлки», например, «5-й участок» в Глазове, прозванный горожанами «Берлином». Крупные поселения сформировались в Сарапуле и посёлке Ува, а в таких рабочих посёлках, как Тюлькино-Пушкари, Нюрдор-Котья, Вишур, Кильмезь и др., немцы на какое-то время даже составили большую часть жителей. Впрочем, репатриантов размещали и группами по несколько семей — в небольших поселениях, на лесоучастках, на железнодорожных станциях и разъездах.

С весны 1946 г. ускорилась демобилизация некоторых категорий мобнемцев, начавшаяся ещё в 1945 г. и обусловленная полом, возрастом и состоянием здоровья. В связи с ликвидацией в Удмуртии рабочих колонн бывшие мобнемцы переводились в категорию спецпоселенцев-выселенцев, часть которых (главным образом возрастные и комиссованные) получила возможность выехать к родственникам, депортированным в районы Казахстана, Сибири и Средней Азии, либо, наоборот, пригласить оттуда свои семьи. Это было непросто, поскольку паспорта имелись лишь у мобнемцев, но и в них стояла отметка о праве проживания в пределах определённого региона. Процесс воссоединения семей начался, однако растянулся на десятилетия из-за бюрократических препон (обращения, разрешения и согласования). К тому же трудоспособных мобнемцев власти жёсткими методами удерживали на местах, чтобы не допустить оттока рабочей силы с предприятий и не снизить производственных показателей.

¹² Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики, ф. 16, оп. 1, д. 4412, л. 1–1 об.

В 1946 г. из почти 10 тыс. немцев-спецпоселенцев Удмуртии более половины трудились в леспромпхозах и на торфопредприятиях. Женщин было вдвое больше, чем мужчин, поэтому им пришлось осваивать профессии, связанные с тяжёлым физическим трудом. Несколько десятков человек, обладавших востребованными профессиями, разместили в Ижевске, где они стали работать в строительно-монтажном тресте и в механических мастерских. Верхом доверия для них в этот период оказывалось назначение на должность бригадира, товароведа, плановика, диспетчера, заведующего подсобным хозяйством.

Больнее всего по переселенцам ударил затяжной голод 1946–1948 гг. — у них быстро закончилось всё, что можно было бы продать или обменять на продукты. Особенно тяжёлым выдался 1947 г. С ранней весны истощённые люди начали перекапывать картофельные поля в поисках мёрзлых картофелин. В мае–июне спасали щи из крапивы и лепёшки с лебедой. Затем наступил черед цветов липы и клевера, различных трав вроде щавеля, а также кореньев, грибов и ягод. От нового удара голода спас осенний урожай картофеля, полученный благодаря тому, что весной всех желающих наделили небольшими земельными участками (1–2 сотки). Заводили коз, другую домашнюю скотину и птицу. Хлеба по карточкам отпускалось мало, да и тот зачастую оказывался низкого качества из-за добавления отрубей и примесей. Иной раз не получалось отоварить и карточки: зарплаты не всегда хватало даже на необходимое, особенно на торфопредприятиях из-за нестабильности заработков. По этой причине практически все дети в торфяных посёлках, особенно в неполных семьях, начинали трудиться уже в 7–8 лет, стараясь заработать хоть что-то, чтобы помочь матерям.

Несколько легче приходилось полным семьям и тем, в которых подросли сыновья, имевшие больше возможностей для подработки. В больших семьях выручали сплочённость и взаимовыручка. Напротив, одинокие пожилые люди оказывались обречены. В одном только Увинском районе из числа немцев насчитывалось «18 человек одиночек-престарелых, которые не могут быть трудоустроены и поэтому все они занимаются нищенством и влачат исключительно жалкое существование»¹³.

Недовольство нарастало, у немцев оно дополнялось возмущением по поводу дискриминационной политики государства. Война закончилась, и люди хотели воссоединения с семьями, возврата к родному очагу, довоенной жизни, прекращения преследований по этническому признаку. У немецких детей часто возникали проблемы в школе: многие из них не говорили по-русски, а их полуголодные матери, с трудом сводившие концы с концами, не всегда могли обеспечить их даже простейшими школьными принадлежностями. Одни писали письма во все возможные инстанции, другие тихо роптали, третьи молчали, но в знак протеста отстранились от большинства проявлений общественно-политической жизни, запрещали детям вступать в пионерию и комсомол, ходить на демонстрации.

Государство ответило на протестные настроения новыми репрессиями. По стране прокатилась очередная волна надуманных уголовных дел за «антисоветскую» деятельность, например, критику массовых депортаций или режима спецпоселения. У мобнемцев изымались паспорта, массово следовали отказы во временном выезде в другие населённые пункты — в командировки, на кратко-

¹³ ИЦ МВД по УР, ф. 60-Л, оп. 1, д. 27, л. 8.

срочные учебные курсы, за продуктами и даже в больницу. Соответственно, увеличилось количество привлечённых к административной ответственности. Нарушителя могли даже избить — «для профилактики». Спецкоменданты активизировали поиск «вражеских агентов», разными методами принуждая людей становиться осведомителями и доносить друг на друга. В большей степени это касалось репатриантов, среди которых беспрестанно шёл поиск лиц, сотрудничавших в период оккупации с нацистским режимом. Из-за этого существенно замедлился процесс воссоединения немецких семей. В Удмуртии разрешение на него по году и более ожидали около 1 тыс. семей и одиночек.

В 1948 г. из-за многочисленных попыток побегов спецпоселенцев последовало ужесточение ответственности: теперь нарушителям режима вместо трёх лет лишения свободы грозило 20 лет каторжных работ. Для предупреждения побегов МГБ СССР создало разветвлённую агентурно-осведомительную сеть, а для перехвата и поимки беглецов — сеть постов оперативно-розыскных застав. Лица, оказавшие беглецам содействие, подлежали лишению свободы на срок до 5 лет. Также в указе президиума Верховного совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного проживания лиц, высланных в отдалённые районы Советского Союза в период Отечественной войны», говорилось, что немцы и другие депортированные в годы войны народы переселены «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства»¹⁴. Из-за секретности указа многие немцы узнавали о нём, лишь будучи привлечёнными к уголовной ответственности. Фактически они превратились в изгоев — не могли служить в армии, вступать в КПСС и поступать в вузы (за крайне редким исключением).

Указ обнажил жилищную проблему, которая годами не решалась ни властями, ни работодателями ввиду ожидания возможного отъезда спецпоселенцев. Временное жильё отныне рассматривалось как постоянное, и стало ясно, что дальше жить в таких условиях нельзя. Судя по милицейскому отчёту от марта 1949 г., в Глазове большинство немцев проживали в «ненормальных жилищно-бытовых условиях... скученно, по 2—5 семей в одной небольшой комнате, по 7—8 семей в одной юрте, перегородженной на маленькие комнаты временными перегородками»¹⁵. Часто из-за дефицита пространства детские кровати поутру переставляли на родительские койки и лишь на ночь устанавливали в проходах.

Ведомственная проверка МВД УАССР, проведённая в декабре 1948 г. в Сарапуле, показала, что руководители городских предприятий, несмотря на неоднократные предупреждения, «необходимых мер к созданию нормальных жилищно-бытовых условий высленцам не приняли. Жилые помещения остались не отремонтированными и к зиме не подготовлены. Так, например, барак № 5 по ул. Труда дом № 81, принадлежащий кожзаводу, к жилью непригоден, ремонта произведено не было, высленцы живут скученно в одной комнате по несколько семей, крыша протекает, полы прогнили. Вторые рамы отсутствуют. Санитарное состояние неудовлетворительное. В доме по ул. Труда № 72 в трёх комнатах проживают 19 семей с общей численностью 65 человек, работающих в Камлесосплаве, лесокомбинате и кожзаводе. Помещение тёмное, сырое, холодное»¹⁶. В Глазове проверка выявила девять «непригодных для жилья в зим-

¹⁴ ГА РФ, ф. Р-7523, оп. 36, д. 450, л. 87.

¹⁵ ИЦ МВД по УР, ф. 60-Л, оп. 1, д. 44, л. 311.

¹⁶ Там же, д. 20, л. 65.

них условиях» деревянных юрт, в которых проживали 212 человек. В посёлке 17-го лесоучастка Увинского леспромхоза «группа выселенцев в количестве 7 семей живут в общем бараке, который не разделён на отдельные комнаты. Многие из помещений, предоставленные для жилья, не оборудованы, зимой холодные и исключительно поражены клопами»¹⁷.

В сельской местности дела обстояли лучше: леспромхозы и торфопредприятия оказывали работникам определённую помощь. В частности, трест «Ижлес» предоставлял наиболее нуждающимся ссуды на индивидуальное строительство с рассрочкой на 10 лет, вследствие чего уже в 1948 г. немало семей спецпоселенцев переехали в небольшие собственные дома. Также предоставлялись ссуды на приобретение крупного рогатого скота, без которого в посёлках было трудно выживать из-за перебоев с поставками продуктов питания. Особенно сложная ситуация в 1947–1949 гг. сложилась в отделе рабочего снабжения Сюмсинского леспромхоза, в магазинах которого, как свидетельствуют документы, «продуктов питания почти совершенно не бывает. Хлеб в магазинах ОРСов продаётся в ограниченном количестве, рабочим, работающим на производстве, продаётся до 1 кг, членам семьи — от 200 до 300 гр.»¹⁸. В Увинском районе «на 17 участке в магазине ОРСа нет в продаже круп, дешёвых жиров, рыбы, мяса, овощей. Кроме того, на протяжении мая месяца при потребности 650 гр. хлеба ОРС отпускает только 500 гр., вследствие чего создаётся у магазина очередь, которая не рассредоточивается сутками»¹⁹.

При строительстве нового засекреченного завода в Глазове решили отказаться от использования труда репатриантов, завезённых туда первоначально. Причинами этого послужили опасение засланных из Германии шпионов и невысокий уровень квалификации спецконтингента. В результате в декабре 1948 г. около 1,9 тыс. немцев, в основном женщин, стариков, детей и подростков, переселили в центральные районы Удмуртии. На строительство же завода в связи с ликвидацией трудармии ещё в марте–апреле 1948 г. привезли около 2 тыс. проверенных годами ударной работы мобнемцев из Челябинской обл., которых расселили в бараках и землянках у самой городской черты. Таким образом, к началу 1949 г. общая численность немцев в Удмуртской АССР, несмотря на отток, связанный с демобилизацией, комиссованием и отъездом для воссоединения семей, сохранилась на уровне около 10 тыс. человек²⁰.

С началом холодной войны перемещения спецпоселенцев затронули многие города СССР, в которых располагались предприятия оборонной промышленности. В связи с организацией в Ижевске секретного оружейного производства город подлежал «закрытию» для любых неблагонадёжных элементов, среди которых иностранная разведка могла бы наладить шпионскую сеть. Как следствие, в 1948 г. ижевских немцев стали вызывать в спецкомендатуру и настоятельно предлагать переехать в другие населённые пункты республики. Выбор был невелик — обязательным условием являлось наличие в посёлке или непосредственной близости от него спецкомендатуры. Многих в приказном порядке переводили в рабочие посёлки при леспромхозах и торфопредприятиях, где имелаась потребность в рабочей силе, а проблема жилья не стояла так остро.

¹⁷ Там же, д. 27, л. 7.

¹⁸ Там же, д. 14, л. 34.

¹⁹ Там же, д. 27, л. 8.

²⁰ Там же, д. 20, л. 143.

Бывшим трудармейцам выдавали справки, в которых обозначался их новый статус — «спецпоселенец-выселенец». О возмущении людей очередным проявлением дискриминации можно судить по сохранившемуся письму преподавателя Удмуртского пединститута В.Е. Майера, которое он написал в Совет министров СССР, но не решился отправить: «28.4.1949 г. отдел спецпоселения Удмуртской АССР взял меня на учёт “спецпоселенца-выселенца”, потому что я немец. Для меня это удар, от которого ни я, ни моя жена Сысоева Борислава Петровна, не можем оправиться. Конечно, у меня нет никаких заслуг перед Советским правительством. Если я, тем не менее, Вам пишу, то я делаю это потому, что я надеюсь, что с Вашей помощью этот вопрос может быть положительно разрешён. Прошу учесть, что я учился в передовом нашем вузе, где имеются сильные партийная и комсомольская организации, что я и теперь продолжаю заочную учёбу в аспирантуре МГУ, что никогда не порывал с комсомолом, что с самого детства я готовлюсь быть верным членом ВКПб»²¹. Автор искренне не мог понять, почему он, исследователь, допущенный к работе с рукописями классиков в Институте Маркса—Энгельса—Ленина при ЦК ВКП(б), не вправе жить и работать в Ижевске. Ему всё же пришлось уволиться из вуза и выехать. Не получив разрешения от спецкомендатуры, он на свой страх и риск отправился в Москву для продолжения учёбы в аспирантуре МГУ. Грозивший уголовным преследованием конфликт разрешился относительно благополучно лишь благодаря заступничеству за подающего большие надежды аспиранта крупных учёных-медиевистов.

Особенное возмущение вызывала процедура ежемесячной отметки в спецкомендатуре, нередко сопровождавшаяся шантажом и угрозами. Наиболее частыми оказывались случаи дискриминации в трудовой сфере — например, при премировании по итогам соцсоревнования. Как правило, предвзятое отношение не афишировалось, но, например, на Областновском лесопункте секретарь парторганизации публично запретил говорить о достижениях спецпоселенцев, писать о них в газете и заносить их имена на Доску почёта. Даже добиваясь высоких показателей, немцы в силу идеологических причин не имели шансов войти в число передовиков производства и стахановцев.

Вместе с тем в документах нередко можно найти и сочувствие к немцам со стороны отдельных представителей власти, стремление помочь в тяжёлой ситуации. Так, отдельные неравнодушные спецкоменданты и сотрудники отдела спецпоселений МВД УАССР постоянно сигнализировали о нерадивом отношении руководителей тех или иных предприятий к их проблемам. Они постепенно добивались улучшения жилищно-бытовых условий, ликвидации задолженности по заработной плате, выделения земли под индивидуальные огороды, устройства одиноких стариков в инвалидные дома, содействовали организации красных уголков с газетами, журналами и музыкальными инструментами. Они реагировали на жалобы и, отстаивая права спецпоселенцев, даже порой вступали в конфликт с руководителями, предлагая МВД «срочно передать выселенцев для использования на работе в другие предприятия»²².

Немцы, особенно выходцы из Поволжья, сравнительно быстро и легко находили общий язык с местным населением, даже несмотря на акцент. Многоэтническое население Удмуртии само говорило на русском языке с акцентами

²¹ Профессор Василий Евгеньевич Майер в воспоминаниях и письмах. Ижевск, 2012. С. 27.

²² ИЦ МВД по УР, ф. 60-Л, оп. 1, д. 27, л. 8.

и оказалось гораздо терпимее, чем более гомогенное население Урала или Сибири. Кроме того, немцы внушали уважение доброжелательностью, порядочностью, дисциплинированностью, трудолюбием и другими качествами. Они привнесли на местную почву элементы другой культуры, иного отношения к жизни и труду. Благодаря им хмурые рабочие посёлки обретали опрятно-ухаженный вид за счёт клумб с цветами, аккуратных дощатых тротуаров и штакетников, подстриженных кустарников, качелей, уличных елей, украшенных на Новый год, и т.п.

Конечно, случались и конфликты, драки «стенка на стенку». В посёлке Нюрдор-Котья произошёл курьёзный случай: группа побитых немецких парней обратилась к спецкоменданту с вопросом, можно ли им отвечать на удары обидчиков и не будет ли за это уголовного преследования? Получив положительный ответ, немцы пару раз «дали сдачи», после чего межэтнические драки резко пошли на убыль. Однако в целом вживание немцев в местное сообщество проходило достаточно спокойно.

Одно из свидетельств этому — многочисленные межэтнические браки, в том числе и немецко-удмуртские. Их обилие обуславливалось несколькими обстоятельствами. Во-первых, выбор партнёров ограничивался территорией спецпоселения. Во-вторых, существенно различалось число немецких мужчин и женщин брачного возраста. Этот дисбаланс искусственно вырос в декабре 1948 г., когда в Глазове, где на тот момент проживали 4 тыс. немцев, оставили многочисленную группу мужчин — бывших мобнемцев, а женщин из числа репатриантов переселили в центральную часть республики. В результате численность немцев старше 16 лет составила в городе 1366 человек, а немок — 548²³. Обратная ситуация сложилась в центральной Удмуртии, где немок после 1948 г. стало заметно больше. Вследствие этих обстоятельств удельный вес межнациональных браков всего за пару лет увеличился в несколько раз.

Часть немок в тот период стремилась выйти замуж за представителя другого этноса и сменить фамилию, чтобы избавиться от связанной с их происхождением стигмы. Известно и немало случаев, когда немцы, вступая в такого рода брак, брали фамилии жён. Многие до появления детей жили в гражданском браке, без регистрации. Доходило до того, что представители партийно-комсомольских органов, спецкоменданты и даже сотрудницы отделов ЗАГС оказывали давление на русских и удмуртских девушек, пытаясь отговорить их от браков со спецпоселенцами, а иногда и отказывая под тем или иным предлогом в регистрации. Наиболее сильно это проявилось опять же в Глазове. До 1956 г. практически в половине случаев брачующиеся сохраняли прежние фамилии. Дети от смешанных браков чаще всего записывались на фамилию и национальность не немецкого родителя, в первую очередь по инициативе самих немцев. Нередко случалось, что братья и сёстры, родившиеся с разницей в несколько лет, жили в одной семье под разными фамилиями.

В наибольшей степени стремление к созданию моноэтнических семей отмечалось среди репатриантов из числа лютеран и баптистов. Они также отличались довольно высокой степенью религиозности. Местное руководство по-разному относилось к религиозным собраниям, но до 1955 г. по большей части старалось их не замечать. В результате крупные лютеранские общины действовали в Сарапуле и Глазове, а также в Уве. Верующие собирались для молитв,

²³ Там же, д. 44, л. 311.

выбирая барак или землянку попросторнее. Народу порой набивалось столько, что не вмещались все желающие. Вместе отмечали религиозные праздники, устраивали песнопения. На рубеже 1940–1950-х гг. некоторые семьи построили сравнительно просторные дома, что позволило собираться на богослужения гораздо большему числу прихожан. В отсутствие мебели рассаживались на импровизированные скамьи из напиленных чурок и досок. Среди молодёжи проводились обряды конфирмации. По лютеранскому обряду отпевали и хоронили. У католиков также сохранялась практика домашних молений, но многие посещали православные храмы и нередко переходили в православие.

С религией был связан и календарный цикл праздников, среди которых и у католиков, и у лютеран на первом месте стояло Рождество Христово. Как бы бедно ни жила немецкая семья, в этот день непременно ставилась ёлка. Украшения делали из простой бумаги, раскрашенной цветными карандашами, большой удачей у детей считалось раздобыть обёртки от настоящих конфет, которые можно было набить ватой. Рождество среди спецпоселенцев отмечали даже атеисты. Из других праздников у старшего поколения наибольшей популярностью пользовались Пасха и Пятидесятница-Троица.

Режим спецпоселения в условиях оттепели. Немцы являлись крупнейшим из депортированных в годы войны народом, и острота «немецкой» проблемы осознавалась многими руководителями страны. Закономерно, что уже через год после смерти И.В. Сталина вышло совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, предусматривавшее сокращение численности и категорий спецпоселенцев, а также послабление режима пребывания в ссылке²⁴. В июле 1954 г. отменили «драконовский» указ от 26 ноября 1948 г., а в сентябре установили порядок пересмотра дел осуждённых за побег из мест заключения или обязательного и постоянного поселения²⁵. С весны 1955 г. начались выдача паспортов советским немцам и призыв мужского населения в армию.

Визит канцлера ФРГ К. Аденауэра в Москву в сентябре того же года привёл к установлению дипломатических отношений между двумя странами и началу их долгосрочного сотрудничества. Потепление в советско-германских отношениях быстро отразилось на дальнейшей судьбе советских немцев. 13 декабря указом Президиума Верховного совета СССР их сняли со спецпоселения и освободили из-под административного надзора. Вторая часть указа, впрочем, оговаривала, «что снятие с немцев ограничений по спецпоселению не влечёт за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении, и что они не имеют права возвращаться в места, откуда они были выселены»²⁶. Получалось, что советская власть признала политические ошибки и перегибы в отношении других народов, но не в отношении немцев, что выглядело как косвенное подтверждение их виновности. По словам респондентов, в местных партийных организациях до 1960-х гг. сохранялся негласный запрет не только на приём немцев в члены КПСС, но даже на браки с ними. В Глазове руководители предупреждали молодых коммунистов, что в таком случае им придётся «положить партбилет на стол».

²⁴ Постановление Совета министров СССР от 5 июля 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» // Реабилитация: как это было... Т. 1. С. 158–159.

²⁵ Лиджиева И.В. Правовой статус спецпереселенцев в СССР в 40–50-е гг. XX в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 37.

²⁶ Указ Президиума Верховного совета СССР № 129/23 от 13 декабря 1955 г. ...

В январе—феврале 1956 г. «удмуртские» немцы в последний раз явились в спецкомендатуры, где их под расписку проинформировали, что они не имеют права на возвращение в места довоенного проживания. С началом выдачи паспортов многие, особенно выходцы из Поволжья, семьями и в одиночку стали перебираться к родственникам в места компактного размещения немецкой диаспоры — Казахстан и Сибирь. Всплеск миграционной активности в этот период напоминал броуновское движение, поскольку бывшие спецпоселенцы также приезжали в Удмуртию к своим семьям, близким и дальним родственникам. Перемещались они и внутри республики, главным образом из сельской местности в города. Однако в целом к моменту проведения первой послевоенной переписи населения (1959) численность немцев в республике сократилась почти вдвое — с 10 тыс. до 4,8 тыс. человек²⁷.

Помимо воссоединения семей немцы уезжали и по иным причинам. Некоторые — потому что воспринимали Удмуртию как место политической ссылки и даже каторги. Чем тяжелее были воспоминания, тем сильнее оказывалось стремление уехать. Немецкая молодёжь активно ехала на различные комсомольско-молодёжные стройки, на освоение целины. Некоторые при получении паспорта меняли фамилию, национальность и место жительства, чтобы раствориться в «братской семье народов».

Феномен истории немцев-спецпоселенцев в первое послевоенное десятилетие заключался в том, что, несмотря на единый правовой режим и при всей схожести развития событий, имелось немало особенностей, характерных как для Казахстана, Средней Азии, Сибири, Урала в целом, так и для конкретных местностей упомянутых регионов. Они могли варьироваться от состава спецпоселенцев и специфики предприятий, на которых их задействовали, до этнического состава местного населения и морально-личностных качеств представителей администрации и комендантов. Немцы, жившие в рассматриваемый период в Удмуртской АССР, менее негативно воспринимали условия спецпоселения и взаимоотношения с административными органами и местным населением, нежели бывшие спецпоселенцы из Пермской, Свердловской и Челябинской областей, Казахстана и Сибири. Тем не менее и они являют собой пример как приниженного правового статуса, так и противостояния жестокому государственному эксперименту. Они продемонстрировали не только жизнестойкость, но и яркие образцы налаживания хозяйства и адаптации к сложным социально-политическим и экономическим условиям.

²⁷ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. Ижевск, 1961. С. 71.

Александр Котов

Живая память южнорусского славянофильства*

Aleksandr Kotov

(Saint Petersburg State University, Russia)

The living memory of South Russian Slavophilism

DOI: 10.31857/S2949124X24030133, EDN: GCRNIC

Ольга Леонидовна Фетисенко — известный исследователь русской консервативной мысли второй половины XIX в., издатель полного собрания сочинений К.Н. Леонтьева и ряда связанных с ним эпистолярных комплексов¹. Ранее ей удалось осуществить научную реконструкцию системы взглядов мыслителя, которая, как оказалось, в реальности была весьма далека и от «ницшеанских» интерпретаций Серебряного века, и от современных попыток выдать «византизм» за некий «православный сталинизм»².

Новая монография Фетисенко посвящена забытой русской писательнице Н.С. Соханской (Кохановской). На первый взгляд, эта книга предназначена прежде всего филологам и литературоведам. Однако она безусловно будет полезна историкам, изучающим общественную жизнь России середины XIX в. Ведь основное внимание в ней уделено литературным связям Кохановской и её публицистике (с. 7).

В творчестве писательницы Фетисенко выделяет «два основных направления»: своеобразную «археологию»

(«увековечение старины с её преданиями, святынями, песенной традицией и речевой архаикой») и «отклик на текущие события в их “маленьких частностях”». При этом «в отличие от представителей натуральной школы, сетуя на отсутствие в России *подлинной* “литературы фактов”», Соханская «ставила перед собой при собирании “живых заметок” ту же самую задачу, что и в художественной “археологии”, — изучение “родного нашего осязательно-присущего духа”», и, по сути, выступала «как историк национального самосознания» (с. 174). Таким образом, на страницах книги Кохановская представлена не только как беллетрист, но скорее как общественный деятель славянофильского круга.

Как и для «отцов» славянофильства, для Кохановской характерна укоренённость в национальной «почве», тесная связь с малой родиной — для неё это были Слободская Украина и Новороссия, «маленький степной хутор Макаровка в Изюмском уезде Харьковской губернии» (с. 13). Отсюда и подзаголовок книги, взятый из названия программной для писа-

* Фетисенко О.Л. Кохановская: «Степной цветок» русской словесности: тексты и контексты Н.С. Соханской. СПб.: Пушкинский дом, 2021. 424 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10045 «Национальные движения в оптике имперской легитимности: революции, восстания, бунты, мятежи в славянских землях в риторике российской власти долгого XIX века».

The research was supported by Russia Scientific Foundation, project № 23-78-10045 «National movements in the optics of imperial legitimacy: revolutions, uprisings, riots, rebellions in the Slavic lands in the rhetoric of Russian power in the long 19th century».

тельницы статьи «Степной цветок на могилу Пушкина» (с. 92). Указывая на «смешанное украинско-польско-русское происхождение» Надежды Степановны (с. 6), Фетисенко отмечает: «Жизнь на самой границе двух культур, опознаваемых, впрочем, как часть единой культуры, поразившее современников языковое новаторство или, на другой взгляд, речевая архаика (на самом деле — владение теми пластами языка, которые были забыты или же мало проникали в художественную литературу), глубокое знание южнорусского и малороссийского фольклора, теснейшая, поистине соседская связь с украинскими хуторами, — всё это говорит о том, что Кохановская (Н.С. Соханская) — именно тот писатель, к которому стоит присмотреться сейчас, желая отыскать исторический прецедент *со-бытия* двух народов» (с. 5–6).

Характерно, что в своём творчестве она изначально ориентировалась «именно и только на русскую культуру и русский язык», воспринимая «украинское слово» как «южнорусское наречие» (с. 15). «Вы не малороссиянка; Вы — дочь Украины, в том смысле, как понимала Украину наша старина, — писал ей К.С. Аксаков, — Украины, где оба элемента встречаются, взаимно помогают друг другу, но и взаимно ослабляют друг друга» (с. 16). В сущности, она являлась ярким представителем «большого» или, как скажут позднее, «триединого» русского народа. По мнению Фетисенко, «обращение к личности и слову Кохановской важно даже в исторической прагматике и стратегии наших дней: ведь она гармонично соединяет в себе две культуры, которые, надеемся, до конца никогда не смогут быть расторгнуты, как бы над этим ни трудились. Само место её жительства — скажем словами из старинной оперы “Асכולдова могила” — “близко города

Славянска” знаменательно. Её особая любовь к Крыму, паломничество туда и мечта поселиться там, её почитание могил героев Севастопольской обороны тоже как будто обращены прямо к нашим дням» (с. 39).

Как и другие работы Фетисенко, данная монография основана на широком круге архивных источников. Однако собственный архив Соханской утрачен. Сохранились лишь некоторые её письма, небольшая их часть опубликована, а остальные рассеяны по личным фондам её корреспондентов. Среди них особенно важна переписка с Аксаковыми — «ценный, а в некоторых случаях просто уникальный источник для истории славянофильства, аксаковских периодических изданий, русского литературного быта, наконец, истории провинциальной культуры» (с. 12).

Оспаривая утверждение А.А. Григорьева о «подчинении этого блестящего таланта славянофильским теориям» (с. 87), Фетисенко показывает, что взгляды Надежды Степановны сложились ещё до её знакомства со славянофилами. Кстати, свойственную им «кружковщину» она так и не приняла. Поэтому, несмотря на первоначальную «радость встречи с мощным голосом, который, казалось, создан для того, чтобы влиться в славянофильский “лик” (хор)» (с. 85), в аксаковских письмах вскоре зазвучало беспокойство о «монархических мотивах», обнаруженных в статье Кохановской о Пушкине (с. 92), начались попытки «проверить» писательницу, «живущую в песенной культуре», на «истинную народность» (с. 93). В 1860 г. К.С. Аксаков ригористически твердил, что «более всего боится нечистого союза» (с. 100). Отвечая ему, Соханская недоумевала: «Но неужели славянофилы не любят — они, которые проповедывают любовь и братство с самыми отдалёнными славянскими племена-

ми, исполнены такого жаркого внимания и сочувствия к своему народу? А к своим ближайшим братьям, к своим соперникам на поприще проповеди исполнены они сочувствия? Да, конечно. “Мы никому не мешаем сочувствовать нам на половину, на четверть и ещё менее; но уж и стой на своём месте, на законном отдалении, не подходя ближе того, как ты стоишь на самом деле. Ни в свой тесный круг, ни в свои действия ни тени сделки мы не допускаем”. И не допускайте этой *тени*, но удалите аскетизм партии. Вместо того, чтобы радостно, по-русски приветствовать, распахнувшись душою, первые ростки того семени дорогого, которое с таким трудом и опасною решимости Вы сами 20 лет назад положили в землю, — Вы что же говорите, мой старый многоуважаемый знакомый! Вы говорите: “опасная минута” — что Вы более всего боитесь “нечистого союза” и во избежание чего думаете ещё более сомкнуться, сжаться, схорониться в один тесный славянофильский кружок. Как это грустно! И для чего же?” (с. 101).

Впрочем, эти споры не помешали Кохановской занять видное место на страницах аксаковского «Дня». Читая одну из её повестей, бывший редактор «Журнала землевладельцев» А.Д. Желтухин не случайно констатировал, что «она, как главная тема в создании музыкальном, поддерживает строй и единство в направлении издания, по необходимости толкующем о предметах разнообразных, и воплощает в образы ту величавую простую и любовную идею православно-русскую, которой проводником служит “День”» (с. 109).

Публиковалась она и в «Москве». В этих органах славянофильской печати появлялись её интереснейшие «Письма с хутора» с описанием малороссийского быта, повести (например, «Рой-Феодосий Саввич на спокое»),

заметка об известном местном монастыре (с. 112—113), в которой воспевалась «Святогорская скала и эта меловая церковь на скале в красоте и зелени соснового леса» (с. 178). В очерках «Поездка на Волынь» в 1867 г. говорилось о посещении Киево-Печерской лавры и Острога, изображённого как «Сион православия не только для Волыни, но и для всего, что было тогда Литовскою Русью и Киевскою свято-русскою землёй» (с. 235). Глядя там на княжескую усыпальницу, писательница восклицала: «Но может ли этот мученический гроб не убраться цветами новой весны, когда единственная уния, которую теперь исповедует глагол нашего времени, есть теснейшее воссоединение всего русского народа, есть живая связь общественного понимания всех его отдельных страданий и существований в одной святыне нашей исторически-всенародной жизни, сначала шедшей с юга на север и теперь возвращающейся с севера на юг, до русского моря и всего православного востока» (с. 237).

Активно участвовала Соханская и в общественном движении 1870-х гг. В 1876—1878 гг., «когда залилась мученическою кровью славянская земля, когда всякое русское сердце дрогнуло и заболело родною святою болью» (с. 240), она помогала добровольцам, отправлявшимся в Сербию, и раненым в боях на Балканах. В «Русском мире» выходили её статьи и очерки, посвящённые поездке в 1876 г. в Севастополь, ещё не восстановленный после разрушений 1854—1855 гг. Эти тексты, а также связанные с ними письма Фетисенко впервые вводит в научный оборот. Как и многим, писательнице казалось, что «только в водах Золотого Рога могут быть достойно омыты утрудившиеся ноги русского воителя за братнюю кровь» (с. 255). Когда же этим мечтам не довелось осуществиться, наступило

разочарование. «В прошлом году, — признавалась она, — война поглотила всё внимание моей русской души, я и одной строчки не могла написать. Теперь, отгоревавши наш несчастный мир, выливши в нескольких письмах всю бурю душевного негодования на парадного лакея Биконсфильда, нашего Шувалова, так знатно себя показавшего на запятках кареты Берлинского конгресса, я с глубокой скорбью и со слезами предала Славянское дело воле Божией и теперь не гляжу и не читаю газет, никаких политических известий» (с. 256).

В письмах к Н.А. Чуеву, опубликованных в приложении к книге, Надежда Степановна, вполне в духе Н.Я. Данилевского, обличала «фарисейскую Европу» как «окаянную ненавистницу славян» (с. 384) и предсказывала грядущее столкновение, при котором, «когда бы ни наступило это грозное кровавое гнетение винограда и исторических отношений Европы к Славянству, мы должны знать и быть готовы к тому: что на одном крыле у нас, во врагах наших, будет стоять славянская окатоличенная Польша; а на другом, увы!, сама мать православия — англизированное Королевство Греции, и, таким образом, недостатка в самых заклятых врагах, какими обыкновенно бывают кровные и духовные, не идущие ни на какую мировую, — этого недостатка у России с славянами не будет. Чаша горечи полна будет до краёв» (с. 386).

Раскрывая литературные связи Соханской, Фетисенко освещает не только общение писательницы с такими её единомышленниками, как П.А. Плетнёв, К.С. и И.С. Аксаковы или М.Ф. Де-Пуле, но и едкие упоминания о ней в романах и переписке И.С. Тургенева (с. 145). Нельзя было не сказать и о неприязни Надежды Степановны к Ф.М. Достоевскому, проявлявшейся с 1860-х гг. «Понимаю всё Ваше негодование, — поддержи-

вал её тогда И.С. Аксаков, — и слышу всю здоровую его силу. Это ещё что, “Эпоха”! А вот прочтите-ка за эти же месяцы “Современник” и “Русское слово”. Просто делается какое-то физическое ощущение тошноты, точно чего-то скверного наелся. Вот цветы петербургской почвы! Впрочем, законные цветы. Дело не в цветах, а в почве, и почва эта не в одном городе Санкт-Петербурге, а везде и всюду, где правда жизни слишком тяжело накрыта слоём лжи и фальши нашей Петровской цивилизации» (с. 161). Сама Соханская, обращаясь к гр. Л.Н. Толстому, выразилась ещё резче: «Это был один из Ваших неверующих: ожесточённый, загрязнённый нравственно до цинизма, оставшегося даже на многих страницах, нечитаемых, его последнего произведения. В сравнении с этою вороной, наклевавшей всю мертвечинной гадости, Ваша душа, как она отражается в зеркале Ваших произведений, есть чистая голубица. Зато и каким же тяжким путём шёл и прошёл Достоевский даже до самого “Мёртвого дома”, чтобы ему ожить, очиститься и обновиться душой!» (с. 161–162). После таких оценок опубликованный в 1884 г. отклик умиравшей от рака писательницы на «Исповедь» графа, подробно рассмотренный в монографии (с. 263–276), кажется просто образцом доброжелательности и подлинного свободомыслия.

Книга О.Л. Фетисенко — лишь первый шаг на пути к возвращению забытой писательницы в отечественный «литературный канон» и в интеллектуальную историю второй половины XIX в. Уже выходит семитомное полное собрание сочинений Н.С. Соханской. В 2023 г. появились первые три тома, включающие преимущественно беллетристические произведения³. Очевидно, в ближайшее время следует ожидать переиздания её эпистолярного и публицистического наследия.

Примечания

¹ См., в частности: *Котов А.Э.* Рец.: Про-роки византизма: Переписка К.Н. Леонтьева и Т.И. Филиппова (1875–1891) / Сост., вступ. ст., коммент. О.Л. Фетисенко // *Российская история*. 2012. № 3. С. 208–211.

² *Фетисенко О.Л.* «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. Подробнее об этом исследовании см.: *Семиконов Д.В.* Смелость его мысли пугала всех // *Российская история*. 2014. № 2. С. 4–8; *Репников А.В.* «Личность... грешная, ломаная, в которой, однако, есть и великие силы добра» // *Российская история*. 2014. № 2. С. 9–15; *Котов А.Э.* Люди и руины неудавшейся контрреформации // *Российская история*. 2014. № 2. С. 16–19; *Бада-ляна Д.А.* Леонтьев и «слишком либеральные»

славянофилы // *Российская история*. 2014. № 2. С. 19–23; *Стогов Д.И.* Воздействие идей К.Н. Леонтьева на русских монархистов начала XX в. ещё нуждается в исследовании // *Российская история*. 2014. № 2. С. 23–26; *Мамонова Е.В.* «Православные миряне» в спорах о Церкви // *Российская история*. 2014. № 2. С. 26–30; *Хорошева А.В.* Конфликт двух исторических схем // *Российская история*. 2014. № 2. С. 30–34; *Хатунцев С.В.* «Кносский дворец» гептастилизма // *Российская история*. 2014. № 2. С. 34–37; *Чесноков С.В., Чернавский А.Ф.* Русские истоки исторической антропологии // *Российская история*. 2014. № 2. С. 37–39; *Тесля А.А.* Леонтьев и окрестности // *Российская история*. 2014. № 2. С. 40–42.

³ *Кохановская (Н.С. Соханская).* Полное собрание сочинений и писем в 7 т. / Под ред. О.Л. Фетисенко. Т. 1–3. СПб., 2023.

Григорий Кан

Романтик революции*

Grigoriy Kan

(State Archive of the Russian Federation, Moscow)

The romantic of the revolution

DOI: 10.31857/S2949124X24030143, EDN: GCQPLB

Известный специалист по истории народничества О.А. Милевский выпустил в свет научную биографию В.А. Осинского, деятельность которого так или иначе затрагивалась во многих исследованиях, но никогда ещё не освещалась столь обстоятельно. Об этом убедительно свидетельствует тщательный обзор историографии, открывающий книгу (с. 9–25). Между тем Осинский был ярким революционером второй половины 1870-х гг., предвосхитившим народовольческий террор. Анализируя его жизненный путь и взгляды, автор проявил разностороннюю эрудицию и использовал множество опубликованных и архивных документов — воспоминаний,

дневников, полицейских материалов (с. 25–34).

Валериан Андреевич Осинский родился в 1852 г. в Таганроге в дворянской семье. Его отец, помещик средней руки, служил в Корпусе инженеров путей сообщения, но покинул его из-за конфликта с гр. П.А. Клейн-михелем, получив при отставке чин генерал-майора. Дабы обеспечить жену, четырёх сыновей и двух дочерей, он пытался заняться хозяйством в имении Красноселье Екатеринославской губ., но потерпел неудачу и со временем превратился в раздражительного и пьющего домашнего тирана, который в состоянии психического расстройства иногда ходил

* *Милевский О.А.* Ступени на эшафот. Жизнь и судьба Валериана Осинского, идеолога русского политического террора. СПб.: Алетей, 2023. 560 с.

с револьвером и приставлял его к виску спящих детей. Поскольку старшие братья учились в столице, именно Валериан с детства защищал горячо любимую мать, сестёр и младшего брата от отцовского гнева (с. 37–47). Благодаря этому, как пишет Милевский, «уже к 12 годам у него сформировались вполне независимый характер и свои представления о чести и справедливости» (с. 47).

Няня прививала обожавшим её детям Осинских любовь к южнорусскому фольклору, где «традиционно присутствовала языческая вера в сверхъестественные силы, с которыми соседствовали представители потустороннего мира — черти, мертвецы и т.п.», а мать читала и пересказывала им Евангелие. «По обычаю тогдашнего обязательного воспитания, — вспоминала сестра революционера Л.А. Осинская, — были изучены нами чуть ли не с младенчества разные молитвы, которые обязательно читались и утром, и вечером перед иконами, но неприятная славянщина ни мало не говорила ни уму, ни сердцу, тогда как личность Христа захватывала воображение и чувства, и мы даже вне времени уроков повторяли друг другу слышанные от матери события его жизни» (с. 49)¹.

Заметно влияла на Осинского и литература. Известно о его увлечении стихами Дж.Г. Байрона, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова и Т.Г. Шевченко (с. 58–59, 92–93). Выучив с помощью матери французский и немецкий языки, Валериан мог читать и на них (с. 58–60). Позднее, в 15–18 лет, он самостоятельно освоил английский и польский (с. 91–92). Однако о круге его чтения можно только догадываться. Милевский считает, что он «не избежал» знакомства с приключенческими романами Дж.Ф. Купера, Т.М. Рида, Г. Эмара. Романтичный и энергичный подросток увлекался охотой

и верховой ездой, демонстрируя полное пренебрежение к опасности, сочинял авантюрные истории, в которых приписывал себе важную роль (с. 62–63, 66). Во всяком случае, под воздействием сочинений Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, В. Гюго, У. Шекспира, Ф. Шиллера, Ф. Шпильгагена, рассказов о Дж. Гарибальди и т.п. у многих будущих революционеров-семидесятников складывался культ героики и самопожертвования (с. 67–76, 83–85, 101–106), что впоследствии способствовало их вовлечению в борьбу с правительством. Подталкивало к этому и распространение материалистических идей, которые черпались из работ Ч. Дарвина, Л. Фейербаха, Л. Бюхнера, Я. Мошотта, К. Фогта и их российских популяризаторов — Н.Г. Чернышевского и др. (с. 78–81, 96–101). В частности, на Осинского оказали «огромное влияние» сочинения Д.И. Писарева и Н.А. Добролюбова, обнаруженные им в обширной библиотеке жившего по соседству судебного следователя (с. 81–82). В целом же, «к основным типологическим чертам» народников 1870-х гг. Милевский относит «материалистическое мышление, атеизм, веру в свободу личности, антимонархизм, демократизм, эклектизм социального мировоззрения, стремление к социальной справедливости, новую этику, а главное — народолюбие» (с. 117). Большую роль в оформлении такой системы взглядов сыграли работы Н.К. Михайловского и особенно «Исторические письма» П.Л. Лаврова, провозглашавшие идею «неоплатного долга интеллигенции перед народом» (с. 124–129).

В 15 лет Осинский уехал из родительского имения в Бахмут, где служил его старший брат. После двух лет усиленной подготовки он блестяще сдал экстерном экзамены в Таганрогской классической гимназии, заслужив похвалу директора и учителей,

высоко оценивших его начитанность и познания в математике (с. 119). Летом 1871 г., успешно выдержав вступительные испытания, Осинский поступил в петербургский Институт инженеров путей сообщения, но вскоре разочаровался в учёбе: его не устраивал поверхностный и прикладной характер образования, раздражала утилитарная и карьеристская мотивация подавляющего большинства студентов. Вскоре он погрузился в русские и иностранные книги по социально-гуманитарной тематике, открыл для себя произведения М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина), которые перечитывал много раз (с. 121–141).

Оказавшись в 1872 г. на строительстве Ландварово-Роменской железной дороги, молодой человек наблюдал за бессовестно наживавшимися подрядчиками и предпринимателями и тяжёлой жизнью рабочих. Считая себя социалистом, он сблизился с радикалами, однако личный опыт общения с крестьянами заставлял его критически относиться и к бакунистской идеализации мужика, и к лавристской проповеди социализма в народе (с. 142–154).

В 1873 г. Осинский оставил институт и устроился товарищем секретаря уездной земской управы в Ростове-на-Дону, где его старшие братья играли видную роль в общественной жизни. Видя вокруг себя лишь ложь, произвол и насилие, юноша надеялся на то, что работа в земстве способна хоть как-то исправить ситуацию. Однако он быстро убедился в нежелании большей части гласных защищать крестьян, в косности и малоэффективности земских учреждений, склонных идти на компромиссы с чиновниками (с. 152–156). Тем не менее в 1875 г. его сделали сперва секретарём уездной управы, а затем — помощником секретаря в городской. Это не помешало ему установить связь

с местным революционным кружком, членами которого являлись Л.Н. Гартман, А.С. Емельянов (Боголюбов), М.Р. Попов, Г.М. Тищенко и др. Когда же, опасаясь ареста, они стали покидать город, Осинский уволился со своей должности и в сентябре 1876 г. уехал в Петербург (с. 157–163, 170–171). Милевский объясняет этот шаг не только стремлением служить народу, но и жадой яркой, насыщенной, интенсивной, героической и бескомпромиссной в моральном отношении жизни, открывавшейся тогда только для революционера (с. 164–165).

В октябре 1876 г. Осинский примкнул к только что возникшему обществу «Земля и воля». Милевский кратко характеризует программу данной организации (с. 186–187), стремившейся к ликвидации собственности на землю и собиравшейся передать в пользование крестьянам столько десятин, сколько они смогут обработать своим трудом (при регулировании поземельных отношений общиной). Чтобы осуществить свой замысел, землевольцы планировали, поселившись в деревне, постепенно готовить крестьянское вооружённое восстание. При этом о борьбе за демократию в программе не упоминалось, Россию предполагалось превратить в полуанархическую федерацию самоуправляющихся общин. Вместе с тем допускались террористические акты против чиновников, наносивших вред революционерам².

Осинский вошёл в так называемую дезорганизаторскую группу «Земли и воли». Её задача состояла в освобождении из-под ареста товарищей, убийстве шпионов и предателей, в совершении действий, способных парализовать работу правительственных учреждений. Среди землевольцев Валериан Андреевич пользовался большой популярностью как обаятельный человек и прекрасный рассказчик, но

его таланты революционера-практика раскрылись далеко не сразу (с. 189–193). К тому же за попытку 1 марта 1877 г. проникнуть по фальшивым билетам на процесс 50-ти его на три месяца отправили в тюрьму, затем, правда, освободив без каких-либо последствий (с. 196–203). Одновременно он устраивал свою личную жизнь, в начале года познакомившись и уже 26 сентября вступив в брак с 23-летней радикалкой М.Г. Никольской (с. 207–209, 229).

Милевский подробно описал «боголюбовскую историю», т.е. совершённое по приказу петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова 13 июля 1877 г. в Доме предварительного заключения в Петербурге наказание розгами Емельянова (осуждённого под фамилией Боголюбов), последующее избивание протестовавших заключённых и перевод некоторых из них в карцер. После случившегося у Осинского, как и у многих других революционеров, не осталось сомнений в том, что такая власть понимает только язык силы (с. 210–227). Несколько позже он говорил: «И естественное чувство самозащиты, и честь товарищей, и интересы революции — всё зовёт нас отвечать на насилие насилием»³. Вопреки программе «Земли и воли», поневоле приходилось задуматься о борьбе за гражданскую и политическую свободу, при которой не будет преследований за пропаганду социализма и расправ в тюрьмах (с. 232–233).

Осинский участвовал в подготовке неудавшегося побега рабочего П. Крылова (с. 229–230)⁴, потом взялся за освобождение из киевской тюрьмы руководителей «Чигиринского заговора» Я.В. Стефановича, Л.Г. Дейча и И.В. Бохановского, готовивших крестьянское восстание в Киевской губ. Осенью 1877 г. он ездил в Киев и там сумел расположить к себе од-

ного из надзирателей, согласившегося передавать арестованным письма, деньги, продукты, а также выполнять различные их поручения (с. 230–233).

Характерно, что в Киеве Осинский первоначально выступал (возможно, из партийных соображений) как ортодоксальный земледелец — сторонник социальной революции и противник борьбы за ту или иную сугубо демократическую программу. Однако ситуация менялась по мере того, как он устанавливал связи с представителями различных общественных групп — местными революционерами, украинофилами, либералами, студентами. Осинский со всеми находил общий язык, для всех становился своим. Именно ему как вызывавшему наибольшее доверие предоставляли значительные суммы на революционные дела богач-народник Д.А. Лизогуб, конституционалистка гр. А.С. Панина и др. (с. 239–246, 293–295, 310, 380).

В начале декабря 1877 г. Осинский участвовал в импровизированном съезде «Земли и воли» в Петербурге, где упорно настаивал на дальнейшем использовании и развитии чигиринского опыта Стефановича, который массово вовлекал крестьян в тайную революционную организацию, выдавая себя за посланца императора и демонстрируя фальшивую царскую грамоту. Однако «Земля и воля» от столь смелой идеи отказалась (с. 249–250). Не поддержала она и намерение Осинского поручить дезорганизаторской группе «экспроприацию государственных, общественных, а в крайнем случае и частных имуществ» (с. 253–254).

Землевольты по-прежнему не желали переходить от подготовки социального переворота к политической борьбе. Осинский же в начале 1878 г. уже мечтал о предоставлении всевозможных свобод и парламентаризме

(с. 273–274). В январе дезорганизаторская группа готовила покушение на Трепова, но её случайно опередила В.И. Засулич. «Хорошо знавший» террористку «Валериан восторгался её поступком до такой степени, что хранил у себя в вещах её фотографию» (с. 259). Сам он сразу же вернулся в Киев, и уже 1 февраля, буквально через несколько дней после его появления, близкий к нему Ив.Н. Ивичевич смертельно ранил полицейского агента А.Г. Никонova (с. 270–271).

Но этого оказалось мало. Как пишет Милевский, Осинский «не был бы самым собой, если бы мог только посылать других в бой... Ему самому нужно было переступить через страшную черту — поднять руку на человека. Нарушить одну из самых строгих христианских заповедей». По словам историка, «это было серьёзное испытание, своего рода мировоззренческая инициация» (с. 274–275). Вместе с тем, готовя очередное убийство, «Осинский добивался сразу двойного результата. С одной стороны, сам становился непосредственным участником террористического предприятия, чем ещё сильнее укреплял свой авторитет. С другой — демонстрировал власти решительность и силу революционной партии, тем самым повышая её престиж, в том числе в глазах городских обывателей» (с. 277). На этот раз убить решили товарища прокурора Киевского судебного округа М.М. Котляревского. Его оклеветал один из сидевших по «чигиринскому делу», что почти тут же выяснилось, но «приговор прокурору отменять не стали»: «Решили свести с ним счёты, дабы другим судебским nepовадно было излишне усердствовать или тем паче чинить насилие». К тому же считалось, что Котляревский вёл себя с арестантами «чрезвычайно грубо» (с. 275–276). 23 февраля Осинский и А.Ф. Медведев стреляли

в него, но лишь испортили ему енотовую шубу. Это выяснилось не сразу и непосредственно после покушения Осинский сообщил В.К. Дебогорию-Мокриевичу о том, что Котляревский убит. Собеседник потом припомнил ему «ту ночь», не советуя «очень увлекаться террором» при таком нервном характере (с. 275–282, 286).

Между тем в Киеве начались аресты и обыски. Задержание ни в чём не повинного студента университета Н.И. Подольского привело к волнениям учащейся молодёжи, которые разогревал своими речами на сходках и Осинский. В результате последовали новые аресты, после чего из университета исключили 134 человека, а 15 отправили в ссылку, в основном в северные губернии (с. 290–293).

Тогда же получили распространение прокламации с печатью не существовавшего на деле «Исполнительного комитета Русской социально-революционной партии» (ИК РСРП, или Южный ИК), являвшегося изначально мистификацией Осинского. Со временем же Южным ИК стали называть организационно никак не оформленную группу лиц из окружения Осинского, куда входили 15–20 человек, включая Л.К. Брандтнера, И.Ф. Волошенко, Лизогуба, Медведева, Ивана и Игнатия Ивичевичей, Г.А. Попко, В.А. Свириденко, А.Е. Сентянина и др. (с. 282–283, 286–287, 298–300, 303–304, 310, 313). К Южному ИК присоединялись и лица с уголовным прошлым, утверждавшие, будто прониклись социалистическими идеями, как, например, «профессиональный разбойник» И.А. Рашко (после ареста выдавший всё, что знал) или матросы-дезертиры И.И. Тищенко и П.П. Ключников (с. 305–309, 395–396). Доверие к «разбойным» людям отчасти объяснялось шедшей ещё от М.А. Бакунина их романтизацией и идеализацией, а также

чрезмерной терпимостью Осинского к своим товарищам.

Вечером 25 мая 1878 г., выполняя решение Южного ИК, Попко после некоторых колебаний и сомнений⁵ смертельно ранил помощника начальника Киевского губернского жандармского управления (ГЖУ) штабс-капитана барона Г.Э. Гейкинга, обвинявшегося в высылке студентов и в усердном расследовании «Чигиринского дела» и покушения на Котляревского (с. 317, 353). А в ночь на 27 мая Стефанович, Дейч и Бохановский бежали из заключения. Их побег Осинский готовил с осени 1877 г. М.Ф. Фроленко, устроившийся в киевскую тюрьму в тюремный замок, прошёл там путь от сторожа до надзирателя и ключника и вывел узников за ворота, где их уже ждал в повозке Осинский, переправивший их затем в Кременчуг (с. 318–320).

На этом успехи Южного ИК завершились. 2 июля в Харькове арестовали Медведева. Две попытки освобождения его из тюрьмы закончились неудачей (с. 328, 361–364, 393–397). 5 августа в Одессе были задержаны Лизогуб, Попко и Чубаров. 29 августа в Харькове в руки полиции попал Сентянин, оказавший при аресте вооружённое сопротивление (с. 341, 350, 364).

В августе Осинский вновь безуспешно убеждал в Петербурге своих товарищей-землеволюцев в необходимости политической борьбы. Там же он сблизился с С.А. Лешерн фон Герцфельд (с. 351–354). Немолодая (36 лет) и некрасивая женщина стала его любовницей и соратницей. В начале осени 1878 г. она переехала в Киев и активно занялась делами Южного ИК (с. 358–359, 368–369). Тем временем жену Осинского, находившуюся с 9 марта под арестом, в августе выслали в Вологодскую губ. (с. 207, 262).

Летом и в начале осени к Южному ИК примкнули Свириденко, П.А. Ор-

лов и Г.Д. Гольденберг. Выстроилась структура организации, во главе которой стояли Осинский и его ключевые помощники — Волошенко, поддерживавший связь с интеллигенцией, и Свириденко, отвечавший за боевые операции. Налаживалось взаимодействие с другими местными революционными кружками (с. 365–373). Так, вместе с группой И.И. Басова планировалось совершить 9 декабря экспроприацию денег у лиц, сопровождавших почтовый транспорт, на дороге между Киевом и Житомиром. Но до этого не дошло. Тем не менее, по мнению Милевского, «грань между актами политического террора и реальным экономическим терроризмом или даже разбойничеством становилась всё более зыбкой» (с. 399–402). Однако борьба с авторитарным государством требовала средств, и революционеры вполне логично начинали покушаться на казённую собственность.

3–4 декабря Осинский вёл в Киеве переговоры с «левыми» земцами И.И. Петрункевичем и А.Ф. Линдфорсом, предпочитавшими мирные методы борьбы за политическую свободу и демократию. Они хотели, чтобы Южный ИК приостановил террор, предоставив им возможность подавать властям петиции и вести агитацию в обществе. Осинский не верил в успех подобных кампаний и считал необходимым угрожать правительству насилием. Договориться не удалось. Впрочем, и сам Петрункевич через несколько месяцев, не найдя понимания в земской среде, признал правоту Осинского, хотя, конечно, и после этого не стал сочувствовать террористам (с. 410–416).

Между тем новый помощник начальника Киевского ГЖУ Г.П. Судейкин с помощью филёров и одного агента выследил места, где проживали и собирались люди из Южного ИК. 24 января 1879 г. были арестованы Осинский⁶, Волошенко и Лешерн,

11 февраля — Брандтнер, Свириденко, Орлов и др. Осинский при аресте «изрыгал страшные проклятья» и «с лихорадочной поспешностью начал вынимать что-то из-под пальто» (это позднее рассматривалось как попытка вооружённого сопротивления и даже покушение на Судейкина, который «схватил его за руки»). Лешерн стреляла в полицейского, но её револьвер дал осечку. Отстреливались Брандтнер, Свириденко, а братья Ивичевичи были смертельно ранены ответными выстрелами (с. 325—326, 425—435, 443—448). Накануне разгрома Южный ИК в последний раз заявил о себе — 9 февраля Гольденберг смертельно ранил в Харькове губернатора Д.Н. Кропоткина (двоюродного брата теоретика анархизма) за избиение бунтовавших студентов и жестокие порядки в тюрьмах губернии. Убийце удалось скрыться, и он был арестован лишь через девять месяцев (с. 417—423, 440—443).

13 мая Киевский военно-окружной суд приговорил Осинского и Лешерн к расстрелу, а Волошенко отправил на 10 лет на каторгу (с. 488—506). Киевский генерал-губернатор М.И. Чертков заменил Лешерн смертную казнь на пожизненное заключение. Осинского же и осуждённых ранее Брандтнера и Свириденко Александр II повелел повесить. На последних свиданиях с родными Осинский сохранял самообладание, шутил, говорил о близком торжестве революции, о будущей свободной, демократической России (с. 509—518). В его прощальном письме к друзьям и товарищам содержались, по выражению публикаторов-землепольцев, «практические указания», касавшиеся того, как «серьёзно повести дело террора» (с. 533—534). Священника он не принял, сказав, что ни в Бога, ни в загробную жизнь не верит (с. 519). Милевский считает, что «Осинский в последние часы жизни победил страх перед виселицей, а стало быть, и пе-

ред смертью» (с. 521). Казнь состоялась 14 мая. Революционер умирал мужественно и мучительно: петлю накинули небрежно, и перед кончиной он метался и судорожно бился ногами (с. 521—529). Его гибель психологически способствовала образованию «Народной воли» (с. 535—536).

В «Эпилоге» автор указывает: «Представители этого поколения, ушедшие в революцию идеалисты и мечтатели, действительно во многом заблуждались. Они вдохновлялись весьма спорными и оторванными от реальности социальными теориями, излишне идеализировали русского мужика, недооценивали экономический фактор и природу российской государственности. Однако... они одними из первых увидели историческую обречённость существующего российского государственного Левиафана, напрочь игнорировавшего симптоматичные общественные процессы и не желавшего поступаться даже частичками своей абсолютной власти. В отличие от благонамеренной части общества эти “больные души” начали действовать, иногда наивно и импульсивно, как это присуще молодости... Однако... именно эти “мечтатели” продемонстрировали всему миру силу человеческого духа и самопожертвования, положенных на алтарь служения идее политической свободы и социальной справедливости» (с. 539—540). Соглашаясь с этим, нельзя не признать, что для характеристики личности Осинского совершенно не подходит термин «нигилизм». Несмотря на атеизм и материализм, он оставался идеалистом, искавшим социальную правду и погибшим ради неё.

О.А. Милевский написал хорошую, вдумчивую, качественную книгу⁷. Она не только познавательна, но и заставляет задуматься над многими проблемами — как историческими, так и моральными.

Примечания

¹ О влиянии Евангелия на будущих народников см. также: *Кан Г.С.* «Народная воля» в историографии последних лет // *Российская история.* 2020. № 2. С. 128; *Кан Г.С.* Вера Фигнер — известная и неизвестная // *Российская история.* 2021. № 2. С. 215.

² Революционное народничество 70-х годов XIX века. Т. II. М.; Л., 1965. С. 30–33.

³ *Русанов Н.С.* На родине. 1859–1882. М., 1931. С. 120.

⁴ В книге он фигурирует как А.А. Крестовоздвиженский — по фамилии из фальшивого паспорта. См. также: *Буланова-Трубникова О.* Варвар // *Суд идёт!* 1928. № 22. Стб. 1235.

⁵ *Стеблин-Каменский Р.А.* Григорий Анфимович Попко // *Былое.* 1907. № 5. С. 189, 191.

⁶ Беседа в марте 1882 г. с арестованным Стефановичем, Судейкин вспоминал, как «выбрал самого несчастного, плюгавого городского и приказал ему остановить Осинского на улице и попросить в участок. Я был уверен, что Осинский пойдёт, потому что ему и в голову не мог-

ло прийти, что для его ареста избрали тщедушного, мизерного бударя!» (Неопубликованное письмо Я.В. Стефановича Л.Г. Дейчу / Публ. Л.Я. Лурье и А.Б. Рогинского // *Учёные записки Тартуского государственного университета.* Вып. 369. Труды по русской и славянской филологии. XXVI. Литературоведение. Тарту, 1975. С. 194).

⁷ Но, конечно, и в ней встречаются досадные неточности. Так, А.И. Корниловой-Мороз ошибочно приписаны (с. 100) слова кн. П.А. Кропоткина (*Кропоткин П.А.* Записки революционера // *Революционеры 1870-х годов.* Воспоминания участников народнического движения в Петербурге. Л., 1986. С. 86, 89–90). Кружок М.А. Натансона сложился не в начале (с. 177), а поздней весной 1876 г., и был преобразован в общество «Земля и воля» в октябре того же года. Тогда же к нему присоединился А.Д. Михайлов, до этого не входивший в какие-либо революционные кружки и прибывший из Киева в Петербург только в августе 1876 г. (Показания А.Д. Михайлова на следствии // *Прибылева-Корба А.П., Фигнер В.Н.* А.Д. Михайлов. Л.; М., 1925. С. 88, 98, 111).

Андрей Николаев

Первая научная биография «вождя чёрной реакции» Н.Е. Маркова*

Andrey Nikolaev

(Herzen University, Saint Petersburg, Russia)

The first scientific biography of «the leader of the black reaction»

N.E. Markov

DOI: 10.31857/S2949124X24030158, EDN: GCLJNE

А.А. Иванов создал первую как в отечественной, так и в зарубежной литературе научную биографию Н.Е. Маркова — руководителя одной из крупнейших дореволюционных политических партий, принадлежавшего к числу известных и узнаваемых депутатов Государственной думы, лидера правой русской эмиграции. В книге впервые реконструирован весь жизненный путь Маркова — от рождения до смерти, выделены и освещены основные этапы его политической

деятельности. Монография является результатом двадцатилетнего труда и логично продолжает и углубляет работы автора, посвящённые правым политикам¹.

Исследование Иванова основано на широком круге источников, выявленных историком в зарубежных (США, Германия, Украина) и российских, как федеральных (ГА РФ, РГВИА, РГИА), так и региональных (ГА КО, ЦГИА СПб) архивах, в Отделе рукописей РГБ и в коллекциях

* *Иванов А.А.* Вождь чёрной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с.

Дома русского зарубежья. Фотографии, удачно иллюстрирующие описываемые сюжеты, извлечены из фондов ЦГАКФФД СПб и Курского областного краеведческого музея. Вместе с тем Иванов почти не обращался к архивным документам Всероссийского Дубровинского Союза русского народа (ГА РФ, ф. 116). Впрочем, существенная их часть опубликована. Возможно, стоило бы привлечь и подборку, хранящуюся в Государственном архиве Республики Татарстан (ф. 407, оп. 1, д. 176). Тщательно проработан автором большой массив центральной и региональной периодической печати Российской империи, внимательно изучены публикации в эмигрантских изданиях, делопроизводство Курского губернского земства, стенографические заседания Государственной думы, материалы Объединённого дворянства, дневники и мемуары современников Маркова и т.д. В научный оборот введено немало новых текстов, среди которых особое место занимают ранее неизвестные марковские статьи в газете «Свет» и журнале «Мировая служба». Всё это, к сожалению, лишь бегло очерчено во введении.

Монография состоит из введения, 16 глав, заключения и именного указателя. Во введении (с. 5–12) Иванов констатирует, что «имя Николая Евгеньевича Маркова не принадлежит к числу забытых и неизвестных», поскольку «образ правого политика оказался крайне востребованным советской пропагандой для обличения контрреволюции и реакции» (с. 5). При этом «сам Марков либо демонизировался, либо представлялся в карикатурном виде», а для этого, разумеется, не требовалось углубляться «в детальное изучение его биографии и политических взглядов» (с. 6). В отечественной историографии ситуация «начала меняться с 1990-х годов и особенно в 2000-е годы», когда были

отброшены прежние «штампы» и появились первые научные труды, посвящённые черносотенному движению и правым в Государственной думе, не исключая и Маркова (с. 7–8). Но зачастую очерки и статьи, затрагивающие различные аспекты его биографии, «представляют собой лишь пересказы работ других авторов, повторяют накопившиеся и закрепившиеся в исторической литературе ошибки и неточности и не обогащают историческую науку ни новыми источниками, ни новыми сведениями» (с. 9).

В первой главе «Отпрыск славного рода» (с. 13–35) подробно прослеживается родословная Маркова и точно установлено место его рождения. Ранее писали о том, что он родился или в Симферополе, где его отец служил директором гимназии, или в Курске, или в одном из родовых имений в Щигровском уезде Курской губ., или даже в Арзамасе, как по неизвестной причине указал сам Марков в конце жизни. Но, судя по архивным документам, ему довелось появиться на свет всё-таки в Симферополе, там же в кафедральном соборе его крестили (с. 26). В этой же главе впервые собраны сведения о детстве и юности Маркова (с. 27–28), его учёбе во 2-й московской военной гимназии и в Институте гражданских инженеров (с. 28–29) и последующей службе в армии (с. 29–30). В частности, прежде не было известно о том, что он служил в артиллерии и перед увольнением в запас получил чин прапорщика, чем гордился, заседа в думской комиссии по обороне и выступая «в защиту армейской субординации» (с. 30). Неудивительно, что в годы Первой мировой войны, став членом Особого совещания по обороне государства, Николай Евгеньевич, который, по мнению А.А. Чиркова, не имел военного опыта², достаточно компетентно рассуждал об артил-

лерийских проблемах (с. 353–354). В 1890 г. Марков обзавёлся семьёй и поступил в МВД, откуда его как гражданского инженера командировали в распоряжение правления Общества Курско-Киевской железной дороги, назначив начальником 3-ей дистанции. В середине 1890-х гг. он предпочёл «карьеру свободного архитектора в Москве», уже весной 1904 г. увлёкся общественной деятельностью, став в мае гласным Щигровского, а в сентябре — Курского земства (с. 30–33). На этом поприще ему хотелось, чтобы «власть в земской управе оставалась за помещиками-хозяевами, а не перепоручалась нанимаемым специалистам-интеллигентам, среди которых было немало сторонников либеральных и революционных идей» (с. 34).

Иванов впервые детально рассказывает, как Марков втягивался в политическую борьбу. В главе «Курский зубр» (с. 36–68) анализируется его выступление в Курском губернском земском собрании 6 января 1905 г. (с. 38–40), показана роль Николая Евгеньевича в Курской народной партии порядка (КНПП) (с. 42–54), большое внимание уделено речам, произнесённым им на Всероссийском земском съезде в Москве в июне–августе 1907 г. (с. 56–63). В них он, в частности, критиковал крестьянское самоуправление «и идею замены имущественного ценза налоговым», возражал «против всеобщего избирательного права в земские органы» и демократизации земств, которая «приведёт к тому, что из рук культурных и хозяйственных оно попадёт в руки неумелые; что увеличение в земстве представителей крестьян не будет способствовать тому, что крестьянская жизнь начнёт улучшаться, поскольку крестьяне в большинстве своём ещё не готовы вести земское дело» (с. 57–60). Там же прозвучали его слова о том, что «дворян слыш-

ком мало, они редуют и скоро будут также редки, как зубры в Беловежской пуше». Благодаря им за оратором и закрепилось соответствующее прозвище (с. 63–67).

В главе «“Диктатор” Курской губернии» (с. 69–91) автор выявляет степень влияния Маркова на родине. Приведённый в книге материал свидетельствует, что в Щиграх и Щигровском уезде оно действительно было велико, но в губернских делах ощущалось уже гораздо меньше. Тем не менее это давало повод для «расследований» злоупотреблений политика. Первую антимарковскую кампанию оппозиционные издания развернули в конце 1909 — начале 1910 г. перед выборами в Щиграх в городскую думу и в земское собрание (с. 76). Однако «набор выявленных правонарушений “курского зубра” оказывался каждый раз довольно скромным» (с. 77). И хотя Иванов признаёт, что «обвинения в адрес Маркова в деспотизме и диктаторстве, сыпавшиеся на него со стороны политических противников, при всей своей партийной ангажированности не были безосновательны» (с. 86), конкретные примеры подобного поведения в монографии не указаны.

В отдельной главе рассматривается участие Маркова в избирательных кампаниях 1906–1907 гг. (с. 92–117). В I Думу он не баллотировался, стать депутатом II Думы ему также «не довелось», хотя на выборах он представлял Союз русского народа (СРН), «позиционировал себя как земский деятель, хорошо понимавший народные нужды, “горячий поборник крупных сокращений земских расходов и уменьшения земских повинностей”» (с. 96–97). Причины неудачи автор не поясняет, но утверждает, что «поражение не сломило Маркова»: «Напротив, он и его сторонники развернули в Курской губернии кампанию,

целью которой была чистка местных выборных органов от либералов, скорейшее подавление революции и ослабление позиций левых радикалов». По словам Иванова, черносотенцы активно противодействовали «шигровским эсерам, лидером которых был крестьянин И.Е. Пьяных, организовавший Шигровский крестьянский союз», и «в результате планомерной борьбы с местными левыми добились прекращения революционной агитации в уезде». В оппозиционных кругах утверждали, что Николай Евгеньевич «способствовал передаче дела о Шигровском крестьянском союзе на рассмотрение военного суда» и был причастен к аресту Пьяных (с. 98–99). Позднее Маркова обвиняли даже в «ложном доносе, склонении судей к внеправовым решениям и “в происках” по осуждению левого депутата» (с. 415). Но каким был его реальный вклад в подавление шигровских эсеров, сказать трудно.

Гораздо заметнее были успехи в столкновениях с либералами: удалось добиться смещения с должности шигровского уездного предводителя дворянства А.А. Шекина, которого на этом посту сменил старший брат «диктатора» — Лев Евгеньевич, а после «чистки» земского собрания в уезде и удаления подписавших Выборгское воззвание первоумцев Марков стал «признанным лидером правого большинства Курского губернского земства» (с. 100–106). Роспуск II Думы и изменение избирательного законодательства «существенно увеличили шансы Маркова и его единомышленников попасть в число депутатов народного представительства нового созыва». Николай Евгеньевич уже «по праву считался одним из самых ярких лидеров СРН в Курской губернии» (с. 108). Кроме того, у него «был в руках набиравший всё большее влияние в губернии инфор-

мационный ресурс — ежедневная газета “Курская быль”» (с. 109). Марков шёл на выборы под лозунгом «За веру, родину и царя» (с. 110). Занятая им позиция сводилась к тому, что «волю самодержца всероссийского мы всегда будем свято чтить и исполнять, а потому и признаём Государственную думу как учреждение, к подготовке законов царскою волею поставленное... но, конечно, мы никогда не дерзнём самовольно утверждать, будто это установление свободной царской воли в чём-либо умаляет или притеняет царскую власть» (с. 111). В ходе кампании он, видимо, не брезговал подкупом крестьянских выборщиков (с. 112–113), «громил не только кадетов и социалистов, но и октябристов» (с. 113). В итоге «из 11 избранных депутатов около половины были членами СРН» (с. 113–114).

Четыре главы книги освещают события 1907–1912 гг., когда Марков заседал в III Думе. Автор описывает внешность Маркова, который был похож на Петра Великого (с. 119–123), оценивает его личные качества и ораторские способности (с. 124–137), приводит как апологетические, так и критические отзывы о правом политике его единомышленников и антагонистов, перечисляет прозвища и эпитеты, которыми его награждали современники («Марков-Валяй», «Медный всадник», «курский соловей», «курский горлан», «трубадур реакции и шовинизма» (с. 130) и др.)³.

Анализируя думские речи и высказывания Маркова, Иванов выделяет в них такие аспекты, как «Государственная дума и политический строй» (с. 139–147), «право и свобода» (с. 147–153), «аграрный вопрос и переселенческая политика» (с. 153–162), «рабочий вопрос» (с. 162–164), «народное пьянство» (с. 164–165), «окраинная политика и национальный вопрос» (с. 165–190), «черносотенный террор»

(с. 190–195), «Православная церковь» (с. 195–197), «армия и флот» (с. 197–208), «просвещение и народное образование» (с. 208–214). Причём иногда в этих разделах приводится материал, относящийся к дискуссиям в IV Думе (с. 165, 188), что, видимо, объясняется нежеланием разрывать однородные эпизоды, затрудняя тем самым их понимание. Но, к сожалению, автор не указал, сколько раз Марков обращался к той или иной теме.

Историк убедительно доказывает, что вопреки расхожему мнению, Марков не только принял обновлённый строй, но и на протяжении долгого времени отстаивал необходимость существования Государственной думы, обещая от имени правых «искреннюю помощь государю императору в его законодательных трудах» (с. 146). Не оспаривал он и принципа верховенства права, хотя и считал его неприменимым в экстраординарных условиях (с. 147). Поэтому он сопротивлялся принятию закона о неприкосновенности личности (с. 149) и ратовал за применение телесных наказаний к политическим преступникам (с. 151). Особую неприязнь вызывали у него адвокаты, казавшиеся ему «наёмными пособниками преступлений» (с. 148).

В то же время Марков защищал от нападков крупное частное землевладение, ссылаясь на более высокую производительность труда в помещичьих хозяйствах, поддерживал столыпинскую аграрную реформу, разрушение общины, создание класса зажиточных крестьян-собственников и расширение деятельности Переселенческого управления (с. 153–160). Исходя из того, что «рабочие составляют относительно небольшой процент от общего числа населения России», Николай Евгеньевич вспоминал о них реже, но категорически отвергал легализацию «забастовок, стачек и создания каких-либо рабочих организа-

ций». Оказание помощи трудящимся, по его мнению, следовало полностью возложить на государство и предпринимателей (с. 162–163). В целом в социальной политике ему скорее была свойственна осторожность. Так, чувствуя борьбу с пьянством, он «отвергал такие радикальные методы как введение “сухого закона” и полное закрытие питейных заведений, поскольку считал их не способными привести к чаемой цели — народной трезвости» (с. 164). Вместе с тем, «являясь убеждённым сторонником строгого государственного контроля над образованием», он, «не стесняясь, называл свою точку зрения “полицейской” и подчёркивал, что не видит в этом ничего плохого, так как государство обязано охранять учебные заведения от “вторжениям преступных элементов”» (с. 209).

Депутат чутко следил за тем, чтобы «с думской кафедры не делалось никаких высказываний или даже намёков на особый статус в империи тех или иных её регионов и окраин», «видя в таких заявлениях проявления сепаратизма» (с. 165). Неудивительно, что он одобрял изменение статуса Финляндии «ради сохранения целостности империи» (с. 167) и «оказался в числе противников польской автономии, в которой видел лишь этап борьбы за полную национальную независимость» (с. 172). Марков принял «столыпинскую идею введения земства в Западном крае» (с. 173), но счёл опасным прецедентом «выделение из губерний бывшего Царства Польского “исконного русского края” — населённой преимущественно малороссами Холмской губернии», так как «власть тем самым признавала наличие внутри страны польского государства» (с. 173–174). Кавказский наместник гр. И.И. Воронцов-Дашков обвинялся им «в потворстве инородческому сепаратизму и пренебрежении русскими

интересами» (с. 174–175). Одновременно Марков бравировал антисемитизмом, твердя, что «не разделяет евреев по вероисповедному признаку, а считает вредным элементом как евреев-иудеев, так и евреев-христиан» (с. 177).

При этом декларировалось, что «русский народ... должен чувствовать себя хозяином своего государства, он должен стоять на первом плане во всех отношениях, без всякого вреда и злобы к тем народам, которые своего государства не имели счастья создать» (с. 189). Как отмечает Иванов, для Маркова понятие «русские» не было «сугубо этническим». Этим словом скорее обозначался человек, «принадлежавший к русской культуре и разделявший базовые, с точки зрения правых, присущие русской народности качества — православие, монархизм и патриотизм» (с. 190). Характерно, что когда либералы обвиняли СРН в применении насилия, «Марков всегда вступался за честь союза, неизменно отстаивая позицию, согласно которой ни руководство партии, ни видные её члены никакого отношения ни к погромам, ни к актам единичного террора не имели» (с. 191). Как защитник интересов Церкви он обличал попытки «законодательного пособничества к отпадению от православия» (с. 196).

Беспокоясь о силе империи и престиже её войск (с. 198), лидер правых «выражал озабоченность технической оснащённостью армии, её вооружением, требуя усилить производство оружия, в частности пулемётов» (с. 199). Возрождение же и модернизацию флота, по его мнению, следовало начать не с броненосцев, а «с флотилии миноносцев и в особенности подводных лодок и береговых канонерок (подвижных батарей)» (с. 203). Позднее, когда император решил строить линейные корабли, Марков отказался от прежних взглядов (с. 206). Но если

работа Маркова в комиссии по государственной обороне отражена в монографии (с. 199), то о том, что он делал в других комиссиях, например, в бюджетной, финансовой, для выработки проекта всеподданнейшего адреса, для рассмотрения штата канцелярии Государственной думы, о путях сообщения, по Наказу, для рассмотрения законопроекта о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного характера, — ничего не сказано⁴.

Вполне обоснованно в одной из глав изложены все случаи думских скандалов с участием Маркова (с. 215–242)⁵, в том числе и происходивших после 1912 г. Было бы любопытно, если бы автор сравнил, насколько отличался дуэлянт и скандалист Марков в IV Думе от того, каким его знали ранее.

В главе «Борьба за лидерство» (с. 243–290) говорится о превращении Маркова из провинциального политика в черносотенного вождя всероссийского уровня. Особое внимание при этом уделено его разногласиям с А.И. Дубровиным и различиям между «марковским» и «дубровинским» направлениями в правом движении (с. 244–248). Иванов, видимо, разделяет мнение Дубровина и первого казначея СРН И.И. Баранова, согласно которому причиной раскола «союзников» стал личный конфликт Маркова с Е.А. Полубояриновой (с. 247–248). В отношении же самого Дубровина Николай Евгеньевич почти никогда не позволял себе резких выпадов, а основатель СРН одно время рассматривал «курского зубра» как своего преемника (с. 250–251). Исследователь проанализировал зависимость правых от «тёмных денег», выделявшихся правительством на секретные расходы (с. 261–279), показал, как Марков укреплял свой

авторитет среди единомышленников, используя для этого создание газеты «Земщина» и «Вестника СРН» (с. 251), личное участие в торжествах, сопровождавших прославление свт. Иоасафа Белгородского (с. 280–281), организацию съездов (с. 282) и т.д. Характеризуются также его взаимоотношения с П.А. Столыпиным (с. 257, 262, 284–285), который, по словам Маркова, «поддерживая умеренную часть СРН финансово», вовсе «не испытывал к черносотенцам особых симпатий и работал на ослабление их влияния» (с. 284). Лидеру «обновлённого» СРН приходилось даже вести полемику с членами Всероссийского национального союза, который не без оснований воспринимался как структура, созданная правительством, искавшим умеренную альтернативу крайне правым (с. 286–290). Неудивительно, что во время избирательной кампании 1912 г. Марков вынужден был бороться «не только с социалистами и либералами, но и с оппонентами из правого лагеря — дубровинцами и националистами» (с. 295–302). Несмотря на это, в Курской губ. он не только сам победил на выборах в IV Думу, но и провёл в неё «исключительно своих сторонников» (с. 304).

В своих выступлениях, посвящённых внешней политике, балканским проблемам и славянству (с. 317–318), Марков вплоть до лета 1914 г. оставался «противником сближения с Лондоном и сторонником сохранения дружеских отношений с Берлином» (с. 318–319). Тем не менее, когда началась Первая мировая война, он стремительно сменил риторику на резко антигерманскую (с. 329–333). В главе «Господи, пусть будет победа» (с. 322–357) раскрывается его отношение к «немецкому засилью» (с. 334–336), к полякам и евреям (с. 336–337), к «народной трезвости» (с. 338), к действиям властей в сфере промышленности

и финансов (с. 338–342), к положению рабочих (с. 342–344), к цензуре (с. 344–347), дипломатии (с. 347–348) и практической работе, направленной на помощь фронту (с. 350–352). К удивлению многих депутатов, в Особом совещании для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства Марков «быстро зарекомендовал себя человеком, хорошо разбирающимся в самых сложных вопросах» (с. 353). Однако о его прежнем германофильстве не забывали, хотя, по словам автора, «и перед началом войны, и во время её, и после её окончания Германия и немцы волновали Маркова исключительно с одной точки зрения — насколько полезны или вредны они могли быть для величия и могущества русской самодержавной монархии» (с. 354–357).

Как бы то ни было, увлечённый патриотической волной, Марков даже пошёл навстречу Прогрессивному блоку, проголосовав 20 июля 1915 г. за резолюцию, которая требовала создания власти, опирающейся на «народное доверие». Впрочем, как пишет Иванов, «позже, в 1916 году, Марков признавал, что тогда правыми была допущена ошибка, и им не следовало ради мнимого единения примыкать к формуле, в которой шла речь о министерстве общественного доверия». Вскоре он уже называл действия блока «“осадой власти”, подчёркивая, что в условиях войны она является абсолютно неприемлемой» (с. 359). Как справедливо указывает автор, «Марков и его единомышленники не видели разницы между “министерством доверия” и “ответственным министерством”», полагая, что под любой вывеской оно «будет ущемлять prerogatives самодержца и передаст их случайному большинству Думы» (с. 360). При этом отмечалось, что «в Германии правительство как раз не ответственное, а назначается кайзером...

И тем не менее... Германия оказалась подготовленной к войне в весьма высокой степени» (с. 362). Однако такие отсылки лишь раздражали оппонентов: «Прерывая его речь, с левых скамей Маркову кричали “ступайте в Германию!”» (с. 363).

В то же время, защищая государственный строй, Николай Евгеньевич не отрицал упущений Военного министерства, «оказавшегося неготовым к мировой войне». Но в этом случае «виноватыми себя, по совести, должны были признать и члены Государственного совета, и члены Государственной думы, обсуждавшие законопроекты военного и морского ведомств и входившие в комиссию государственной обороны» (с. 364). Марков критиковал либеральную оппозицию, которую считал виновницей «министерской чехарды» (с. 365), «и деятельность общественных организаций — Земгора и военно-промышленных комитетов, созданных для помощи фронту» (с. 366). В ответ его упрекали в том, что подобные заявления дискредитируют эти учреждения «в интересах германского Генштаба» (с. 368). Создать собственный Чёрный блок в противовес оппозиционному правые не смогли (с. 379). Их слабость привела в итоге к «уничтожению» Маркова. 22 ноября он выступил с речью, которая прерывалась «замечаниями и выкриками нетерпимого к оратору думского большинства (по стенограмме заседания до 50 раз, а по мнению некоторых правых — значительно больше)» (с. 394). Даже председатель Государственной думы М.В. Родзянко сделал ему замечание, Марков резко ответил и был лишён слова, и, сходя с трибуны, обозвал обидчика «мерзавцем» (с. 394–395). Последовавший скандал, сознательно раздутый «до невообразимых размеров», вызвал «демонтаж последней думской плотины, стоявшей на пути Прогрессивно-

го блока, — фракции правых» (с. 401). За считанные дни она сократилась с 53 до 20 членов (с. 404).

Ответственность за события Февральской революции Марков возлагал не только на «иудо-масонов», но и на Государственную думу, либералов, деградировавшую элиту, одурманенный народ и «союзников России по Антанте» (с. 425). Весной 1917 г. правому депутату приходилось скрываться в Финляндии от победивших революционеров, уничтожавших и захватывавших имущество СРН. В июне изменившего внешний облик политика выследили и арестовали. Однако Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства после допросов не предъявила ему никаких обвинений (с. 408–417). Со своей стороны, «оказавшись на свободе, Марков сразу же принялся за создание подпольной монархической группы», которая собиралась подготовить «мощный аппарат, способный при благоприятных обстоятельствах совершить переворот в Петрограде, освободить царскую семью и восстановить императора Николая II на престоле, а в случае его отказа — передать престол царевичу Алексею» (с. 426–428). Правда, «вопрос о вызволении Николая II и его семьи из царскосельского плена тогда не ставился», поскольку Маркова заверили, что «царь считает свою жизнь в безопасности и на такой риск не пойдёт». Поэтому Николай Евгеньевич сосредоточился на «собрании осколков дотла разгромленного Союза русского народа» (с. 433). Одновременно заговорщик присматривался к большевистскому движению, к которому «отнесился “сочувственно”, руководствуясь принципом: “Чем хуже — тем лучше”, надеясь “использовать большевиков в том смысле, чтобы дать им возможность свергнуть Вр[еменное] правительство, а потом придушить их самих”» (с. 428–429).

В 1918 г. Марков проживал «на конспиративных началах» то в Финляндии, то в Петрограде или Москве, а в июне 1919 г. «под именем штабс-капитана Льва Николаевича Чернякова» вступил в ряды Северо-западной армии (с. 434–444). Поселившись в Ямбурге, он взялся за издание газеты «Белый крест», месяц спустя закрытой генералом А.П. Родзянко «за монархизм» и «вызывающий черносотенный характер». На её страницах Иванов обнаружил две статьи, написанные лично Марковым (под инициалами «Л.Ч.»). Одна из них была направлена «против попыток создания в Сойкинской волости Ямбургского уезда так называемой Ингерманландской республики», вторая прославляла белое офицерство (с. 445–449). Поражение Н.Н. Юденича вынудило Николая Евгеньевича перебраться сначала в Ригу, Усть-Двинск и Ревель, а в мае 1920 г. — в Мюнхен. В июле он уже прибыл в Берлин (с. 450, 453).

Последние четыре главы монографии охватывают эмигрантский период жизни Маркова. Никогда ещё его политическая активность 1920–1930-х гг. не исследовалась столь обстоятельно и полно, чему, безусловно, способствовало глубокое знание автором прессы Русского зарубежья.

В Германии Марков «превратился в “берлинского зубра”» (с. 451), будучи в 1920–1922 гг. редактором журнала «Двуглавый орёл» (с. 476) и «одним из организаторов берлинского Русского общественного собрания, на базе которого стали объединяться монархисты» (с. 454). Находившийся под его руководством «Союз верных» к 1920 г. «образовал сеть своих ячеек в Европе и в Советской России» (с. 468–469). В 1921 г. Марков и его сподвижники инициировали проведение Рейхенгалльского съезда, ставшего «самым представительным и масштабным фо-

румом русской правой монархической эмиграции». Подробно рассказывая об этом событии, Иванов отмечает, что Марков, «настроенный на консолидацию всех монархических сил, не только сам избегал на съезде крайне правых суждений и формулировок, но и поправлял иногда своих единомышленников». В итоге он на несколько лет оказался во главе Высшего монархического совета (ВМС), избранного съездом (с. 457–468). Заметное влияние оказывалось им и на церковные дела русской эмиграции (с. 477–482). При этом стремление Маркова к доминированию в монархическом движении провоцировало склоки, отталкивавшие монархистов-конституционалистов (с. 500–502). Непросто складывались и его отношения с «кирилловцами» и «николаевцами», союз с которыми «не был искренним» (с. 502–520), с бароном П.Н. Врангелем (с. 520–526, 527–532) и РОВС (с. 526–527, 532–533). Таким образом, констатирует Иванов, «начав свою эмигрантскую деятельность в качестве признанного большинством монархистов лидера, довольно скоро Марков превратился в вождя лишь одной из монархических “партий”... число подчинявшихся ему организаций с каждым годом сокращалось, ряды сторонников редели, а количество противников и соперников увеличилось» (с. 533).

В 1925 г. Марков вынужден был переехать в Париж, где попытался «реанимировать угасавший ВМС и возобновить издание “Двуглавого орла”». В апреле 1926 г. он участвовал в Российском зарубежном съезде и даже был избран в состав его бюро (с. 537–542), но в те же дни на Съезде монархического объединения, сославшись на состояние здоровья, сложил с себя обязанности председателя ВМС. По мнению Иванова, в действительности к такому решению его подтолкнула критика со

стороны А.Ф. Трепова, кн. А.А. Ширинского-Шихматова, Б.Г. Кеппена и др. (с. 546–547).

В том же 1926 г. существенно ударил по влиянию Маркова раскол в Русской Православной Церкви за границей (РПЦЗ). Находившийся в Париже управляющий русскими православными приходами в Западной Европе митрополит Евлогий (Георгиевский), желая сохранить каноническую связь с Москвой, разорвал отношения с Синодом РПЦЗ и перестал почитать его главу митрополита Антония (Храповицкого). Марков осудил этот шаг, а «Двуглавый орёл» развернул кампанию против «евлогийанского раскола». Но «для Парижа эта позиция оказалась маргинальной». Николая Евгеньевича исключили из местного прихода «за грубую агитацию против своего епископа». За ним последовало лишь несколько десятков «маркиан» (с. 547–555). А разоблачение в 1927 г. операции «Трест», в которой чекисты отвели некогда знаменитому политику важную роль (с. 482–491), окончательно его дискредитировало (с. 555–556). После этого ему оставалось только обличать еврейско-масонский заговор. Прочитанные им на эту тему лекции легли в основу книги «Войны тёмных сил», вышедшей в 1928–1930 гг. и отождествлявшей иудаизм, масонство, либерализм, социализм и коммунизм с сатанизмом (с. 557–564). Восстановить былую репутацию это не помогло, как и последовавший в 1931 г. переход в лагерь «кирилловцев», заставивший Маркова покинуть ВМС. Между тем в том же году прекратилось издание «Двуглавого орла», и его редактор «остался без постоянного заработка» (с. 564, 570–580). Приходилось заниматься деньгами и думать о мемуарах (с. 564–569).

Остаток жизни Марков провёл в нацистской Германии, куда уехал

в 1935 г., негодуя на охвативший Францию «пароксизм советомании». Причём, возвращаясь в Берлин, он уверял племянника: «Я ещё боец» (с. 580–581). И хотя Иванов вполне убедительно доказывает, что Марков по-прежнему мечтал о реставрации православной самодержавной монархии (с. 596) и далеко не во всём симпатизировал национал-социалистам (с. 594–595), сделанный выбор, глубоко ошибочный и преступный, его «неутомимая борьба с коммунизмом, антисемитизм и масонофобия завели его в конце жизни в стан врагов собственной страны и родного народа» (с. 622). 22 июня 1941 г. он приветствовал немецкое вторжение в СССР (с. 613). В монографии Иванова впервые анализируется марковская публицистика 1939–1945 гг. (с. 614–618). Также автор установил, что Николай Евгеньевич не погиб во время бомбёжки, как долго считалось, а умер в своём доме в курортном Висбадене после тяжёлой болезни 22 апреля 1945 г. (с. 620–621).

В «Заключении» Иванов констатирует, что «сотрудничество Маркова с германскими нацистами как бы перечеркнуло все предшествующие страницы его биографии, превратив в одиозную фигуру» (с. 624), хотя он « всю свою жизнь был убеждённым патриотом и желал России и русскому народу блага, величия и процветания». «Конечно, — признаёт автор, — это не означает, что своими поступками он не мог приносить Родине зла, но это всегда было последствием его политических ошибок, а не сознательных действий во вред своей стране и своему народу» (с. 625–626).

Несмотря на отдельные недостатки, например, отсутствие списка использованных источников и литературы, который украсил бы этот труд, монография А.А. Иванова несомненно является прорывом в отечествен-

ной биографии правых политиков начала XX в. Автору удалось дать все-стороннюю и объективную характеристику личности, взглядов и поступков Н.Е. Маркова, раскрыв мотивы, которыми он руководствовался в своей государственной и общественной деятельности.

Примечания

¹ *Иванов А.А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013; *Иванов А.А.* Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. Изд. 2. СПб., 2020; Политические партии России. Конец XIX — начало XX в. В 3 т. Т. 1. [*Иванов А.А.*]. Консервативные партии. М., 2022. См. также: *Иванов А.А., Степанов А.Д.* Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич // Чёрная сотня. Историческая энциклопедия. 1900–1917 / Отв.

ред. О.А. Платонов. М., 2008. С. 309–317; *Богоявленский Д.Д., Иванов А.А.* Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич // Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 283–286.

² *Чирков А.А.* Думские комиссии по обороне: состав, задачи, результаты деятельности (1907–1917 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 261.

³ Чаще всего его, конечно, именовали «Марков 2-й», так как его дядя — октябрист Николай Львович числился в думских списках как «Марков 1-й» (*Иванов А.А.* Вождь чёрной реакции: Николай Евгеньевич Марков. С. 115–116).

⁴ *Николаев А.Б., Ромов Р.Б.* Марков (Марков 2-й) Николай Евгеньевич // Государственная дума Российской империи: 1906–1917. Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2008. С. 357.

⁵ См. также: *Иванов А.А.* «Дело чести»: депутаты Государственной думы и дуэльные скандалы (1906–1917). СПб., 2018.

Вадим Дёмин

Судьба «зубра»*

Vadim Demin

(Moscow City University, Russia)

The fate of the «bison»

DOI: 10.31857/S2949124X24030169, EDN: GCJFZE

До недавнего времени можно было сказать, что Н.Е. Маркову не повезло в историографии. Однако после появления книги профессора Санкт-Петербургского университета А.А. Иванова, известного знатока правых партий начала XX в., ситуация коренным образом изменилась. Монография стала результатом многолетнего труда, в ней использованы материалы девяти российских, американских, немецких и украинских архивов, а также широкий круг опубликованных источников. Автор от-

лично знаком не только с российскими и зарубежными исследованиями, но и с образом Маркова в массовой культуре XX в., включая советскую печать 1920-х гг. Дополнительную ценность изданию придают около 40 фотографий, карикатур и иных иллюстраций. Некоторые из них публикуются впервые. Иванов подробно рассмотрел все аспекты жизни и деятельности лидера черносотенцев, включая его происхождение, архитектурное творчество, влияние, приобретённое им в Курской губ., и т.д.

* *Иванов А.А.* Вождь чёрной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с.

Учёным проанализированы как публичные выступления политика, так и отзывы о нём современников.

В отличие от многих консервативных деятелей, Марков с юности придерживался консервативных убеждений. При этом его консерватизм носил ярко выраженную сословную окраску. Курский помещик считал дворянство лучшей частью русского народа, обязанной руководить земским самоуправлением и представительной властью. Он являлся последовательным сторонником сохранения помещичьего землевладения, считая его более «культурным», чем крестьянское. Даже в годы Первой мировой войны, требуя конфискации земель у значительной части немецких колонистов, лидер думской фракции правых считал необходимым оставить остзейским баронам их собственность. Деловые и моральные качества крестьян оценивались им крайне низко, как и их готовность к самостоятельному участию в общественных делах. Тем не менее в 1906 г. Марков высказывался за переход от общинного чересполосного владения к отрубному и хуторскому.

В монографии убедительно показано, что среди консервативных монархистов Николай Евгеньевич занимал умеренные позиции. Несмотря на своё враждебное отношение к интеллигенции, находившейся, как ему казалось, под влиянием антигосударственных сил (и прежде всего — евреев и масонов), и он, и его курские сторонники сочувствовали указу 12 декабря 1904 г., обещающему либеральные преобразования. К созданию законосовещательного сословного представительства они стремились ещё в январе 1905 г., т.е. до издания 18 февраля рескрипта А.Г. Булыгину, положившего начало разработке законов о Государственной думе.

Схожие позиции отстаивала возникшая осенью 1905 г. Курская на-

родная партия порядка (КНПП), в руководство которой входил Марков. Она поддерживала учреждение Государственной думы, предпочитая именовать её «Государевой», но считая необходимой для доведения до царя «народных желаний и народной нужды» (с. 53). Её члены призывали к дарованию политических свобод за неделю до того, как был подписан Манифест 17 октября 1905 г. В программных и агитационных документах партии важное место занимало требование «полного ограничения самовласти и произвола доселе всеильного чиновничества» (с. 50—51, 53). Марков критиковал бюрократическую опеку над дворянскими земствами. Правда, уже в мае 1906 г. он объявил Манифест 17 октября «первоначальным источником всех зол нашего времени», с сожалением признавая необходимость «молча исполнить» его «как царское веление» (с. 92). В эмиграции же им уже прямо говорилось, что «конституция и Государственная дума погубили Российскую империю» (с. 421).

Характерно также, что КНПП с конца 1905 г. выступала с националистическими лозунгами, возражая против уравнивания в правах православных с иноверцами и русских с представителями других народов. Марков утверждал, что в правовом государстве и политических свободах заинтересованы лишь иудеи, либеральные интеллигенты и прочие противники правительства. Курский депутат настаивал на восстановлении телесных наказаний для «хулиганов», и особенно — для «хулиганов-интеллигентов» (с. 150).

В III Думе лидер фракции правых провозглашал, будто её отличие от западноевропейского парламента заключается в том, что она призвана содействовать монархической власти, а не бороться с нею. Кроме того, де-

путатам следовало обеспечить защиту русского народа от инородцев и бюрократии. При этом лидер черносотенцев был приверженцем централизованной империи с господством русского языка и русской культуры. Любые уступки национальным движениям вызывали у него возмущение, тогда как их силовое подавление им всячески одобрялось. Антисемитские взгляды Маркова, формировавшиеся под влиянием в том числе и расистских теорий, явно противоречили христианскому учению (с. 178). Однако, добиваясь принуждения евреев к эмиграции, он никогда не приветствовал погромов.

Будучи сторонником индустриализации, думский реакционер отрицал пользу золотомонетного стандарта и находил неприемлемым легализацию рабочих организаций, которые неизбежно попадали бы под контроль социалистов. Во внешней политике он видел опасность панславизма и предпочитал сближение с Германией сотрудничеству с Англией.

Характеризуя речи Маркова в III Думе (а также в организации Объединённого дворянства), Иванов преимущественно излагает их идейную и мировоззренческую составляющую, тогда как о выдвигавшихся им конкретных предложениях и об отношении к ним палаты почти ничего не говорится. Между тем сам автор вполне основательно отмечает, что Марков всегда оставался практическим политиком и не претендовал на роль идеолога (с. 132). Поэтому вызывает недоумение то, как скупотражена в книге работа депутата в думских комиссиях (за исключением его выступлений в комиссии по государственной обороне). Перечисляется лишь, в какие из них Марков входил в IV Думе. Про III Думу не сказано даже этого. Нет сведений и о том, как именно Николай Евгеньевич пред-

ставлял дальнейшее развитие местного самоуправления, судебной системы, народного образования и др. Рассказывая о поддержке лидером правых столыпинской аграрной реформы, автор довольно глухо упоминает о том, что Марков и его единомышленники, а также кадеты требовали смягчения преобразования (с. 157). Между тем предложенные ими поправки имели отнюдь не частное значение, поскольку они лишали домохозяина права единолично распоряжаться укрепленной в собственность землей и заставляли его в той или иной форме согласовывать свои действия с членами семьи. Не случайно в единственной речи, произнесенной П.А. Столыпиным в Думе при обсуждении данного преобразования (в которой прозвучало его знаменитое заявление о ставке не «на убогих и пьяных», а на «сильных и крепких», составлявших в России, по словам министра, большинство), обосновывалась необходимость отклонения этих поправок.

Из биографии Маркова также можно узнать о его переходе в конце 1906 г. (вместе с КНПП) в Союз русского народа и о том, как он оказался одним из лидеров этой организации, о правительственном субсидировании черносотенцев и разногласиях «марковцев» с «дубровинцами», не признававшими ни представительного строя, ни руководящей роли дворянства, ни столыпинской политики в деревне. Судя по собранному автором материалу, революцию Марков воспринимал исключительно как верхушечный переворот. По сути, он всегда оставался собственным монархистом, и после 1917 г. надеявшимся восстановить на престоле если не Николая II, то цесаревича Алексея Николаевича, позднее — вел. кн. Николая Николаевича, а затем и вел. кн. Кирилла Владимировича. На посту председателя Высшего монархического совета в 1921—

1926 г. Марков тщетно пытался объединить консервативную часть эмиграции вокруг бывшего верховного главнокомандующего. При этом в либеральной эмигрантской прессе Николая Евгеньевича совершенно безосновательно обвиняли в причастности к покушению на П.Н. Милюкова и убийству В.Д. Набокова. К началу 1930-х гг. бывший «зубр» превратился из общепризнанного лидера правых в предводителя одной из монархических группировок. Особую ценность имеет описание последнего десятилетия его жизни и деятельности. Иванов впервые ввёл в научный оборот статьи 1930–1940-х гг., убедительно доказав, что бывшего черносотенца сближали с нацистами лишь антисемитизм и неприятие либерализма и демократии, в остальном же идеалы российских монархистов и гитлеровцев значительно отличались.

Монография Иванова заставляет задуматься об особенностях политического лидерства в российских партиях начала XX в. Обычно одной из важнейших функций политического руководителя признаётся объединение сторонников и отстаивание их интересов (как заявленных, так и скрытых их чаяний). Однако, как показано в книге, Марков не желал считаться с товарищами по борьбе и требовал от них безусловного повиновения (с. 136, 306–307), что в конечном итоге привело к распаду первоначально следовавшей за ним думской фракции правых. Аналогичным оказался и результат его деятельности во главе эмигрантского монархического движения в 1920-е гг.

Нечто подобное наблюдалось и в большинстве других партий. А.И. Гучков заботился исключительно о собственных амбициях и уже к концу работы III Думы не контролировал октябристов. Кульбиты лидера Партии Народной свободы, превращавшегося из «Милюкова-Дарданелльского»

в сторонника сотрудничества с германским кайзером, а затем в республиканского демократа, вызывали непонимание у большей части кадетов. Умеренным социалистам и вовсе не удалось найти устраивавшего их вождя. Вероятно, отсутствие развитой культуры политического лидерства являлось одной из причин слабости партийной системы России.

Некоторые важные для понимания темы сюжеты в книге только намечены, но не раскрыты. К примеру, беспорядки в Курске в октябре 1905 г. описаны исключительно со слов Маркова, явно односторонне и не без преувеличения угрозы, исходившей от вооружённых революционеров (с. 46–47). Совсем не освещено участие (или неучастие) КНПП и самого Маркова в выборах в I Думу. Упомянув о том, что на выборах во II Думу Николай Евгеньевич «получил наибольшее число голосов из правых кандидатов» (с. 97), автор не уточняет, сколько же человек поддержало того или иного политика. В «Щигровской республике» в 1906 г. будто бы «была создана террористическая группа во главе с боевиком И.И. Блошановым, занимавшаяся экспроприациями и политическими убийствами» (с. 98), но в тексте не названо ни одной её жертвы. Рассказав о борьбе Маркова с щигровскими либералами на земских и городских выборах 1910 г., автор указывает, какого результата удалось добиться в уезде, но забывает про город (с. 103–104). На с. 136 упоминается «разрыв» Маркова с курским губернатором Н.П. Муратовым, ярким представителем крайне правого крыла высшей бюрократии, т.е. в общем единомышленником черносотенцев, но причины и обстоятельства конфликта не раскрываются. На с. 380 говорится о неудачной попытке Маркова быть избранным в Государственный совет в 1915 г., при этом не указывается

ни курия, по которой баллотировался правый политик, ни обстоятельства и причины неудачи.

Иногда исследователь допускает некоторые фактические неточности. Так, по его словам, «чтобы не путать двух депутатов-родственников, по сложившейся думской традиции к их фамилиям были добавлены номера: дядя [Н.Л. Марков], как старший, стал именоваться Марковым 1-м, а его племянник [Н.Е. Марков] — Марковым 2-м» (с. 115). Однако такая традиция существовала в правительственном аппарате, в Думе же присвоение депутатам-однофамильцам (включая родственников) номеров до этого случая не практиковалось. Явной модернизацией для 1911 г. представляется выражение «полковник МВД» (с. 274),

тогда как в Российской империи все офицеры и генералы, в каком бы министерстве они ни служили, числились по военному ведомству. П. фон Гинденбург в 1918 г. имел чин не генерала (с. 438), а генерал-фельдмаршала. Р. Пуанкаре в 1922 г. являлся уже не президентом Франции (с. 496), а председателем Совета министров и министром иностранных дел. Граф Д.А. Толстой руководил учебным ведомством в 1866–1880 гг., а не «в царствование Александра III» (с. 209).

Разумеется, эти недостатки не умаляют научной ценности работы, которая внесла значительный вклад в историческую науку, обогатив её полной и объективной биографией видного общественно-политического деятеля начала XX в.

Александр Репников

Н.Е. Марков и его борьба*

Aleksandr Repnikov

(All-Russian Scientific and Research Institute for Record and Archives Management, Moscow)

N.E. Markov and his struggle

DOI: 10.31857/S2949124X24030176, EDN: GCGKJS

Доктор исторических наук А.А. Иванов продолжает изучать судьбы скандально известных черносотенцев, заседавших в Государственной думе. Логичным продолжением двух изданий биографии В.М. Пуришкевича¹ стала монография о Н.Е. Маркове, также прославившемся яркими выступлениями, эпатажем и непримиримостью ко всему революционному. После 1917 г. он принял деятельное участие в Гражданской войне, затем играл видную роль в кругах правой эмиграции,

всё более убеждаясь в связи революционного движения с «заговором» евреев и масонов, сотрудничал с нацистами и приветствовал их нападение на СССР. Его жизнь завершилась 22 апреля 1945 г. на руинах Третьего рейха в Висбадене (город к тому времени уже заняли американские войска).

В книге Иванова нет апологии взглядов и личности «вождя чёрной реакции», но чувствуется желание понять его жизненный путь и заполнить «белые пятна» с помощью

* *Иванов А.А. Вождь чёрной реакции: Николай Евгеньевич Марков. СПб.: Владимир Даль, 2023. 639 с.*

новых источников, извлекаемых из российских и зарубежных архивов и подшивок полузабытых газет. Есть в этом и потребность в исторической справедливости. Всё же, как отмечает автор, «крови на руках Маркова не было... он не организовывал еврейских погромов, нет доказательств его причастности к каким-либо политическим убийствам, он не проливал кровь своих соотечественников на полях сражений, не отдавал преступных приказов, не принимал участия в карательной политике нацистов... едва ли правый политик совершил в своей жизни больше зла, чем это сделали революционные террористы или организаторы большевистского террора, однако до сих пор имя Маркова более одиозно, чем, например, имена Савинкова или Троцкого» (с. 625). Впрочем, поклонникам «войны тёмных сил» и любителям «теории заговора» эта книга покажется слишком скучной, особенно по сравнению с перепечатками текстов самого Маркова, в которых после первой, сильно сокращённой книжки, вышедшей в издательстве «Москвитянин», давно уже нет недостатка².

В 1947 г. «Русская мысль», запоздало откликаясь на смерть Маркова, писала, что из жизни «ушёл один из видных представителей русской монархической мысли» (с. 622). Однако книга Иванова как раз опровергает это утверждение. Представителями монархической *мысли* являлись такие современники Н.Е. Маркова, как Н.П. Аксаков, А.А. Киреев, А.С. Суворин, Л.А. Тихомиров, С.Ф. Шаляпов и др. На фоне их сочинений публицистика Маркова (а также А.И. Дубровина, В.М. Пуришкевича и проч.) выглядит, скорее, как оскудение и примитивизация правых идей. Марковские рассуждения о масонстве и его антисемитизм, лишь усиливавшиеся по мере старения и разорения

политика, вторичны даже для подобного рода литературы. Какой-нибудь Г.В. Шварц-Бостунич с его оккультными изысками, пожалуй, более «оригинален».

Марков-практик гораздо интереснее. До революции его деловые качества и, в частности, умение добиваться финансовой поддержки от правительства вызывали осуждение, в том числе и среди черносотенцев (например, у Б.В. Никольского). В этом усматривалось проявление зависимости от Департамента полиции, унижавшее правое движение. Хотя сам Марков в письме к председателю Думы М.В. Родзянко настаивал на своей полной самостоятельности. Сейчас подобные претензии кажутся странными. Ведь царская власть не только могла, но и *должна была* укреплять монархические партии, поскольку любой режим (авторитарный, советский, демократический, олигархический) в первую очередь поддерживает не противников, а *своих*.

Так или иначе, после разгрома правых в февральско-мартовские («отреченные») дни 1917 г.³ Марков один из немногих продолжал бороться как мог, проявляя личное мужество и изобретательность. Черносотенные партии и издания были запрещены, «большинство монархических организаций Петрограда подверглись настоящему погрому, а их лидеры — арестам» (с. 408). Громя особняк, где располагался Главный совет Союза русского народа, торжествующие победители через разбитые окна выбрасывали монархические брошюры, воззвания и портреты и жгли «эти вредные листки» на костре, разведённом на улице (с. 409). На фоне возможной физической расправы совсем невинно звучала просьба прихожан Михайло-Архангельского храма удалить Маркова с должности церковного старосты «как черносотенника

старого правительства» (с. 411). При аресте ему, помимо прочего, вменялась в вину «подготовка преступных элементов, устраивающих покушения на известных политических деятелей» (с. 415). Такое обвинение выглядело особенно пикантно, поскольку отслеживала Николая Евгеньевича группа под руководством эсеровского боевика И.И. Голощапова⁴.

На допросах в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Марков «держался спокойно, вёл себя смело и порой даже вызывающе» (с. 416), и в результате был освобождён. Его ждала нелегальная жизнь в Петрограде, поездки в Москву, череда приключений («скрываясь от преследования, пришлось просидеть ночь в реке под Сестрорецком»). Наблюдая за крахом Временного правительства и действиями большевиков, захвативших власть, черносотенец одобрил разгон Учредительного собрания и констатировал, что свою долю вины за падение самодержавия несёт политическая и военная элита Российской империи. Конечно, роль марковской организации в попытках спасения царской семьи и в антисоветском подполье в годы Гражданской войны, а также возможные контакты Маркова летом 1918 г. с патриархом Тихоном (с. 437) требуют новых исследований. Пока они изложены только широкими мазками, без необходимой детализации, но с обширными цитатами из ранее неизвестной марковской публицистики в газете «Белый крест». Заслуживает внимания и участь родственников Николая Евгеньевича, в частности, его дочери Л.Н. Марковой (в замужестве Шишеловой), расстрелянной 30 декабря 1937 г. Как утверждает Е.Л. Мороз, она была «одной из самых преданных учениц» оккультиста А.В. Барченко⁵. Однако в опубликованных А.Л. Никитиным материалах

следственных дел информации о ней нет.

Деятельность Маркова за границей очерчена в четырёх главах книги, одна из которых справедливо названа «Эмигрантские склоки». Перед читателем проходят «Союз верных», Рейхенгалльский съезд, Высший монархический совет, Второй монархический съезд в Париже, великие князья Николай Николаевич, Кирилл Владимирович и Владимир Кириллович, конфликты Маркова с бароном П.Н. Врангелем и РОВС, столкновения с либералами, естественно, на дух не переносившими черносотенца (к примеру, Н.А. Бердяев буквально не желал стоять с ним рядом в одной церкви (с. 478)), ложные обвинения в причастности к покушению на П.Н. Милюкова, в результате которого погиб В.Д. Набоков (с. 471–474), бесплодные попытки объединить монархистов, тогда как они всё больше разъединялись, наконец, события, связанные с чекистской операцией «Трест» (с. 483–491, 555–556). Ожидания «весеннего похода» в СССР высмеивались уже в самой эмиграции, а Марков по-прежнему надеялся на «скорый поход против Москвы» (с. 535).

Во всяком случае, с евразийцами, новопоколенцами, младороссами и тем более сменовеховцами ему точно было не по пути⁶. Его симпатии к фашизму и нацизму тщательно проанализированы в книге. Однако те нюансы, которые Марков высказывал в частных письмах, в его публикациях отсутствовали. В огне Второй мировой войны никого не интересовало то, что он видел в национал-социализме «лишь меньшее зло по сравнению с коммунизмом и демократией, но отнюдь не желанный для него идеал» (с. 593). Время требовало чёткого определения позиции, и фразы о том, что «Марков сблизился с германскими нацистами,

но не превратился в слепого последователя Гитлера» (с. 597), ничего не меняют. Нападение на СССР и начавшуюся войну Николай Евгеньевич приветствовал. Как приветствовал её и Д.С. Мережковский, выступивший по радио с речью «Большевизм и человечество». Некоторое время позитивно отзывался о Гитлере И.С. Шмелёв. Через симпатии к фашизму прошёл И.А. Ильин. Все они тоже не были «слепыми последователями», но... первичная ненависть к большевизму логически привела их на этот путь. Ведь если большевизм для них — абсолютное зло, то *любой* борец с ним становится злом меньшим.

Примечания

¹ Иванов А.А. Владимир Пуришкевич. Опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011; Иванов А.А. Пламенный

реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб., 2020.

² Марков Н.Е. Войны тёмных сил. М., 1993; Марков Н.Е. Войны тёмных сил. Статьи 1921–1937 / Сост. М.Б. Смолин. М., 2008; Марков Н.Е. Думские речи. Войны тёмных сил / Сост. Д.И. Стогов. М., 2011.

³ Марков Н.Е. Отреченные дни Февральской революции 1917 года. Харбин, 1938.

⁴ Подробнее см.: Квасов О.Н. Террористический компонент социально-политических процессов в Курской губернии начала XX века // *Via in tempore*. История. Политология. 2011. № 19(114). Вып. 20. С. 169–170.

⁵ Как пишет историк, в 1918 г. А.В. Барченко посещал кружок оккультистов, который возглавлял Д.В. Бобровский (двоюродный брат Н.Е. Маркова), и якобы, что весьма сомнительно, именно там познакомился с Николаем Евгеньевичем и его дочерью (Мороз Е.Л. Коммунизм и еврейская магия: эпизод истории двадцатых годов // Нева. 2005. № 6. С. 175–193).

⁶ Подробнее см.: Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н.Е. Маркова в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 140–156.

Арсений Соколов

Масон Великого Востока народов России П.М. Макаров*

Arseny Sokolov

(The State Hermitage museum, Saint Petersburg, Russia)

The Mason of the Great East of the peoples of Russia P.M. Makarov

DOI: 10.31857/S2949124X24030189, EDN: GBXWWS

Монография П.Н. Гордеева на данный момент — единственное всестороннее исследование жизни и деятельности Павла Михайловича Макарова (1872–1922), ставшее итогом многолетнего поиска, анализа и обобщения разнообразных, как правило, отрывочных сведений, сохранившихся в архивных делах, в периодической печати и мемуаристике. Особый интерес представляют выявленные Гор-

деевым в Коллекции отдельных документов и мемуаров эмигрантов ГА РФ (ф. Р-5881) небольшие очерки Макарова о событиях 1917 г., в том числе о сопровождении царской семьи в Сибирь. Эти воспоминания опубликованы в качестве приложений к его биографии (с. 173–212).

Хотя в названии книги Макаров представлен как «гражданский инженер», и его профессиональным

* Гордеев П.Н. Гражданский инженер П.М. Макаров и его воспоминания о революции и царской семье. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 236 с., ил.

качествам посвящена значительная часть текста, конечно, гораздо важнее сюжеты, связанные с общественно-политической жизнью России. Гордеев блестяще реконструировал обстоятельства знакомства и дружбы Макарова с известным эсером-террористом Б.В. Савинковым, женатым на сестре однокурсника и близкого друга Павла Михайловича. Как установил историк, в 1905 г. Макаров симпатизировал и помогал эсерам. Став гласным Санкт-Петербургской думы на 1910–1916 гг., он не успел включиться в её работу, поскольку уже в начале 1911 г., когда инженер возвращался из Парижа (где встречался с Савинковым), его арестовали на границе и продержали с февраля по апрель в Петропавловской крепости, после чего уволили со службы в Главном управлении неокладных сборов и казённой продажи питей Министерства финансов и выслали в Ригу. Правда, уже в 1912 г. ему разрешили вернуться в столицу (с. 55–56, 61, 65, 78–79). В годы Первой мировой войны он присоединился к кружку, собиравшемуся вокруг З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского, а в марте 1917 г. получил пост помощника комиссара над бывшим Министерством императорского двора и уделов. Вероятно, этому способствовали его масонские связи, и их необходимо рассмотреть подробнее, учитывая собранные Гордеевым данные, которые, казалось бы, порою не имеют прямого отношения к масонству, но вместе с тем не могут быть объяснены без понимания характерных для него форм общения и взаимодействия.

Возобновление работы масонских лож в России в начале XX в. произошло по инициативе русских эмигрантов, посвящённых в масоны за границей, а затем приехавших в Санкт-Петербург и Москву (М.М. Ковалевский, Е.И. Кедрин, Н.Н. Баженов и др.). Макаров при-

надлежал уже ко второй волне «призыва» в ряды вольных каменщиков. В ноябре 1907 г. его приняли, по свидетельству кн. Д.И. Бебутова, в петербургскую ложу Великого Востока Франции, во главе которой стоял профессор Ковалевский¹. В то же время к ней присоединились присяжный поверенный П.Н. Переверзев (будущий министр юстиции Временного правительства) и профессор Г.Л. Тираспольский². Макаров сразу включился в масонскую работу и в начале 1908 г. вместе с кн. Д.И. Бебутовым, А.А. Демьяновым, Е.И. Кедриным, Г.Х. Майделем, М.С. Маргулиесом, гр. А.А. Орловым-Давыдовым ездил в Москву для проведения церемонии посвящения новых кандидатов. Тогда при его участии в московскую ложу «Возрождение» (также работавшую в союзе Великого Востока Франции) приняли бывших депутатов I Думы кн. С.Д. Урусова и В.П. Обнинского, присяжных поверенных С.А. Балавинского, О.Б. Гольдовского и И.Н. Сахарова, актёра А.И. Сумбатова (Южина) и видного рязанского земского деятеля А.К. Дворжака. В мае 1908 г. прибывшие в Петербург эмиссары Великого Востока Франции провели официальную инсталляцию ложи «Полярная звезда», к которой принадлежал Макаров (её «досточтимым мастером» с 1908 г. являлся гр. Орлов-Давыдов). Собственноручная подпись Павла Михайловича имеется в списке братьев, составленном тогда на французском языке и отправленном в Париж. Как и другие братья «Полярной звезды», он подписал также клятву Великому Востоку Франции³.

Находясь ещё в степени ученика и не занимая в ложе офицерских должностей, Макаров вёл себя весьма активно. На одном из заседаний он вместе с Маргулиесом потребовал от секретаря «Полярной звезды» кн. Бебутова, заподозренного братьями

в провокаторстве, удалить из его комнаты всю масонскую символику и переоборудовать её в жилое помещение. Потом они пожелали увидеть его масонский диплом, выданный Великим Востоком Франции, и клятвенное обещание. «Только я их достал, — вспоминал князь, — Макаров, не дождавшись никаких решений, как зверь бросился рвать бумагу и так стремительно, что никто не успел произнести слова. Все начали кричать, кто протестовать, кто одобрять, нельзя было ничего разобрать. Самый главный документ был уничтожен. Этот день — последний день масонства в России, и я ещё раз убедился, что масонство не для русских»⁴.

В феврале 1910 г. состоялось общее собрание делегатов русских лож Великого Востока Франции. Макаров участвовал в нём вместе с эсером С.Д. Масловским (Мстиславским), представляя «Военную ложу»⁵. На этой встрече было принято решение объявить о самороспуске мастерских, дабы помешать полиции их раскрыть. Однако фактически они продолжали действовать и лишь прервали отчётность перед парижским центром и перестали звать на заседания некоторых братьев, не внушавших доверия. Вскоре обновлённые ложи постановили именовать свою организацию Великим Востоком народов России (ВВНР). Макаров играл в ней далеко не последнюю роль.

А.Я. Гальперн в 1928 г. рассказывал, что в 1911 г. был принят в «мастерскую», председателем («венераблем») которой являлся Демьянов, оратором — Переверзев, старшим надзирателем — Макаров, младшим — А.И. Браудо. В ложу также входили Масловский, адвокаты Б.Г. Барт, В.А. Виноградов (в 1907–1917 гг. — депутат Государственной думы), А.Ф. Керенский, и архитектор Я.Я. Брусов⁶. Хотя ложи формировались обычно по террито-

риальному признаку, в данном случае нельзя не обратить внимание на левые взгляды её членов: народный социалист Демьянов, эсеры Масловский и Переверзев, примыкавший к меньшевикам Гальперн, пока ещё беспартийный Керенский, вступивший затем в думскую фракцию трудовиков, и близкий друг Савинкова Макаров. Из всех членов ложи только Виноградов представлял левое крыло «буржуазной» партии кадетов. Имела она и некий профессиональный оттенок, будучи не только «левацкой», но и «адвокатско-архитекторской». Причём, как установил Гордеев, Макаров и Брусов в 1890-е гг. вместе учились в Институте гражданских инженеров и сохраняли дружеские отношения на протяжении всей жизни. В 1905–1906 гг., войдя в состав правления Общества гражданских инженеров, они пытались втянуть его в революционное движение. После вступления в масонство Макаров и Брусов привлекали братьев по ложе и к своим деловым операциям. Так, в мае 1913 г. Макаров и Брусов как члены правления Санкт-Петербургского строительного товарищества подписали с заказчиком договор на постройку дома на 6-й линии Васильевского острова. После окончания строительства в феврале 1915 г. Товарищество выкупило здание себе, причём эту сделку «по доверенности» от Макарова и Брусова заключил председатель их «мастерской» Демьянов (с. 81–82).

Незадолго до Первой мировой войны Макаров вошёл в руководящий орган ВВНР — Верховный совет, члены которого желали тогда привлечь к масонству Мережковского и Гиппиус и даже решили открыть для этого специальную ложу. Любопытно, что именно в то время в Петрограде сложился довольно тесный кружок, включавший, помимо Мережковского и Гиппиус, председателя Религиозно-

философского общества А.В. Карташёва, философа-мистика А.А. Майера, а также, казалось бы, далёких от метафизики Керенского, Макарова и Н.Д. Соколова, принадлежавших к ВВНР. В 1915–1916 гг. они часто собирались на квартире Павла Михайловича, где, по словам Д.В. Философова, «всегда был хороший приятный ужин» (с. 99–100). Возможно, эти встречи перетекали и в заседания логи.

Осенью 1915 г., как вспоминал Гальперн, Масловский, которого некоторые масоны начали подозревать в азефовщине, после длительного отсутствия явился на заседание ячейки Демьянова и предложил организовать убийство Николая II, против чего резко выступили кн. Г.Д. Сидамон-Эристов и Брусов. Макаров, Демьянов, Гальперн и Браудо выразили «общее мнение, что в братском порядке говорить о такого рода делах нельзя, так как они не могут входить в задачи братства; в персональном же порядке все присутствующие братья относятся к предложению в высшей степени отрицательно». Верховный совет, обсудив случившееся, решил немедленно исключить Масловского из организации («усыпить»)⁷. После Конвента 1916 г. и переформирования Верховного совета ВВНР Макаров покинул его состав, оставшись активным членом по меньшей мере двух столичных лож (Демьянова и Мережковского). Вместе с тем, как отмечает Гордеев, «к 1917 г. Павел Макаров уже был человеком, далёким от крайнего радикализма, который шесть лет назад довёл его до тюрьмы на Заячьем острове» (с. 106).

При Временном правительстве Керенский начал активно привлекать на разные государственные посты своих сторонников и братьев, Макаров 4 марта занял должность товарища правительственного комиссара над имуществами Министерства Импе-

раторского двора и уделов. В первые дни революции его непосредственным руководителем (комиссаром) являлся назначенный Временным комитетом Государственной думы октябрист Н.Н. Львов, но вследствие интриг Керенского и Макарова он взял самоотвод, уступив место бывшему председателю II Думы и члену Верховного совета ВВНР Ф.А. Головину (с. 104).

С весны 1917 г. Керенский постоянно старался держать отрেকেвшегося императора под собственным контролем, окружая его людьми, на которых мог полностью положиться. Неудивительно, что больше всего он доверял масонам ВВНР. Ещё в марте комендантом царскосельского Александровского дворца, где содержалась царская семья, стал его брат по ложе полковник П.А. Коровиченко⁸. За Урал Николая II сопровождал Макаров, а сменивший его по указанию Керенского другой член ВВНР — В.С. Панкратов — исполнял обязанности «комиссара по охране бывшего царя Николая Александровича Романова, его супруги и его семейства в Тобольске» до конца января 1918 г.⁹

Летом 1917 г. в Россию вернулся Савинков, поселившийся в Петрограде на квартире Макарова и явно не без его участия и влияния по приезду принявший посвящение в ложе Демьянова¹⁰. Став «своим» для ВВНР, он тут же начал получать от Керенского всё более и более ответственные поручения: сначала стал комиссаром Юго-Западного фронта, затем товарищем военного министра и, наконец, управляющим военным и морским ведомствами и генерал-губернатором Петрограда и окрестностей. Согласно воспоминаниям Макарова, которые опубликовал Гордеев, в середине августа настроение Керенского неоднократно менялось. Он то восхищался Савинковым, то ревновал и опасался того уважения, каким бывший террорист пользовался среди

офицеров Генерального штаба. При этом сам Макаров беспрепятственно и довольно бесцеремонно часами просиживал в кабинете премьер-министра, пытаясь уладить назревавший конфликт (с. 192–204). Но размолвка всё же произошла, и после корниловского выступления Савинков лишился всех постов и покинул правительство. Макаров же и Головин сохранили своё положение вплоть до захвата власти большевиками.

Гражданская война лишила ВВНР возможности работать в России. Многим масонам пришлось бежать за границу. Гордеев привёл в книге несколько фрагментов из писем Макарова к Демьянову, в которых бегло упоминалось о судьбе бывших членов лож кн. Г.Д. Сидамон-Эристов, Н.С. Чхеидзе, С.А. Балавинского, П.Н. Переверзева в 1919–1922 гг. (с. 142). 20 января 1921 г. Павел Михайлович сообщил о своём вынужденном отъезде из России в марте 1920 г., «накануне самого падения Новороссийска», и о том, что на Лемносе и в Константинополе он встретил многих старых знакомых (в частности, кадетов К.Г. Голубкова и кн. В.А. Оболенского). При этом Макаров, по его словам, переписывался лишь с Балавинским, «ибо один только отвечает мне на письма, все остальные молчат» (с. 144–145). Следует учесть, что именно Балавинский в те годы являлся секретарём Верховного совета ВВНР, и «по должности» поддерживал связь с братьями¹¹. Переехав в Париж, он попытался возобновить работу лож в эмиграции и наладить отношения с Великим Востоком Франции, поскольку его, как и Макарова, принимали ещё во французскую ложу, и они оставались их членами (в отличие от Гальперна или Керенского, вступивших позже уже в «нерегулярные ложи»). 15 февраля 1922 г. Балавинский известил Макарова, перебравшегося в Чехословакию,

о том, что «у нас, кстати, заварилось “наше дело”, и я занят установлением связей с французами. Одна ячейка действует»¹². Но Павел Михайлович, на тот момент — один из «старейших и виднейших русских масонов», уже успел разочароваться в масонстве, как, видимо, и во многих других своих политических и общественных идеалах. 17 мая 1922 г. в письме к Демьянову он обругал братство, заявив, что ему «противны и поганы лицемеры всех стран и национальностей, и в особенности наций победительниц, т.е. французов и жидов». Как констатирует Гордеев, «такие признания из уст русского левого общественного деятеля, бывшего узника Петропавловской крепости и члена Верховного совета русского масонства, свидетельствуют о глубоком идейном переломе, вызванном в душе П.М. Макарова трагическими событиями революции и Гражданской войны» (с. 149). В занятиях ВВНР в эмиграции он явно не видел смысла, надеясь лишь на то, что французы всё же окажут материальную помощь семьям умерших русских братьев.

Монография П.Н. Гордеева — глубоко фундированное исследование, в котором биография гражданского инженера и архитектора реконструируется на фоне бурных социально-политических событий первой четверти XX в. Макаров был представителем российской интеллигенции, увлекавшейся революцией, искавшей самовыражения в Государственной думе, в органах местного самоуправления, в различных общественных учреждениях и в масонских ложах. Но, как показано в монографии, все эти деятели, ратовавшие за крушение царского режима, а в 1917 г. превратившиеся в политическую элиту, в ходе Гражданской войны оказались выкинутыми из страны, будто ненужный сор, со всеми своими идеалами «свободы, равенства и братства».

Примечания

¹ Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990. С. 128.

² Elkin B. Attempts to Revive Freemasonry in Russia // The Slavonic & East European Review. Vol. XLIV. July 1966. № 103. P. 465.

³ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 128–129; Elkin B. Op. cit. P. 463, 465–466.

⁴ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 144. По свидетельству кн. В.Л. Вяземского, приезжавшие в мае 1908 г. эмиссары Великого Востока Франции «снабжали русские ложи кипами подписанных “ан блан” мастерских дипломов, что в дальнейшем повело к ряду недоразумений» (Вяземский В. Первая четверть века существования зарубежного масонства // Новый журнал (Нью-Йорк). Кн. 161. 1985. С. 235), и кн. Бебутова подозревали в подделке собственных документов.

⁵ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 128–129, 143–144, 146. О деятельности этой ложи, просуществовавшей около года, почти ничего не известно. Её возглавлял некто Андрея-

нов, секретарём состоял «инженер Тимофеев», а оратором — Масловский. Возможно, к началу 1910 г. Макаров занял в ней место Тимофеева, которого, как вспоминал кн. Бебутов, перевели из Петербурга в Киев.

⁶ Там же. С. 51. А.И. Серков, не раскрывая источник своих сведений, включает в состав «Ложи Гальперна» также А.М. Колюбакина, Н.В. Некрасова и Н.Д. Соколова (Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 1143). Однако какими-либо документами их принадлежность к данной «мастерской» не подтверждается.

⁷ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 65–66.

⁸ Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года. В 4 т. Т. 1. М., 2001. С. 34. О членстве П.А. Коровиченко в ложе В.А. Виноградова сообщал В.Я. Гуревич (Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 101).

⁹ Панкратов В.С. С царём в Тобольске. Из воспоминаний. Л., 1990.

¹⁰ Николаевский Б.И. Указ. соч. С. 72, 100.

¹¹ Там же. С. 56.

¹² ГА РФ, ф. 6632, оп. 1, д. 72, л. 1.

Валентин Шелохаев

Государственное совещание в перекрестии противостояния*

Valentin Shelokhaev

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Moscow State Conference in the crosshairs of confrontation

DOI: 10.31857/S2949124X24030198, EDN: GBXMUS

Основой монографии А.Б. Николаева послужила его кандидатская диссертация «Борьба сил революции и контрреволюции в связи с созывом Государственного совещания (апрель–август 1917 г.)», защищённая в апреле 1990 г. (с. 27–28). А если учесть, что первые статьи автора по истории Государственного совещания появились ещё в 1987 г., то вполне очевидно, что эта тема не «оставляла» Николаева фактически 35 лет. По сути, между начальной и конечной датой превраще-

ния рукописи диссертации в монографию пролегли две историографические эпохи — советская и постсоветская, с принципиально разными теоретико-методологическими подходами к оценке всего комплекса событий после Февральской революции. За этот период Николаев проделал значительную работу по осмыслению самой революции и последующего весьма сложного и неоднозначного исторического процесса. С каждым новым исследованием автор продолжал рас-

* Николаев А.Б. Государственное совещание 1917 года: созыв, состав, деятельность. СПб.: Астерион, 2022. 480 с.

ширять источниковую базу, обогащать собственный теоретический и методологический инструментарий.

Характерно, что в рецензируемой монографии Николаев также не изменил своей исследовательской манере. Взяв за основу историю Государственного совещания (возникновение и эволюция самой идеи, характеристика состава и четырёхдневной деятельности), он предпринял в целом продуктивную попытку показать место и роль данной структуры в динамичном революционном процессе апреля—августа 1917 г.

Значительный хронологический промежуток между кандидатской диссертацией и монографией является собой также непростой период трансформационных перемен в исследовательских подходах и оценках автора. В этом убеждает его стремление не только к значительному расширению источниковой базы, но и способность творчески переосмыслить некоторые из своих прежних оценочных суждений, что вполне нормально для подлинной науки (в самом широком смысле этого слова). Безусловно, позитивным моментом является и то, что Николаев посвятил монографию своему ныне покойному научному руководителю, доктору исторических наук О.Н. Знаменскому.

По мнению автора, идея созыва Государственного совещания логически «увязана» с апрельским и июльским кризисами 1917 г. Речь идёт о проектах консерватора В.В. Шульгина, октябриста И.В. Годнева, Комитета московских общественных организаций, лидеров ведущих политических партий либеральной и социалистической ориентации. Причём эта «увязка» детально прослеживается именно с апрельским кризисом и в гораздо меньшей степени с июльским, что, на мой взгляд, не совсем корректно. Дело в том, что эти кризисы по своим основаниям и воз-

действию на общественное сознание существенно отличались друг от друга. Динамика революционного процесса между апрелем и июлем 1917 г. претерпела качественные изменения, что и обусловило подвижки в каждом из составляемых данного процесса.

Большое внимание в монографии уделено характеристике ролевых функций основных акторов, заинтересованных в созыве Государственного совещания. Временное правительство, члены Государственной думы I—IV созывов, общественные круги (прежде всего Москвы), ведущие политические партии преследовали собственные цели. Использование автором весьма широкого круга источников (в первую очередь периодической печати) позволяет значительно расширить исследовательские представления о замыслах и надеждах на созыв Государственного совещания со стороны правительственных, общественных, партийных и военных кругов. Вместе с тем, на мой взгляд, Николаеву следовало теснее увязать проблему созыва Государственного совещания с динамикой революционного процесса и с изменениями, имевшими место в идеологических, программных и особенно тактических представлениях вышеназванных акторов.

Рецензируемая монография — по сути, первая в историографии масштабная попытка воссоздания максимально полной картины состава Государственного совещания, в значительной степени отражающей реальную расстановку общественно-политических и партийных сил на данном этапе постфевральского революционного процесса. Именно им в скором времени предстояло «помериться силами» друг с другом, что, в свою очередь, привело к коренному перелому в исторических судьбах России. Предпринятые автором подсчёты

общего количества участников Государственного совещания (2600—2800 человек) и уточнения их принадлежности к тем или иным структурам, заслуживают высокой оценки.

Особо стоит отметить третью главу, в которой впервые в историографии столь подробно и обстоятельно анализируются ход и итоги четырёх дней работы Государственного совещания. Его деятельность Николаев смог показать во внешнем и внутреннем контурах. В первом случае (на основе тщательной проработки периодики) автор изложил совокупность событий, имевших место вне Государственного совещания. Во втором (на основе стенографического отчёта и материалов прессы) — он показал, что происходило на пленарных заседаниях, в процессе работы различных групп и партийных фракций. Подчеркну, что всё это сделано автором на высоком профессиональном уровне и будет весьма позитивно воспринято не только специалистами, но и широким кругом читателей. По сути, речь идёт о воспроизведении впечатляющей картины, образно говоря, тщательно организованного «театрализованного представления» с участием представителей общероссийских и национальных, государственных и общественных, партийных и беспартийных групп, выразивших разновекторные интересы различных социальных страт и политических партий.

По подсчётам Николаева, в рамках регламента на Государственном совещании выступили 87 ораторов. Подробно проанализированы речи членов Временного правительства, представителей военных и общественных кругов, лидеров ведущих политических партий. Обстоятельно исследована реакция прессы на выступления участников совещания. Автор специально обратил внимание

на явную политизацию практически всех выступлений, что, в свою очередь, отражало настроения российского общества в условиях всё более обостряющегося политического кризиса.

Исследовательского внимания заслуживают общие выводы и наблюдения автора, получившие своё отражение в специальном параграфе «Итоги Государственного совещания» и в заключении к монографии. В принципе, с ними вполне можно согласиться. Если в обобщённом виде сформулировать итоги Государственного совещания, то они, ещё раз подтвердив верность первоначальным политическим лозунгам Февральской революции («консолидация живых сил страны», курс на «правительственную коалицию»), оказались, как отмечает автор, «противоречивыми для всех политических сил, принимавших в нём участие» (с. 380, 384—385). От себя добавлю, что участники Государственного совещания в условиях обострения политического кризиса в стране продолжали мыслить и действовать традиционно, продемонстрировав тем самым свою неспособность адекватно воспринимать динамично меняющуюся историческую реальность.

Вместе с тем ряд оценочных утверждений, содержащихся в монографии (например, «мартовская политическая система», Государственное совещание — «суррогат совещательного парламента») свидетельствуют о наличии ещё не преодоленных автором историографических стереотипов. В условиях «Большого взрыва», спровоцированного Первой мировой войной и Февральской революцией, говорить не только о сложившейся, но даже о формирующейся новой политической системе просто не приходится, ибо для этого требовался весьма длительный процесс. Николаев

считает Государственное совещание «суррогатом парламентаризма», однако в российской действительности того времени никакого парламентаризма не существовало. Не соответствует исторической реальности и понятие «партийная система».

Суть проблемы своими корнями уходит в пореформенный период, так и не приведший к формированию ни гражданского общества, ни правового государства. Он представлял собой сублимацию «рывков» и «откатов», накладывавших друг на друга различные тенденции экономического, социального, идеологического и политического развития России. По образному выражению М.Я. Гефтера, Россия представляла собой «Мир миров», в котором были причудливо и неразрывно переплетены традиции и новации. Речь идёт о старых и новых экономических укладах, социальных стратах, мировосприятии, мировоззрении и мироощущении, старых общественных группировках и новых политических партиях, старых религиозных традициях и новейших формах национализма и сепаратизма.

Первая мировая война и Февральская революция предельно обострили и накалили ситуацию в этом «Мире миров», где продолжала оставаться Россия в начале XX в. Парадоксальность ситуации состояла в том, что, с одной стороны, она стремительно менялась, а с другой — с той же стремительностью вновь и вновь возрождала прежние традиции, которые по логике вещей уже должны были уйти в невозвратное далёкое прошлое. Эту способность к одновременному восприятию нового и старого нужно учитывать как при использовании понятийного аппарата, так и при постановке исследовательских проблем.

Например, понятия «контрреволюция», используемые в историографии для дофевральского и постфев-

ральского периода, представляются различными по своему смысловому содержанию. Исследователи должны осознавать, что речь идёт о разных типах контрреволюций, порождённых разными историческими периодами, социальными и политическими акторами. Следует также учитывать динамичный процесс трансформаций в области разновекторных идеологий, программах, стратегии и тактике общероссийских и национальных политических партий. Динамичные сдвиги имели место в новых и старых структурах: Временный комитет Государственной думы, смена составов Временного правительства, изменение соотношения политических сил и партий в общественных организациях, в том числе в органах местного самоуправления и Советах, демократизация структур армии и флота. Ещё более динамично развивались события в социальной сфере. Менялись структуры общероссийских и национальных политических партий, которые (практически все без исключения) пересматривали и корректировали свои программы и тактики, пытаясь угнаться за массовым сознанием и массовым движением.

Первая мировая война и Февральская революция, образно говоря, открыли «ящик Пандоры», выплеснув на поверхность как разрушительные, так и созидательные силы, соотношение которых продолжало неоднократно меняться на протяжении длительного исторического отрезка, охватывающего не только период от Февраля до Октября 1917 г., но и годы Гражданской войны и ещё более отдалённый период истории России. Всё вышесказанное требует, на мой взгляд, дальнейшего творческого осмысления периода 1914–1922 гг. как единого исторического процесса. Одним из ключевых теоретико-методологических моментов этого

осмысления должно стать глубокое и всестороннее изучение роли и значения инициативного меньшинства, которое, будучи социально и идеологически неоднородным и разнотекторным, попыталось предложить российскому обществу различные модели его переустройства. Одним из родовых свойств этого меньшинства являлся монолизм и, следовательно, органическая неспособность к диалогу, что стало одной из базовых причин назревания и обострения конфронтации в российском многополярном социуме. Эту органическую неспособность зримо продемонстрировали новые институты и структуры в лице Временного правительства, Советов, общественных организаций, общероссийских и национальных политических партий. Возглавляемые представителями инициативного меньшинства, эти институты и структуры оказались не в состоянии подняться до уровня осознания общенациональных интересов. Увязнув в бесконечных дебатах о преимуществах собственных идеологий и программ, стратегий и тактик, они подпитывали (хотели они того или нет) массовую стихию.

Деятельность различных составов Временного правительства, Государственного и Демократического совещания, Директории убедительно показали неспособность инициативного меньшинства найти мирный и конструктивный выход из обостряющейся политической ситуации. Это породило идею диктатуры либо справа, либо слева, что неизбежно втягивало страну в братоубийственную Гражданскую войну. В этой логике развития революционного процесса деятельность Государственного, а затем и Демократического совещания представлялась бесперспективной. Более того, эти совещания стали дополнительным фактором разрастания

массовой стихии в стране. С одной стороны, массы приняли активное участие в подавлении генеральской диктатуры, с другой — они же способствовали передвижке партийных сил в Советах, широко раскрыв тем самым двери для установления диктатуры большевистской. Примерно в этой логике развивались и европейские революции, особенно Французская 1789 г., завершившаяся установлением личной власти Наполеона Бонапарта.

Попытки установить диктатуру справа, разделяемые общественными кругами и в определённой степени правым крылом и центром кадетской партии во главе с П.Н. Милюковым, обуславливались, прежде всего, стремлением обуздать стихию массового движения, провоцируемую левоэкстремистскими элементами социалистических партий. Это был иной тип, отличный, например, от диктатуры, на введение которой в разные исторические периоды настаивали М.Т. Лорис-Меликов и Д.Ф. Трепов. Делая ставку на генерала Л.Г. Корнилова и его сподвижников в лице Союза офицеров армии и флота, сторонники установления диктатуры справа рассчитывали на то, что им удастся сохранить за собой политический контроль над военными и упрочить завоевания Февральской революции, поставить заслон дальнейшему развитию экстремизма и анархизма в стране. Да и сам Корнилов, как известно, не стремился к реставрации дореволюционных порядков и тем более самодержавия. Поэтому, обвиняя генерала и его сподвижников в контрреволюции, следовало бы различать типы контрреволюции, цели и задачи, которые они преследовали. Такие же подходы должны быть и для различных общественных слоёв, с одной стороны, сторонников реставрации монархии, прежних институтов и об-

ственных отношений, а с другой — тех, кто, в общем и целом, вполне позитивно воспринимал завоевания Февральской революции и выражал готовность к сотрудничеству с Временным правительством. Они настаивали лишь на том, чтобы новая власть проводила твёрдую и внятную политику, направленную на доведение войны до победного конца и укрепление международного положения новой России.

Левое крыло либеральных партий и весь социалистический спектр являлись последовательными сторонниками упрочения и дальнейшего развития демократических завоеваний революции. Более того, меньшевики и эсеры вплоть до осени 1917 г. осуществляли полный контроль над Советами и делегировали своих представителей в коалиционные составы Временного правительства. Выступая категорически против установления диктатуры и справа, и слева, лидеры социалистических партий, в том числе и в Государственном и Демократическом совещаниях, настаивали на созыве Учредительного собрания. Вместе с тем ход революционного процесса в России в постфевральский период убедительно показал неустойчивость и социальную хрупкость социалистических партий, вынужденных в силу собственных мировоззренческих убеждений, идеологических и программных установок занять позицию некой «третьей силы». Лидеры меньшевиков и эсеров стремились, с одной стороны, поставить заслон любым реставрационным попыткам справа, а с другой — попыткам большевиков совершить исторически неоправданный

«скачок в социализм». Чередующиеся политические кризисы (апрельский, июньский, июльский, сентябрьский) настолько «разогрели» общественную «температуру» в стране, что привели к полной утрате меньшевиками и эсерами контроля над политической ситуацией, чем и воспользовались их политические конкуренты в лице большевиков, левых меньшевиков-интернационалистов, левых эсеров — интернационалистов и анархистов. Если при этом учесть нараставшее давление со стороны многочисленных национальных партий, настаивавших либо на отделении, либо на национальной и культурной автономии, то политическая ситуация в России к осени 1917 г. стала критической, требующей оперативного решения. Именно ею и воспользовались большевики, сумевшие мобилизовать свои ряды для свершения Октябрьского переворота.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что без учёта всей совокупности объективных и субъективных факторов, традиций и новаций пореформенного периода довольно трудно дать реалистическую оценку любого из эпизодов постфевральского революционного процесса, любого института и структуры этого сложнейшего периода. Мне кажется, что А.Б. Николаеву в значительной степени удалось избежать многих подводных камней и дать сравнительно объективную оценку роли и исторического значения Государственного совещания 1917 г. Вместе с тем его монография свидетельствует о ещё многих нереализованных возможностях, которые предстоит преодолеть следующему поколению историков.

Kirill Solovyov

(HSE University, Moscow, Russia;

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The political theater of August 1917: stage and backstage

DOI: 10.31857/S2949124X24030207, EDN: GBUKXP

«Красивый пышный зал московского Большого театра. Всюду золото и пурпур. Для совещания первостепенной важности даже слишком много театральной пышности. Декорации, окаймлявшие огромную сцену, переполненную делегатами, вызывали смутные, раздражающие воспоминания о когда-то виденных операх, о мишурных злодеях и о героях, о театральных действиях. А между тем в этой зале час за часом разыгрывалось действие государственное, живая трагедия огромной страны, мятущейся среди бедствий и испытаний», — писала журналистка и член ЦК Партии Народной свободы А.В. Тыркова о Государственном совещании¹. За 1917 г. прошло много форумов, однако Государственное совещание стало особенным. Его участники подводили итог предыдущему бурному полугодию. Наконец, они собрались в ожидании пока неведомых событий, о которых можно было только догадываться.

За 1917 г. сменилось несколько непродолжительных, но значимых эпох. Для каждой из них характерны свои герои, свой горизонт ожиданий. В последние дни февраля — начале марта 1917 г. могло показаться, что политическая система Российской империи имела шанс на относительно плавную трансформацию. Состав элиты, правила игры были заметно скорректированы, и всё же в новом уга-

дывалось что-то старое. Февраль стал временем пускай мнимого, но триумфа российской общественности, которая складывалась десятилетиями до этих роковых событий. Правда, управлять политическими процессами у неё не получалось. Улица стремительно ворвалась в политическую жизнь. Об этом много писал А.Б. Николаев, размышляя о природе «думской революции» и роли Временного комитета Государственной думы в конце февраля — начале марта 1917 г.²

И всё же вплоть до апреля 1917 г. политический режим в России пытался сохранять хотя бы условную преемственность в отношении предыдущих порядков. Это прямо декларировалось Временным правительством, которое было сформировано при активном участии Прогрессивного блока, сложившегося ещё в дореволюционной, цензовой Думе³. Весьма характерна особая роль Юридического совещания при Временном правительстве. В данном случае законодательные полномочия передавались не избранным делегатам регионов или корпораций, а экспертам, знатокам права. Они, не обладая даже тенью легитимности, представляли не народную волю, а науку, знание⁴. Это вполне соответствовало взглядам думских лидеров, имевших за спиной высшее образование (преимущественно юридическое) и, нередко, годы государственной

* Николаев А.Б. Государственное совещание 1917 года: созыв, состав, деятельность. СПб.: Астерион, 2022. 480 с.

службы, но явно диссонировало с на строениями улицы. По это причине «общественный» этап революции оказал ся столь скоротечен.

Апрельский кризис потребовал «пересборки» власти, а следовательно, и новой формулы её легитимности. Представители цензовой публики попытались заключить договор с «демократией», представленной исключительно социалистическими партиями. В последующие месяцы политически активная часть общества искала более или менее устраивающий всех баланс сил, но не находила его. В итоге за непродолжительной передышкой следовал новый кризис.

Неустойчивая и, главное, неуверенная в себе власть всё же рассчитывала найти точку опоры. Ради этого созывались разнообразные коллегиальные учреждения, которым предстояло поделиться своей легитимностью с Временным правительством. Все эти эксперименты были обречены на провал, что в значительной мере объясняется несоответствием господствовавшей риторики «архитектуре» власти, сформировавшейся после Февральской революции. «Улица» требовала демократии, под которой обычно подразумевалось бесспорное лидерство леворадикальных партий и широчайшая социальная повестка. Министры в большинстве случаев с этим не соглашались, невольно признавая сомнительность собственных прерогатив. Конечно, это их не устраивало, и они делали очередную напрасную попытку. Изобретаемые ими коллегиальные учреждения представляли более или менее широкий спектр партийных объединений. Казалось бы, собранные вместе, их представители имели право говорить от имени всего российского общества.

При этом, конечно же, за скобками оставался вопрос, в какой пропорции должны были присутствовать те

или иные политические силы. Во Временном правительстве рассчитывали на консенсус, к которому могли прийти политические партии. Министры следовали логике, характерной для ранней весны 1917 г. Тогда население приравнивалось к общественности, а общественность — к партиям. Спустя пару месяцев эти тождества уже вызывали сомнения.

Так или иначе, правительство остро нуждалось в «костылях» — различных формах представительства. Как бы их ни оценивали, структура и состав этих коллегий весьма показательны. Министры Временного правительства стремились действовать рационально и логично, разумеется, отталкиваясь от собственных представлений о рациональности и логичности. Они принимали решения в собственной системе координат, которая соответствовала горизонту их ожиданий.

Один из таких представительных форумов, призванных способствовать умиротворению России, — Государственное совещание. Ему и посвящена новейшая монография А.Б. Николаева. Это представительство по-своему уникально. В чём-то оно могло напоминать Земский собор в версии славянофилов. В нём должны были быть представлены интересы, а значит — корпорации, за спинами которых правительство пыталось спрятаться от чрезмерного влияния политических партий. Как показывает исследование Николаева, эта надежда оказалась тщетной.

Любая книга — это не просто совокупность научных наблюдений и архивных цитат. Прежде всего, это особый стиль, свойственный лишь конкретному автору. Николаев с присущей ему скрупулёзностью изучил считанные дни в одном столичном городе — будь это февраль—март или август 1917 г., Петроград или Москва. Масштабное полотно пестрит дета-

лями, именами, событиями. Это «тотальное описание» явления. Конечно, было непросто собрать «мозаику» воедино, потребовалась кропотливая работа в ГА РФ, РГИА, ЦГА Москвы. Разумеется, автор привлёк опубликованные материалы делопроизводства, периодику, публицистику.

Характер источниковой базы всегда влияет на исследователя. И в данном случае Николаев вполне обоснованно принял риторические конструкции, характерные для периодических изданий того времени. Как известно, в Государственном совещании нашлось место и «цензовой публике», и «демократии». Сама по себе подобная стратификация в высшей степени характерна для 1917 г. Ведь тогда речь шла не о социальной, а, прежде всего, политической дифференциации, более того, партийной. От имени «цензовиков» преимущественно говорили кадеты. «Демократию» представляли разнообразные социалистические партии. Это лучшее доказательство того, что в российской политике 1917 г. партии играли роль «несущей конструкции». Кроме того, такая дихотомия — убедительное свидетельство глубокого мировоззренческого кризиса, который переживала «мыслящая Россия» того времени.

Категориальный аппарат со всей очевидностью говорил читателю периодических изданий, за кем будущее. «Цензовики» по определению представляли старую Россию. «Демократия» — это перспектива на многие годы вперёд. Пока «буржуазные» партии считались неизбежными (но, конечно, временными) старшими партнёрами в коалиции, они ещё имели шанс на политическое бытие. Их существование становилось бессмысленным в тот момент, когда силы «демократии» переставали в них нуждаться.

Однако проблема заключалась в том, что изменения в обществен-

ных настроениях и институциональная перестройка политической сферы не были синхронизированы. Общественная жизнь в значительной мере выстраивалась вокруг институтов, сложившихся ещё до 1917 г. В них первую скрипку играли представители «цензовой общественности» — и до, и после Февральской революции. Их слово оказывалось решающим в большинстве издательств, в общественных организациях, в органах местного самоуправления. Вытеснение «цензовиков» из политики обозначало обрушение основ общественной жизни. В августе 1917 г. об этом речи не шло. В Государственном совещании цензовый элемент был представлен неплохо. Более того, этот форум лишь подтвердил, что в сложившейся системе координат с «буржуазной демократией» невозможно не считаться⁵. Это «цвет интеллигенции, цвет образования», соглашался один из лидеров меньшевиков И.Г. Церетели⁶. Следовало сбросить на пол привычную для всех «шахматную доску», чтобы с неё слетели уже все фигуры.

Как раз по этой причине конструкция Государственного совещания не кажется случайной. Николаеву предстояло выбрать угол зрения, который позволил бы рассмотреть этот форум не сам по себе, а как составную часть складывавшейся (но на тот момент ещё не сложившейся) политической системы постреволюционной России. В 1917 г. порой ставился вопрос о возрождении Государственной думы⁷. Однако даже во Временном правительстве первого состава не многие принимали идею цензового представительства. Министры не верили, что пережитки старого режима могут хоть как-то пригодиться.

В итоге попытались создать учреждение принципиально иного свойства: Государственное совещание должно было представлять не партии,

не регионы, а общественность, а значит — общественные организации. Временное правительство стремилось сформировать новую коалицию, когда массовые настроения заметно радикализировались. Проблема в том, что общественность беспартийной только называлась, в то время как за общественными институтами часто стояли партии «цензовой демократии», прежде всего кадеты. При всём желании преодолеть «партийное средостение» оказалось невозможно. Это — как раз то открытие, которое сделало Временное правительство в Москве в дни Государственного совещания.

Партии в нём солировали. Однако могли ли они предложить свою повестку, свой сценарий событий? По словам философа, публициста и деятельного участника событий 1917 г. Ф.А. Степуна, в Большом театре «все были как в лихорадке, все чего-то боялись, на что-то надеялись, во всяком случае чего-то ждали. Характерной чертой этого ожидания было то, что собравшиеся чего-то ждали не от себя, не от своего почина, а от каких-то тайных, закулисных сил. Такое настроение было тем более непонятно, что все ответственные политические деятели и стоявшие за ними группы прибыли на Московское государственное совещание с целью сговора, т.е. с целью всемерной поддержки Временного правительства»⁸. Степун подметил парадоксальное положение того времени: участники диалога подчёркивали свою готовность к компромиссу, занимали преимущественно примирительную позицию. Однако никто из них в возможность конструктивного сотрудничества «демократии» и «цензовых элементов» всерьёз не верил: «Может быть, только один Керенский верил ещё в то, что канат, по которому он, балансируя, скользит над бездной, есть тот путь, по которому пойдёт революция»⁹.

В дневниковой записи от 12 августа 1917 г. Тыркова сформулировала очевидную проблему, прочувствованную ею в день открытия Московского совещания: «Всё яснее, что дело в физической силе»¹⁰. Оставалось неясным, откуда её ждать. Ораторы, выступавшие со сцены Большого театра, позволяли себе весьма резкие суждения. Бывший председатель II Думы Ф.А. Головин вспоминал выступления П.А. Столыпина, за которым чувствовалась сила¹¹. Этого нельзя было сказать о Керенском, который явно проигрывал в сравнении с царским премьером. А.И. Гучков прямо диагностировал проблему текущего момента: «Эта власть больна тем, что её нет. Эта власть — тень власти, подчас являющаяся со всеми подлинными и помпезными атрибутами власти, с её жестикующей и её терминологией, с её интонациями, в которых слышатся подчас оттенки, от которых мы как будто стали отвыкать, и тем трагичнее этот контраст между жизненной необходимостью создания подлинной, твёрдой, истинно государственной власти и между судорожными поисками и страстной тоской по этой власти»¹². Это были яркие, запомнившиеся высказывания, в которых подчёркивалась слабость Временного правительства, но не сила его оппонентов.

Вскоре после окончания Государственного совещания журналист и литератор П.Я. Рысс написал: «Московское совещание сказало все свои слова. Их было много, очень много. Были слова ударные, тяжёлые. И были слова бесцветные и испаряющиеся из памяти. И после всех этих слов осталось впечатление, что совещание в Москве не было *совещанием*. Там не совещались, не делились мнениями, чтобы выработать единое. Нет, там шла тяжба, где обе стороны были прокурорами, и ни одна не хотела быть

подсудимым. Иначе и быть не могло: политики — сегодня лишь прокуроры. Суд над ними творит история, превращая их в подсудимых»¹³. В таких обстоятельствах Временному правительству оказалось непросто придумать себе опору. Ему, как и всем прочим, оставалось лишь ждать ветра истории.

Примечания

¹ *Тыркова А.В.* Перед лицом страны // Революция 1917 года глазами современников. В 3 т. Т. 2. М., 2017. С. 252.

² *Николаев А.Б.* Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года: в 2 т. СПб., 2017.

³ Весьма характерно, что, согласно постановлению Временного правительства от 9 мая 1917 г., «дела, направлявшиеся в порядке статей 86 и 87 Основных государственных законов... разрешаются властью Временного пра-

вительства» (Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 2. Ч. 1. Пг., 1918. С. 19). Тем самым подчёркивалось, что Основные государственные законы в редакции от 23 апреля 1906 г. продолжали действовать.

⁴ Российская революция 1917 года: власть, общество, культура / Отв. ред. Ю.А. Петров. В 2 т. Т. 1. М., 2017. С. 467–468, 502.

⁵ *Рысс П.Я.* Покаяние // Революция 1917 года глазами современников. Т. 2. С. 266.

⁶ Государственное совещание / Под. ред. М.Н. Покровского. М.; Л., 1930. С. 127.

⁷ Там же. С. 103–104.

⁸ *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. СПб., 1995. С. 422.

⁹ Там же. С. 423.

¹⁰ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / Сост. Н.И. Канищева. М., 2012. С. 203.

¹¹ Государственное совещание. С. 54.

¹² Там же. С. 101.

¹³ *Рысс П.Я.* Указ. соч. С. 264.

Александр Пученков

Большая политика в Большом театре*

Aleksandr Puchenkov

(Saint Petersburg State University, Russia)

Big politics at the Bolshoi Theatre

DOI: 10.31857/S2949124X24030216, EDN: GBRH GK

Петербургский историк Андрей Борисович Николаев уже многие годы работает над проблематикой изучения революционной России в 1917 г. Результатом его увлечённой работы стал известный двухтомник, посвящённый событиям Февральской революции¹ и получивший положительные рецензии нескольких специалистов². «Думская революция» — крупнейшее обобщающее исследование, во многом опорная работа для нынешнего и последующих поколений истори-

ков. Этот двухтомник завершил серию книг Николаева о деятельности Думы в дни, предшествующие падению императорской власти³. Каждая из них становилась событием в историографии, вызывая одобрительные отклики как в России, так и за рубежом⁴. Отличительной чертой «Думской революции» является поистине непревзойдённое по тщательности описание Февральской революции — по дням, часам, а в отдельных случаях и минутам. Историк выстроил композицию

* *Николаев А.Б.* Государственное совещание 1917 года: созыв, состав, деятельность. СПб.: Астерион, 2022. 480 с.

Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 24-18-00294 ««Русский мир» и «русская земля»: исторические и социально-политические аспекты проблемы национальной идентичности в публицистическом дискурсе середины XIX — начала XX в.».

своей книги именно в хронологическом порядке. Подобный исследовательский приём был использован им и в рецензируемой монографии.

Новая книга Николаева рассказывает о работе Государственного совещания в Москве в августе 1917 г. Вплоть до настоящего момента Государственное совещание не становилось предметом отдельного исследования, несмотря на то что стенографический отчёт этого крупнейшего во всех отношениях политического форума был опубликован ещё в 1930 г.⁵, а его изучение началось в 1920-х гг.⁶ Так получилось, что Государственное совещание историками воспринималось как событие не столь значимое, вероятно, по той причине, что спустя всего десять дней после завершения его работы случилось выступление генерала Л.Г. Корнилова, значение которого для итогов 1917 г. действительно невозможно переоценить.

В мемуаристике и публицистике также сложилась своя традиция освещения Государственного совещания. Участник и один из инициаторов этого исторического события В.В. Шульгин, запомнившийся в те дни своим резонансным выступлением по украинскому вопросу, отмечал, что совещание проходило «в апогее керенской распушенности» и «больше напоминало оперу, чем последнюю попытку сговора людей, которым иначе предстояло вступить в смертельную схватку»⁷. При этом, прибавлял Шульгин, «опера быстро кончилась, и началась трагедия. В этой трагедии действующими лицами были те, у которых за актёрством таилось “настоящее”». Те, которые могли не только “выступать”, но и поступать. Те, кто могли не только говорить речи, но и принимать решения. К их числу, конечно, не принадлежал Керенский»⁸. В.И. Ленин же ограничился тем, что назвал Государственное совещание

«Московским контрреволюционным империалистским совещанием»⁹.

Основы научного анализа работы Государственного совещания в Москве заложены П.Н. Милюковым в замечательной книге «История второй русской революции», над которой он начал работать ещё в конце 1917 г. Принявший участие в совещании, Павел Николаевич вспоминал, что положение Временного правительства к середине августа 1917 г. было неустойчивым, популярность Керенского снижалась, а политика кабинета скомпрометирована. «Посреди этих страхов и конфликтных настроений стояло испуганное правительство и его глава А.Ф. Керенский, истинный устроитель Московского совещания, приехавший, как шутили журналисты, “короноваться” в Москве. В этой неслучайной шутке над случайным обитателем Зимнего Дворца, поселившимся там больше из предосторожности, чем из честолюбия, была меткая характеристика сложившегося положения. Правительство хотело быть сильным; его глава хотел таким казаться... По внешности правительство, однако, продолжало проявлять желание стать на государственную точку зрения. Для этого оно и приехало искать себе опоры и сочувствия в Государственном совещании в Москве. На это *намерение* ответили аплодисменты правой стороны и центра зала при появлении Керенского, при полном молчании левой, которая зато одна хлопала при появлении Чернова. Но уже вступительная речь Керенского показала, что первоначальная политическая задача совещания сведётся фактически на нет и что результат его для правительства будет отрицательный. Многие провинциалы видели в этой зале А.Ф. Керенского впервые и ушли отчасти разочарованные, отчасти возмущённые. Перед ними стоял молодой человек с измученным, блед-

ным лицом, в заученной позе актёра. Выражением глаз, которое он фиксировал на воображаемом противнике, напряжённой игрой рук, интонациями голоса, который то и дело, целыми периодами повышался до крика и падал до трагического шепота, размеренностью фраз и рассчитанными паузами, этот человек как будто хотел кого-то утешить и на всех произвести впечатление силы и власти в старом стиле. В действительности он возбуждал только жалость», — вспоминал Милюков¹⁰.

Такая оценка Керенского как главного несостоявшегося триумфатора Государственного совещания близка и автору этих строк. На мой взгляд, оно ни к какой консолидации политических сил не привело, став персональным политическим триумфом, пускай и мимолётным, абсолютно другого человека — генерала Корнилова, громадный авторитет которого среди сторонников «твёрдой руки» и носителей государственных взглядов не мог не испугать Керенского.

Для советской историографии было характерно представление о Государственном совещании как о собрании «контрреволюционного сброда», созданного Временным правительством для создания видимости «всенародного» одобрения его политики¹¹. В свою очередь, современный российский историк И.А. Тропов предположил, что Государственное совещание, инициированное Временным правительством для укрепления и расширения его социальной поддержки, «если и решило стоявшие перед ним задачи, то весьма условно». По его итогам можно было говорить о символической победе кабинета Керенского, который сумел «формально получить поддержку большинства его участников», хотя характер этой поддержки свидетельствовал о шатком положении коалиции¹².

В интересной статье Б.И. Колодниченко и К.В. Годунова содержится утверждение, что Государственное совещание было создано «для преодоления опасного раскола и нейтрализации радикальных элементов слева и справа». Однако добиться достижения поставленной задачи Временное правительство и Керенский не смогли: «совещание выявило крайнюю поляризацию общества, более того, оно стало фактором дальнейшего нарастания конфронтации»¹³. Эта оценка в какой-то степени повторяет суждение убеждённого сторонника Корнилова генерала А.И. Деникина, по словам которого совещание «не внесло никаких перемен в государственную и военную политику». Напротив, оно «даже внешним образом резко подчеркнуло непримиримую рознь между революционной демократией и либеральной буржуазией, между командованием и армейским представительством»¹⁴.

Рецензируемая монография могла быть опубликована ещё несколько десятилетий назад. По признанию автора, в её основу положена кандидатская диссертация, защищённая под руководством выдающегося советского историка О.Н. Знаменского в далёком 1990 г.¹⁵ Думается, что Николаев скромничает: базовый текст, подготовленный в конце 1989 г., был им глубоко переосмыслен и переработан с учётом достижений историографии последних десятилетий. Перед нами — целостная история Государственного совещания. Впервые показана история возникновения идеи, излагаются и анализируются различные проекты созыва, детально рассмотрена политическая борьба вокруг совещания, ход его работы. Книга дополнена подробнейшим рассказом о том, чем являлось Московское совещание для его главных видимых бенефициаров — Керенского и Корнилова.

Работа основана на богатом корпусе источников. В их числе неопубликованные архивные материалы, сборники документов, мемуары. Подлинным украшением книги, основой её документальной базы стали материалы 350 подшивок центральных и региональных газет, выходивших в России в 1917 г. Газета, являющаяся своеобразной фотографией момента, содержит огромный пласт актуальной информации, не отражающейся ни в каком другом источнике; как правило, этот материал *pretendует* на объективность — в противном случае газета не найдёт своего читателя. Использование газеты как уникального исторического источника в таком объёме — характерный исследовательский приём Николаева, уже прошедший апробацию при подготовке «Думской революции», и, на мой взгляд, полностью себя оправдавший. Зачастую только на страницах газет можно найти сведения о том или ином событии, увидеть отклик на него авторитетного свидетеля, не оставившего воспоминаний, но рассказавшего о нём в интервью газете. Нередко лишь с помощью газет можно восстановить какие-то факты, увидеть эмоциональную картину, сопровождавшую то или иное явление, услышать живой голос эпохи. Активное использование газетных материалов, несомненно, украсило эту книгу, придало дополнительную достоверность наблюдениям автора.

Важным вкладом в историографию проблемы стал список лиц, принявших участие в работе Государственного совещания. Указаны организации, которые они представляли. В работе основательно исследована предыстория Государственного совещания, проект создания которого — как совещательного органа при Временном правительстве — ещё в апреле 1917 г. предложил Шульгин (с. 33). Эта инициатива не получила

поддержки, поскольку не имела влиятельных сторонников ни в обществе, ни во власти. Впоследствии, с созданием коалиционного правительства, идея суррогата парламента, составленного из общественных деятелей разной политической направленности, казалось, была отставлена за ненадобностью.

Созыв совещания, как убедительно показал Николаев, инициировало Временное правительство, посчитавшее необходимым успокоить народ. В конце июля 1917 г. правительство «решило воспользоваться идеей Московского совещания, чтобы перед лицом разных общественных и политических деятелей подробно обрисовать внутреннее состояние страны и объяснить необходимость отсрочки Учредительного собрания» (с. 117). Так созрела идея правительства созвать в Москве совещание, ставшее, по выражению исследователя, «продуктом политических кризисов». Ключевую роль в его работе должны были сыграть различного рода организации, ходатайства которых перед представителями Временного правительства и московскими городскими властями довели число участников совещания с изначально планируемых 700 до 2 тыс. человек (с. 117—119).

Автор правомерно определяет в качестве цели Государственного совещания получение одобрения правительственной программы и укрепление личной власти Керенского. По мнению Николаева, конфликт между Керенским и Корниловым возник сразу после утверждения последнего на должность Верховного главнокомандующего в середине июля 1917 г. Ставший в глазах миллионов олицетворением Февраля и харизматичным «вождём демократии»¹⁶, Керенский усмотрел в чрезвычайно резкой, ультимативной манере Корнилова подрыв авторитета не только кабинета, но

и его лично, и посчитал необходимым «поставить Корнилова на место и подчинить его своему влиянию» (с. 121).

Исследователь подробно рассматривает столкновения между Керенским и Корниловым накануне Государственного совещания, упоминая, в частности, упорные слухи об отставке Верховного и об активизации его сторонников. На встрече с Керенским в Петрограде 10 августа 1917 г. Лавр Георгиевич посчитал необходимым припугнуть премьера, сказав ему, что не верит слухам о своей отставке, а если они и оправданы, то не советует приводить это намерение в исполнение (с. 131–132, 141).

Керенский пришёл к выводу, что идти на обострение конфликта перед совещанием в Москве не следует. Корнилов был ему необходим на совещании именно в качестве Верховного главнокомандующего, «с таким выступлением, которое Керенского бы устраивало. То есть показало бы “живым силам”, собравшимся на Государственное совещание, что политика Временного правительства и лично его, Керенского, единственно правильная, что сплочение сил должно происходить только вокруг коалиционного Временного правительства и главы его, олицетворяющего эту коалицию» (с. 146).

Подготовка к созыву Государственного совещания, как показывает автор, проходила непросто. Срыв его работы был возможен вплоть до самого последнего момента — как по вине Корнилова, требовавшего от Временного правительства покорного исполнения его известных требований, так и от кадетов и сил, стоявших правее. Ключевую роль в том, что совещание всё-таки приступило к работе, сыграл Керенский, рядом искусных манёвров сумевший создать впечатление своей готовности пойти на уступки едва ли не всем заинтересованным политиче-

ским группам. Состав совещания был сформирован таким образом, чтобы обеспечить в нём преобладание буржуазных групп. Борьба вокруг будущего совещания приводила к дополнительной поляризации политических сил, являясь неумолимой приметой тяжелейшего положения, в котором находилась российская государственность (с. 210–211).

Чрезвычайно подробно в книге освещены все дни работы Государственного совещания. Членам Временного правительства отвели помещения в Кремлёвском дворце, а Большой театр, вокруг которого собралась огромная толпа народа, охранялся тройным кордоном солдат и юнкеров. Любопытен ещё один приводимый автором штрих, примета революционного времени: сцена и вся зала Большого театра были декорированы красной материей (с. 231, 233). В первый день совещания Керенский произнёс претенциозную речь, содержащую предупреждения и угрозы в адрес прямо им не называемых противников курса Временного правительства. 13 августа запомнилось небывало торжественной встречей Корнилова на Александровском вокзале в Москве. Его приветствовали как будущего всероссийского диктатора и спасителя Отечества (с. 305–308)¹⁷.

Прибытие Корнилова из Ставки на Государственное совещание лишь усугубило его противоречия с Керенским, хотя участие главковерха и оговаривалось заранее. Как отмечает автор, Корнилов отказался выполнить условие Временного правительства и посвятить своё выступление лишь состоянию армии и стратегическому положению. По мнению Николаева, небывало резкий тон Корнилова по отношению к Керенскому свидетельствует о том, что вечером 13 августа главковерх сводил с премьером свои личные счёты. В свою очередь, Алек-

сандр Фёдорович опасался со стороны Корнилова антиправительственного выступления, в ожидании которого правительство привело войска в полную боевую готовность (с. 309–311).

Выступление Корнилова 14 августа 1917 г. — несомненно, кульминационный момент Государственного совещания. Лавр Георгиевич был посредственным оратором, однако за ним стояла военная сила и репутация решительного человека, что обусловило впечатление от его речи как «громадное и крайне подавляющее»¹⁸. При этом Керенский, сумевший справиться в момент произнесения речи Корнилова с волнением зала, вроде бы остался доволен выступлением генерала (с. 316).

Работа совещания завершилась памятной речью Керенского в ночь с 15 на 16 августа. Автор отмечает, что Александр Фёдорович находился на пределе человеческих сил. Вероятно, именно поэтому выступление премьера запомнилось современникам как сумбурное и бессодержательное, свидетельствующее о его бессилии и своего рода политической импотенции (с. 365–366).

Пожалуй, можно согласиться с тезисом Николаева, что итоги Государственного совещания были крайне противоречивы для всех политических сил, а в «лучшем положении оказались те из них, кто сумел мобилизовать своих сторонников для отстаивания своих интересов уже после Государственного совещания» (с. 380). Временное правительство тоже не могло быть в полной мере довольно итогами совещания, поскольку, хотя ему и удалось сохранить коалицию, но говорить о её укреплении не приходилось. Напротив, совещание «объективно способствовало укреплению революционных настроений в стране» (с. 385).

Книга А.Б. Николаева стала заметной вехой в историографии

1917 года. Это поистине непревзойдённое в фактографическом отношении описание событий, связанных с работой Государственного совещания. Вместе с тем вызывает недоумение то, что автор не сформулировал ответ на важнейший вопрос, казалось бы, логически вытекающий из драматургии изложенных событий: почему спустя всего десять дней после завершения работы Государственного совещания в Москве генерал Корнилов выступил против Временного правительства? Может быть, ход заседаний и, главное, итоги Государственного совещания, показавшего очевидную слабость Временного правительства, как раз подстегнули это выступление? Или (не)удачный исход работы крупнейшего политического форума в Москве и попытка установления военной диктатуры не были связаны друг с другом? К каким выводам относительно перспектив своего ближайшего политического будущего пришёл Керенский, увидев все зримые признаки триумфа Корнилова в дни августовского совещания? Не возникло ли у него пресловутого «головокружения от успехов»?

По мнению автора книги, «добиваться установления диктаторской власти, устранив со своего пути Керенского» Корнилова подтолкнула помпезная встреча в Москве. «В этом направлении им были предприняты определённые шаги» (с. 371). Но какие именно? Наконец, существовали ли между Керенским и Корниловым неформальные политические договорённости, обусловившие памятное выдвижение войск на Петроград по приказу Верховного на середине второй декады августа 1917 г.? И если эти договорённости существовали, то кто — Керенский или Корнилов — нарушил их в те судьбоносные для России дни? Правомерно ли в этой связи напрашивающееся и чрезвычайно популярное

в публицистике сравнение выступления Корнилова с акцией ГКЧП, а Керенского — с М.С. Горбачёвым? Несомненно, что А.Б. Николаев ответит на все эти вопросы в своих следующих работах.

Примечания

¹ Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года. В 2 т. СПб., 2017.

² Егоров А.Н. Рец. на: Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года. В 2 т. СПб., 2017 // *Historia Provinciae* — журнал региональной истории. Т. 2. 2018. № 2. С. 140–147; Руднева С.Е. Роль IV Государственной думы в Февральской революции в России в 1917 году // *Вестник развития науки и образования*. 2018. № 10. С. 18–22; Соловьёв К.А. Рец. на: Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года. В 2 т. СПб., 2017 // *Российская история*. 2018. № 6. С. 195–197; Пученков А.С., Смирнов Н.Н. Думская революция? // *Российская история*. 2018. № 6. С. 197–199.

³ Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2005.

⁴ Мальшова С. Рец. на: Николаев А.Б. Государственная Дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002 // *Ab imperio*. 2004. № 4. С. 730–735; Кондаков Ю.Е. Военные аспекты Февральской революции: по страницам монографии А.Б. Николаева «Революция и власть» // *Клио*. 2008. № 1(40). С. 156–159; Романов К.С. Рецензия на монографию А.Б. Николаева о IV Государственной думе // *Новый часовой*. 2010. № 19–20. С. 352–357; Hasegawa T. Review of A.B. Nikolaev, *Revolutsiia i vlast'*: How Has Nikolaev Changed the Interpretation of the February Revolution? // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2013. Vol. 6. P. 1–16; Давыдов А.Ю. Два взгляда на революционное

прошлое России: А.Б. Николаев и Ц. Хасегава о смысле февральско-мартовского перелома 1917 г. // *Исторические науки и археология*. 2016. № 4(52). С. 193–200.

⁵ Государственное совещание / Под ред. М.Н. Покровского. М.; Л., 1930.

⁶ Игнатов Е. Государственное совещание в Москве в 1917 году // *Пролетарская революция*. 1927. № 8–9(67–68). С. 73–129.

⁷ Шульгин В.В. Три столицы. М., 1991. С. 214.

⁸ Там же. С. 214.

⁹ Ленин В.И. Слухи о заговоре // *ПСС*. Т. 34. М., 1969. С. 74.

¹⁰ Милоков П.Н. История второй русской революции. М., 2001. С. 302.

¹¹ Капустин М.И. Заговор генералов (Из истории корниловщины и её разгрома). М., 1968. С. 169–170.

¹² Тропов И.А. Временное правительство: между реформами и революцией (1917 г.). М., 2021. С. 91.

¹³ Колоницкий Б.И., Годунов К.В. «Корниловщина» как «Гражданская война»: использование понятия в условиях политического кризиса // *Вестник Пермского университета. История*. 2021. № 3(54). С. 79.

¹⁴ Деникин А.И. Очерки русской смуты: в 3 т. Т. 1. Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917). М., 2003. С. 541.

¹⁵ Николаев А.Б. Борьба сил революции и контрреволюции в связи с созывом Государственного совещания (апрель–август 1917 г.). Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990.

¹⁶ Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март–июнь 1917 года). М., 2017. С. 489. См. рецензию на эту книгу: Ляндрес С.М., Николаев А.Б. О культе Александра Керенского и историографической традиции // *Вестник СПбГУ. Сер. История*. Т. 65. 2020. Вып. 2. С. 668–678.

¹⁷ Подробнее см.: Пученков А.С. Первый год Добровольческой армии: от возникновения «Алексеевской организации» до образования Вооружённых Сил на Юге России (ноябрь 1917 — декабрь 1918 года). СПб., 2021. С. 168–169.

¹⁸ Милоков П.Н. Указ. соч. С. 311.

Алексей Тепляков

**Эксцессивная повседневность спецпоселений ГУЛАГа 1933 г.:
сибирское измерение***

Alexey Teplyakov

*(Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk)*

**The excessive everyday life of the GULAG special settlements in 1933:
the Siberian dimension**

DOI: 10.31857/S2949124X24030221, EDN: GBMIYE

В исследованиях раннесоветской эпохи, особенно периода сталинизма, один из самых важных вопросов — о природе установившегося политического строя и характере его взаимодействий с обществом. Историки сходятся в понимании режима как персоналистского и идеократического, действовавшего при помощи мобилизационных и охранительных (репрессивных) приёмов и подходов. Данная трёхкомпонентность (идеократия, мобилизация и охранительность) предполагает общность характеристик: если исходить из известной оценки сталинского режима как избыточно репрессивного (О.В. Хлевнюк), то следует заключить, что последний также являлся избыточен в идеократичности и мобилизационности.

Какое место занимал феномен репрессивной избыточности в раннесоветскую эпоху? По завершении Гражданской войны выход государственного насилия за установленные в законодательстве пределы камуфлировался такими эвфемизмами, как «эксцессы», «перегибы», «ненормальности» и т.д. На деле имело место перерождение формально подавленного в начале 1920-х гг. красного бандитизма. Поначалу это явление представля-

ло собой сознательный политический разбой со стороны партийно-советских и чекистско-милицейских органов на местах, прикрытый «классовой» риторикой. На рубеже 1920–1930-х гг. он превратился в полноценный инструмент проведения политического курса — руководство страны всячески использовало произвол низовых властей, наказывая последних только в случае эксцессов.

На деле избыточная репрессивность являлась нормой большевистской диктатуры: постоянные «перегибы», несмотря на их очевидные издержки, выступали рутинным сопровождением важнейших управленческих действий. Соответственно сложилась и неформальная иерархия эксцессов. Центральная власть в нэповский и последующий периоды считала бесчисленные «рядовые» криминальные действия на местах (незаконные аресты, высылки, конфискации в отношении крестьян-недоимщиков, нэпманов, священников и всевозможных «бывших») необходимыми, призванными вытеснить ненужные социализму слои на обочину жизни. Замкнутая иерархическая система, основанная на директивах центра, порождала и развивала

* Спец(труд)поселения Западной Сибири в 1933 году: повседневность комендатур, Назинская трагедия. Сборник документов / Сост. С.А. Красильников, О.В. Филиппенко. Новосибирск: Манускрипт, 2022. 470 с.

Материал подготовлен в рамках госзадания «Социум и власть в России в XX — начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024–0008).

произвол исполнителей. В этой связи самые лояльные из них оказывались и самыми жестокими — не жалели тех, кого объявили врагами, и совершали вопиющие должностные и уголовные преступления, которые наверху признавались вредными и опасными. Поэтому за «перегибами» следовало ритуально-демонстративное наказание некоторых активистов.

Один из таких эксцессов обстоятельно освещён в новейшем документальном сборнике «Спец(труд)поселения Западной Сибири в 1933 году: повседневность комендатур, Назинская трагедия». Его составителями выступили профессор С.А. Красильников — ведущий специалист по проблемам «репрессивного раскрестьянивания» и борьбы с маргинальными слоями, и молодая исследовательница О.В. Филиппенко — автор ряда содержательных публикаций по истории депортаций сталинской эпохи.

Сборник содержит более 80 документов, насыщенных ценной информацией о намерениях и результатах ссыльнопоселенческой политики. Они выявлены в фондах Государственного архива Новосибирской области (ГА НО), а также в Архиве Президента РФ и в Центральном архиве ФСБ России, относятся к разным уровням власти и, разумеется, весьма тенденциозны. Однако их содержание рисует яркую картину штрафной колонизации Нарымского севера в начале 1930-х гг., ставшей результатом усилий по «очистке» городов центральной части страны и приграничной территории от «деклассированных элементов». В сборнике два тематических раздела: «1933 год: повседневная жизнь на спецпоселении», касающийся первых двух волн крестьянской ссылки (1930–1931 гг.), и «Высылка “нового контингента”. Назинская трагедия», посвящённый депортации маргиналов. Документы дают возмож-

ность заглянуть в повседневность двух миров спецпоселения — крестьянского и городского «деклассированного». В первом выживание в экстремальных условиях достигалось в немалой степени за счёт традиционной самоорганизации (семейной, родственной, соседской) и сохранения трудовых навыков и опыта; второй же оказался поражён индивидуальной и групповой (в случае рецидива) социально-трудовой деградацией, а выживание неизбежно принимало криминальные формы.

Издание можно отнести к разряду аналитического документоведения. Отмечу написанное Красильниковым развёрнутое предисловие, в котором отражены ключевые моменты рассматриваемой депортации, оказавшейся — как по замыслу, так и по исполнению — самой провальной из массовых операций такого рода за все 1930-е гг. Источники сопровождаются профессионально выполненными археографическими комментариями, куда входят расширенная легенда, передающая не только резолюции и пометы, но и факты выявления других экземпляров документа, а также более ранних публикаций того или иного из них. В целом доля аналитики составила шестую часть объёма издания. В этой связи необходимо указать, что рассматриваемый сборник — логическое продолжение подготовленного Красильниковым небольшого издания о «Назинской трагедии»¹. По объёму он увеличился в два с половиной раза, существенно расширив представление об одном из драматических событий (впрочем, далеко не единственном) в сибирских комендатурах.

Под Назинской трагедией понимаются события лета 1933 г., произошедшие близ деревни Назино Александровского района Западно-Сибирского края (ныне — северный район Томской обл.), где приток речки

Назиной впадает в Обь. Сюда, на небольшой по размерам остров, вскоре после весеннего ледохода выгрузили пассажиров, прибывших из Томска, — 6 тыс. «деклассированных элементов», высланных из Москвы и Ленинграда. Наряду с городским «дном» и рецидивистами в их числе оказалась и часть схваченных в милицейских облавах рядовых жителей (служащие, рабочие, даже коммунисты). За две недели погибли около 1,5 тыс. человек. Высокая смертность среди «островитян» сохранялась и в спецпосёлках, спешно созданных на берегах Назиной и соседней речки Паня, куда их перевели.

Итогом драматических событий служит статистика, представленная краевой комиссией, подробно расследовавшей случившееся, в сентябре 1933 г. Всего в Александро-Ваховскую комендатуру, на территорию которой завоз высланных продолжался и после Назино, поступили около 10 тыс. человек. 2 тыс. закоренелых рецидивистов отправились в СибЛАГ, а в местах расселения осталось всего 2 тыс. человек, среди которых только 10–15% были пригодны для выполнения физических работ, остальные оказались больными или слабосильными. «Разрыв» в 6 тыс. комендатура оценила как умерших и числившихся в бегах, причём последних считали наверняка погибшими в непроходимой тайге и болотах (с. 29).

Назинские события оказались столь резонансными, поскольку информация о громадной смертности, отягчавшейся случаями каннибализма, поступала из нескольких конкурировавших партийных и лагерных каналов — с мест в Новосибирск, краевые органы, а оттуда в Москву. Кроме того, криминализировалась ситуация в самой комендатуре: уже в спецпосёлках бежавшие рецидивисты сбивались в банды и грабили местное население, которому прихо-

дилось защищаться, в том числе путём расправ над нападавшими.

Такие обескураживающие результаты побуждают обратиться к самой карательной операции 1933 г., оценить её цели и итоги. Официально она мотивировалась последствиями коллективизации, вызвавшей бегство нескольких миллионов крестьян в города, пригороды, на новые стройки и т.д. Страну охватили массовые эпидемии в сочетании с голодом, унёсшим жизни не менее 7 млн человек, повысилась и преступность. Традиционные меры (аресты и проч.) задачу изоляции маргинальных элементов решить не могли, тюрьмы быстро оказались переполнены. Стремясь пресечь угрозу социального взрыва, ОГПУ предложило осуществить «зачистку» центральных и приграничных областей страны, выслав в отдалённые регионы в течение весны—лета 1933 г. ориентировочно 2 млн человек (по 1 млн в Западную Сибирь и Северный Казахстан). Это поразительно, ведь депортация крестьянства, в том числе расселение и хозяйственное устройство высланных, охватившая около 2 млн человек, длилась уже три года и ещё не была завершена.

План операции, направленный руководством страны 13 февраля 1933 г., занял более 10 страниц и содержал подробное перечисление технологии «зачистки» и требуемых на её проведение ресурсов. Примечательно, что председатель СНК СССР В.М. Молотов отреагировал на запрошенную сумму (1 млрд 394 млн руб.) резолюцией «Расходы грубо преувеличены», тогда как резолюция генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина касалась лишь новой линии в операции («Нужно связать это дело с разгрузкой тюрем»). Соответственно, Сталин добавил в план высылки и уголовников (с. 173).

В итоге в силу многих причин ни плановые масштабы высылки, ни

её ресурсное сопровождение не выдержали испытания реальностью. Всего в течение весны—осени 1933 г. в спецпосёлки (трудовые поселения) удалось депортировать лишь 270 тыс. человек, из них около 132 тыс. — в Западную Сибирь, а на проведение операции ведомство получило сумму примерно в 10 раз меньше запрошенной. Сами масштабы высылки и её организационные аспекты десятикратно(!) рассматривались Политбюро ЦК ВКП(б) и корректировались его постановлениями. Столь резкого несоответствия между директивным планом и его реализацией не знала ни одна из крупных депортаций сталинского периода.

Итоговые цифры, отправленные сибирскими чекистами в Москву по завершении операции в ноябре 1933 г., свидетельствовали: из ввезённых 132 тыс. выбыли 45 тыс., в том числе поступили в лагеря 13 тыс., сбежали и умерли 22 тыс., по разным основаниям освободились 4,5 тыс., часть осталась на фильтрации в пересыльных комендатурах. Наиболее трудоспособных (более 70 тыс., в основном крестьян с семьями) распределили по комендатурам региона. Весной 1934 г. руководитель ОГПУ Г.Г. Ягода признал, что «освоение одиночек из числа городского деклассированного элемента не даёт должных результатов» (с. 30).

Происходило это во многом потому, что надзорный состав комендатур ОГПУ—НКВД (поселковые коменданты и стрелки) нередко комплектовался из уволенных из милиции и пенитенциарной системы за всевозможные злоупотребления и девиантное поведение. Когда в течение 1930—1931 гг. в северных районах Нарымского края расселили около 215 тыс. ссыльных крестьян, в связи с чем потребовалось сформировать штаты 12 районных комендатур численностью около 1 тыс.

работников, то в течение года (лето 1931 — лето 1932 г.) в ходе проверки и «чистки» состава пришлось уволить за различные должностные нарушения и преступления 650 сотрудников, или две трети штатной численности, причём каждого десятого осудили по уголовным статьям². Девиантности продолжались и в 1933 г., когда только с апреля по август по комендатурам СибЛАГа за злоупотребления должностным положением привлекли к уголовной ответственности 112 работников — каждого шестого (с. 403).

В Назинской трагедии эксцессивность приняла обоюдный характер. На территории комендатуры фактически шло противостояние двух миров — уголовного и охранительного. Сотрудники ОГПУ выявили 11 случаев людоедства и тех, кто совершил эти преступления. Краевое полпредство ОГПУ летом получило полномочия решением «тройки» применять к наиболее отъявленным уголовникам любые меры вплоть до расстрела. С мая по октябрь 1933 г. за уголовные преступления осудили 84 депортированных, из них к высшей мере наказания приговорили 34 человек.

Естественно, что в сложившейся обстановке вседозволенность и ощущение безнаказанности в отношении высланных превратились у комендантов и стрелков в обычай. Комиссия установила факты нарушений со стороны 26 работников комендатуры: избиения вплоть до убийств, расхищение продовольственных и других ресурсов (одежда, обувь и т.д.), мародёрство, скупка за бесценок вещей у высланных. В этом ряду оказались и сотрудники аппарата СибЛАГа, назначенные на роль «стрелочников» при расследовании трагедии. Всё это стирало грань между охранниками и уголовниками.

Ключевая причина произошедшего — не в «перегибах исполни-

телей», а в самой природе режима, для которого цель («строительство светлого будущего», нового общества) оправдывала любые средства её достижения. При этом предполагалось, «очищая» страну от «бывших», «контрреволюционеров», «кулаков», «социально опасных и вредных элементов», не «ликвидировать» их сразу, а по возможности эксплуатировать их труд в лагерях, колониях, спецпоселениях, не считаясь с ценой ошибочных и даже преступных решений на всех уровнях руководства.

Остров Назино, ставший огромным тайным кладбищем, в начале XXI в. могучая Обь размыла до основания. Остров-погост исчез бесследно, но память о Назинской трагедии остаётся темой, занимающей и исследователей (причём не только отечественных), и публику. Рецензируемый документальный сборник вносит основательный вклад в осмысление этой тягостной страницы отечественной истории. Следует добавить, что его неплохо бы дополнили документы из личного партийного дела одного из виновников трагедии чекиста М.З. Белокобыльского, хранящиеся в ГА НО. А поскольку сходные эксцессы наблюдались тогда и в других регионах³, то работы у историков советской пенитенциарной системы ещё много.

Жизнь и зачастую мучительная смерть отправленных выживать в На-

рым узников и поныне известна очень фрагментарно. Поэтому впереди составление книг памяти с биографическими данными на такого рода ссыльных, а также документальные издания об их существовании в сибирской изоляции. Дополняют картину жизнеописания антигероев штрафной колонизации — деятелей комендатурной системы, тысячи представителей которой много лет занимались охраной и «чекистским обслуживанием» ссыльных. Предлагаемый сборник — существенный вклад в историю такого феномена, как нарымская ссылка второй четверти XX в.

Примечания

¹ 1933 год. Назинская трагедия. Документальное научное издание. Томск, 2002. Следует указать, что документы данного сборника послужили основой вышедшей через несколько лет книги известного французского историка Н. Верта (*Werth N. L'île aux cannibales. 1933, une deportation-abandon en Sibirie. Perrin, 2006*).

² Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 — начало 1933 гг. Новосибирск, 1993. С. 241—242.

³ Так, начальник Котласского оперсектора полпредства ОГПУ по Северной обл. И.А. Ардачев в марте—мае 1933 г. допустил массовую гибель ссыльнопоселенцев при этапировании по территории Дальневосточного края. Коллегия ОГПУ осудила его на три года концлагеря, однако уже в 1934 г. он типичным для подобных деятелей порядком был амнистирован за «хорошую работу» (РГАНИ, ф. 6, оп. 1, д. 228, л. 115).

Наши авторы

Алмазов Михаил Григорьевич, кандидат исторических наук, ассистент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Андреев Дмитрий Александрович, доктор исторических наук, профессор, заместитель декана по научной работе исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Верняев Игорь Иванович, кандидат исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета

Гайда Фёдор Александрович, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Гордеев Пётр Николаевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Дёмин Вадим Александрович, доктор исторических наук, профессор Московского городского педагогического университета

Кан Григорий Семёнович, кандидат исторических наук, ведущий специалист Государственного архива Российской Федерации

Керов Валерий Всеволодович, доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Котов Александр Эдуардович, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Крестьянников Евгений Адольфович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Кром Михаил Маркович, доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге

Мамонов Андрей Валентинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН

Минаков Андрей Сергеевич, доктор исторических наук, директор Дирекции изучения истории МПГУ, профессор Московского педагогического государственного университета, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

Николаев Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории XIX–XXI вв. Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

Новосельский Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Репников Александр Витальевич, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела

Соколов Арсений Владимирович, доктор исторических наук, заведующий Отделом обеспечения выставочной деятельности Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)

Соловьёв Кирилл Андреевич, доктор исторических наук, профессор факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Тепляков Алексей Георгиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Сибирского отделения РАН (Новосибирск)

Шелохаев Валентин Валентинович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН

Шепталин Алексей Александрович, кандидат исторических наук, доцент Удмуртского государственного университета (Ижевск)

СОДЕРЖАНИЕ

История власти

М.М. Кром

Земские соборы на фоне представительных учреждений средневековой и раннеמודерной Европы: опыт сравнительной типологии	3
--	---

Профессия и сообщество

И.И. Верняев

Концепция правового дуализма и её преодоление в современных исследованиях Российской империи	22
---	----

Диалог о книге

В.А. Маклаков. Власть и общественность на закате старой России: воспоминания современника	43
<i>А.С. Минаков: Власть и общество позднеимперской России в оценках В.А. Маклакова</i>	<i>44</i>
<i>Д.А. Андреев: Новое издание воспоминаний В.А. Маклакова и ревизия историографических концепций</i>	<i>50</i>
<i>Ф.А. Гайда: Когда кадетский компас сломался</i>	<i>54</i>
<i>М.Г. Алмазов: Либералы и «историческая власть» на заре великих потрясений</i>	<i>57</i>
<i>А.В. Мамонов: Самодержавие и Великие реформы в мемуарах В.А. Маклакова</i>	<i>68</i>

Идеи и образы

С.С. Новосельский

Правительственная власть и идея народного представительства в 1905 г.	82
---	----

В.В. Керов

«Непреложный наш символ “Царь и свобода”»: старообрядцы в Первой российской революции	94
--	----

Институты и общности

Е.А. Крестьянников

Камеры и участки мировых судей в дореволюционной Сибири	115
---	-----

П.Н. Гордеев

Народный комиссариат имуществ Республики	126
--	-----

А.А. Шепталин

Немцы-спецпоселенцы в Удмуртской АССР в 1945–1955 гг.	152
---	-----

Рецензии

<i>А.Э. Котов</i> — Живая память южнорусского славянофильства	163
<i>Г.С. Кан</i> — Романтик революции	167
<i>А.Б. Николаев</i> — Первая научная биография «вождя чёрной реакции» Н.Е. Маркова	174
<i>В.А. Дёмин</i> — Судьба «зубра»	184
<i>А.В. Репников</i> — Н.Е. Марков и его борьба	188

<i>А.В. Соколов</i> — Массон Восточного Востока народов России П.М. Макаров	191
<i>В.В. Шелухаев</i> — Государственное совещание в перекрестии противостояния	196
<i>К.А. Соловьёв</i> — Политический театр августа 1917 г.: сцена и кулисы	202
<i>А.С. Пученков</i> — Большая политика в Большом театре	206
<i>А.Г. Тепляков</i> — Эксцессивная повседневность спецпоселений ГУЛАГа 1933 г.: сибирское измерение	213
Наши авторы	218

CONTENTS

History of power

M.M. Krom (European University at Saint Petersburg, Russia)

- Zemsky sobors against the background of representative institutions of Medieval and Early Modern Europe: an essay in comparative typology 3

Profession and community

I.I. Vernyaev (Saint Petersburg State University, Russia)

- The concept of legal dualism and its overcoming in contemporary studies of the Russian Empire. 22

Discussing recent books

- V.A. Maklakov. *Vlast' i obshchestvennost' na zakate Staroi Rossii: vospominaniya*** 43
- A.S. Minakov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): State power and society of Late Imperial Russia in the assessments of V.A. Maklakov* 44
- D.A. Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia): A new edition of V.A. Maklakov's memoirs and revision of historiographical concepts* 50
- F.A. Gayda (Lomonosov Moscow State University, Russia): When the cadet compass broke* 54
- M.G. Almazov (Lomonosov Moscow State University, Russia): Liberals and the «historical state power» at the dawn of the great upheavals* 57
- A.V. Mamonov (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow): Autocracy and Great Reforms in the memoirs of V.A. Maklakov* 68

Ideas and images

S.S. Novoselskiy (Russian State University for the Humanities, Moscow)

- Government authority and the idea of public representation in 1905 82

V.V. Kerov (Russian Presidential Academy of National Economic and Public Administration, Moscow)

- «Our immutable symbol “Tsar and freedom”»: Old Believers in the First Russian Revolution 94

Institutions and communities

E.A. Krestiannikov (HSE University, Moscow, Russia)

- Offices and subdistricts of magistrates in pre-revolutionary Siberia 115

P.N. Gordeev (Herzen University, Saint Petersburg, Russia)

- People's Commissariat of property of the Republic. 126

A.A. Sheptalin (Udmurt State University, Izhevsk, Russia)

- German special settlers in the Udmurt Autonomous Soviet Socialist Republic in 1945–1955 152

Reviews

<i>A.E. Kotov (Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
The living memory of South Russian Slavophilism	163
<i>G.S. Kan (State Archive of the Russian Federation, Moscow)</i>	
The romantic of the revolution	167
<i>A.B. Nikolaev (Herzen University, Saint Petersburg, Russia)</i>	
The first scientific biography of «the leader of the black reaction» N.E. Markov	174
<i>V.A. Demin (Moscow City University, Russia)</i>	
The fate of the «bison»	184
<i>A.V. Repnikov (All-Russian Scientific and Research Institute for Record and Archives Management, Moscow)</i>	
N.E. Markov and his struggle	188
<i>A.V. Sokolov (The State Hermitage museum, Saint Petersburg, Russia)</i>	
The Mason of the Great East of the peoples of Russia P.M. Makarov	191
<i>V.V. Shelokhaev (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
Moscow State Conference in the crosshairs of confrontation	196
<i>K.A. Solovyov (HSE University, Moscow, Russia; Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)</i>	
The political theater of August 1917: stage and backstage	202
<i>A.S. Puchenkov (Saint Petersburg State University, Russia)</i>	
Big politics at the Bolshoi Theatre	206
<i>A.G. Teplyakov (Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk)</i>	
The excessive everyday life of the GULAG special settlements in 1933: the Siberian dimension	213
Contributors to this issue	218

РЕДАКЦИЯ

Круглов В.Н., к.и.н.	— Отдел Новейшей истории
Богомолов И.К., к.и.н.	
Мамонов А.В., к.и.н.	— Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В., д.и.н.	— Отдел Древней и Средневековой истории
Мамонова Е.В.	— Заведующая редакцией
Шамина И.Н., к.и.н.	— Литературный редактор